

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, МГУ)
Балина М., д-р, проф. (США, ун-т Иллинойс Везлиан)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт русской литературы РАН)
Краузе М., д-р, проф. (Германия, ун-т Гамбурга, Институт славистики)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт лингвистических исследований РАН)
Овчинникова И. Г., д. филол. н., проф. (Израиль, ун-т Хайфы; Россия, Первый МГМУ им. И. М. Сеченова)
Полякова Е. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, ТюменГУ)
Фэвр-Дюпэгр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

Новокрещенных И. А. (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Русинова И. И. (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Шутёмова Н. В. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Абашев В. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Абашева М. П., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Алексеева Л. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Арустамова А. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Баженова Е. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Боронникова Н. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бочкарёва Н. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Братухин А. Ю., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бурдина С. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Данилевская Н. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Дускаева Л. Р., д. филол. н., доц. (Россия, СПбГУ)
Ерофеева Е. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кондаков Б. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кочкарева И. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Кушнина Л. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Мишланов В. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Нестерова Н. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Подкоков И. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Проскурнин Б. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Серова Т. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Фоминых Т. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <http://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта Е. В. Исаева.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям 10.01.00 – литературоведение, 10.02.00 – языковедение от 01.12.2015 г.

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Marina Balina (USA, Illinois Wesleyan University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Marion Krause (Germany, University of Hamburg, Institute for Slavic Studies)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Irina Ovchinnikova (Israel, University of Haifa; Russia, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University)
Elena Polyakova (Russia, Perm State University)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Perm Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennykh</i> – <i>Editor-in-Chief</i> (Perm State University)	<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)
<i>Irina Rusinova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Valeriy Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podyukov</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Nina Bochkareva</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Tatyana Fominykh</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru

Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>. Site administrator A. V. Pustovalov, content editor of the English version of the site E. V. Isaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Александрова Т. Л. К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ПОЭТИЧЕСКОГО СТИЛЯ ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА НА ПОЭТОВ V в. (Нонн, Евдокия)	5
Боронникова Н. В., Талески А., Белоусов К. И., Рябинин К. В. ВИЗУАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЭГОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПОЛЯ ГОВОРЯЩЕГО В МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ (экспериментальное исследование)	13
Гайдамашко Р. В. ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ЛЕКСИКОЙ В «ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ УЧЕБНИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ЧЕРДЫНСКИХ ПЕРМЯКОВ» 1906 г.	28
Коган Е. С. О СТАТУСЕ НЕКОТОРЫХ УСТОЙЧИВЫХ ЕДИНИЦ В РЕЧИ СОЦИАЛЬНОЙ МИКРОГРУППЫ	42
Макарова А. А. «ПУТЕВЫЕ» ОСНОВЫ В СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ БЕЛОЗЕРЬЯ: АРЕАЛЬНЫЕ И ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ	52
Мишланов В. А. О СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В РАЗВИТИИ РЕЧЕВЕДЕНИЯ (к юбилею профессора В. А. Салимовского)	65
Морозова А. А. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДОБРО» В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКЕ	72
Пантелеева Л. М. О ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРАНИЦАХ СЛОВАРЯ МЕДЕПЛАВИЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XVIII – XIX ВЕКОВ	80
Челоне Ч. ВИДЫ ГЛАГОЛОВ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	89
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	98
Акимова Т. И. «ГАЛАНТНЫЙ ДИАЛОГ» И «УЧЕНАЯ БЕСЕДА» С ДЕТСКИМ СОЗНАНИЕМ: ЕКАТЕРИНА II И А. Т. БОЛОТОВ	98
Григоровская А. В. ОБРАЗЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РОМАНАХ Т. ДРАЙЗЕРА «ТРИЛОГИЯ ЖЕЛАНИЯ» И АЙН РЭНД «АТЛАНТ РАСПРАВИЛ ПЛЕЧИ»	108
Королева С. Б., У Байчжэнь. СУДЬБА КОНЦЕПТА В ЛИТЕРАТУРЕ: ПУШКИНСКИЙ «ПРОРОК» В ДИАЛОГЕ С РУССКОЙ КУЛЬТУРОЙ	117
Лю Янькунь. КРАТКАЯ ЖИЗНЬ, ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ: ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА В КИТАЕ	131
Мирвода Т. А. ПАРОДИИ НА КРИПИПАСТУ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СТРАШНОГО СЕТЕВОГО ФОЛЬКЛОРА	138
Проскурнин Б. М. «АДАМ БИД» ДЖ. ЭЛИОТ И «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» И. С. ТУРГЕНЕВА: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЭТОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРЕКЛИЧКИ	149
Туманова О. С. ЭТАПЫ И ВАРИАНТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОБРАЗА СКАЛЬДА В РУССКОЙ ЛИРИКЕ	162
Турьшева О. Н. МЕТАСЮЖЕТНЫЕ МИНИАТЮРЫ Ф. КАФКИ	171

CONTENTS

LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY	5
Aleksandrova T. L. ON THE INFLUENCE OF GREGORY THE THEOLOGIAN'S POETIC STYLE ON POETS OF THE 5 TH CENTURY (Nonnus, Eudocia)	5
Boronnikova N. V., Taleski A., Belousov K. I., Ryabinin K. V. VISUAL REPRESENTATION OF THE EGOCENTRIC FIELD OF THE SPEAKER IN THE MACEDONIAN LANGUAGE (Experimental Study)	13
Gaidamashko R. V. SOME OBSERVATIONS ON THE KOMI-PERMYAK LEXIS IN THE "ELEMENTARY TEXTBOOK OF THE RUSSIAN LANGUAGE FOR CHERDYN PERMYAKS" (1906)	28
Kogan E. S. ON THE STATUS OF SOME STABLE UNITS IN THE DISCOURSE OF A SMALL SOCIAL GROUP	42
Makarova A. A. "ROUTE" STEMS IN THE SUBSTRATE TOPONYMY OF BELOZERYE: AREAL AND ETHNO-LINGUISTIC RELATIONS	52
Mishlanov V. A. ON MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF SPEECH STUDIES (for the Anniversary of Professor V. A. Salimovsky)	65
Morozova A. A. REPRESENTATION OF THE CONCEPT "GOOD" IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN PRESS	72
Panteleeva L. M. ON THE LEXICO-THEMATIC BOUNDARIES OF THE DICTIONARY OF COPPER-SMELTING TERMINOLOGY OF THE PERM PROVINCE (Late 18 th – early 19 th Century)	80
Celone C. IMPERATIVE VERB ASPECTS: A PRAGMATIC APPROACH	89
LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT	98
Akimova T. I. "GALLANT DIALOGUE" AND "SCIENTIFIC CONVERSATION" WITH CHILDREN'S MIND: CATHERINE II AND A. T. BOLOTOV	98
Grigorovskaya A. V. THE IMAGES OF ENTERPRISERS IN T. DREISER'S NOVEL "THE TRILOGY OF DESIRE" AND AYN RAND'S NOVEL "ATLAS SHRUGGED"	108
Koroleva S. B., Wu Baizhen. THE CONCEPT'S FATE IN LITERATURE: PUSHKIN'S "PROPHET" IN DIALOGUE WITH RUSSIAN CULTURE	117
Liu Yankun. Brief Life, Eternal Memory: Pushkin Studies in China	131
Mirvoda T. A. CREEPYPASTA PARODIES AS A COMPONENT OF SCARY INTERNET FOLKLORE	138
Proskurnin B. M. "ADAM BEDE" BY GEORGE ELIOT AND "NOTES OF A HUNTER" BY IVAN TURGENEV: IDEOLOGICAL AND ARTISTIC CONVERGENCES	149
Tumanova O. S. THE IMAGE OF SKALD IN RUSSIAN LYRIC: STAGES OF FORMATION AND VERSIONS	162
Turyshcheva O. N. FRANZ KAFKA'S METAPLOT MINIATURES	171

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 821.14.02

doi 10.17072/2037-6681-2018-3-5-12

**К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ПОЭТИЧЕСКОГО СТИЛЯ
ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА НА ПОЭТОВ V в.
(Нонн, Евдокия)****Татьяна Львовна Александрова****к. филол. н., доцент кафедры древних языков и древнехристианской письменности****Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет**127051, Россия, г. Москва, Лихов пер., 5, стр. 1. tatianaalexandrova@yandex.ru

SPIN-код: 5164-6932

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6963-2263>

ResearcherID: I-8679-2018

*Статья поступила в редакцию 08.05.2018***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:**

Александрова Т. Л. К вопросу о влиянии поэтического стиля Григория Богослова на поэтов V в. (Нонн, Евдокия) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 5–12. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-5-12

Please cite this article in English as:

*Aleksandrova T. L. K voprosu o vliyaniy poeticheskogo stilya Grigoriya Bogoslova na poetov V v. (Nonn, Evdokiya) [On the Influence of Gregory the Theologian's Poetic Style on Poets of the 5th century (Nonnus, Eudocia)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 5–12. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-5-12 (In Russ.)*

Цель данного исследования – проследить метод работы позднеантичных поэтов с текстами поэтов-предшественников, а также определить, какие тексты могли быть ими взяты за образец. Для этого применяется метод комплексного анализа с использованием поисковой системы корпуса TLG. Рассматриваются найденные автором примеры совпадения эпических формул, клише и малораспространенных лексем в поэзии Григория Богослова, Нонна и Евдокии. Эти примеры помогают понять метод работы позднеантичного поэта, пишущего на архаичном, искусственном, выученном языке. В основе поэтического творчества поздней античности лежит серьезная филологическая работа и внимательное изучение существующих поэтических произведений ради усвоения грамматических и метрических правил, а также формирования, пополнения собственного словаря. Притом что основу словарного запаса составляла лексика Гомера и других классических авторов, позднеантичные поэты с большим вниманием относились и к творчеству своих ближайших предшественников. Для поэтов V в. н. э. Григорий Богослов был уже новым классиком, не менее авторитетным, чем Гомер, и даже встречающиеся у него отступления от классической нормы несколько изменили само понятие нормы для христианской поэзии, в которой допускалась большая свобода по сравнению с античной классикой. Даже такой крупный поэт, как Нонн, не гнушается заимствованием у Григория отдельных формул в определенной метрической позиции, а также позволяет себе некоторые метрические вольности, которых мог бы избежать. Что касается Евдокии, то она порой составляет строки почти в центонной технике и еще более охотно использует чужие эпические формулы. В частности, некоторые употребленные поэтессой прозаизмы или диалектные формы оказываются заимствованиями из поэзии Григория Богослова, что позволяет снять с Евдокии высказывавшиеся в ее адрес упреки в недостаточном знании предшествующей традиции. Указанные особенности поэтического языка дают возможность говорить об общности творческого метода позднеантичных поэтов, несмотря на разницу дарований.

Ключевые слова: Григорий Назианзин; Нонн; Евдокия; Гомер; эпические формулы; позднеантичная поэзия; византийская литература.

В европейской культуре Нового времени позднеантичная поэзия воспринималась с большим трудом и скепсисом, поскольку многие ее принципы в корне расходились с новыми представлениями о сущности поэтического творчества, в котором более всего ценились оригинальность, личностность, спонтанность выражения. При взгляде с этих позиций позднеантичная поэзия казалась эпигонской и слабой. Лишь в последние десятилетия наметился перелом и стали делаться попытки понять мотивацию, устремления и эстетические критерии позднеантичных поэтов [Agosti 2012; Witby 2013]. Стало понятно, что их творчество было закономерным плодом перенасыщенной культуры, в которой практически все, что можно было сказать, уже сказано, и новым авторам оставались только изошренная ученость, переключка смыслов, игра аллюзий, а также освоение новой христианской тематики, однако эти смыслы и аллюзии сами по себе могут представлять большой интерес, а христианская тематика дала новый импульс поэтическому вдохновению. В связи с этим творческие достижения позднеантичных поэтов стали переоцениваться и оценка эта, как правило, смягчается.

В прошлом суровой критики не удалось избежать практически никому из поэтов, даже тем, кто считался значительным, – таковы св. Григорий Богослов и Нонн. Относительно Григория высказывались мнения, что сочинение посредственных стихов было для него своего рода успокоительным аутотренингом, поскольку он страдал депрессией [McGuckin 2006: 194–195; 204]. Нонна, за которым признавалось безупречное версификаторское мастерство, упрекали в вычурности и искусственности [История греческой литературы 1960: 384]. Что касается поэтов менее ярких, таких как императрица Евдокия, то им порой вообще отказывалось в праве называться поэтами. Евдокию упрекали не только в искусственности и вычурности, но и, что особенно оскорбительно для позднеантичного поэта, в невежестве и плохом знании традиции [Cameton 1982: 279; Van Deun 1993: 275].

Частные наблюдения, сделанные в процессе изучения языка поэмы «О св. Киприане», принадлежащей перу Евдокии, и отраженные в данной работе, как кажется, могут быть интересны для лучшего понимания общих принципов работы позднеантичного поэта.

Известно, что эта поэзия вырастала из школы, основной дисциплиной в которой была риторика [Agosti 2012: 373–375]. «Риторизация проявляется в тенденции, как теоретической, так и практической, в соответствии с которой проза окрашивается в поэтические тона и, наоборот, поэзия становится версифицированной

риторикой. Заслуживает внимания также влияние школы. По словам Кэмерона, в поэзию человека посвящали “не музы с горы Геликон, но *grammaticus* в школьном классе”. Здесь, конечно, не имеется в виду то, что многие из этих *grammatici* были поэтами поздней античности» [Moreschini 1995: 10].

Поэты писали не на том языке, на котором говорили и думали, а на том, который выучили в классе и которым владели с большей или меньшей свободой. Краеугольным камнем античной школы был Гомер. Занятия с грамматиком предполагали чтение с правильной просодией, объяснение литературных приемов, фразеологии; разбор этимологий; выработку правил и аналогий; изучение классической литературы, в ходе которого расширялось представление о языке и приемах поэтического творчества [Cribiore 2001: 185]. Самые успешные ученики по окончании курса обучения могли продолжать ученические экзерсисы уже в качестве самостоятельного творчества.

Лексический запас для собственного творчества поэт набирал, прежде всего, из поэм Гомера, из которых многое заучивалось наизусть. В дальнейшем этот вокабуляр пополнялся за счет позднейших авторов [Faulkner 2012; Maciver 2016], в первую очередь, эпиков, во вторую – трагиков, элегиков и лириков, затем комедиографов и даже прозаиков. Видимо, приветствовалось и собственное словотворчество, особенно создание сложных, витиеватых прилагательных, однако креативная способность авторов была различна. Порой из текста-ресурса заимствовались не просто лексические единицы, но целые стихотворные формулы и клише, иногда – моновербальные формулы (отдельные слова в определенной метрической позиции или грамматической форме [D’Ippolito 2016: 372]).

Именно такого рода литературными «упражнениями» занимался св. Григорий Богослов. Для последующей европейской христианской традиции его поэзия представляет собой явление, отчасти маргинальное, – во всяком случае, она не может сравниться по степени известности и влияния с его прозой. Однако важно понять, что для самого Григория такое поэтическое самовыражение представляло первостепенную важность. «Издавая корпус своих сочинений, Григорий... преследовал определенную цель: утвердить свое имя как первого великого христианского поэта; не просто версификатора, но поэта в полном значении этого слова в греческой культуре» [McGuckin 2006: 194; Agosti 2012: 366]. И похоже, что это ему удалось: именно как великого поэта, открывшего новые пути для христианской поэзии, воспринимали его ближайшие потомки.

В настоящее время считается, что на Григория в определенной мере ориентировался Нонн, особенно при создании «Парафраза Евангелия от Иоанна» (см. параллели в изд.: [Simelidis 2009]). «Похоже, что Нонна вдохновляло новаторское употребление Григорием слов и фраз, часто приспособленных для его христианского или автобиографического контекста» [Simelidis 2016: 299]. Многочисленны случаи использования редких слов, свидетельствующие о том, что Нонн знал Григория. Особенно показательны эпические формулы в той же метрической позиции.

Например:

Πατρός τ' ἀρχεγόνοιο πλάνην, καὶ μητρὸς ἀλιτρῆν (Greg. Naz. Carm. 1360, 10)

(«Древлерожденного отца заблуждение и матери прегрешение»)

и

Τηθύος ἀρχεγόνοιο συνέστιος· ἔνθεν ἰκάνω (Nonn. Dion. 8, 160)

(«С древлерожденной Тефией разделяющий очаг. Оттуда прихожу...»)

Слово **ἀρχεγόνοιος** («изначальный», «древлерожденный») редко встречается в поэзии, а именно в эпической форме Gen. sg., – только у Григория, Нонна и более поздних поэтов.

Τίς χάρις, ἦν σὺ πίθηκον ἔχης, βροτοειδέα λώβην (Greg. Naz. Carm. 1518, 10)

(«Что за радость, если будет у тебя обезьяна, человекообразное бесчестие...»)

и

εἰ δὲ πέλει θεὸς ἄλλος ἔχων βροτοειδέα μορφῆν (Nonn. Dion. 4, 90 et passim)

(«Если же есть другой бог, имеющий человекоподобный вид»)

Слово **βροτοειδής** («подобный смертному») помимо Григория и Нонна встречается только у поэта-астролога Манефона (Apotelesm. 6, 446), с творчеством которого знакомы оба, но у него употребляется в форме Dat. sg., так что Нонн, несколько раз употребивший форму Ass. sg., скорее ориентируется на Григория.

При этом Нонна в поэзии Григория, по видимому, не смущали неточности метрики и просодии, поначалу вызывавшие нарекания филологов-классиков. «Несовершенная метрика Григория Назианзина была сознательной и продуманной, – пишет Симелидис. – Возможно, именно она вдохновила Нонна на некоторые поэтические вольности. У Нонна в “Парафразе” есть некоторые неправильные долготы и зияния, которых он мог легко избежать. Как и Григорий, Нонн мог чувствовать, что метрическое совершенство не будет (или не должно быть) созвучно христианскому поэту и его аудитории» [Simelidis 2016: 306]. Григорий Богослов, с одной стороны, раздвинул рамки доз-

воленного, по-своему «канонизировав» метрическое несовершенство, с другой – своими неологизмами существенно обогатил лексико-грамматический ресурс, из которого позднейшие поэты пополняли свой запас с той же скрупулезностью и тщательностью, с какой они имитировали язык Гомера.

Несомненно, с творчеством Григория была знакома и современница Нонна, Евдокия. Сличение лексики ее поэмы «О святом Киприане» с лексикой Григория (при помощи поисковой системы TLG) позволяет сделать как некоторые выводы о влиянии на поэтессу прославленного каппадокийца, так и наблюдения за работой среднего позднеантичного поэта, собиравшего мозаику собственного сочинения из готового запаса словоформ, эпических формул и клише. В качестве маркеров влияния, как и в примерах с Григорием и Нонном, выбраны устойчивые клише и малочастотные лексемы, однако само влияние, несомненно, шире.

В первой же строке ее поэмы обращают на себя внимание формулы, заимствованные у Григория Богослова и Гомера:

Εὔτε Θεὸς γαίῃ φάος ἤγαγεν οὐρανῶθι πρό (Cyrp. 1)¹

(«Когда Бог привел на землю свет с неба»).

Ср.:

Εὔτε Θεὸς θνητός τε κραθεῖς, ἐπὶ γαίαν ὀδεύσας (Greg. Naz. Carm. 519, 5)

(«Когда Бог, соединенный со смертным, при-
дя на землю...»)

и

ἦῦτε περ κλαγγὴ γεράνων πέλει οὐρανῶθι πρό (Hom. II. 3, 3)

(«Когда крик журавлей доносится с неба»)

(См. тж.: [Александрова 2018: 316]).

Представляется, что посредством таких аллюзий Евдокия недвусмысленно указывает на авторов, служащих для нее образцом.

Текстуальных совпадений с Григорием Богословом у нее можно найти довольно много, хотя чаще всего оказывается, что оба поэта заимствуют из общего ресурса. Прежде всего, это, конечно, Гомер.

Например:

Ἐκ χθονὸς, ὑμνητῆρα ἐμῶν μενέων τε, νόου τε. (Greg. Naz. Carm. 452, 4)

(«...С земли, воспевающего мои силы и разум»)

и

ὄρκον;“ ὁ δ' αὖτ' ἀλάμειπτο· „ἐμῶν μενέων κατὰ πάντων (Eudoc. Cyrp. 1, 188)

(«...клятву. Он же ответил: «Всеми моими силами»)

– общим источником явно имеют гомеровское:

σχέτλιος, αἰὲν ἀλιτρός, ἐμῶν μενέων ἀλερωεύς (Hom. II. 8, 361)

(«Несчастный, всегда злобный, помеха моим силам»).

Видно, что эпическая формула находится в одной и той же метрической позиции. Такие гомеризмы есть у всех поэтов, хотя нельзя исключить и той возможности, что выражение было заимствовано не прямо у Гомера, а через поэта-посредника, особенно если формула перенесена в другую метрическую позицию.

Например, исходный гомеровский вариант таков:

δοῖαι γάρ τε πύλαι ἀμενηνῶν εἰσὶν ὀνειρώων (Hom. Od. 19, 562)

(«двое ворот – для бессильных снов»).

У Григория Богослова ἀμενηνῶν стоит в другой метрической позиции:

Εὐξατο τίς δ' ἐσάκουσε λιταζομένων ἀμενηνῶν (Greg. Naz. Carm. 407, 7)

(«Молился. Кто же услышал молящихся бессильных»).

И у Евдокии та же моновербальная формула стоит в той же позиции, что у Григория Богослова:

ρέξασκ' εὔτε κόνιν μορφὰς βρετέων ἀμενηνῶν (Eudoc. Cyp. 1, 244)

(«когда разбил в прах образы бессильных идолов»).

Впрочем, нельзя исключить возможности, что Евдокия самостоятельно перенесла моновербальную формулу в ту же позицию, что и Григорий Богослов.

Еще один пример общего заимствования гомеровской формулы, однако похоже, что Евдокия получает ее через посредство Григория.

У Гомера читаем:

δεινὸν δερκόμενοι θάμβος δ' ἔχεν εἰσπορόωντας... (II. 3, 342)

(«Грозно взирающие. И ужас объял смотрящих»).

У Григория:

Θάμβος ἔχεν μ' ὀρόωντα τόσον γόνον Ἐμμελίοιο... (AG 8, 162, 1)

(«Восхищение владело мной, когда я видел такое потомство Эммелии»).

И у Евдокии:

Θάμβος ἔχεν δέ με πάμπαν, ἐπεὶ μεσίτας ἐσώπλα... (Eudoc. Cyp. 2, 202)

(«Мной овладело восхищение, когда я увидел посредников»).

Есть у Григория и Евдокии общие заимствования из других поэтов, при этом опять-таки возможно, что Евдокия заимствует не из первоисточника, а через посредство Григория.

Например, слово ἀτασθαλίη, «несчастье», которое у Гомера всегда употребляется во множе-

ственном числе, в единственном может быть заимствовано из Гесиода:

φάσκε δὲ τιταίνοντα ἀτασθαλίη μέγα ρέξαι (Theog. 209)

(«Сказал, что они простерли [руку], чтобы сотворить великое нечестие»).

Однако в форме винительного падежа и в одной и той же метрической позиции оно используется у Григория и Евдокии:

Εἰ μή μοι στήσεται ἀτασθαλίην τε ρόον τε Greg. Naz. Carm. 1379, 13

(«Если ты мне не остановишь и несчастье, и поток»),

ἐν φρεσὶ δ' ἦσι νόησεν ἀτασθαλίην κακοεργοῦ, (Eudoc. Cyp. 1, 60)

(«В душе она думала о несчастье злодея»).

Некоторые формы Евдокия может заимствовать из Григория через посредство Нонна. Например, у обоих поэтов встречается редкое слово πολυπλανής («многоблуждающий») в форме Gen. Sg.

Само слово можно было заимствовать из разных источников: у Еврипида (Hel. 203), у Платона (Politic 288A), у Евсевия Кесарийского (Praepar. Ev. 4, 20, 2) и др. У Григория оно употребляется дважды: в Greg. Naz. Carm. 1385, 1:

Οὐδέ πη ἔκβασίς ἐστι πολυπλανέος βίότιο

(«Нигде нет исхода из полной блужданий жизни»)

– и в Greg. Naz. Carm. 1485, 1, где повторяется формула πολυπλανέος βίότιο.

Похожая формула есть у Нонна:

ἔργα πολυπλανέος βιοτῆς ἑτερόφρονι λύσση (Demonstr. 5, 115)

(«Дела полной блужданий жизни чуждым безумием...»).

У Евдокии словоформа πολυπλανέος встречается 3 раза:

ἀλλὰ πολυπλανέος τάδε δαίμονος, ἀντιθέων τε (Eudoc. Cyp. 2, 273)

(«но это – [создание] обманщика демона и богоборцев»)

и в той же метрической позиции в Eudoc. Cyp. 2, 383 и Eudoc. Cyp. 2, 418.

Здесь возможны варианты: Евдокия могла заимствовать у кого угодно, включая Нонна (и даже скорее всего именно у него [Александрова 2018a]). Нонн, видимо, заимствует у Григория Богослова, тот мог взять слово из любого предшествующего источника.

Некоторые слова, возможно, принадлежали общему арсеналу позднеантичной поэзии, из которой до нас дошло далеко не все. Например, редкое в принципе, но любимое Григорием слово ἀτρεκίη («истина») до него зафиксировано в Гиппократовском корпусе, а также у поэта-астролога примерно III в. н. э., Манефона (Apotelesm. 3, 29);

о влиянии Манефона на Григория Богослова см.: [Simelidis 2009, 47]. Кроме того, оно несколько раз попадает у Нонна и в эпиграммах Палатинской антологии. У Евдокии оно также встречается два раза (Eudoc. Cyp. 1, 210 и 2, 447). При этом для Евдокии, учитывая специфику ее поэмы, повествующей об обращении в христианство колдуна и языческого мудреца, интерес к Гиппократовскому корпусу и астрологической поэме Манефона был бы оправдан. Что же до св. Григория, то его знакомство с такого рода памятниками кажется несколько неожиданным (как, впрочем, и тот факт, что он часто цитирует Сапфо [McGuckin 2006: 193]). Однако можно предположить, что поэты с большим интересом воспринимали любые сочинения своих недавних предшественников, из которых могли что-то почерпнуть для себя.

Так, несомненно, большой популярностью пользовались поэмы двух поэтов, сохранившиеся под именем Оппиана, – «О псовой охоте» и «О рыбной ловле» (на самом деле их авторы – два разных поэта [Agosti 2012: 385]). Заимствования из Оппиана встречаются практически у всех позднейших авторов, в том числе у Григория, Нонна и Евдокии. Например:

καὶ ταναοὺς ὄρνιθας ἀπ' ἠέρος εἰρύσασθαι (Opp. Syneg. 1, 51)

(«И высоко летающих птиц спустить с воздуха»),

Ἀστεροτὴν φεύγουσαν ἀπ' ἠέρος. Ἀλλὰ τὸδ' ἔμπης (Greg. Naz. Carm. 536, 5)

(«Молнию, бегущую с воздуха. Но это все же...»),

οὐ δὲ λάθεν Διόνυσον ἀπ' ἠέρος ἰὸς ἀλήτης (Nonn. Dion. 29, 78)

(«Не скрылась от Диониса по воздуху блуждающая стрела»),

καὶ πινυτοὺς γὰρ ἔτευξεν, ἀπ' ἠέρος εἰρύσας ἄσθμα (Eudoc. Cyp. 2, 211)

(«и сделал мудрыми, дав дыханье от воздуха»).

У всех авторов сочетание ἀπ' ἠέρος стоит в одной и той же метрической позиции.

Удалось также найти несколько примеров, которые встречаются только у Григория и Евдокии. Представляется, что Евдокия сознательно ориентируется на поэзию св. Григория, считая его таким же классиком, как Гомер. Ориентацией на него, по-видимому, объясняются и некоторые просодические и лексические вольности ее поэмы, которые исследователи склонны были приписывать ее «невежеству».

Вероятно, у Григория Евдокия берет некоторые прозаизмы:

Νυμφῶνός τε γάμου τε, φίλων τ' ἀπὸ τῆλε πέσοιμι (Greg. Naz. Carm. 502, 6)

(«Вдали от брачного чертога, брака и друзей я, может быть, паду»),

ὄφρα σὺν ἡμετέρῳ μνηστῶ **νυμφῶνα** κατείδω (Eudoc. Cyp. 1, 129)

(«Пока не увижу брачный чертог с нашим Женихом»).

Слово **νυμφῶν** – «брачный чертог» – употребляется в прозе (ср.: Мф. 9, 15).

Преимущественно в прозе употребляется слово **σημήϊον** (ионийская форма слова σημεῖον, «знак»). В поэзии она встречается только у Трифиодора, Григория Нонна и Евдокии.

Εἴ τοι μὴδὲ πυρὸς σημήϊον, ἀλλὰ τάχιστα (Greg. Naz. Carm. 588, 5)

(«Если только не огненное знамение, но быстрее всего...»)

и
νίκησε κρατερῶς σημήϊον, ὅτι δέδωρκα (Eudoc. Cyp. 1, 137)

(«Мощно победило знамение, которое я видел»).

Трифиодора Евдокия, по-видимому, не знала (во всяком случае, пересечений с ним в ее поэме найти не удалось). Значит, она могла заимствовать слово у Григория или у Нонна, который, в свою очередь, заимствовал у Григория.

Еще один пример. Редкое слово **ἀμαρτάς** («грех») используется преимущественно в прозе (у Геродота, Дионисия Галикарнасского и других, хотя есть и во фрагментах Эсхила). Однако у Григория оно встречается 4 раза.

Λούσατο, ἀλλ' ἐκάθηρεν **ἀμαρτάδας**, ἀλλ' ἐβοήθη... (Greg. Naz. Carm. 407, 3 – также Greg. Naz. Carm. 455, 10; 996, 6; 1274, 4)

(«Омылся, очистился от грехов, возопил»).

У Евдокии оно употреблено в той же метрической позиции и с той же (буколической) цезурой: ἐξερέειν, κύδιστε, **ἀμαρτάδας**, ἅς περ ἔτευξα... (Eudoc. Cyp. 1, 113)

(«Исповедать, о славный, грехи, которые я совершила»).

Видимо, у Григория заимствовано сочетание Χριστὸς ἀναξ (Greg. Naz. Carm. 429, 6), хотя у Евдокии оно употреблено в другой форме:

ὡς Χριστὸν μούνον μνηστὸν θεμένη τὸν ἀνακτα (Eudoc. Cyp. 1, 2)

(«Одного Владыку Христа называя Женихом»).

Только у Григория и Евдокии встречаются такие формулы:

ᾠρας, ἀνθεα τερπνὰ, βροτῶν φύσιν, **ἠερίων τε** (Greg. Naz. Carm. 1526, 12)

(«Времена года, приятные цветы, природу смертных и небесных»)

и
οὐδέ τί με χθονίων πρῆξις λάθεν **ἠερίων τε** (Eudoc. Cyp. 2, 77)

(«Не было от меня скрыто ничто из деяний подземных или небесных»)

или:

Δὴ τότε παρθενίη στράψεν μερόπεσσι φαεινῇ (Greg. Naz. Carm. 538, 3)

(«Тогда-то воссияло смертным блистательное девство»)

и

ᾠφρα γε φαντασίην μόνην μερόπεσσι φαεινῇ (Eudoc. Cypr. 2, 257)

(«Пока не покажут смертным одно лишь видение»).

Только у Григория появляется слово *παρφασίη* – «напоминание», «указание», «увещание» (у других авторов встречается *παραιφασίη*, *παράφασις* и *πάρφασις*):

Δυσμενέος τε δόλος, *παρφασίη* τ' ἀλόχου (Greg. Naz. Carm. 894, 2).

(«Козни врага и увещание супруги»)

и

Ἀλλά σε *παρφασίησι* θεουδέσι πολλὸν ἀρείω (Greg. Naz. Carm. 1453, 3)

(«Но тебя божественными увещаниями намного лучше...»).

В поэме Евдокии оно встречается два раза:

...*παρφασίη* ἀτὰρ αὐτε κατηχήεις λόγος ἀνδρῶν (Eudoc. Cypr. 1, 277;

ср.: Eudoc. Cypr. 2, 369)

(«...увещание. А также огласительное слово к мужам»).

Интересно, что это слово есть даже в Гомеровском центоне, над составлением которого также работала Евдокия:

παρφασίη τ' ἔκλεψε νόον πύκα περ φρονεόντων (1НС. 37)

(«Увещанием он обманул ум и разумных»).

У Гомера (Hom. II. 14, 217) в этом месте стоит слово *πάρφασις*, которое Евдокия заменила в процессе грамматической аккомодации. Повторяется оно и в других редакциях центона.

Итак, рассмотренные примеры позволяют увидеть единство методов, которыми пользовались все позднеантичные поэты. Конечно, «высшим пилотажем» было свободное владение стихом и богатый лексический запас в сочетании с собственной способностью к словотворчеству – то, чем так изобильно творчество Нонна. Менее одаренные поэты чаще прибегали к заимствованиям (так, Евдокия пишет свои стихи порой почти в центонной технике). Однако примечательно, что Нонн, будучи виртуозным мастером слова, отнюдь не гнушался подобным способом пополнения своего поэтического арсенала и с пиеетом относился к творчеству Григория Богослова, несомненно, уступающего ему в таланте, что,

скорее всего, подтверждает его собственную принадлежность к христианской традиции (хотя он остается и «поэтом муз» [Shorrock: 2011, 78]). Что касается Евдокии, то с нее должны быть сняты упреки в «невежестве», поскольку многое из того, что считалось ее собственным изобретением, или заимствовано у предшественников-христиан, или же она осознанно следует тем принципам, которые были освящены авторитетом св. Григория Богослова.

Примечание

¹ Первые 99 строк поэмы найдены и изданы отдельно, см.: Bevegni C. Eudociae Augustae Martyrium S. Cypriani I 1–99 // Prometheus 1982. P. 249–262.

Список источников

AG – Anthologia Graeca – Anthologia Graeca / ed. H. Beckby. Vol. 1–4. Munich, 1965–1968.

Greg. Naz. Carm. – Gregorius Nazianzenus. Carmina – Gregorii Nazianzeni opera quae extant Omnia / J.-P. Migne // Patrologiae cursus completus (series Graeca). Vol. 37. Paris: Migne, 1862. – 1604 col.

Eudoc. Cypr. – Eudocia Augusta. De sancto Cypriano – Eudociae Augustae, Procli Lycii, Claudiani carminum graecorum reliquiae / ed. A. Ludwich. Leipzig, 1897. P. 11–79.

Hom. II. – Homerus. Ilias – Homeri Ilias / ed. T. W. Allen. Vols. 2–3. Oxford, 1931. Vol. 2. P. 1–356. Vol. 3. P. 1–370.

Hom. Od. – Homerus. Odyssea – Homeri Odyssea / ed. P. von der Mühlh. Basel, 1962. P. 1–456.

Man. Apotelesm. – Manetho. Apotelesmata – H. Köchly, *Poetae bucolici et didactici*. Paris: Didot, 1862. P. 41–101.

Opp. Cyneg. – Oppianus. Cynegetica – *Oppian, Colluthus, Tryphiodorus* / ed. A. W. Mair. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1928 (repr. 1963): P. 2–198.

Opp. Halieut. – Oppianus. Halieutica – *Oppian, Colluthus, Tryphiodorus* / ed. A. W. Mair. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1928 (repr. 1963). P. 200–514.

Nonn. Dion. – Nonnus. Dionysiaca – *Nonni Pano-politani Dionysiaca* / ed. R. Keydell. 2 vols. Berlin: Weidmann, 1959. Vol. 1. P. 1–500. Vol. 2. P. 1–509.

TLG – Thesaurus Linguae Graecae® Digital Library / ed. Maria C. Pantelia. University of California, Irvine. URL: <http://www.tlg.uci.edu> (дата обращения: 07.03.2018).

1НС – Homocentra, Recensio I. – Eudocia Augusta. Homocentones / ed. M. D. Usher // Bibliotheca Graecorum et Romanorum Teubneriana. Leipzig: Teubner, 1999. 116 p.

Список литературы

Александрова Т. Л. Византийская императрица Афинаида-Евдокия: жизнь и творчество в контексте эпохи правления императора Феодосия II (401–450). СПб.: Алетейя, 2018. 416 с.

Александрова Т. Л. Императрица Евдокия – читательница Нонна Панополитанского? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2018(а). Сер. III, № 55/2. С. 9–19.

История греческой литературы: в 3 т. / под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. М., 1960. Т. 3. 438 с.

Agosti G. Greek Poetry // *The Oxford Handbook of Late Antiquity* / ed. S. Johnson. Oxford, 2012. P. 361–404.

Cameron A. The empress and the poet: Paganism and Politics at the Court of Theodosius II // *Yale Classical Studies*, 27. 1982. P. 217–289.

Cribiore R. *Gymnastics of the mind. Greek education in Hellenistic and Roman Egypt*. Princeton; Oxford, 2001. 270 p.

D'Ippolito J. Nonnus' conventional formulaic style // *Brill's Companion to Nonnus of Panopolis* / ed. D. Accorinti. Leiden; Boston, 2016. P. 372–401.

Faulkner A. Faith and Fidelity in Biblical epos: The Mrtaphrasis Psalmorum, Nonnus and the Theory of Translation // *Nonnus of Panopolis in context. Poetry and cultural milieu in late antiquity with a section on Nonnus and the Modern World* / ed. K. Spanoudakis. Berlin; Boston, 2014. P. 195–210.

Maciver C. Nonnus and Imperial Greek Poetry // *Brill's Companion to Nonnus of Panopolis* / ed. D. Accorinti. Leiden; Boston, 2016. P. 529–549.

McGuckin J. Gregory: the Rhetorician as poet // *Gregory of Nazianzus: Images and Reflections* / ed. J. Børtnes, T. Hägg. Copenhagen, 2006. P. 193–212.

Moreschini C., Norelli E. *Early Christian Greek and Latin Literature. Vol. 2*. Peabody, 2005. 734 p.

Simelidis Ch. *Selected poems of Gregory of Nazianzus. I. 2. 17: II. 1.10; 19, 32: A critical edition with introduction and commentary*. Hypomnemata, 177. Göttingen, 2009. 284 p.

Simelidis Ch. Nonnus and Christian literature // *Brill's Companion to Nonnus of Panopolis* / ed. D. Accorinti. Leiden; Boston, 2016. P. 289–307.

Shorrock R. *The Myth of Paganism. Nonnus, Dionysos and the World of Late Antiquity*. London, 2011. IX+181 p.

Van Deun P. The poetical writings of the empress Eudocia. An evaluation // *Early Christian Poetry. A Collection of Essays* edd. J. den Boeft, A. Hilhorst. Leiden: Brill, 1993 (Vigiliae Christianae Suppl. 22). P. 273–282.

Witby M. Writing in Greek // *Theodosius II: Re-thinking the Roman Empire in Late Antiquity* / ed. C. Kelly. Cambridge, 2013. P. 195–218.

References

Aleksandrova T. L. *Vizantiyskaya imperatritsa Afinaida-Evdokiya: zhizn' i tvorchestvo v kontekste epokhi pravleniya imperatora Feodosiya II* [The Byzantine empress Athenais-Eudocia: life and literary works in the context of the reign of Theodosius II (401–450)]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2018. 416 p. (In Russ.)

Aleksandrova T. L. Imperatritsa Evdokiya – chitatel'nitsa Nonna Pano-politanskogo? [Was Eudocia the reader of Nonnus?]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya III: Filologiya* [St. Tikhon's University Review. Series III: Philology], 2018(a), issue 55/2, pp. 9–19. (In Russ.)

Istoriya grecheskoy literatury: v 3 t. [The history of Greek literature: in 3 vols.]. Ed. by S. I. Sobolevskiy, M. E. Grabar'-Passek, F. A. Petrovskiy. Moscow, 1960, vol. 3. 438 p. (In Russ.)

Agosti G. Greek Poetry. *The Oxford Handbook of Late Antiquity*. Ed. by S. Johnson. Oxford, 2012, pp. 361–404. (In Eng.)

Cameron A. The empress and the poet: Paganism and Politics at the Court of Theodosius II. *Yale Classical Studies*, 1982, 27, pp. 217–289. (In Eng.)

Cribiore R. *Gymnastics of the mind. Greek education in Hellenistic and Roman Egypt*. Princeton, Oxford, 2001. 270 p. (In Eng.)

D'Ippolito J. Nonnus' conventional formulaic style. *Brill's Companion to Nonnus of Panopolis*. Ed. by D. Accorinti. Leiden – Boston, 2016, pp. 372–401. (In Eng.)

Faulkner A. Faith and Fidelity in Biblical Epos: The Mrtaphrasis Psalmorum, Nonnus and the Theory of Translation. *Nonnus of Panopolis in context. Poetry and cultural milieu in late antiquity with a section on Nonnus and the Modern World*. Ed. by K. Spanoudakis. Berlin–Boston, 2014, pp. 195–210. (In Eng.)

Maciver C. Nonnus and Imperial Greek Poetry. *Brill's Companion to Nonnus of Panopolis*. Ed. by D. Accorinti. Leiden – Boston, 2016, pp. 529–549. (In Eng.)

McGuckin J. Gregory: the Rhetorician as poet. *Gregory of Nazianzus: Images and Reflections*. Ed. by J. Børtnes, T. Hägg. Copenhagen, 2006, pp. 193–212. (In Eng.)

Moreschini C., Norelli E. *Early Christian Greek and Latin Literature. Vol. 2*. Peabody, 2005. 734 p. (In Eng.)

Simelidis Ch. *Selected poems of Gregory of Nazianzus. I. 2. 17: II. 1.10; 19, 32: A critical edition with introduction and commentary*. Hypomnemata, 177. Göttingen, 2009. 284 p. (In Eng.)

Simelidis Ch. Nonnus and Christian literature. *Brill's Companion to Nonnus of Panopolis*. Ed. by D. Accorinti. Leiden – Boston, 2016, pp. 289–307. (In Eng.)

Shorrock R. *The Myth of Paganism. Nonnus, Dionysos and the World of Late Antiquity*. London, 2011. IX+181 p. (In Eng.)

Van Deun P. The poetical writings of the empress Eudocia. An evaluation. *Early Christian Poetry. A Collection of Essays*. Ed. by J. den Boeft, A. Hil-

horst. Leiden, Brill, 1993 (Vigiliae Christianae Suppl. 22), pp. 273–282. (In Eng.)

Witby M. Writing in Greek. *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*. Ed. by C. Kelly. Cambridge, 2013, pp. 195–218. (In Eng.)

ON THE INFLUENCE OF GREGORY THE THEOLOGIAN'S POETIC STYLE ON POETS OF THE 5th CENTURY (Nonnus, Eudocia)

Tatiana L. Aleksandrova

Associate Professor in the Department of Ancient Languages and Early Christian Literature

St. Tikhon's Orthodox University

6/1, Likhov pereulok, Moscow, 127051, Russian Federation. tatianaalexandrova@yandex.ru

SPIN-code: 5164-6932

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6963-2263>;

ResearcherID: I-8679-2018

Submitted 08.05.2018

The purpose of this study is to trace how poets of Late Antiquity worked with texts of their predecessors, as well as to determine what texts they could take as a model. To that end, a method of complex analysis is applied with the use of special research program (TLG). The article discusses examples of identical epic formulas, clichés and separate lexemes (monoverbal formulas) found by the author in poetic works by Gregory of Nazianzus, Nonnus and Eudocia. These examples help the reader to understand the method of work typical of the poets of that period, who were creating their verses with the use of the archaic, artificial, not natural for them but acquired language. At the core of poetic work of Late Antiquity lies a serious philological work and careful study of the existing poetry so that poets could assimilate grammatical and metrical rules, as well as develop their own poetic vocabulary. Although the basis of this individual vocabulary was formed by the language of Homer and other classical authors, poets of Late Antiquity treated with great attention the literary works of their immediate predecessors. For the poets of the 5th century AD, Gregory of Nazianzus was already a new classic, not less authoritative than Homer, and his deviations from the classical norm even influenced the very notion of norm for Christian poetry, which allowed more freedom in comparison with the classical authors. Even such a significant poet as Nonnus did not mind borrowing some formulas in a particular metrical position (“sedes”) from Gregory's works as well as allowed himself some metric licenses, which could be easily avoided. As far as Eudocia is concerned, she often composed her verses in semi-centonic technique and even more willingly used various epic formulas. In particular, some prosaisms or dialect forms used by Eudocia are in fact borrowings from the poetry by Gregory. This fact allows Eudocia to be freed from the blame of ignorance and insufficient knowledge of the earlier tradition. These observations of poetic language allow us to speak about the common method of the poets of Late Antiquity, despite the difference in their talents.

Key words: Gregory of Nazianzus; Nonnus; Eudocia; epic formulae; late ancient poetry; Byzantine literature.

УДК 811.163.3'36

doi 10.17072/2037-6681-2018-3-13-27

**ВИЗУАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
ЭГОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПОЛЯ ГОВОРЯЩЕГО
В МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ
(экспериментальное исследование)**

Наталья Владимировна Боронникова

к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. natboronnikova@rambler.ru

SPIN-код: 6435-6898

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8026-5417>

ResearcherID: R-6421-2017

Александар Талески

научный сотрудник

Института чешского национального корпуса

110 00, Чехия, г. Прага 1, ул. Панска, 890/7. taleski87@yahoo.com

SPIN-код: 1963-9833

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1901-8572>

ResearcherID: O-4819-2018

Константин Игоревич Белоусов

д. филол. н., профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. belousovki@gmail.com

SPIN-код: 3300-9167

ORCID: <http://orcid.org>: <https://orcid.org/0000-0003-4447-1288>

ResearcherID: A-4891-2016

Константин Валентинович Рябинин

к. физ.-мат. н., доцент кафедры математического обеспечения вычислительных систем

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. kostya.ryabinin@gmail.com

SPIN-код: 7295-2309

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8353-7641>

ResearcherID: N-7890-2016

Статья поступила в редакцию 30.07.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Боронникова Н. В., Талески А., Белоусов К. И., Рябинин К. В. Визуальное представление эгоцентрического поля говорящего в македонском языке (экспериментальное исследование) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 13–27. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-13-27

Please cite this article in English as:

Boronnikova N. V., Taleski A., Belousov K. I., Ryabinin K. V. Vizual'noye predstavleniye egotsentricheskogo polya govoryashchego v makedonskom yazyke (eksperimental'noe issledovanie) [Visual Representation of the Egocentric Field of the Speaker in the Macedonian Language (Experimental Study)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 13–27. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-13-27 (In Russ.)

Рассматриваются македонские демонстративы и личные местоимения в экспериментальном аспекте. Демонстративы в македонском языке помимо указателей включают членную морфему (артиклъ). Артикли в македонском языке имеют три формы: с корнями *-в* (показатель проксимальности), *-т* (показатель медиальности), *-н* (показатель дистальности). Поскольку употребление артиклей достаточно бедно в рассматриваемом битольском говоре, в эксперимент было включено задание на использование личных местоимений. Демонстративы и личные местоимения формируют личную сферу говорящего или же участников речевого акта.

Цель исследования – проследить связь пространственных и личных показателей в сфере персональной коммуникации.

Задача эксперимента – определить эгоцентрическую сферу говорящего и тип дейктической системы македонского языка. В качестве материала для эксперимента послужили лично-ориентированные и пространственно-ориентированные контексты, с помощью которых информанты определяли эгоцентрическую сферу говорящего. В эксперименте участвовало 20 испытуемых – детей-школьников, которые представляют собой «наивных» носителей языка. Для обработки экспериментальных данных была использована информационная система «Семограф». Взаимосвязь компонентов эгоцентрического поля визуально представлена на интерактивных графах. В качестве основного визуального средства отображения используется интерактивный граф с настраиваемыми средствами предобработки отображаемых данных. Для структурированного отображения данных высокой связности служит круговой граф.

В результате проведенного эксперимента была создана модель эгоцентрического поля говорящего, показана взаимосвязь лично-ориентированных и пространственно-ориентированных параметров.

Ключевые слова: пространственный дейксис; персональный дейксис; эгоцентризм; демонстративы; личные местоимения; македонский язык; визуализация.

1. Теоретическое обоснование исследования

Статья посвящена анализу эгоцентрического поля говорящего в македонском языке.

Прежде всего рассмотрим основные теоретические положения. Понятие «дейксис» (греч. *deixis* – указание) – это указание как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами [Виноградов 1990: 128]. Ч. Филлмор описывает дейксис как понятие, относящееся к тем аспектам языка, трактовка которых зависит от ситуации высказывания: времени высказывания, местоположения говорящего во время высказывания и личности говорящего и аудитории. По его словам, дейксис – это «указание на личности говорящего и адресата, место и время высказывания» [Fillmore 1966: 220; Fillmore 1982: 35].

Со времен К. Бюлера выделяется три основных типа дейксиса – персональный, пространственный и временной. В качестве центральных языковых единиц этих типов дейксиса выделяют местоимения 1-го и 2-го лица (*я, вы*), локативные (*здесь*) и временные (*сейчас*) выражения [Бюлер 1993]. Эти единицы представляют собой эгоцентрический дейктический центр, на который ориентируются участники коммуникативного акта [Кибрик].

В нашем исследовании рассматриваются понятия «персональный дейксис» и «пространственный дейксис». Персональный дейксис – это указание на участников речевого акта при помощи личных местоимений или окончаний глаголов. Н. Д. Арутюнова обозначает персональный

дейксис как указание на участников коммуникативного акта: говорящего и адресата речи (местоимения 1-го и 2-го лица) [Арутюнова 1992: 194]. Существует также понятие предметного дейксиса. Формы местоимений 1-го и 2-го лица указывают на лицо, т. е. входят в сферу собственно-личного дейксиса, а предметный дейксис указывает на не-участников коммуникативного акта, он выражен местоимениями 3-го лица [Бондарко 1985: 556–558].

Под пространственным дейксисом понимается «шифтерная ориентация объекта или ситуации, указание на положение в пространстве или времени относительно дейктического центра, связанного с речевым актом. Он является указанием на расположение объекта относительно говорящего» [Жеребило]. По словам Ч. Филлмора, пространственный дейксис основан на лингвистическом выражении говорящим собственного положения в трехмерном физическом пространстве, где он представляет исходную точку. В данной геометрической модели мира перцепция говорящего выражена в трех измерениях: высота, ширина и длина. Ч. Филлмор, соглашаясь с мнением К. Бюлера, указывает, что, кроме говорящего, в качестве ориентира физического пространства сюда может входить адресат, что пространственный дейксис указывает на позицию участников речевого акта в пространстве, определение которого совершается относительно тел коммуникантов как центральных объектов (см.: [Бюлер 1993; Fillmore 1975: 235–238; Fillmore 1982: 37]).

Для описания положения предметов по отношению к дейктическому центру Ч. Филлмор ввел понятие относительной дистанции [Fillmore 1975]. Элементарная дейктическая система заключается в схему «близко-далеко», точнее, она состоит из двух компонентов со значением «близко от говорящего» и «не близко от говорящего». Эта система является самой распространенной [Diessel 1999: 36].

В языках мира по степени близости предмета относительно говорящего в основном встречается двухкомпонентная дейктическая система, также существуют трехкомпонентная (в испанском, португальском, японском, в тюркских языках и других) и многокомпонентные системы. Яркий пример многокомпонентных систем представляют дравидийские языки (куи, куви), в которых присутствует четырехчленная система дейктиков. Здесь медиальный показатель имеет две степени удаленности [цит. по: Плунгян 2011: 325].

Выделяются два типа дейктической ориентации: лично-ориентированная система (характеризуется соотносительностью дейктика с участниками речевого акта) и пространственно-ориентированная система (для которой важна дистанция между дейктическим центром и референтом) [Fillmore 1982; Anderson, Keenan 1985: 282–286; Jungbluth 2003; Diessel 1999 и др.]. По определению Х. Дисселя, «deictic systems that involve more than two deictic terms can be divided into distance-oriented systems, in which the deictic center is the only point of reference for the location of the referent, and person-oriented systems, in which, in addition to the deictic center, the location of the hearer serves as another reference point» [Diessel 1999: 39].

Для лично-ориентированных систем принципиальна соотносительность дейктика с локуторами. Б. А. Успенский указывает, что ориентация на не-локутора встречается крайне редко, чаще всего дейктик указывает на предельную удаленность референта от говорящего [Успенский 2011: 6]. В языках с трехкомпонентными дейктическими системами, по словам Х. Дисселя, нужно различать систему, в которой средний член триады находится на медиальном расстоянии относительно дейктического центра, и систему, в которой средний член триады обозначает референта, близкого к слушателю [Diessel 1999: 39–40].

Рассмотрим взаимосвязь понятий «дейксис» и «эгоцентризм». По словам А. В. Кравченко, понятие «дейксис» и «эгоцентризм» нельзя смешивать друг с другом [Кравченко 1992: 10–14]. Эгоцентризм происходит из антропоцентризма, являясь логическим развитием последнего. Эта теория указывает на то, что человек – это «его я» [Гуреев 2004]. Ю. Д. Апресян отмечает, что язык

не только антропоцентричен, но и эгоцентричен в гораздо большей степени, чем признается в настоящее время [Апресян 1997].

А. В. Кравченко понятие «эгоцентризм» описывает как «такие языковые явления, в основе которых лежит осуществляемое языковой формой указание относительно говорящего» [Кравченко 1992: 10–11]. Он добавляет, что в разряд эгоцентрических попадают практически все языковые формы, для которых в той или иной степени характерна указательность [там же]. Дейктические слова являются классическими эгоцентриками. Б. Рассел подчеркивает, что слова *я*, *это*, *здесь* и *теперь* являются основными эгоцентрическими словами, у которых изменяется значение с переменной говорящего и его положения во времени и пространстве. Таким образом, в канонической речевой ситуации указание осуществляется через отношение к говорящему, к месту и времени речи. Здесь говорящий воспринимает всю окружающую среду со своей точки зрения, каноническая ситуация сама по себе эгоцентрична. По определению Б. Рассела, эгоцентричные слова – это такие слова, «денотация которых определяется относительно говорящего». Но «нельзя считать, что точкой ориентации дейксиса всегда является говорящий» [Рассел 2000: 87].

Большинство лингвистов придерживается мнения, что весь процесс восприятия эгоцентричен, а не только ситуация высказывания [Гуреев 2004; Падучева 2013]. Так, например, для Дж. Лайонза ситуация является эгоцентричной, поскольку мы встречаемся с переключением центров дейктической системы из-за того, что роль говорящего в речи переходит от одного участника к другому [Лайонз 1999: 292; Lyons 1977: 638].

2. Описание эксперимента и материала исследования

Эксперимент посвящен исследованию дейктических средств (эгоцентриков): личных местоимений и пространственных дейктических показателей (демонстративов) в современном македонском языке. Цель исследования – проследить связь пространственных и личных показателей в сфере личной коммуникации.

Демонстративы в македонском языке включают указательные местоимения, указательные наречия, дейктические глаголы движения, членную морфему (артикл) и т.п. По словам В. А. Плунгяна, «диахронически указательные местоимения часто эволюционируют в показатели детерминации; в ряде языков они совмещают эти функции и синхронно (ср., например, немецкое *der*...). Еще более частотным (практически

универсальным) является совмещение дейктической и анафорической функций...» [Плунгян 2011: 324].

Указательные местоимения и артикли в македонском языке имеют три формы: с корнями *-в*, *-т*, *-н*. Первый член триады обозначается как показатель проксимального дейксиса (P) и указывает на объект, расположенный близко к говорящему, второй – как показатель медиального дейксиса (M) и характеризуется как нейтральный, третий – как дистальный (D) и отсылает к удаленному от говорящего объекту.

Некоторые исследователи полагают, что показатель медиального дейксиса указывает на сферу адресата. А поскольку речь говорящего обращена к адресату, он является самым «нейтральным» с точки зрения указания. Его роль – указание на известный, индивидуализированный предмет либо на родовое понятие [Конески 1967; Тополиньска 1974].

Демонстративы и личные местоимения формируют личную сферу говорящего или же локуторов, участников речевого акта. В эксперименте через анализ личных местоимений и демонстративов (артиклей) попытаемся определить эгоцентрическое поле говорящего.

Материалом для исследования послужили картинки из статьи А. А. Ростовцева-Попеля, посвященной типологии средних дейктиков в трехчастных дейктических системах и их соответствиям в двухчастных системах. В основе эксперимента А. А. Ростовцева-Попеля лежит теория описания дейктиков в структуре коммуникативной диады, предложенная К. Юнгблут, которая анализирует стратегии указания в зависимости от взаиморасположения трех компонентов коммуникативной ситуации: говорящего, адресата и референта [Jungbluth 2003].

Взаиморасположение говорящего и адресата в коммуникативном акте имеет следующие разновидности: коммуникация лицом к лицу, нахождение говорящего за спиной собеседника, нахождение говорящего рядом с собеседником. Кроме того, в качестве параметров рассматриваются местонахождение референта во внутреннем (пространство между локуторами) или внешнем (за ними или перед ними) пространстве коммуникации, а также нахождение референта в поле зрения локуторов или вне его.

А. А. Ростовцев-Попель в своем эксперименте предлагал испытуемым дополнить высказывания, которые подразумевали указание и в которых был пропущен дейктик. В его анализе мы встречаемся с варьированием количества референтов (1–3) и их местонахождения (между участниками коммуникации, за спиной у одного из них или у обоих, а также перед глазами, при-

чем адресат не видит говорящего) [Ростовцев-Попель 2009].

На основе рисунков А. А. Ростовцева-Попеля Н. В. Боронникова провела эксперимент для выявления значения медиального показателя и определения типа дейктической системы в македонском языке. В эксперименте участвовало 68 испытуемых, и его результаты рассматривались с точки зрения социальных и коммуникативных факторов. Было установлено, что референт в сфере говорящего маркируется показателем проксимальности и медиальности, референт в сфере адресата – медиальности, промежуточный референт – медиальности. В македонском языке в ситуации дейктически нейтральной коммуникации возможно использование трех типов дейктиков, в остальных ситуациях для обозначения трех типов референта отдается предпочтение показателю медиальности. Показатель проксимальности привязан к сфере говорящего, показатель дистальности указывает на предельно удаленный от говорящего объект. Что касается показателя медиальности, то, как показал эксперимент, в дейктически ориентированных контекстах при нахождении референтов во внутреннем поле коммуникации он может маркировать сферу адресата. В остальных ситуациях он выполняет функции указания на средний объект во внутреннем и внешнем пространстве коммуникации, функции анафоры и катафоры вне указания на местоположение референта, на его видимость / невидимость [Боронникова 2016].

В настоящем эксперименте участвовало 20 испытуемых – детей-школьников 11–12 лет (10 девочек и 10 мальчиков). Все они живут в городе Битола, по национальности все македонцы. Один из испытуемых родился в США; по-македонски он говорит с рождения, в Македонии живет с 1 года; родители его тоже македонцы. Все информанты являются представителями центральных македонских говоров (битолски говор)¹.

Все испытуемые представляют собой «наивных» носителей языка. Исходя из того, что в данном исследовании у всех испытуемых социальные факторы («место рождения», «место проживания», «возраст», «образование») одинаковые, мы сгруппировали результаты только по коммуникативному параметру («зависимость от условий коммуникации»).

Поскольку употребление пространственных дейктиков достаточно бедно в битольском говоре, мы включили в эксперимент задание на использование личных показателей (личных местоимений). Нам было интересно проследить связь пространственных и личных показателей в сфере личной коммуникации.

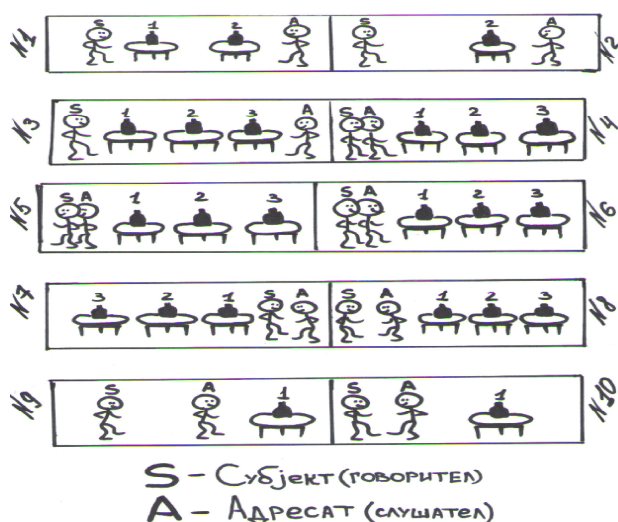


Рис. 1. Картинки для эксперимента
Fig. 1. Illustrations for the Experiment

При проведении эксперимента мы использовали 10 картинок (рис. 1). Их модификация зависит от следующих параметров:

1) положение локуторов: говорящего (на рисунках обозначен как S) и слушающего (A) относительно друг друга; 2) количество референтов, которое варьирует от одного до трех (в анкетах всего 23 ситуации); 3) положение референтов относительно локуторов: между ними, за ними, перед ними; 4) расположение локуторов относительно референтов. Всего используется 9 контекстов, рис. 4 и 6 абсолютно идентичны, контекст 6 используется как контрастный к контексту 5. Лично-ориентированными являются контексты 1, 2, 3, 7, 8, 10. Остальные – пространственно-ориентированные.

Все параметры и их связи представлены на рис. 4. Они разделены на две основные сферы – языковую и коммуникативную. В языковую сферу входят персональный дейксис (личные местоимения) и пространственный дейксис (артикли). Коммуникативная сфера содержит в себе следующие параметры: номер и положение референта по отношению к говорящему, местонахождение адресата и поле коммуникации (ПК). На рис. 4 показаны информанты и их отношение к языковым и коммуникативным параметрам. Отношение информантов с параметрами показано в зависимости от сочетания компонентов ситуации (обозначается как C) + референт (P) (см. C1+P1, C2+P2 и т. п.) в ленте под графом.

Испытуемому предлагалось посмотреть на картинку и представить, что S – это он, а A – это его собеседник (см. рис. 2). Нужно попросить своего собеседника передать бутылку со стола.

Под картинкой написаны фразы, в которых пропущены детерминативы, необходимо вставить соответствующий детерминатив (например, *дай ми го шише (-во, -то, -но) од прва (-ва, -та, -на) маса* ‘дай мне бутылку с первого стола’). В подписи к рисунку были пропущены также личные местоимения.

3. Принципы обработки экспериментальных данных

Для обработки экспериментальных данных была использована информационная система «Семограф» [Belousov 2017]. На первом этапе был создан проект, в котором для каждой реакции испытуемых выделялся отдельный контекст с описанием релевантных данных (см. рис. 3). На рисунке представлен скриншот окна контекста с ответом испытуемого 13 на стимул, создаваемый ситуацией C1 и референтом P1. Каждый из ответов описывался набором параметров, среди которых номер референта, расположение референта, показатель дейксиса и др. (см. на рис. 3 поле компонентов справа от контекста). Всего в проекте было выделено 460 контекстов (23 ситуации для 20 информантов).

На следующем этапе осуществлялась автоматическая обработка внесенных данных. Результатом обработки в ИС «Семограф» могут выступать данные о плотности связей: а) между выделенными компонентами (и их группами), б) между выделенными компонентами (и их группами), с одной стороны, и метатекстовой информацией – с другой. В качестве такой информации могут выступать значения метаполей контекста, например, пол, возраст, образование информанта и др. В данной статье будут представлены результаты связей между выделенными компонентами (коммуникативными и языковыми параметрами ответов на приведенный стимул) и информантами (их номерами в базе данных).

Полученные в результате анализа данные обладают высокой связностью, поэтому в качестве основного визуального средства отображения используется интерактивный граф с настраиваемыми средствами предобработки (в частности, семантической фильтрации) отображаемых данных. Для структурированного отображения данных высокой связности используется круговой граф [Ageev 1996]. Модуль визуализации кругового графа функционирует на основе библиотеки графического расширения PixiJS и оптимизирован для работы в WebGL-совместимом браузере.

Погледнете ги сликите 1-10, пред вас се двајцат: замислете дека S – тоа сте вие, A – вашиот соговорник. Замолете го да ви го подаде шишето од масата (на секоја слика има од една до три маси, ви требаат сите шишиња). Потоа пополнете ги табелите, има 10 табели, по една за секоја од сликите, бројот во табелата му одговара на бројот на шишето на сликата. Во вашите молби се испуштени членските форми и/или показните заменки, а исто така личните заменки, поставете ги.

Ве молиме да го наведете следново:

1. Каде сте родени?

2. Во кој град живеете?

3. Колку години имате?

4. Пол?

5. Образование?

Рис. 2. Формулировка задания
Fig. 2. Task Description

Контекст "305"

Название: 305

Язык: Russian

Редактор: Слова

Дај ми го шишеВО што е на масАТА пред МЕНЕ.

Сохранить Удалить

Предыдущий Следующий

Название*	Создан
В постпозитивный определенный член	21.06.2018 21:25
лично-ориентированное поле коммуникации	21.06.2018 21:25
персональный дейксис Я	21.06.2018 21:25
прямой контакт с адресатом	21.06.2018 21:25
референт 1	21.06.2018 21:25
референт между коммуникантами	21.06.2018 21:25

Мета-Поля

context.name: 305

context.component_count: 8

ситуация: 1. нахождение референта (относительно коммуникантов): 1. референт между коммуникантами

номер ситуации: 1. 3

Рис. 3. Окно контекста с ответом испытуемого 13 на стимул
Fig. 3. Context Window with Informant 13 Response to Stimulus

Его вершины расположены по окружности на равном расстоянии друг от друга. Принадлежность вершины к той или иной группе отображается при помощи цвета. Дуги графа представляют собой квадратичные параболы, построенные по трем контрольным точкам. Первая и третья контрольные точки находятся в соединяемых

вершинах, а вторая лежит в центре окружности. Толщина дуг отражает их вес.

Для обеспечения необходимой аналитической функциональности в круговом графе реализована поддержка интерактивности, включающая возможности масштабирования, фильтрации вершин и дуг по весу, выделения, переноса и переимено-

вания отдельных вершин, изменения цвета, выделения дуг, перехода к отображению одиночных кластеров вершин (так называемый квази-зум [Бондарев и др. 2017]), а также изменения порядка следования уровней иерархии кольцевой шкалы (с соответствующей перегруппировкой вершин).

Набор данных для визуализации может включать несколько срезов по какому-либо показателю, в частности, по типу ситуации и референту.

В этом случае отображаемый граф имеет несколько состояний (англ. GraphStates), переключение между которыми осуществляется при помощи специальной дискретной шкалы.

Результат визуализации представлен в виде интерактивного графа дейктических параметров [http://graph.semograph.org/cgraph/deixis]; скриншот одного из состояний графа приведен на рис. 4.

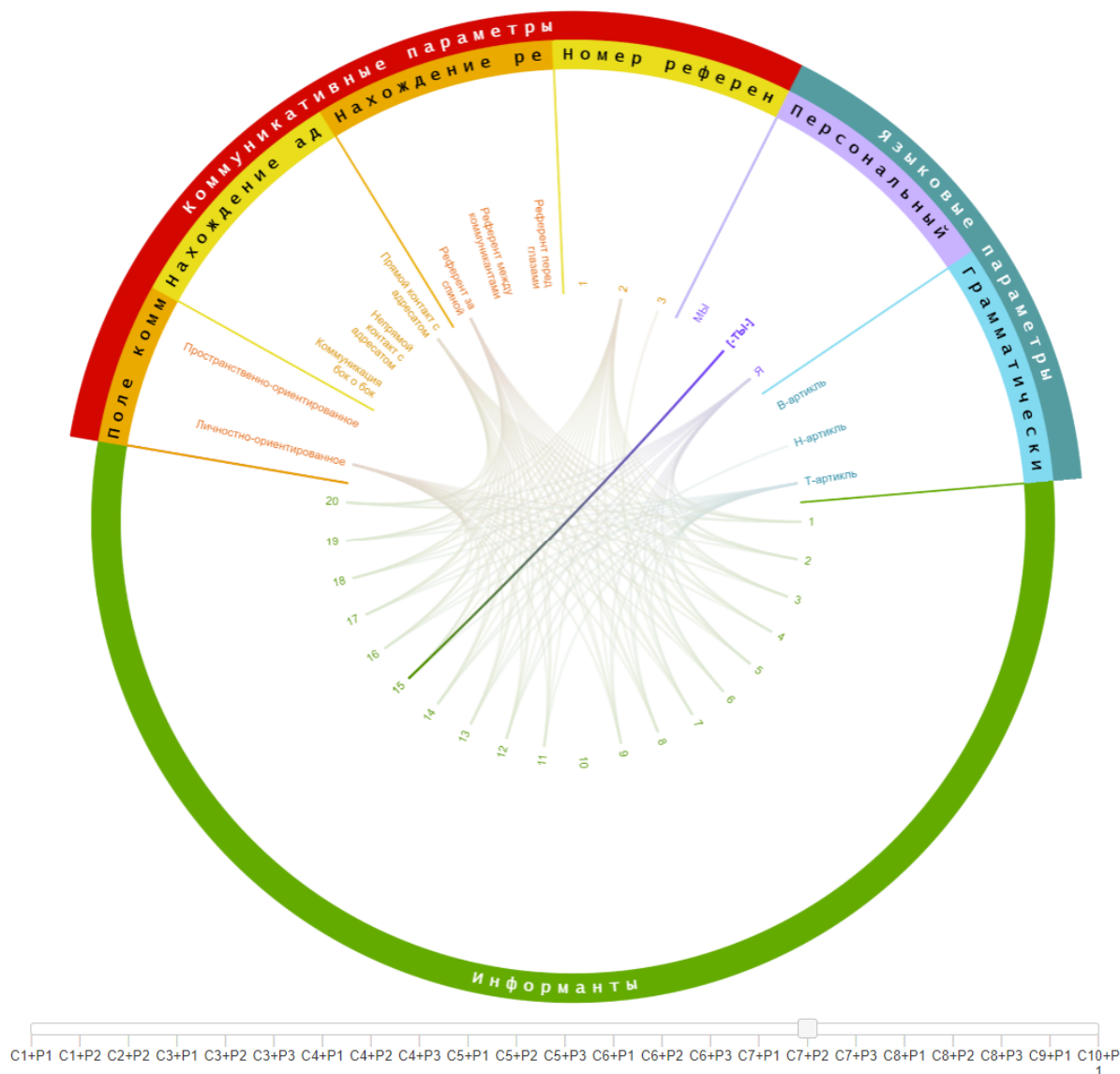


Рис. 4. Круговой граф связи дейктических параметров и информантов
Fig. 4. Circle Graph of Connection of Deictic Parameters and Informants

Ниже покажем результаты эксперимента, сгруппированные по коммуникативным параметрам, и проанализируем их взаимосвязи.

4. Результаты исследования

Итак, рассмотрим результаты использования дейктиков в зависимости от поля коммуникации. Ситуации 1, 2, 3, 7, 8, 10 являются персонально-ориентированными (ПК). Ситуации 4, 5, 6, 9 – пространственно-ориентированными.

На картинке 1 (рис. 1) в первой ситуации (C1+P1), где присутствует прямой контакт субъекта и адресата, информанты используют местоимения Я (50 %): *Дай ми го шишето што е на масата пред мене*, ТЫ (50 %): *Дай ми го шишето што е на масата пред тебе* и МЫ (5 %) *Дай ми го шишето што е на масата пред мене / тебе* – при указании на первый референт, который находится ближе к субъекту, перед глазами и между локуторами. Позиция референта

относительно субъекта повлияла на выбор местоимений *Я* и *ТЫ*. На использование местоимения *МЫ* одним информантом воздействовал параметр «персонально-ориентированное поле коммуникации (ПК)». Таким образом, нахождение референтов перед глазами локуторов, а также между ними, с одной стороны, и прямой контакт между локуторами, с другой стороны, воздействовали на создание коммуникативного поля, которое интерпретируется обоими локуторами. Информанты в данном случае ориентировались, прежде всего, на адресата, а один информант – на обоих локуторов. Относительно использования артикля – здесь информанты выбрали только *T*-артикль (100 %): *Дай ми го ишишето што е на масата пред мене / тебе*.

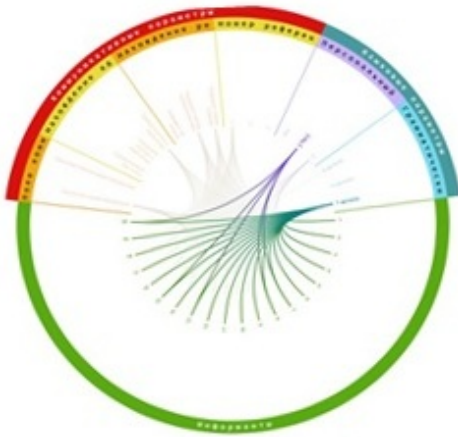
Что касается второго референта (*C1+P2*), находящегося ближе к адресату, ситуация показывает, что информанты в большинстве случаев (95 %) маркируют своего собеседника с помощью личного местоимения *ТЫ*. Один из информантов отказался отвечать. В ситуации с референтом 2 мы встретились только с артиклем *-T*, частота которого составляет 100 % использования. Таким образом, предложение с референтом 2 у всех информантов звучит одинаково: *Дай ми го ишишето што е на масата пред тебе*.

Вторая ситуация (*C2+P2*) по коммуникативным параметрам является аналогичной первой. Различие состоит в количестве референтов: на картинке изображен один референт (*P2*), который находится в сфере адресата. Здесь можем заметить, что информанты указывают на местонахождение референта 2 с помощью медиального дейктика (100 %). Что касается личных местоимений, как и в ситуации 1, информанты ориентировались на использование местоимения *ТЫ* (100 %): *Дай ми го ишишето што е на масата пред тебе*.

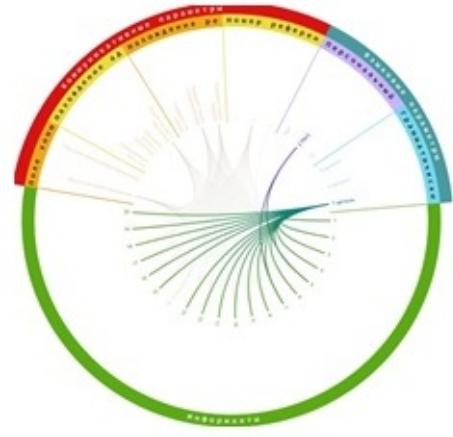
Анализ ситуации 3 (*C3*) показывает разнообразие в использовании языковых компонентов. Как видно из рисунка (рис. 1, карт. 3), количество референтов в этой ситуации – три. Референт 1 находится в сфере субъекта, референт 3 – в сфере адресата, а референт 2 занимает среднюю позицию по отношению к локуторам. Остальные коммуникативные компоненты совпадают с компонентами из предыдущих ситуаций. Информанты маркируют референт 1 посредством медиального (95 %) и проксимального (5 %) показателей. Что касается личных местоимений, указание совершается через местоимения *Я* (75 %) и *ТЫ* (25 %) (см. рис. 5, граф 1). В ситуации с референтом 2 информантам не предлагалось дополнить контексты личными ме-

стоимениями, но часть из них (10 %) самостоятельно дописала местоимение *ТЫ*. С позиции пространственных показателей мы встречаем использование медиального *-T* (95 %) и дистального *-H* дейктиков (5 %). Информант, который маркирует референт 1 и 2 с помощью артиклей *-B* и *-H*, в ситуации с референтом 3 (*C3+P3*) употребляет медиальный дейктик (см. рис. 5, граф 3). Из этого следует, что для него средний референт является самым дальним (не около тебя, не около меня). Субъект определяет референт 3, находящийся в сфере адресата, как более близкий, чем референт 2. Этот факт показывает, что субъект ориентируется в ПК на адресат. Относительно использования личных местоимений в ситуации с референтом 3 (*C3+P3*) можем отметить абсолютное употребление местоимения *ТЫ* (100 %).

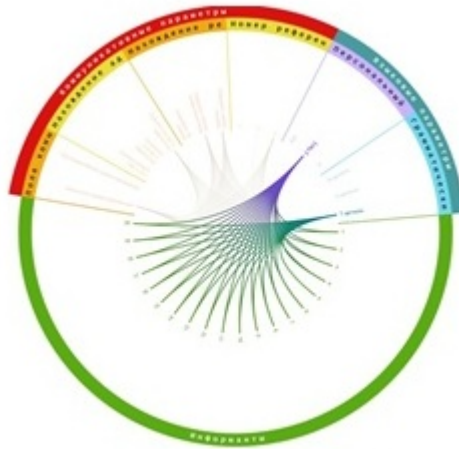
Ситуации 4 и 6 идентичны. В них мы встречаем пространственно-ориентированное ПК, адресат стоит рядом с субъектом. Референты находятся перед глазами локуторов. В подписях к данным ситуациям не было возможности добавлять личные местоимения, только указатели. В обеих ситуациях мы столкнулись со сходными результатами, причем информанты маркируют референт 1 посредством медиального дейктика *-T* (95 %): *Дай ми ги ишишето од првата маса* и проксимального дейктика *-B* (5 %): *Дай ми ги ишишево од првава маса*; референт 2 – с помощью медиального дейктика *-T* (95 %): *Дай ми ги ишишето од втората маса* и дистального дейктика *-H* (5 %): *Дай ми ги ишишено од вторана маса*. Референт 3 информанты определяют в пространстве только через медиальный дейктик (100 %): *Дай ми ги ишишето од третата маса*. Как и в ситуации 3, информант 14 определил референт 3 как более близкий, чем референт 2. В ситуации 5 референты находятся за спиной локуторов, расположение референтов известно локуторам. Остальные коммуникативные компоненты совпадают с ситуациями 4 и 6. Здесь информантам предлагалось дописать личные местоимения. Указание на лицо в ситуациях с референтами 1 и 2 выражено местоимениями *ТЫ* (60 %) и *МЫ* (40 %), в ситуации с референтом 3 – местоимениями *ТЫ* (55 %) и *МЫ* (45 %). Что касается использования артиклей в ситуации 5, мы можем заметить, что их вариативность в целом совпадает с вариативностью в ситуациях 3, 4 и 6: *C5+P1* – медиальный дейктик *-T* (95 %) и проксимальный дейктик *-B* (5 %); *C5+P2* – медиальный дейктик *-T* (95 %) и дистальный дейктик *-H* (5 %); *C5+P3* – медиальный дейктик *-T* (100 %): *Дай ми го ишишето од третата маса зад тебе / нас*.



Граф 1 (C3+P1) / Graph 1 (S3+R1)

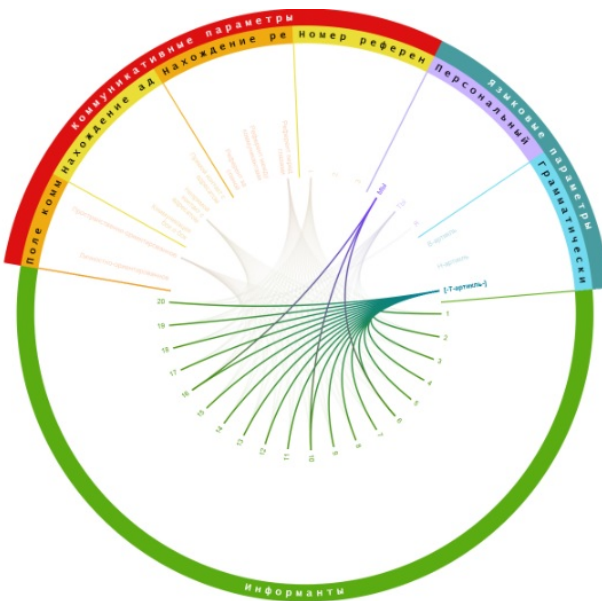


Граф 2 (C3+P2) / Graph 2 (S3+R2)

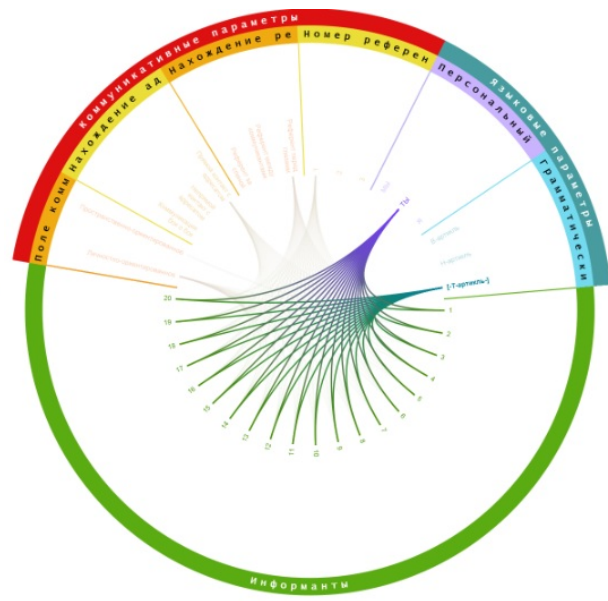


Граф 3 (C3+P3) / Graph 3 (S3+R3)

Рис. 5. Соотношение языковых параметров в C3+P1, P2, P3
Fig. 5. The Correlation of Language Parameters in S3+R1, R2, R3



Граф 4 (C9+P1) / Graph 4 (S9+R1)



Граф 5 (C10+P1) / Graph 5 (S10+R1)

Рис. 6. Соотношение языковых параметров с информантами в C9+P1 и C10+P1
Fig. 6. The Correlation of Language Parameters and Informants in S9+R1 and S10+R1

Для информанта 14 важна дистанция при расположении референтов, в С5+Р1 он использует проксимальный и медиальный дейктики в одном контексте: *Даж ми го шишево од првата маса зад нас*. Как видим, компонент «нахождение референта» в целом (за редкими исключениями) не влияет на выбор артиклей, но воздействует на выбор личных местоимений. Вполне возможно, что увеличение доли личных местоимений 1-го л. мн. ч. *МЫ* объясняется тесной связью с компонентом «нахождение референта за спиной обоих локуторов», поскольку они находятся в тесном взаимодействии. Результаты ситуации 5 говорят об отнесении референтов к личной сфере обоих локуторов.

В ситуации 7 мы встречаемся с положением локуторов друг напротив друга, изменено также положение референтов по отношению к ним. Референты находятся за спиной субъекта во внешнем поле коммуникации в поле зрения адресата. В данном случае информанты для маркировки референта 1 выбрали показатели Р (5 %): *Даж ми го шишево од првава маса зад мене* и М (95 %): *Даж ми го шишето од првата маса зад мене* / *Даж ми го шишето од првата маса зад тебе* / *Даж ми го шишето од првата маса зад нас*, для маркировки референта 2 – показатели М (95 %): *Даж ми го шишето од втората маса зад мене* / *Даж ми го шишето од втората маса зад тебе* / *Даж ми го шишето од втората маса зад нас* и D (5 %): *Даж ми го шишено од вторана маса зад мене*, а референт 3 обозначали через показатель М (100 %): *Даж ми го шишето од третата маса зад мене* / *Даж ми го шишето од третата маса зад тебе*. Итак, указание совершается с помощью местоимений *Я* (85 %), *ТЫ* (5 %) и *МЫ* (5 %) в С7+Р1, С7+Р2 – *Я* (90 %), *ТЫ* (5 %) и С7+Р3 – *Я* (85 %), *ТЫ* (5 %). Не исключено, что местоимение *ТЫ* в данной ситуации использовано ошибочно, из-за неверного понимания задания. Некоторые информанты отказались добавлять личные местоимения. Следует отметить, что чаще всего референт маркируется медиальным дейктиком.

В следующей ситуации (8), как видно из рис. 1, все компоненты схожи с компонентами ситуации 7, кроме местонахождения локуторов, причем здесь субъект видит референты, а адресат нет. В данном случае информанты указывают на позицию референта 1 в пространстве с помощью медиального дейктика *-Т* (95 %) и проксимального дейктика *-В* (5 %), позиция референта 2 обозначается с помощью медиального дейктика (95 %) и дистального дейктика *-Н* (5 %), а позицию референта 3 информанты определяют только путем использования медиального дейктика *-Т* (100 %). Изменение положения локуторов от-

ражается на употреблении личных местоимений. Информанты употребляют местоимения *ТЫ* (95 %) и *Я* (5 %) во всех трех ситуациях (С8+Р1, С8+Р2, С8+Р3): *Даж ми го шишето/во од првата/ва (втората/на; третата) маса зад мене / тебе*. Исходя из того, что в ситуации 8 референты находятся перед глазами субъекта, можно заметить, что увеличилась доля употребления местоимения *ТЫ*. Местоимение *Я* использовано школьниками ошибочно.

В ситуациях 9 и 10 используется один референт. В ситуации 9 – в поле зрения субъекта и адресата, а в ситуации 10 – в поле зрения говорящего. В первом случае (С9) адресат повернут спиной к говорящему и находится между ним и референтом (непрямой контакт с адресатом). В ситуации 10 адресат повернут спиной к референту, а перед его глазами находится субъект. Что касается языковых компонентов (см. рис. 6), в обеих ситуациях референт маркируется с помощью медиального дейктика *-Т* (100 %): *Даж ми го шишето што е зад/пред тебе*. Относительно употребления личных местоимений дело обстоит гораздо разнообразнее. Так, в ситуации 9 используются местоимения *ТЫ* (80 %): *Даж ми го шишето што е пред тебе*, *Я* (5 %) *Даж ми го шишето што е пред мене* и *МЫ* (15 %): *Даж ми го шишето што е пред нас*, а в ситуации 10 встречаем указание с помощью личного местоимения *ТЫ* (100 %): *Даж ми го шишето што е зад тебе*.

5. Выводы

Полученные при анализе графов результаты свидетельствуют о том, что в речи детей-школьников из г. Битола встречаются следующие возможности использования дейктиков: пространственные – показатель медиального дейксиса (М) (97,4 %), показатель проксимального дейксиса (Р) (1,3 %), показатель дистального дейксиса (D) (1,3 %); персональные – личные местоимения *Я* (25,3 %), *ТЫ* (64,7 %), *МЫ* (9,4 %). В 1 % случаев информанты отказались отвечать.

В ситуациях, где изображено персонально-ориентированное ПК, информанты в большинстве случаев (97,6 %) маркируют референты с помощью показателя медиального дейксиса. По отношению к референту 3 визуализация данных в графе показывает абсолютное использование артикля *-Т*. Референты 1 и 2 в персонально-ориентированном ПК маркируются артиклем *-Т* (97 %), и только один информант (14) при маркировке использует артикли *-В* и *-Н* исключительно в ситуациях с тремя референтами, причем средний референт всегда маркируется дистальным показателем, поскольку говорящий не включает его в личную сферу субъекта и адресата.

Если рассматривать визуализацию персонально-ориентированных ситуаций в целом, то можно сказать, что эгоцентрическое поле чаще всего маркируется медиальным артиклем *-Т*. Это показывает, что положение референта и локуторов в пространстве не играет большой роли у детей-школьников при выборе того или иного артикля. Нейтральный артикль *-Т* входит в сферу говорящего, и через него информанты, с одной стороны, указывают на предмет, который находится близко к субъекту, а с другой стороны, – на предмет, близкий к адресату.

Дело с личными местоимениями в персонально-ориентированном ПК обстоит гораздо сложнее. Из интерактивного графа следует, что референты, которые находятся в сфере субъекта, не часто маркируются через сам субъект. В ситуации 1, несмотря на то, что референт 1 располагается в сфере говорящего, информанты в 50 % случаев маркируют его через адресат. Со сходными результатами мы столкнулись в ситуации С3+Р1. В ситуациях С1+Р2 и С2+Р2 референт находится в сфере адресата, причем информанты маркируют его с помощью личного местоимения *ТЫ*. Визуализация ситуаций С1, С2, С3+Р1, Р2, Р3 демонстрирует, что на выбор личных местоимений повлиял фактор «нахождение референта между локуторами и перед их глазами». Эту теорию подтверждают ситуации С7, С8, С10 + Р1, Р2 и Р3, где находим более логичную маркировку в зависимости от соотношения компонентов «нахождение адресата» и «нахождение референта».

С пространственно-ориентированным ПК мы встретились в ситуациях 4, 5, 6 и 9. Исходя из полученных результатов, можно говорить о частоте использования показателя медиального дейксиса при маркировании референтов 1, 2, и 3. Информанты в 100 % случаев маркируют референт 3 артиклем *-Т*, а что касается референтов 1 и 2, то мы встретились с ситуацией, где информант при маркировке использует артикли *-В* и *-Н*. И в данном случае, как и в ситуациях с персонально-ориентированным ПК, средний референт всегда маркируется дистальным показателем. Создается впечатление, что для этой группы информантов сфера употребления дистального показателя (артикля *-Н*) является неясной. Проксимальным указателем (артиклем *-В*) информанты маркируют сферу, расположенную ближе к субъекту, а с помощью медиального указателя (артикля *-Т*) маркируют сферу, находящуюся рядом с субъектом и рядом с адресатом. Итак, визуализация пространственно-ориентированного и персонально-ориентированного ПК показывает, что они совпадают по отношению к использованию артиклей. В обоих случаях дети-школьники из

Битолы предпочитают маркировать референты показателем медиального дейксиса.

Употребление личных местоимений в пространственно-ориентированном ПК встречаем только в ситуациях 5 и 9. В ситуации 5, в которой референты находятся за спиной локуторов, а сами локуторы находятся рядом друг с другом, информанты маркируют референты с помощью местоимения *ТЫ*, т. е. отмечают свое нахождение в сфере адресата (58 %), и с помощью местоимения *МЫ*, т. е. в совместной сфере (42 %). Информанты в ситуации 9 маркируют референт 1 посредством *ТЫ* (80 %), *Я* (5 %), *МЫ* (15 %). Таким образом, можно говорить, что в данных ситуациях (5, 9), с одной стороны, пространственно-ориентированное ПК сыграло роль при определении референтов в совместной сфере, а с другой стороны, прямой / непрямой контакт с адресатом повлиял на возрастание / снижение доли употребления местоимения *МЫ*. Таким образом, местоимение *МЫ* коррелирует с нахождением референтов за спиной обоих локуторов. В отличие от персонально-ориентированного ПК, в котором незначительный процент составляют ответы с местоимением *МЫ*, в пространственно-ориентированном ПК незначительный процент составляют ответы с использованием местоимения *Я*.

Итак, представленные выше результаты показывают, что дети-информанты из г. Битолы маркируют референты чаще всего с помощью показателя медиального дейксиса.

Что касается личных местоимений, во всех ситуациях (кроме ситуаций С7 и С3+Р1) большой процент составляют ответы, в которых встречается личное местоимение *ТЫ*, которое определяет эгоцентрическую сферу собеседника. В С1+Р1 указание совершается местоимениями *Я* и *ТЫ* в равной мере. В С3+Р1 особую роль при выборе местоимения сыграло нахождение референта в сфере адресата, а в ситуации 7 – фактор «нахождение референта за спиной субъекта».

Примечание

¹ В Битольском районе мы встречаемся с такой диалектной особенностью, как утрата членной морфемы *-т* для мужского рода (пр. *градо* 'этот город', *лебо* 'этот хлеб' и т. п.), а также с тем, что членные формы *-ов* и *-он* для жителей этого края уже являются необычными при использовании в речи (см.: [Видоески 1998: 192–193]).

Список литературы

Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., 1997. Вып. 35. С. 272–298.

Арутюнова Н. Д. и др. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. 281 с.

Бондарев А. Е., Галактионов В. А., Шапиро Л. З. Обработка и визуальный анализ многомерных данных // Научная визуализация. М.: Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, 2017. Кн. 4, Т. 9, № 5. С. 86–104. DOI: <https://doi.org/10.26583/sv.9.5.08>.

Боронникова Н. В., Котельникова Е. Ю. Экспериментальное исследование дейктических показателей македонского языка // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 12. С. 124–134.

Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. 501 с.

Видоески Б. Дијалектите на македонскиот јазик. Скопје: МАНУ, 1998. Т. 1. 365 с.

Виноградов В. А. Дейксис // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 128.

Гуреев В. А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания // Вопросы языкознания. 2004. № 53, ч. 2. С. 57–67.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. URL: http://lingvistics_dictionary.academic.ru (дата обращения: 18.06.2018).

Интерактивный граф дейктических параметров. URL: <http://graph.semograph.org/cgraph/deixis> (дата обращения: 02.07.2018).

Кибрик А. А. Дейксис // Энциклопедия Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DEKSIS.html?page=0,0 (дата обращения: 15.06.2018).

Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје: Култура, 1967. Дел I–II. 552 с.

Кравченко А. В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. 210 с.

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. Благовещенский гуманитарный колледж им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1999. 543 с.

Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка и режимы интерпретации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. Междунар. конф. «Диалог 2013». М., 2013. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2013-materials/pdf/PaduchevaEV.pdf> (дата обращения: 21.06.2018).

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: учеб. пособие. М.: РГГУ, 2011. 672 с.

Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы / пер. с англ. М.: Терра-Книжный клуб: Республика, 2000. 464 с.

Ростовцев-Попель А. А. Типология демонстративов: средние дейктики // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 22–34.

Тополињска З. Граматика на именската фраза во македонскиот литературен јазик. Род, број, посоченост. Скопје: МАНУ, 1974. 156 с.

Успенский Б. А. Дейксис и вторичный семиозис в языке // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 3–30.

Ageev A. A. Triangle-free Circle Graph with Chromatic Number 5 // Discrete Mathematics. 1996. Vol. 152. P. 295–298. DOI: [https://doi.org/10.1016/0012-365X\(95\)00349-2](https://doi.org/10.1016/0012-365X(95)00349-2).

Anderson S. R., Keenan E. Deixis // T. Shopen [ed.] Language Typology and Syntactic Description. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Vol. III. P. 259–308.

Belousov K., Erofeeva E., Leshchenko Y., Baranov D. “Semograph” Information System as a Framework for Network-Based Science and Education // Smart Education and e-Learning 2017. Smart Innovation, Systems and Technologies, vol. 75. P. 263–272.

Diessel H. Demonstratives: Form, Function and Grammaticalization. Amsterdam: Benjamins, 1999. 205 p.

Fillmore Ch. Deictic Categories in the Semantics of “Come” // Foundations of Language: International Journal of Language and Philosophy. N. Y., 1966. Vol. 2, № 3. P. 219–232.

Fillmore Ch. J. Santa Cruz Lectures on Deixis. Bloomington; Indiana Univ. Linguistics Club, 1975. 87 p.

Fillmore Ch. Towards a Descriptive Framework for Spatial Deixis // Speech, Place and Action: Studies in Deixis and Related Topics / ed. by R. J. Jarvella, W. Klein. Chichester, NY, Brisbane, Toronto, Singapore, John Wiley & Sons Ltd, 1982. P. 31–59.

Jungbluth K. Deictics in the Conversation Dyad: Findings in Spanish and Some Cross-linguistic Outlines // Deictic Conceptualization of Space, Time and Person / Friedrich Lenz (ed.). Amsterdam, 2003. P. 13–40.

Lyons J. Semantics. L. etc.: Cambridge Univ. Press, 1977. Vol. 1, 2.

References

Apresyan Yu. D. Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira [Deixis in the lexicon and grammar and the folk model of the world]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics]. Moscow, 1997, issue 35, pp. 272–298. (In Russ.)

Arutyunova N. D. et al. *Chelovecheskiy faktor v yazyke: Kommunikatsiya, modal'nost', deyksis* [The human factor in language: Communication, modality, deixis]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 281 p. (In Russ.)

- Bondarev A. E., Galaktionov V. A., Shapiro L. Z. Obrabotka i vizual'nyy analiz mnogomernykh danykh [Processing and visual analysis of multidimensional data]. *Nauchnaya vizualizatsiya* [Scientific Visualization]. Moscow, National Research Nuclear University "MEPhI" Press, 2017, quarter 4, vol. 9, issue, pp. 86–104. DOI: <https://doi.org/10.26583/sv.9.5.08>. (In Russ.)
- Boronnikova N. V., Kotelnikova E. Yu. Eksperimental'noe issledovanie deyticheskikh pokazateley makedonskogo yazyka [Experimental study of the deictic exponents in the Macedonian language]. *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya gumanitarnyye nauki* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series of Humanities], 2016, issue 12, pp. 124–134. (In Russ.)
- Bühler K. *Teoriya yazyka: Rerezentativnaya funktsiya yazyka* [Theory of Language: The representational function of language]. Moscow, Progress Publ., 1993. 588 p. (In Russ.)
- Vidoeski B. *Dijalektite na makedonskiot jazik* [Dialects of the Macedonian language]. Skopje, Macedonian Academy of Sciences and Arts Press, 1998, vol. 1, 365 p. (In Maced.)
- Vinogradov V. A. Deyksis [Deixis]. *Lingvisticheskij entsiklopedicheskiy slovar'* [The Encyclopedic Dictionary of Linguistics]. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1990. 128 p. (In Russ.)
- Gureev V. A. Yazykovoy egotsentrizm v novykh paradigmatkhn znaniiya [Language egocentrism in new paradigms of knowledge]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 2004, issue 53, pt. 2, pp. 57–67. (In Russ.)
- Zherebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [The Dictionary of Linguistic Terms]. Available at: http://lingvistics_dictionary.academic.ru (accessed 18.06.2018). (In Russ.)
- Interaktivnyy graf deyticheskikh parametrov [Interactive graph of deictic parameters]. Available at: <http://graph.semograph.org/cgraph/deixis> (accessed 02.07.2018). (In Russ.)
- Kibrik A. A. Deyksis [Deixis]. *Entsiklopediya Krugosvet* [Encyclopedia]. Available at: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DEKSIS.html?page=0,0 (accessed 15.06.2018). (In Russ.)
- Koneski B. *Gramatika na makedonskiot literature jazik* [Grammar of the Macedonian Literary Language]. Skopje, Kultura Publ., 1967, pts. 1–2. 552 p. (In Maced.)
- Kravchenko A. V. *Voprosy teorii ukazatel'nosti: Egotsentrichnost'. Deytichnost'. Indeksalnost'* [Issues of the Theory of Indication: Egocentricity. Deixis. Indexicality]. Irkutsk, Irkutsk State University Press, 1992. 210 p. (In Russ.)
- Lyons J. *Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku* [Introduction to theoretical linguistics]. Blagoveshchensk, Blagoveshchensk College of Humanities named after I. A. Baudouin de Courtenay Press, 1999. 543 p. (In Russ.)
- Paducheva E. V. Egotsentricheskie edinitiyazyka i rezhimy interpretatsii [Egocentrals and their registers of interpretation]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii. Trudy Mezhdunar. konf. «Dialog» 2013* [Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the International Conference "Dialogue 2013"]. Moscow, 2013. Available at: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2013/materials/pdf/PaduchevaEV.pdf> (accessed 21.06.2018). (In Russ.)
- Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira: ucheb. posobie* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of world languages: textbook]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2011. 672 p. (In Russ.)
- Russell B. *Chelovecheskoe poznanie: ego sfera i granitsy* [Human Knowledge: Its Scope and Limits]. Moscow, Terra Book Club: Republic Publ., 2000. 464 p. (In Russ.)
- Rostovtsev-Popel A. A. Tipologiya demonstrativov: srednie deytiki [Typology of Demonstratives: average deictics]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 2009, issue 2, pp. 22–34. (In Russ.)
- Topolinjska Z. *Gramatika na imenskata fraza vo makedonskiot literature jazik. Rod, broj, posochenost* [The Grammar of the Noun Phrase in the Macedonian Literary Language. Gender, number, identification]. Skopje, Macedonian Academy of Sciences and Arts Press, 1974, 156 p. (In Maced.)
- Uspensky B. A. Deyksis i vtorichnyy semiozis v yazyke [Deixis and secondary semiosis in language]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 2011, issue 2, pp. 3–30. (In Russ.)
- Ageev A. A. Triangle-free Circle Graph with Chromatic Number 5. *Discrete Mathematics*. 1996, vol. 152, pp. 295–298. DOI: [https://doi.org/10.1016/0012-365X\(95\)00349-2](https://doi.org/10.1016/0012-365X(95)00349-2). (In Eng.)
- Anderson S. R., Keenan E. Deixis. Ed. by T. Shopen. *Language Typology and Syntactic Description*. Cambridge, Cambridge University Press, 1985, vol. 3, pp. 259–308. (In Eng.)
- Belousov K., Erofeeva E., Leshchenko Y., Baranov D. "Semograph" Information System as a Framework for Network-Based Science and Education. *Smart Education and e-Learning* 2017.

Smart Innovation, Systems and Technologies, vol. 75, pp. 263–272. (In Eng.)

Diessel H. *Demonstratives: Form, function and grammaticalization*. Amsterdam, Benjamins, 1999. 205 p. (In Eng.)

Fillmore Ch. Deictic Categories in the Semantics of “Come”. Ed. by Ch. Fillmore. *Foundations of Language: International Journal of Language and Philosophy*. NY, 1966, vol. 2, issue 3, pp. 219–232. (In Eng.)

Fillmore Ch. J. Santa Cruz Lectures on Deixis. Ed. by Ch. Fillmore. Bloomington, Indiana University Linguistics Club, 1975. 87 p. (In Eng.)

Fillmore Ch. J. Towards a Descriptive Framework for Spatial Deixis. *Speech, place and action: Studies in deixis and related topics*. Ed. by R. J. Jarvella, W. Klein. Chichester, NY, Brisbane, Toronto, Singapore, John Wiley & Sons Ltd, 1982, pp. 31–59. (In Eng.)

Jungbluth K. Deictics in the conversation dyad: Findings in Spanish and some cross-linguistic outlines. *Deictic conceptualization of Space, Time and Person*. Ed. by Friedrich Lenz. Amsterdam, 2003, pp. 13–40. (In Eng.)

Lyons J. *Semantics*. London etc., Cambridge University Press, 1977, vols. 1–2. (In Eng.)

VISUAL REPRESENTATION OF THE EGOCENTRIC FIELD OF THE SPEAKER IN THE MACEDONIAN LANGUAGE (Experimental Study)

Natalia V. Boronnikova

Associate Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. natboronnikova@rambler.ru

SPIN-code: 6435-6898

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8026-5417>

ResearcherID: R-6421-2017

Aleksandar Taleski

Researcher

Institute of the Czech National Corpus

890/7, Panska st., 110 00, Prague 1, Czech Republic. taleski87@yahoo.com

SPIN-code: 1963-9833

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1901-8572>

ResearcherID: O-4819-2018

Konstantin I. Belousov

Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. belousovki@gmail.com

SPIN-code: 3300-9167

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4447-1288>

ResearcherID: A-4891-2016

Konstantin V. Ryabinin

Associate Professor in the Department of Mathematical Support for Computer Systems

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. kostya.ryabinin@gmail.com

SPIN-code: 7295-2309

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8353-7641>

ResearcherID: N-7890-2016

Submitted 30.07.2018

The article deals with demonstratives and personal pronouns in the Macedonian language in the experimental aspect. Among others, Macedonian demonstratives include a member morpheme (article). Articles in the Macedonian language have three forms: with roots *-v* (the proximity indicator), *-t* (the mediality indicator), *-n* (the distality indicator). Since the use of articles is rather poor in the Bitola dialect being con-

sidered, we included in the experiment the task of using personal pronouns. Demonstratives and personal pronouns create the personal sphere of the speaker or participants in the speech act. It was of interest to us to trace the relationship of spatial and personal indicators in the sphere of personal communication. Thus, the purpose of the experiment was to determine the egocentric sphere of the speaker and the type of the deictic system in the Macedonian language.

The material for the experiment included personal-oriented and spatial-oriented contexts by which informants determined the egocentric sphere of the speaker. There were 20 informants participating in the experiment – school children, who are supposed to be “naïve” native speakers.

To process the experimental data, the information system “Semograph” was used. Work in the IS “Semograph” was performed in two stages. At the first stage, a project was created in which for each response of the subjects there was a separate context with a description of the relevant data. The next step was to automatically process the data entered.

The interconnection of the components of the egocentric field is visually represented on interactive graphs. As the main visual means of display, an interactive graph with customizable means for preprocessing displayed data is used. For structured display of high-connectivity data, a circle graph is used.

As a result of the experiment, a model of the egocentric field of the speaker was created, the relationship between personal-oriented and spatially-oriented parameters was shown.

Key words: spatial deixis; personal deixis; egocentrism; demonstratives; personal pronouns; Macedonian language; visualization.

УДК 81'373.6: 811.511.13
doi 10.17072/2037-6681-2018-3-28-41

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ЛЕКСИКОЙ В «ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ УЧЕБНИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ЧЕРДЫНСКИХ ПЕРМЯКОВ» 1906 г.¹

Роман Валентинович Гайдамашко

к. филол. н., научный сотрудник Словарного отдела

Институт лингвистических исследований РАН

199053, Россия, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., 9. gaidamashko@gmail.com

SPIN-код: 5966-9843

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1676-3363>

ResearcherID: B-8417-2018

Статья поступила в редакцию 16.05.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гайдамашко Р. В. Из наблюдений над коми-пермяцкой лексикой в «Первоначальном учебнике русского языка для чердынских пермяков» 1906 г. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 28–41. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-28-41

Please cite this article in English as:

Gaidamashko R. V. Iz nablyudeniy nad komi-permyatskoy leksikoy v «Pervonachal'nom uchebnike russkogo yazyka dlya cherdynskikh permyakov» 1906 g. [Some Observations on the Komi-Permyak Lexis in the “Elementary Textbook of the Russian Language for Cherdyn Permyaks” (1906)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 28–41. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-28-41 (In Russ.)

Представлены фрагменты лингвистического обзора коми-пермяцкого языка в «Первоначальном учебнике русского языка для чердынских пермяков» К. М. Мошегова (1906 г.). Данный труд, несмотря на неоднократные упоминания в научной литературе, ранее не становился предметом специального лингвистического исследования, хотя представляет большой интерес для пермистов и, шире, финно-угроведов. Учебник содержит более 1200 пермяцких лексем, отражает черты северного наречия коми-пермяцкого языка и в целом является ценным памятником коми-пермяцкой письменности. Основное внимание уделено сравнительно-историческому и сопоставительному исследованию отдельных коми-пермяцких лексем Учебника, которое проведено как на синхронном уровне (сравнение с языком печатных изданий 1860–1900-х гг.), так и на диахронном (сопоставление, с одной стороны, с языком письменных памятников 1780–1840-х гг., с другой – с нормами литературного коми-пермяцкого языка, отраженными в «Коми-пермяцко-русском словаре» 1985 г., и с примерами из диалектной хрестоматии «Речь северных коми-пермяков» 2016 г.). Анализ языкового материала предварен краткой справкой об авторстве и диалектной основе Учебника. По результатам лингвистического анализа выявлено значительное число архаичной и диалектной (севернопермяцкой) лексики, включая и гапаксы. В ряде случаев к рассмотренному материалу даны комментарии для дальнейшей этимологической разработки лексики, а также предложены конъектуры.

Ключевые слова: финно-угорские языки; пермские языки; коми-пермяцкий язык; северное наречие; лексикология; этимология; диалектная лексика; архаичная лексика.

Введение

Изучение рукописных документов и старых печатных изданий, являющихся источниками по истории языка, по-прежнему актуально и представляет большой исследовательский интерес. Между тем до сих пор на территории РФ мы име-

ем немало языков, историческое развитие и состояние которых не получило должного описания, несмотря на имеющиеся рукописные и печатные книги. К одному из таких языков относится коми-пермяцкий (или просто «пермяцкий»), входящий в пермскую ветвь финно-угорской семьи.

История письменности пермяцкого языка насчитывает немногим более трех столетий. Первой фиксацией пермяцкого языка и его диалектов можно считать текст молитвы «Отче наш» на «пермяцком» языке (*Het Gebed onzes Heeren, in de Tael van Permien*), опубликованный во втором издании сочинения Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» [Witsen 1705: 811–812] (в первом издании этот текст отсутствует, ср.: [Witsen 1692: 502])². По сведениям Ёньё Лава, коми-пермяцкий языковой материал содержится также в трудах Д. Г. Мессершмидта (1720 г.) и Ф. И. фон Страленберга (1730 г.) [Ёньё Лав 2018]. Чаще других среди первых источников по пермяцкому языку упоминаются глоссарии в записях ученых, путешественников и участников научных экспедиций середины XVIII в. [Müller 1758: 382–408; Fischer 1768: 162–165; Лепехин 1780: 196–197]. Коми-пермяцкие слова содержатся и в известном труде «Сравнительные словари всех языков и наречий...» [Паллас 1787]. С конца XVIII в. начинают создаваться словари относительно большого размера и грамматические очерки, посвященные исключительно коми-пермяцкому языку [Попов 1785а; 1785б; 1785в; Чечулин 1828; СРП 1848; Пономарев и др.]. См. также исторические обзоры по фиксации пермяцкого языкового материала: [Коми-пермяцкий язык 1962: 146–151; Баталова 1975: 7–10; Ёньё Лав 2009: 262–267; Федосеева 2015: 3–9]. К настоящему моменту специальных публикаций удостоились только рукописные коми-пермяцкий словарь Ф. А. Волегова 1833 г. [Rédei 1968] и грамматический очерк Ф. Любимова 1838 г. [Любимов 2007]. При этом исследователям известно о гораздо более богатых коми-пермяцким материалом рукописях второй половины XVIII – начала XIX в., которые находятся в разных библиотеках и архивах [Тепляшина 1965, 1969; Баталова 1965, 1967; Аксёнова 2000; Тараканов 2008], но до сих пор остаются неизданными и малоизученными.

Не меньшую ценность для изучения истории пермяцкого языка представляют и ранние печатные издания, опубликованные до 1920-х гг. Сперва это были достаточно объемные для своего времени грамматика и словарь Н. А. Рогова [Рогов 1860, 1869], а также перевод Евангелия от Матфея [Evangelium 1866]. В последующие годы это в основном религиозная и учебная литература. К последней относятся буквари и «книги для чтения» [Попов 1894; Букварь 1897; Букварь 1899; Букварь 1900; Попов 1904; Учебник 1906; Букварь 1908; Щапов 1909], публикация большинства из которых инициирована деятельностью Православного миссионерского общества «Братство святителя Гурия» и осно-

ванной при нем Переводческой комиссии [Журавский 2006: 490–492].

В настоящей статье представлены фрагменты лингвистического обзора пермяцкого языка в «Первоначальном учебнике русского языка для чердынских пермяков» К. М. Мошегова [Учебник 1906] (далее – Учебник). Данный труд, несмотря на неоднократные упоминания в научной литературе [Коми-пермяцкий язык 1962: 34; Галкина 2013: 126; Федосеева 2015: 4 и др.], ранее, насколько нам известно, не становился предметом специального лингвистического исследования. Лишь Л. Г. Пономаревой были установлены такие особенности пермяцкого языка Учебника, которые характерны для всех севернопермяцких диалектов [Пономарева 2016: 16]. Основное внимание в данной статье уделено сравнительно-историческому и сопоставительному исследованию отдельных коми-пермяцких лексем Учебника. Перед непосредственным анализом языкового материала приведем краткую биографическую справку о К. М. Мошегове, что позволит предварительно выдвинуть версию о диалектной принадлежности коми-пермяцкого языка, представленного в Учебнике.

Авторство и диалектная основа Учебника

Кондратий Михайлович Мошегов родился в 1881 г. в дер. Дурова Кочевской волости Чердынского уезда Пермской губернии [Бачев 1975: 128]. В 1901 г. окончил Казанскую учительскую семинарию, после чего работал в дер. Чазево Косинского района, где, как утверждает [Светлаков 1967: 92], он и написал свой «Букварь для пермяцких детей (на чердынском наречии)» [Букварь 1908]. Будучи учителем Чазевской школы, перевел на коми-пермяцкий язык басни И. Крылова и «Сказку о рыбаке и рыбке» А. Пушкина [Бачев, Зубов, Конин 1995: 71]. Работал также в Юкеевском начальном училище (1910–1913) [Юркина 2014: 8], после революции – учителем в школах Кочевского района и заведующим Косинского района [Светлаков 1967: 93]. «Он также проводил археологические раскопки в крае, изучал свадебные обряды, сказания, легенды» [Бачев, Зубов, Конин 1995: 71]. 15 августа 1937 г. арестован и меньше чем через месяц приговорен к 10 годам лишения свободы по обвинению в контрреволюционной деятельности³. Реабилитирован в 1962 г. [Светлаков 1967: 93].

Судя по всему, К. М. Мошегов с рождения был носителем кочевского диалекта северного наречия коми-пермяцкого языка, но по долгу службы мог быть хорошо знаком с особенностями говоров косинско-камского диалекта того же наречия. Вынесенное в заголовок Учебника понятие «чердынские пермяки», скорее всего, под-

разумеает здесь не географическое, а лингвистическое деление, т. е. означает не совокупность пермяков на территории Чердынского уезда Пермской губернии, а носителей северного наречия коми-пермяцкого языка. Это подтверждается как другими исследованиями [Оньё Лав 2006: 127; Пономарева 2016: 15], так и заглавием одного из букварей, см.: «Букварь для пермяцких детей (на чердынском наречии)» [Букварь 1908]. Впрочем, территория распространения северного наречия в начале XX в. полностью входила в состав Чердынского уезда, среди других волостей которой были Гаинская, Косинская, Кочевская, Чураковская, Юксеевская.

Таким образом, можно предварительно ожидать, что пермяцкая часть Учебника отражает черты северного наречия. Такой же точки зрения придерживается и М. Е. Галкина, см.: «...используется северный говор коми-пермяцкого языка: *лол* (лов), *кыл* (кыв), *омвелдӧр*» [Галкина 2013: 126]. Как считает Е. Н. Федосеева, Учебник «представляет косинско-камский диалект» [Федосеева 2015: 4].

Из наблюдений над коми-пермяцкой лексикой Учебника

Учебник содержит более 1200 пермяцких лексем, отражает черты северного наречия пермяцкого языка и в целом является ценным памятником коми-пермяцкой письменности. Среди коми-пермяцкой лексики Учебника встречается множество архаизмов, диалектизмов, слов, отличающихся от современных аналогов формой и/или семантикой. Некоторые лексемы из Учебника являются гапаксами и пока не нашли подтверждения в доступных источниках.

Далее представлены некоторые наблюдения над коми-пермяцкой лексикой Учебника, которые могут быть полезны при дальнейшей разработке проблем исторической грамматики, лексикологии, этимологии, диалектологии коми-пермяцкого и других уральских языков. Сравнительно-историческое и сопоставительное исследование проведено как на синхронном уровне (сравнение с языком печатных изданий 1860–1900-х гг.), так и на диахронном (сопоставление, с одной стороны, с языком письменных памятников 1780–1840-х гг., с другой – с нормами литературного коми-пермяцкого языка, отраженными в «Коми-пермяцко-русском словаре», 1985 г.). Если это не оговорено отдельно, лексемы и толкования даны в полном соответствии с цитируемым источником, за исключением того, что орфография толкований приведена к современным нормам⁴. Краткая справка о происхождении слов дана только в тех случаях, когда соответствующая статья есть в КЭСК [КЭСК]. Ес-

ли в ссылке есть только номер страницы без указания на источник, значит, материал почерпнут из Учебника [Учебник 1906]. Так как на страницах Учебника встречаются опечатки, в ряде случаев нами предложены конъектуры.

быгыля ‘круглый’ [25]. Судя по нормативному словарю, сохранилось в составе оборота *быгыля каджа вӧв* ‘лошадь с широким крупом, крутобокая лошадь’, см. также сев. *быгыль* ‘картофелина в мундире’ и, видимо, родственные литер. *быгыльтны* ‘катить, покатить’, *быгыльтчыны* ‘катиться, покатиться’ [КПРС: 48]. В кочевском диалекте см.: *сийа кыччӧкӧ быгыльчӧ* ‘эта фигура куда-то катится’ [Пономарева 2016: 101]. Слово *быгыль* ‘а’ ‘круглый’ зафиксировано Е. Н. Федосеевой в отдельных говорах северного наречия [Федосеева 2015: 127]. Обоснование исконности коми слов на финно-угорской почве см.: [КЭСК: 41].

быдныс ‘все’ [13] ~ литер. *быдӧн* ‘все, каждый, всякий’, *быдӧнныс* ‘все они’ [КПРС: 49, 609]. Или диалектная форма (см. инв. *Ӧтык мужык и кучисис асьсис шапкабердӧ, и быдныс тӧдысьӧ, што сьӧ гусявис денга* [Букварь 1900: 9]), или ошибка типографского набора.

веж ‘зеленый’ [25] ~ устар. *веж* ‘зеленый’ [КПРС: 60], сев. *вэж* ‘зеленый, не спелый’ [Федосеева 2015: 130], коми-зыр. повс. *веж* ‘зелень || зеленый; неспелый, недозревший’ [КСК 1: 167]. Допермское наследие [КЭСК: 49].

гадя ‘чайка’ [44] ~ совр. *каля* ‘чайка’ [ССПЯ: 244], но ср. *гаджа* ‘чайка’, «простонар.» ‘рыболовка’ [Рогов 1869: 35].

гӧрп ‘сустав’ [6]. Возможно, имеется в виду устар. *чӧроп* ‘сустав’ [КПРС: 540] или вариант с одним гласным *чорп*, ср. сев. *цӧрпть* ‘позвонок’ [Попов 1785а: л. 47 об.; 1785б: л. 7], обв. *чӧрпть* ‘позвонок’ [Чечулин 1828: л. 125] (эти и другие коми данные, которые приведены в КЭСК, не без сомнений полагаются прибалтийско-финскими заимствованиями, ср. фин. *sorppa* ‘ветвь, зубец, зазубрина’, карел. *tʃorppa* ‘двупалое копыто’ [КЭСК: 309–310], но коми-перм. *чорп*, скорее всего, не родственно указанному в КЭСК коми вв. *чорпни* ‘отскочить, отпрыгнуть, рикошетировать, пойти в сторону, отскочить от поверхности воды’, *чорпни* ‘касаться крылом воды (о птицах)’, а варьирование коми-перм. *чорп* ~ *чороп* может объясняться тем, что пермяцкий гласный второго слога в позиции между согласными, один из которых является сонорным (*р, л, ль, н, нь*), может выпадать [Коми-пермяцкий язык 1962: 86]). Литературные эквиваленты без каких-либо помет: *сустав* ‘сустав’ [КПРС: 458] и *йӧзви* ‘сочленение, сустав’ [КПРС: 158]. В более современном источнике *йӧзви* дано с пометой «устар.» [ССПЯ: 219]. Конъектура: **чорп* или **чороп*.

гöтыр в строке: *инь гöтыр* ‘жена’ [9]. Очевидно, упущена запятая между двумя синонимами – должно быть: «*инь, гöтыр*». Как бы то ни было, см. помету: *гöтыр* (редко) ‘жена’ [КПРС: 107]. См. сев. (мыс.-луп., иванч.) *гöтыр* ‘жена’ [Федосеева 2015: 131]. В собрании текстов современного северного наречия в песне, записанной от лупьинских пермяков, встретилось слово *гöтырпу* ‘невеста’ [Пономарева 2016: 338]⁵. Архаизм. Ср. также коми вс., вым., ижем., лл., нв., печ., скр., сс., удор. *гöтыр* ‘жена, супруга’ [КСК 1: 362]. См. вопросы к этимологии (древнескандинавское заимствование через прибалтийско-финские языки?) [КЭСК: 81].

грёчкán ‘дергач’ [43] ~ пелым. *гретишкán* ‘коростель’ [КПРС: 108]. Ср. коми лл., сс. *гретишкан* ‘коростель, дергач’ [КСК 1: 365]. Известны финские, марийские и эрзянские лексические параллели [КЭСК: 76].

гуня ‘армяк’ [16]. Отсутствует в КПРС и ССПЯ, но см. сев. ‘теплое пальто’: коч., кос.-кам., мыс., луп. *гун’а* [Пономарева 2016: 50–51, 175, 272, 308, 352], мыс. *гун’á* [Пономарева 2016: 307–308]. Заимствование из русских говоров, см. [СРНГ 7: 235–236].

ёштöм ‘спелый’ [25] ~ сев. *йэштöм* ‘спелый’ [Федосеева 2015: 137].

жов ‘калина’ [23] ~ литер. *жöвпу* ‘калина (ягоды и кустарник)’ [КПРС: 142]. Ср. сев. *жö* ‘калина’ [Попов 1785а: л. 15 об.; Попов 1785б: л. 18], усол. (1833, 1848 гг.), *жу* ‘калина (дерево)’ [СРП 1848: л. 28; Rédei 1968: 38], иньв. *жo*, *жов*, нердв. *жол* ‘калина’ [Рогов 1869: 50, 261]⁶, а также коми вв., нв. *жов* ‘калина’ [КСК 1: 520]. На основании сравнения с удмуртскими данными возводится к допермской праформе, см.: [КЭСК: 102].

истöг ‘спичка’ [27] ~ устар. *истöг* ‘спичка || спичечный’ [КПРС: 157], обв. *истэгъ* ‘сера горячая’ [Чечулин 1828: л. 43], *изтöг* ‘сера горячая’ [Рогов 1869: 57]. Ср. также коми вс., лл., нв., скр., сс. *истöг*, скр. *изтöг*, вв. *изтэг* ‘спички, спичка’, ижем. *истэг*, печ., скр. *изтöг*, вв. *изтэг* ‘сера’ [КСК 1: 586, 595]. Вариант *изтэг* считается наиболее близким к начальной форме, при коми *iz* ‘камень, каменный’ и *teg* ‘сера (горючая)’ [КЭСК: 110].

йöр ‘огород’ [24] ~ сев. *йöр* ‘огород’ [КПРС: 159; Федосеева 2015: 73, 137]. С привлечением коми, удмуртских и марийских родственных слов восстанавливается допермская праформа, см.: [КЭСК: 113].

йöр визись ‘огородник’ [10]. Исконное образование при *йöр* ‘загон, огороженный участок’, ‘изгородь; прясло’, сев. ‘огород’ [КПРС: 159] (см. выше) и *видзись* (прич. от *видзны*) ‘держатый, поддерживающий’, ‘тот, кто держит (раз-

водит) кого-что-л.’, ‘тот, кто ведает (распоряжается) чем-л.’ [КПРС: 70].

кизер нök ‘сливки’ [19] ~ литер. *йöв вевдöр* ‘сливки’, ‘сметана’ [КПРС: 158], *нök* ‘сливки’ [ССПЯ: 206], сев. (пятиг., чур., пукс., б.-коч., лёв., чаз., пелым., юкс., хаз., иванч.) *нöрз’öм* ‘сливки’ [Федосеева 2015: 147, 164]. Исконное образование, см. *кизер*, *кизьöр* ‘жидкий’ [КПРС: 172] (от общеперм. [КЭСК: 123]) и *нök* (косв. пад. *нökй-*) ‘сметана’ [КПРС: 278] (от общеперм. [КЭСК: 195]).

кизуль ‘пуговица’ [17] ~ литер., диал. (кос.-кам.) *кизь* ‘пуговица’ [ССПЯ: 183; Пономарева 2016: 163]. В КПРС слово *кизь* отсутствует, несмотря на наличие производных *кизьтöм* ‘без пуговиц’, ‘расстегнутый, незастегнутый’, *кизя* ‘на застежке, на пуговицах’, *кизявны* ‘застегивать, застегнуть’, *кизясьны* (возвр. от *кизявны*) ‘застегиваться, застегнуться’ и др. [КПРС: 172]. Конъектура: **кидзуль*, см. в рукописных и печатных словарях второй половины XVIII – начала XIX в.: сев. *кидзюль* ‘пуговица’ [Попов 1785а: л. 19], *киздзюль* ‘пуговица’ [Попов 1785б: л. 23], обв. *кизизюль* (изначальный вариант в рукописи – **кизизюль*; позже *ь* зачеркнут, а *д* исправлена на *з*) ‘пуговица для украшения’ [Чечулин 1828: л. 47], усол. (1833, 1848 гг.) *киздзюль* ‘пуговица’ [СРП 1848: л. 62 об.; Rédei 1968: 44], иньв. *кидзюль*, *кизидзюль* ‘застежка и пуговица (пуговка)’ [Рогов 1869: 69]. Ср. трансформацию дефиниции при цитировании: *кидзуль* (Рог[ов.]) ‘медная старинная пуговица’ [КПРС: 172]. Общепермское наследие [КЭСК: 123].

кока-жсек ‘скамья’ [28] ~ *кокаджек* диал. ‘станок для ребенка, который еще не ходит (из полого ствола дерева)’ [КПРС: 178]. См. в источниках XIX в. *кокачжсекъ* ‘скамья’: обв. [Чечулин 1828: л. 49], усол. [СРП 1848: л. 72] (ср. вариант в печатной версии: *кокъ чжсекъ* [Rédei 1968: 44]), караг. [Пономарев: л. 29 об.]. Исконный композит при *кока* ‘с какими-л. ногами’, ‘на ножках’ [КПРС: 178] и *джек* ‘чурбан (используемый как стул)’ [КПРС: 117].

кöзича ‘наволочка’ [16] ~ литер. *наволочка*, иньв. *навочка*, *наочка* ‘наволочка’ [КПРС: 263], но ср. *кöзича* ‘торба’ [Рогов 1869: 76], мыс. *кöз’ича* ‘мешочек’ [Пономарева 2016: 288], н.-иньв. *кöз’ича* ‘мешочек из хлопчатобумажной ткани’ [Пономарева 2018]. Ср. также коми ижем. *кöзича* ‘мешочек для муки’, вс. *кöзича*, лл. *кöзичка* ‘маленький холщовый кошелек’ [КСК 1: 726]. Заимствование из русских говоров, см. *кöзица* ‘небольшой мешок’ (Чердын. Перм.; Урал.; Сиб.), ‘мешок для денег из шкуры небольшого животного’ (Том.; Сиб.), *козичка* ‘небольшой мешок’ (Перм.) [СРНГ 14: 66].

лысом ‘туловище’ [3]. В литер. ‘туловище’ скорее [ССПЯ: 228] выражается словами *туша*

‘туловище, стан; телосложение’, ‘рост’, ‘туша’ [КПРС: 592] или *вывтыр* ‘тело’ [КПРС: 90]. Известно также *лысин* ‘тело, телосложение’, ‘сила, силы’ [КПРС: 233], в котором и следует видеть нормированный вариант при архаичном или диалектном слове из Учебника. Любопытен современный диалектизм, присущий отдельным говорам северного наречия, но также формально отличающийся от *лысом*: б.-коч., коч., хаз. *лыс’им*, дан., лёв., пукс., чаз., юкс. *лыс’ом* ‘тело, телосложение’ [Федосеева 2015: 143]. По форме с последней лексемой напрямую соотносится коми вв., вс., вым., ижем., лл., нв., печ., скр., сс., удор. *лы-сьом* ‘кости, скелет’ [КСК 1: 872]. В коми языках лексема является композитом (при *лы* ‘кость’ и *сьом* ‘чешуя (рыбья)’), оба компонента которого унаследованы с финно-угорской эпохи [КЭСК: 163, 270]. В связи со всем этим может быть предложена конъектура **лыс’ом/лысьом*.

мырыл ‘пень’ [48] ~ *мыр*, н.-иньв. *мыр’ов*, сев. *мырыл* ‘пень’ [КПРС: 261].

нужен ‘тощий’ [37] ~ сев. *нуж’еник* ‘худой, хилый’, ‘медлительный, ленивый’ [КПРС: 278].

омвёлдор ‘нёбо’ [5]. Архаизм. Понятие отсутствует в КПРС и ССПЯ. Для язьвинского идиома дано *йм нёбо* ‘нёбо’ [РКЯС: 156]. В коми диалектах см.: скр., сс. *вом ан*, нв., печ. *вом вылыс*, печ. *вом канан*, вым. *вом небе*, сс. *вом п’отёл’ок*, вв. *вом п’отэл’эк* ‘(анат.) нёбо’ [КСК 1: 240–242], вым. *неб’о* ‘(анат.) нёбо’ [КСК 1: 979]. Пермяцкое слово *омвёлдор* ‘нёбо’ представляет собой композит, образованный исконными средствами на основе *ом* ‘рот | ротовой’, ‘пасть, зев (животного)’ [КПРС: 305] и *вёлдор* ‘поверхность (чего-л.), верхняя наружная сторона’ [КПРС: 58] с поправкой последнего на **вёлдор* при учете «эловости» Учебника. Аналогично образовано приведенное выше коми нв., печ. *вом вылыс* при вв., вым., ижем., лл., нв., печ., скр., сс. *вом* ‘рот; пасть, зев (у животных); клюв (у птиц)’ [КСК 1: 239] и вым., ижем., нв., скр., удор. *вылыс* ‘верх, верхняя часть, верхний слой, поверхность | верхний, находящийся вверху’ [КСК 1: 295].

пар-кача ‘пигалица’ [43] ~ устар. *парк’атша* ‘вид сороки’ [КПРС: 324].

песок визан ‘песочница’ [15]. См. *пес’ок* ‘песок’ [КПРС: 334] и *вид’ан* (прич. от *вид’зны*) ‘место, помещение для кого-чего-л.’ [КПРС: 70]. В Учебнике опечатка. Конъектура: **пес’ок визан*. В данном случае, так как слово встретилось в разделе «Учебные принадлежности», его семантика – не ‘заполненный песком низкий ящик для детских игр’, а ‘прибор, употреблявшийся в старину (до появления промокательной бумаги) для посыпания песком написанного чернилами с целью просушки’ [БАС 16: 482–483].

поданолл’от’ис ‘пастух’ [10]. Не обнаружено в доступных пермяцких источниках. Обычно: литер. *паст’ух*, диал. *паст’ук* ‘пастух’ [КПРС: 325], *м’ос видз’ис’ь* ‘пастух’ [ССПЯ: 160]. Исконное образование, см. *п’ода* ‘скот | скотный’ [КПРС: 350] (в пермских языках является иранизмом, см.: [КЭСК: 223; Лыткин 1975: 90]) и *нов’ид’от’ис’ь* (прич. от *нов’ид’отны*), сев. *нол’ид’от’ис’ь* ‘носящий, разносящий’, ‘водящий, разводящий’, ‘разносчик, перевозчик’ [КПРС: 275]. В таком случае конъектура **поданол’ид’от’ис’ь* или **поданолл’от’ис’ь*. Последняя форма выведена с учетом того факта, что «в некоторых северных диалектах имеет место ассимиляция *й* середины слова и другими твердыми согласными», см., в частности, пукс. *нол’ид’от’ис* ‘он таскал’ [Баталова 1975: 57].

п’ожым ‘сосна’ [48] ~ *п’ожум* ‘сосна | сосновый’ [КПРС: 353], но ср. коми нв. *пожым* ‘сосна | сосновый’ [КСК 2: 141]. Варьирование гласных *ы* ~ *у* в непервом слоге в словах *п’ожым* ~ *п’ожум* ‘сосна’, *г’ожым* ~ *г’ожум* ‘лето’, *турын* ~ *турун* ‘трава, сено’, *вурын* ~ *вурун* ‘шерсть (овечья)’ относится к языковым особенностям, встречающимся во всех северных диалектах [Пономарева 2016: 25], см. примеры на *пожым* [Пономарева 2016: 128, 279, 313] и даже сосуществование в одном из текстов косинско-камского диалекта форм *пожумов’ой’о* ‘сосновый [камбий]’ и *п’ожым’ис* ‘из сосны [выходит]’ [Пономарева 2016: 127]. Финно-угорское наследие [КЭСК: 223].

пул-яг’од ‘брусника’ [23] – севернопермяцкий диалектизм. Ср. литер. *пуяг’од*, диал. *пул* ‘брусника’ [ССПЯ: 17] (в КПРС на своем месте отсутствует). Известно, что слово *пул* ‘брусника’ фиксировалось уже с конца XVIII в. [Федосеева 2015: 3], см. сев. *пуль* ‘брусника /ягода/’ [Попов 1785а: л. 37 об.], *пуль* ‘брусница’ [Попов 1785б: л. 18 об.], усол. (1833 г.) *пуль-яг’одь* ‘брусника’ [СРП 1848: л. 6 об.], усол. (1848 г.) *пуль яг’одь* ‘брусника’ [Rédei 1968: 73], иньв. *пув*, нердв. *пул* ‘брусника, брусничник’, иньв. *пув яг’од* ‘ягода брусника’ [Рогов 1869: 134]. См. варианты в современных говорах северного наречия: *пул’яг’од* ‘брусника’ [Федосеева 2015: 22, 23], кос.-кам., мыс. *пу’яг’од* [Пономарева 2016: 146, 166, 273], кос.-кам. *пу’яг’од* [Пономарева 2016: 221], мыс. *пу’л’яг’од* [Пономарева 2016: 317], луп. *пу’л’яг’од*, *пу’яг’од* ‘брусника’ [Пономарева 2016: 329, 354]. Чаще этих названий в разных вариантах отмечается русское заимствование: *брусн’ика* [Пономарева 2016: 51, 114, 166, 170, 354], *брусн’ика* [Пономарева 2016: 221, 317, 318, 348]. Примечательно сосуществование в отдельных идиолектах исконного и заимствованного названий: мыс. *пу’л’яг’од* vs. *брусн’ика* [Пономарева 2016: 317], луп. *пу’яг’од* vs. *брусн’ика* [Пономарева 2016: 354]. Финно-угорское наследие [КЭСК: 230].

садник ‘огород’ [24]. Без территориальных помет в КПРС даны слова *карчйӧр* (ср. [карч] *йӧр* [ССПЯ: 149]), *огорейч*, *огородеч* ‘огород’ [КПРС: 166, 288]. Е. Н. Федосеева приводит следующее распределение этих и других вариантов по современным говорам: южн. – *огород’эч*, *огорэч* [Федосеева 2015: 73, 76]; сев. – мыс.-луп. *град* [Федосеева 2015: 131], мыс.-луп., хар., пятиг., пукс., чур. *йӧр* [Федосеева 2015: 73, 137], чаз., мыс. *капус’ник*, мыс.-луп., чаз., пелым., юкс., дан., иванч. *капус’ник* [Федосеева 2015: 73, 76, 138, 175], лёв., чур., пукс. *нумэр* [Федосеева 2015: 72, 147, 173, 175]. По другим данным, диалектам северного наречия известны варианты: коч., кос.-кам. *огорӧд* [Пономарева 2016: 59, 72, 176, 265], коч., кос.-кам. *капус’ник* [Пономарева 2016: 79, 82, 202], кос.-кам., луп. *йӧр* [Пономарева 2016: 171, 218, 327]. Данный пример подтверждается русскими диалектными материалами, ср. *садник* ‘участок земли для посадки’ («*Ты сегодня такой садник запахал. Сад, огород значит*». Пудож. Карел.) [СРГК 5: 621], *садник* ‘огород’, ‘палисадник’ (Бурят. АССР) [СРНГ 36: 30]. В диахронии: *садникъ* ‘огород или сад’ (Пск., 1510) [СлРЯ XI–XVII вв. 23: 15]. Судя по всему, пермяцкое *садник* ‘огород’ заимствовано из говоров севернорусского наречия, однако в источниках по русским говорам Прикамья и смежных территорий полного соответствия не обнаружено. К рассмотрению не принимаются варианты с семантическими девиациями, как то: *садник* ‘пристройка к боковой или задней стене дома для различных хозяйственных принадлежностей или в летнее время для домашнего скота’ (Кич.-Городец., Никол. Волог.) [СВГ 9: 85] или ‘огороженное место во дворе под навесом для хранения хозяйственного инвентаря’ (Лузск., Нагорск., Подосин. Киров.) [ОСВГ 10: 10]. Таким образом, пример важен для исторической лексикологии не только пермяцкого, но и русского языка.

сирпу ‘вяз’ [48] ~ устар. *сирпу* ‘вяз’ [КПРС: 431]. Ср. коми вв., нв., печ. *сирпу* ‘вяз’ [КСК 2: 379]. Финно-угорское наследие [КЭСК: 237].

су ‘сто’ [54], сюда же: *кыксу* ‘двести’, *куимсу* ‘триста’, *нэльсу* ‘четыреста’, *витсу* ‘пятьсот’, *кватъсу* ‘шестьсот’, *сизимсу* ‘семьсот’, *кыкъямыссу* ‘восемьсот’, *ӧкмыссу* ‘девятьсот’, *дассу* ‘тысяча’ [54], *су руб* ‘сто рублей’ [57]. Обычно: *сто* ‘сто’ [КПРС: 451]. См. также устар. *сё* ‘сто’ [КПРС: 424], *дас’јесдас* (ср. в другой части словаря *дас’јесдас* [Рогов 1869: 382]), *дасдас* ‘сто’ [Рогов 1869: 44]. В других пермских языках обычно: коми-зыр. *сё*, удм. *сю* [ССПЯ: 216], бесерм. *s’ш* [Лыткин 1964: 61] (указанное В. И. Лыткиным со ссылкой на Захария Кротова удм. *сiд* [Лыткин 1964: 61] в источнике на самом деле выглядит как *сю* ‘сотня, сто, сотенный’

[Кротов 1995: 209]). Финно-угорское наследие, см. когнаты в других финно-угорских языках и восстанавливаемую на их основе праформу фин.-угор. **sata* [КЭСК: 252; UEW: 467]. В финно-угорских языках это слово относится к пласту праарийских заимствований [КЭСК: 252; Лыткин 1975: 87; SKES: 979; UEW: 467]. Анализируемый пермяцкий гапакс по вокализму близок к удмуртским формам.

сыпора ‘в то время’ [13] ~ литер. *сэж*, *сэжи* ‘тогда, в то время, в ту пору’ [КПРС: 465]. Композит при *сы-* (косв. от *сия* ‘он’, ‘она’, ‘оно’ [КПРС: 432, 606]) и *пора* ‘пора, время, сезон’ [КПРС: 358], известный по крайней мере в нижнеиньвенском диалекте [Пономарева 2018].

тэят ‘твой’, ‘твоя’, ‘твое’ [12] ~ литер. *тэнат* (род. пад. от *тэ*) [КПРС: 502, 606]. При этом еще в Грамматике Н. А. Рогова см. *тӧнат*, *тӧжат* ‘у тебя’, ‘твой’ [Рогов 1860: 32]. Аналогично см.: *мэнам*, *мэям* ‘мой’, ‘моя’, ‘мое’ [12] ~ литер. *мэнам*, диал. *мэям* (род. пад. от *ме*) [КПРС: 247, 249, 606].

турын ‘сено’, *турыннэз* ‘травы’ [21], *турынъ* (уль) ‘трава’, *шыӧбса турын* ‘лебеда’ [22], *турын-юр* ‘копна’ [40] ~ *турун* ‘трава || травяной’, ‘сено || сенной’ [КПРС: 495]. Ср. язв. *турынъ* ‘трава’ [Овчинников 1784–1785: л. 2 об.], сев. *турынъ* ‘трава, сено’ [Попов 1785а: л. 45 об.], *турынъ* ‘трава’ [Попов 1785б: л. 16], язв. *турӧн*, *турӧн* ‘трава, сено’ [Лыткин 1961: 188], *турун юр* ‘копна сена’ [КПРС: 495]. Объясняется тем, что в ряде слов во всех севернопермяцких диалектах «наблюдается варьирование гласных *ы* ~ *у* в первом слоге» [Пономарева 2016: 25], подробнее см. выше *пӧжым*. Допермское (финно-угорское) наследие [КЭСК: 287].

учитик ‘маленький’ [8] ~ *учӧтик* [Коми-пермяцкий язык 1962: 224] при *учӧт* ‘маленький’ [ССПЯ: 121], см. у А. Попова сев. *уӧтътикъ* ‘маленький’ [Попов 1785а: л. 47], Ф. А. Волегова усол. *учетикъ* ‘мал’ [Rédei 1968: 90], Н. А. Рогова иньв. *учетик* ‘маленький’ [Рогов 1869: 170], а также четыре варианта в современном северном наречии: *учит’ик* [Пономарева 2016: 40, 76, 125, 132, 146, 185, 192, 215, 223, 254], *учӧт’ик* [Пономарева 2016: 49, 66, 69, 72, 78, 105, 115, 119, 120, 124, 145, 146, 150, 151, 170, 192, 194, 235, 256, 269, 271, 275, 281, 285, 296, 304, 310, 318, 322, 351], *учӧт’ик* [Пономарева 2016: 107, 123, 136, 299, 309, 336, 363], *учт’ик* [Пономарева 2016: 333]. Любопытно сосуществование нескольких вариантов в рамках отдельных идиомов, см.: [Пономарева 2016: 146, 192]. Общепермская праформа реконструируется с иным анлаутом: **ič’-* ‘маленький’ [КЭСК: 110].

чӧчкӧм ‘белый’ [8] – возможно, севернопермяцкий диалектизм. Ср. *чӧчком* ‘белый’, ‘бело-

курый, белобрысый', 'белый, светлый', 'чистый', 'зелёный (о ягодах)' [КПРС: 541], но также *чочкӧм*, спорадически фиксируемое в северном наречии, см.: [Пономарева 2016: 213, 248, 287, 311, 353]. Ср. также коми вс., вым., лл., печ., сс. *чочкӧм* 'чистый; приятный, привлекательный' и в др. знач. [КСК 1: 725]. Общекоми лексическое наследие; дальнейшие сравнения с марийскими и саамскими словами требуют более тщательной разработки [КЭСК: 110].

шыдӧса турын 'лебеда' [22] ~ сев. *лѣбеда* 'лебеда /трава/' [Попов 1785а: л. 25], *лѣбеда* 'лебеда' [Попов 1785б: л. 18], *лебеда, пӧдтурун* 'лебеда' [ССПЯ: 115]. Исконное образование при *шыдӧса* 'крупяной, с крупой', 'рассыпчатый' [КПРС: 575] и сев. *турын* 'трава, сено' (подробнее см. выше). Ср. также коми вс. *шыдӧс турун*, скр. *шыдэса турун* 'лебеда' [КСК 2: 819, 820]. По одной из гипотез, возводится к коми *шыд* 'суп', т. е. *шыдӧс* – 'то, чем заправляют суп', см. подробнее: [КЭСК: 325].

ямыс 'восемь' [53]. Архаизм. Ср. язв. устар. *йӧмӧс* 'восемь' [Лыткин 1961: 119].

Некоторые выводы

Можно с уверенностью констатировать, что «Первоначальный учебник русского языка для чердынских пермяков» 1906 г. является ценным источником по исторической фонетике и лексикологии коми-пермяцкого и, шире, пермских языков. Несмотря на небольшой объем Учебника, в его тексте отмечено много диалектных и архаичных слов (*быгыля, быдныс, веж, гӧдя, гӧрп, гӧтыр, гречкан, гуня, ештӧм, жов, истӧг, йӧр, кизуль, кока-жсек, лысом, мырыл, пар-кача, пожым, пул-ягӧд, сирпу, тэят, турын, учитик, чочкӧм, ямыс*), а также гапаксов (*йӧр визись, кизер нӧк, кӧзича, нӧжен, ъмвелдӧр, песӧк визап, поданоллӧт'ис', садник, су, сыпора, шыдӧса турын*), пока не подтвержденных другими пермяцкими источниками. Некоторые из этих гапаксов также являют свою архаичную или диалектную основу. Разумеется, большое количество гапаксов может быть объяснено отсутствием единого корпуса коми-пермяцких текстов и вообще низким уровнем их доступности для широкого круга исследователей.

В ряде случаев к рассмотренному материалу нами даны комментарии для дальнейшей этимологической разработки лексики (*гӧрп, гуня, йӧр визись, кизер нӧк, кока-жсек, кӧзича, ъмвелдӧр, песӧк визап, поданоллӧт'ис', садник, сыпора, шыдӧса турын*), а также предложены конъектуры (**чорп/чӧроп* вм. *гӧрп*, **кидзуль* вм. *кизуль*, **лыс'ӧм* вм. *лысом*, **песӧк визап* вм. *песӧк визап*, **поданоллӧтись* вм. *поданоллӧт'ис'*).

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00119а. Словарь по «Первоначальному учебнику русского языка для чердынских пермяков» доступен в сети: <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/1620/24/perspective/1620/25/view> (начальные формы), <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/1620/24/perspective/1620/26/view> (парадигмы). Сам Учебник опубликован на сайте Российской национальной библиотеки: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000000722/view>. Автор благодарит Л. Г. Пономареву и Е. Н. Федосееву за ценные замечания к предыдущим вариантам статьи.

² А. И. Туркин посвятил анализу этого текста специальную статью [Туркин 1993]. В ней он рассмотрел некоторые особенности графики и орфографии, сравнил архаизмы с современными коми-зырянскими и коми-пермяцкими словами и пришел к выводу, что «молитва была переведена на один из южных диалектов древнепермского языка, очень близкий современному коми-пермяцкому языку. Мы знаем, что древнепермский язык функционировал не только на территории Вычегодской Перми с центром Усть-Вымь, но и на территории Перми Великой в бассейне Камы <...> Следовательно, рассматриваемый памятник древнепермской письменности – перевод молитвы «Отче наш» – относится к территории Перми Великой, глаголемой Чусовая» [Туркин 1993: 280]. Сокращенный вариант этих выводов приведен и в статье А. И. Туркина, посвященной Н. Витсену, в энциклопедии «Коми язык» [Туркин 1998: 57]. Относительно этих наблюдений Оньё Лав заключает: «Текст этого издания признает коми-пермяцким А. И. Туркин, хотя его аргументация и не представляется вполне достаточной» [Оньё Лав 2009: 263].

³ Показательно, что в характерном для своего времени очерке истории образования в Коми-Пермяцком округе среди прочих «дореволюционных» учителей-пермяков имя К. М. Мошегова не упоминается [Кривошекова 1956: 29]. Также в указанном очерке «Первоначальный учебник русского языка для пермяков» (*sic!* – без уточнения наречия/диалекта) небрежно назван Азбукой Е. Попова [Кривошекова 1956: 31].

⁴ Ради более удобного сопоставления в примерах, цитируемых из книги Л. Г. Пономаревой [Пономарева 2016], точка сверху после ударного гласного [·], обозначающая ударение, заменена на акут [´]. При цитировании материала из Словаря Н. А. Рогова [Рогов 1869] особые графемы, обозначающие аффрикаты [дж] и [дз], передаются через *дж* и *дз* соответственно.

⁵ Л. Г. Пономарева предполагает, что это слово заимствовано лупьинцами у коми-зырян вместе с песней [Пономарева 2018], ср. коми-зыр. *гöтырпу* 'невеста, будущая жена' [КРК: 158].

⁶ Следует пояснить, что подразумевается Н. А. Роговым под «южным наречием». См. слова автора: «в алфавитном порядке дано место обоим местным наречиям, различающимся употреблением букв *в* и *л*; исключая тех случаев, когда по алфавиту оба наречия приходилось ставить рядом, одно ниже другого. Второе наречие, в котором буква *в* первого наречия заменяется буквою *л*, принято называть южным и все слова этого наречия сопровождать буквою *ю*» [Рогов 1869: V]. Здесь, разумеется, неточность: в основном, насколько известно, Н. А. Рогов записывал «взовые» кудымкарско-иньвенские диалекты от «народа, живущего в иньвенской даче» [Попова 2015: 242], а то, что он называет южным наречием, скорее всего, является нердвинским диалектом, который, как и северное, верхнекамское, язьвинское наречия коми-пермяцкого языка, является «эловым» [Баталова 1982: 61]. Таким образом, имеется неточность и у составителей «Коми-пермяцко-русского словаря», которые справедливо утверждают, что в словаре Рогова «представлена лексика южного (иньвенского) наречия», но при этом не упоминают о нердвинских вкраплениях [КПРС: 6]. Здесь и далее роговская помета «ю[жн].» заменяется на «нердв.».

Сокращения

бесерм. – бесермянское наречие удмуртского языка

б.-коч. – больше-кочинский говор кочёвского диалекта северного наречия коми-пермяцкого языка

вв. – верхневычегодский диалект коми-зырянского языка

возвр. – возвратное

вс. – верхнесысольский диалект коми-зырянского языка

вым. – вымский диалект коми-зырянского языка

дан. – даниловский говор косинско-камского диалекта северного наречия коми-пермяцкого языка

диал. – диалектное

димин. – диминутив

иванч. – иванчинский говор косинско-камского диалекта северного наречия коми-пермяцкого языка

ижем. – ижемский диалект коми-зырянского языка

иньв. – иньвенский говор кудымкарско-иньвенского диалекта южного наречия коми-пермяцкого языка

карел. – карельский язык
караг. – карагайский диалект южного наречия коми-пермяцкого языка

коми-зыр. – коми-зырянский язык

коми-перм. – коми-пермяцкий язык

косв. пад. – форма косвенных падежей

кос.-кам. – косинско-камский диалект северного наречия коми-пермяцкого языка

коч. – кочёвский диалект северного наречия коми-пермяцкого языка

кук. – кукушкинский говор кочёвского диалекта северного наречия коми-пермяцкого языка

лёв. – лёвичанский говор косинско-камского диалекта северного наречия коми-пермяцкого языка

литер. – литературное

лл. – лузско-летский диалект коми-зырянского языка

луп. – лупьинский говор мысовско-лупьинского диалекта северного наречия коми-пермяцкого языка

мыс. – мысовский говор мысовско-лупьинского диалекта северного наречия коми-пермяцкого языка

мыс.-луп. – мысовско-лупьинский диалект северного наречия коми-пермяцкого языка

нв. – нижневычегодский диалект коми-зырянского языка

нердв. – нердвинский диалект южного наречия коми-пермяцкого языка

н.-иньв. – нижеиньвенский диалект южного наречия коми-пермяцкого языка

обв. – обвинский диалект южного наречия коми-пермяцкого языка

общеперм. – общепермское (реконструкция)

пелым. – пелымский говор кочёвского диалекта северного наречия коми-пермяцкого языка

печ. – печорский диалект коми-зырянского языка

повс. – повсеместно

пукс. – пуксибский говор косинско-камского диалекта северного наречия коми-пермяцкого языка

пятиг. – пятигорский говор косинско-камского диалекта северного наречия коми-пермяцкого языка

сев. – северное наречие коми-пермяцкого языка

скр. – присыктывкарский диалект коми-зырянского языка

совр. – современное

сс. – среднесысольский диалект коми-зырянского языка

удар. – ударский диалект коми-зырянского языка

удм. – удмуртский язык

усол. – усольский диалект северного наречия коми-пермяцкого языка
устар. – устаревшее
фин. – финский язык
фин.-угор. – финно-угорское (реконструкция)
хаз. – хазовский говор кочёвского диалекта северного наречия коми-пермяцкого языка
хар. – харинский говор косинско-камского диалекта северного наречия коми-пермяцкого языка
чаз. – чазёвский говор косинско-камского диалекта северного наречия коми-пермяцкого языка
чур. – чураковский говор косинско-камского диалекта северного наречия коми-пермяцкого языка
юкс. – юксеевский говор кочёвского диалекта северного наречия коми-пермяцкого языка
язьв. – язвьинское наречие коми-пермяцкого языка

Список источников

БАС – *Большой академический словарь русского языка* / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004–2017. Т. 1–24 (издание продолжается).
Букварь 1897 – *Букварь* для (северо-восточных, иньвенских) пермяков: (Опыт). Казань: Типолитография Императорского университета, 1897. 14 с.
Букварь 1899 – *Букварь* для пермяков Иньвенского края: (Опыт). Казань: Типолитография Императорского университета, 1899 (обл. 1897). 14 с.
Букварь 1900 – *Букварь* для (северо-восточных, иньвенских) пермяков. Изд. 2-е. Казань: Типолитография Императорского университета, 1900. 14 с.
Букварь 1908 – *Мошегов К. М., Щанов П. В.* Букварь для пермяцких детей (на чердынском наречии). Казань: Центральная типография, 1908. 40 с.: ил. (Издание Переводческой комиссии при Управлении Казанского учебного округа. № 24).
КПРС – *Коми-пермяцко-русский словарь* / сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривощёкова-Гантман. М.: Русский язык, 1985. 624 с.
КРК – *Коми-роч кывчукор* = Коми-русский словарь / Е. А. Айбабина, Л. М. Безносилова, Р. И. Коснырева; под ред. Л. М. Безносиловой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 816 с.
Кротов 1995 – *Кротов З.* Удмуртско-русский словарь: около 5000 слов / предисл. Т. И. Тепляшиной; отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск: Удмурт. институт ИЯЛ УрО РАН, 1995. 308 с.

(Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие; Памятники удмуртской филологии I).

КСК – *Безносилова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева Н. К., Коснырева Р. И.* Коми сёрнисикас кывчукор = Словарь диалектов коми языка: в 2 т. / под ред. Л. М. Безносиловой. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2012, 2014. Т. 1: А–О. 1096 с. Т. 2: Ö–Я. 888 с., ил.

КЭСК – *Краткий* этимологический словарь коми языка / сост. В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев; под ред. В. И. Лыткина. М.: Наука, 1970. 386 с.

Лепехин 1780 – Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина <...> по разным провинциям Российского Государства в 1771 году. (Третья часть дневных записок путешествия Ивана Лепехина). СПб.: Имп. акад. наук, 1780. 429 с.

Любимов 2007 – *Краткия* грамматическия правила принадлежация къ знанию пермятскаго языка составленныя города Соликамска Свято Троицкаго Собора Протоіереемъ Θεодоромъ Любимовымъ 1838 года февраля 8-го дня. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2007. 240 с. (Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. V).

Овчинников 1784–1785 – *Список* русских слов с переводом на черемисский и вотский (Красноуфимский окр.) и пермяцкий (Чердынский окр.) за подписью Никиты Овчинникова / СПбФ АРАН. Ф. 94. Оп. 2. № 113. 6 л.

Оньо Лав 2018 – *Оньо Лав.* Коми гижод 1920' воясодз. URL: http://wiki.komikyv.org/index.php/Коми_гижод_1920'_воясодз. Дата последнего изменения: 30.04.2018.

ОСВГ – *Областной словарь вятских говоров* / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров: Изд-во ВятГГУ; Радуга-ПРЕСС, 1996–2016. Вып. 1–10 (издание продолжается).

Паллас 1787 – *Сравнительные* словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Часть первая / сост. П. С. Паллас. СПб.: Тип. Шнора, 1787. 409 с.

Пономарев – *Пермяцкий* словарь. Сообщено в Пермский губернский статистический комитет Васильем Пономаревым // ГБУ «Государственный архив Республики Татарстан» (ГБУ ГА РТ). Ф. 10. Оп. 5. Д. 880. 38 л.

Пономарева 2018 – Из переписки с Л. Г. Пономаревой.

Попов 1785а – *Краткий* пермский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный города Перми Петро-Павлов-

ского собора протоиереем Антонием Поповым, 1785 года // РНБ. ОР. Эрм. 206. 81 л.

Попов 1785б – *Краткий пермский словарь* с российским переводом, собранный и по разным материям расположенный города Перми Петро-Павловского собора протоиереем Антонием Поповым, 1785 года // РНБ. ОР. Эрм. 207. 29 л.

Попов 1785в – *Примечания*, принадлежащие к грамматике пермского языка сочиненные города Перми Петро-Павловского собора протоиереем Антонием Поповым с помощью некоторых пермяков, знающих российский язык, 1785 года // РНБ. ОР. Эрм. 208. 33 л.

Попов 1894 – *Выддем пермяк понда* / Гижис ученьшик Е. Попов. Пермь: Типография Н-ков П. Ф. Каменского, 1894. 15 с.

Попов 1904 – *Выддем коми отир челядь понда*: Азбука и первая книга для чтения в пермяцких школах / составил учитель Е. Попов. Казань: Типолиотография Императорского университета, 1904. 158 с.

РКЯС – *Лобанова А. С., Кичигина К. С.* Русско-коми-язвинский словарь. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2012. 244 с.

Рогов 1869 – *Рогов Н. А.* Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1869. VI + 415 с.

САР – *Словарь Академии Российской*. СПб.: Императорская академия наук, 1789–1794. Т. 1–6.

СВГ – *Словарь вологодских говоров* / ред. Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. Вологда: Изд-во Вологодского гос. пед. ин-та, Изд-во Русь, 1983–2007. Вып. 1–12.

СлРЯ XI–XVII вв. – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / гл. ред. С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелёв, Г. А. Богатова, В. Б. Крысько, Р. Н. Кривко. М.: Наука, Азбуковник, 1975–2015. Вып. 1–30 (издание продолжается).

СРГК – *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005. Т. 1–6.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2018. Вып. 1–50 (издание продолжается).

СРП 1848 – *Словарь русско-пермяцкий* [г. Усолье, 1848] // [Электронная копия]. 93 л.

ССПЯ – *Сравнительный словарь пермских языков* / сост. Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, Е. А. Игушев, О. П. Аксёнова. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2004. 258 с.

Учебник 1906 – *Первоначальный учебник русского языка для чердынских пермяков*. Казань: Типолиотография Императорского университета, 1906 (обл. 1907). 77 с.

Чечулин 1828 – *Лексикон пермского языка*, выбранный и по алфавиту расположенный села Кудымкарского бывшим священником Иереем Георгием Чечулиным // СПФ АРАН. Ф. 94. Оп. 1. № 219. 113 + 1 л.

Щапов 1909 – *Щапов П.* Вторая книга для чтения и практических упражнений на пермяцком языке / Изд. под ред. К. М. Мошегова и Д. Ф. Богданова. Казань: Центральная типография, 1909. 78 с.

Evangelium 1866 – *Das Evangelium Matthäi in den nördlichen Dialect des Permischen zum ersten Male übersetzt von P. A. Popov, durchgesehen von F. J. Wiedemann*. London, 1866. 113 S.

Fischer 1768 – *Fischer J. E.* Sibirische Geschichte von der entdeckung Sibiriens bis auf die erobierung dieses Lands durch die Russische waffen. B. 1. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wißenschaften, 1768. 174 S.

Müller 1758 – *Müller G. F.* Sammlung Russischer Geschichte. B. 3. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wißenschaften, 1758. 304 S.

Rédei 1968 – *Rédei K.* Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der aufzeichnungen F. A. Wolegows. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1968. 139 S.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja: [O. 1–7] / Y. H. Toivonen, E. Itkonen, A. J. Joki, R. Peltola. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955–1981. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII).

UEW – *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch: [Bd. I–III]. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1991.

Witsen 1692 – *Witsen N.* Noord en Oost Tartarye, ofte, Bondigh ontwerp van eenige dier landen, en volken, zo als voormaels bekend zyn geweest <...>. Deel 1–2. Amsterdam: [s. n.], 1692. 142 + 608 p. + ill., kaart.

Witsen 1705 – *Witsen N.* Noord en Oost Tartarye, ofte bondig ontwerp van eenige dier landen en volken, welke voormaels bekend zijn geweest <...>. Deel 1–2. 2de druk. Amsterdam: François Halma, 1705. 984 p. + ill., kaart.

Список литературы

Аксёнова О. П. К вопросу о рукописных материалах XVIII – начала XIX века по вымершим диалектам коми-пермяцкого языка // *Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: сб. ст. / сост. и отв. ред. В. К. Кельмаков; Удм. гос. ун-т. Ижевск, 2000. С. 15–19.*

Баталова Р. М. Рукописные словари коми-пермяцкого языка XVIII – первой половины XIX веков // *Вопросы финно-угорского языко-*

знания / отв. ред. К. Е. Майтинская. М.: АН СССР, 1965. Вып. 3. С. 110–121.

Баталова Р. М. Материалы по коми-пермяцкой лексике (извлечения из словарей XVIII и начала XIX вв.) // Вопросы финно-угорского языкознания / отв. ред. В. И. Алатырев. Ижевск: Удмуртия, 1967. Вып. 4. С. 69–75.

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.

Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки) / отв. ред. К. Е. Майтинская. М.: Наука, 1982. 168 с.

Бачев Г. Т. Коми-Пермяцкий национальный округ. Краткий справочник. Изд. 2-е, доп. Кудымкар: Перм. кн. изд-во, Коми-Пермяцкое отд., 1975. 168 с.

Бачев Г. Т., Зубов Ю. П., Конин Г. К. Страницы истории Коми-Пермяцкого автономного округа: учеб. пособие для VIII–XI классов / науч. ред. Н. П. Горбацевич, Э. С. Копысова. Пермь: Горт, 1995. 240 с.

Галкина М. Е. Кондратий Михайлович Мошегов: лингвистический портрет // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Глазов, 13 дек. 2012 г.): сб. ст. / отв. ред. Л. Н. Бехтерева; УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2013. С. 125–126.

Журавский А. В. Гурия казанского святителя Братство // Православная энциклопедия / ред. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. 13. С. 490–492.

Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология: учебник для высших учебных заведений / ред. В. И. Лыткин. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1962. 340 с.

Кривощечкова А. Ф. Очерки истории коми-пермяцкой школы. Молотов: Молотов. кн. изд-во, 1956. 88 с.

Лыткин В. И. Коми-язьвинский диалект. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 228 с.

Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. М.: Наука, 1964. 272 с.

Лыткин В. И. Пермско-иранские языковые контакты // Вопросы языкознания. 1975. № 3. С. 84–97.

Оньё Лав. Учебные пособия Ермолая Попова на пермяцком языке (опыт лингвистического анализа) // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XI Междунар. симп. (30–31 марта 2006 г., Пермь) / отв. ред. Л. Г. Пономарёва. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2006. С. 127–136.

Оньё Лав (Степанов В. А.). Опыт периодизации донациональной эпохи в истории коми-пермяцкого литературного языка // Вестник Чувашского университета. 2009. № 3: Гуманитарные науки. С. 262–267.

Пономарева Л. Г. Речь северных коми-пермяков. М.: Языки Народов Мира, 2016. 514 с.

Попова Р. П. Труды отечественных исследователей XIX века по вопросам коми-пермяцкого языкознания // Пермистика 15: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. / сост. и отв. ред. О. В. Титова. Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2015. С. 240–248.

Рогов Н. А. Опыт грамматики пермяцкого языка. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1860. X + 166 с.

Светлаков В. Коми-пермяцкой письменность-лён зоралём (II) // Иньва: литературно-художественной сборник. 1967. Пермь: Коми-пермяцкое отд. Перм. кн. изд-ва, 1967. С. 86–94.

Тараканов И. В. О рукописных материалах XVII–XX вв. по коми-пермяцкому языку, хранящихся в библиотеках Российской Федерации // Рукописные памятники как предпосылки создания национальной письменности: материалы межрегион. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня написания рукописной грамматики пермяцкого (совр. коми-пермяцкого) языка / гл. ред. А. С. Лобанова. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2008. С. 90–96.

Тепляшина Т. И. О рукописных памятниках коми-пермяцкого языка // Советское финно-угроведение. 1965. № 1. С. 60–61.

Тепляшина Т. И. Рукописный удмуртско-коми-пермяцкий словарь начала XIX века // Вопросы языкознания. Пермь, 1969. С. 202–210. (Ученые записки Перм. гос. пед. ин-та. Т. 66).

Туркин А. И. Об одном малоизвестном памятнике древнепермской письменности // Festschrift für Raija Bartens zum 25.10.1993 / Hrsg. von U.-M. Kulonen. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1993. С. 277–281. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 215).

Туркин А. И. Витсен Николас // Коми язык: Энциклопедия / отв. ред. Г. В. Федунева. М.: Издательство ДИК, 1998. С. 56–57.

Федосеева Е. Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2015. 196 с.

Юркина Л. Л. История Юксеевской библиотеки // Кочёвская жизнь: газ. администрации Кочевского муницип. района. 2014. № 10(78). 30 мая. С. 8.

References

- Aksenova O. P. K voprosu o rukopisnykh materialakh 18 – nachala 19 veka po vymershim dialektam komi-permyatskogo yazyka [On the question of manuscripts of the 18th – early 19th centuries on extinct dialects of the Komi-Permyak language]. *Permistika 6: Problemy sinkhronii i diakhronii permskikh yazykov i ikh dialektov: Sb. statey* [Permistics 6: Problems of synchrony and diachrony of the Permian languages and their dialects: Collection of articles]. Comp. and ed. by V. K. Kel'makov. Izhevsk, Udmurt State University Press, 2000, pp. 15–19. (In Russ.)
- Batalova R. M. Rukopisnye slovari komi-permyatskogo yazyka 18 – pervoy poloviny 19 vekov [Handwritten dictionaries of the Komi-Permyak language of the 18th – the first half of the 19th centuries]. *Voprosy finno-ugorskogo yazykoznaniya* [Issues of Finno-Ugric linguistics]. Ed. by K. E. Maytinskaya. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1965, issue 3, pp. 110–121. (In Russ.)
- Batalova R. M. Materialy po komi-permyatskoy leksike (izvlecheniya iz slovarey 18 i nachala 19 vv.) [Materials on Komi-Permyak lexis (extractions from dictionaries of the 18th and early 19th centuries)]. *Voprosy finno-ugorskogo yazykoznaniya* [Issues of Finno-Ugric linguistics]. Ed. by V. I. Alatyrev. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1967, issue 4, pp. 69–75. (In Russ.)
- Batalova R. M. *Komi-permyatskaya dialektologiya* [Komi-Permyak Dialectology]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 252 p. (In Russ.)
- Batalova R. M. *Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (Komi yazyki)* [Area studies on the eastern Finno-Ugric languages (Komi languages)]. Ed. by K. E. Maytinskaya. Moscow, Nauka Publ., 1982. 168 p. (In Russ.)
- Bachev G. T. *Komi-Permyatskiy natsional'nyy okrug. Kratkiy spravochnik* [Komi-Permyak national district. Quick reference book]. 2nd edition, updated. Kudymkar, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., Komi-Permyak department, 1975. 168 p. (In Russ.)
- Bachev G. T., Zubov Yu. P., Konin G. K. *Stranitsy istorii Komi-Permyatskogo avtonomnogo okruga: uchebnoe posobie dlya 8–11 klassov* [Pages of history of the Komi-Permyak national district: textbook for 8–9 classes]. Ed. by N. P. Gorbatsevich, E. S. Kopysova. Perm, Gort Publ., 1995. 240 p. (In Russ.)
- Galkina M. E. Kondratiy Mikhaylovich Moshegov: lingvisticheskiy portret [Kondratiy Mikhaylovich Moshegov: linguistic portrait]. *Material'naya i dukhovnaya kul'tura narodov Urala i Povolzh'ya: istoriya i sovremennost': Materialy vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Glazov, 13 dekabrya 2012 g.): Sb. statey* [Material and spiritual culture of the peoples of the Urals and the Volga region: History and modernity: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (Glazov, December 13, 2012): Collection of articles]. Ed. by L. N. Bekhtereva. Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Branch, RAS Press, 2013, pp. 125–126. (In Russ.)
- Zhuravskiy A. V. Guriya kazanskogo svyatitelya Bratstvo [The Brotherhood of St. Gurias of Kazan]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Ed. by His Holiness Patriarch Alexy II of Moscow and All Russia. Moscow, Church Scientific Center “Orthodox Encyclopedia” Publ., 2006, vol. 13, pp. 490–492. (In Russ.)
- Komi-permyatskiy yazyk: vvedenie, fonetika, leksika i morfologiya* [Komi-Permyak language: introduction, phonetics, lexis and morphology]. Ed. by V. I. Lytkin. Kudymkar, Komi-Permyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 340 p. (In Russ.)
- Krivoshchekova A. F. *Ocherki istorii komi-permyatskoy shkoly* [Essays on history of Komi-Permyak school]. Molotov, Molotovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1956. 88 p. (In Russ.)
- Lytkin V. I. *Komi-yaz'vinskiy dialekt* [Komi-Yazva dialect]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961. 228 p. (In Russ.)
- Lytkin V. I. *Istoricheskiy vokalizm permskikh yazykov* [Historical vocalism of the Permian languages]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 272 p. (In Russ.)
- Lytkin V. I. Permsko-iranskije yazykovye kontakty [Permian-Iranian language contacts]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1975, issue 3, pp. 84–97. (In Russ.)
- Önyö Lav. Uchebnye posobiya Yermolaya Popova na permyatskom yazyke (opyt lingvisticheskogo analiza) [Textbooks by Yermolay Popov in the Permyak language (experience of linguistic analysis)]. *Permistika 11: Dialekty i istoriya permskikh yazykov vo vzaimodeystvii s drugimi yazykami: materialy 11 Mezhdunarodnogo simpoziuma (30–31 marta 2006 g., Perm')* [Permistics 11: Dialects and history of the Permian languages in interaction with other languages: Proceedings of the 11th International symposium (Perm, March 30–31, 2006)]. Ed. by L. G. Ponomareva. Perm, Perm State Pedagogical University Press, 2006, pp. 127–136. (In Russ.)
- Önyö Lav (Stepanov V. A.). Opyt periodizatsii donatsional'noy epokhi v istorii komi-permyatskogo literaturnogo yazyka [An approach to periodization of the early epoch in the history of the Komi-Permyak standard language]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Chuvash University. Humanities], 2009, issue 3, pp. 262–267. (In Russ., Komi-Perm.)

Ponomareva L. G. *Rech' severnykh komi-permyakov. Monografiya* [The speech of northern Komi-Permyaks. Monograph]. Moscow, Yazyki Narodov Mira Publ., 2016. 514 p. + color illustrations: 8 p. (In Russ., Komi-Perm.)

Popova R. P. *Trudy otechestvennykh issledovateley 19 veka po voprosam komi-permyatskogo yazykoznaniiya* [Scientific works of Russian researchers of the 19th century on the Komi-Permyak linguistics]. *Permistika 15: Dialekty i istoriya permskikh yazykov vo vzaimodeystvii s drugimi yazykami: Sbornik statey* [Permistics 15: Dialects and history of the Permian languages in interaction with other languages: Collection of articles]. Comp. and ed. by O. V. Titova. Izhevsk, Udmurt State University Press, 2015. pp. 240–248. (In Russ.)

Rogov N. A. *Opyt grammatiki permyatskogo yazyka* [Experience of the Komi-Permyak grammar]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1860. X+ 166 p. (In Russ., Komi-Perm.)

Svetlakov V. *Komi-permyatskoy pis'mennost'lon zoralom (II)* [Development of Komi-Permyak writing system (II)]. *In'va: literaturno-khudozhestvennoy sbornik. 1967* [Inva: literary and artistic collection. 1967]. Perm, Permskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., Komi-Permyak department, 1967, pp. 86–94. (In Komi-Perm.)

Tarakanov I. V. *O rukopisnykh materialakh 17–20 vv. po komi-permyatskomu yazyku, khraryashchikhsya v bibliotekakh Rossiyskoy Federatsii* [On handwritten monuments of the 17th–20th centuries in the Komi-Permyak language kept in the libraries of the Russian Federation]. *Rukopisnye pamyatniki kak predposylki sozdaniya natsional'noy pis'mennosti: materialy mezhhregional'noy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 170-letiyu so dnya napisaniya rukopisnoy grammatiki permyatskogo (sovr. komi-permyatskogo) yazyka* [Written monuments as prerequisite for creation of a national system of writing: Proceedings of the international scientific conference devoted to the 170th anniversary from the date

of creating a handwritten grammar of the Permyak (modern Komi-Permyak) language]. Ed. by A. S. Lobanova. Perm, Perm State Pedagogical University Press, 2008, pp. 90–96. (In Russ.)

Teplyashina T. I. *O rukopisnykh pamyatnikakh komi-permyatskogo yazyka* [On written monuments of the Komi-Permyak language]. *Sovetskoye finno-ugrovedeniye* [Soviet Finno-Ugric Studies], 1965, issue 1, pp. 60–61. (In Russ.)

Teplyashina T. I. *Rukopisnyy udmurtsko-komi-permyatskiy slovar' nachala 19 veka* [Handwritten Udmurt-Komi-Permyak dictionary of the early 19th century]. *Voprosy yazykoznaniiya (Uchyonye zapiski Perm. gos. ped. in-ta)* [Issues of Linguistics (Scientific Notes of the Perm State Pedagogical Institute)]. Perm, Perm State Pedagogical Institute Press, 1969, vol. 66, pp. 202–210. (In Russ.)

Turkin A. I. *Ob odnom maloizvestnom pamyatnike drevnepermiskoy pis'mennosti* [On one little-known monument of old Perm writing]. *Festschrift für Raija Bartens zum 25.10.1993 (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 215)* [Commemorative publication for Raija Bartens for 25.10.1993 (Notes of Finno-Ugric Society. 215)]. Ed. by U.-M. Kulonen. Helsinki, Société Finno-Ougrienne, 1993, pp. 277–281. (In Russ.)

Turkin A. I. *Vitsen Nikolas [Witsen Nicolaes]. Komi yazyk: entsiklopediya* [Komi language: Encyclopedia]. Ed. by G. V. Fedyuneva. Moscow, DIK Publ., 1998, pp. 56–57. (In Russ.)

Fedoseeva E. N. *Leksika severnogo narechiya komi-permyatskogo yazyka* [Lexis of the Komi-Permyak northern dialect]. Syktyvkar, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Center, Ural Branch, RAS Publ., 2015. 196 p. (In Russ.)

Yurkina L. L. *Istoriya Yukseevskoy biblioteki* [History of Yukseevo library]. *Kochevskaya zhizn': Gazeta administratsii Kochevskogo munitsipal'nogo rayona* [Kochevo Life: newspaper of the Kochevskiy municipal district administration], 2014, issue 10(78), 30 May, p. 8. (In Russ.)

**SOME OBSERVATIONS ON THE KOMI-PERMYAK LEXIS
IN THE “ELEMENTARY TEXTBOOK OF THE RUSSIAN LANGUAGE
FOR CHERDYN PERMYAKS” (1906)**

Roman V. Gaidamashko

Researcher in the Dictionary Department

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

9, Tuchkov pereulok, Saint Petersburg, 199053, Russian Federation. gaidamashko@gmail.com

SPIN-code: 5966-9843

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1676-3363>

ResearcherID: B-8417-2018

Submitted 16.05.2018

This article presents fragments of a linguistic overview of the Komi-Permyak language in the *Elementary Textbook of the Russian Language for Cherdyn Permyaks* by Kondratiy Mikhaylovich Moshegov (1906). This textbook, despite numerous references in scientific literature, has not previously been the subject of special linguistic research, although it is of great interest for scholars studying the Permian and, more broadly, Finno-Ugric languages. Larisa Ponomareva was the only one to establish such features of the Komi-Permyak language of the textbook which are common for all the northern Komi-Permyak dialects. The textbook contains more than 1,200 Komi-Permyak lexemes, reflects the features of the Northern dialect of the Komi-Permyak language, and represents a valuable monument of the Komi-Permyak writing. The main attention is paid to the historical and comparative study of some Komi-Permyak lexemes of the textbook. The historical and comparative analysis is conducted both at the synchronous level (comparison with the language of printed publications of the 1860–1900s) and at the diachronic level (comparison, on the one hand, with the language of written monuments of the 1780–1840s, on the other hand – with the norms of the literary Komi-Permyak language represented in the *Komi-Permyak-Russian Dictionary* of 1985, and with the examples from the dialectal chrestomathy *The Speech of Northern Komi-Permyaks* of 2016). The analysis of the language material is preceded by a brief overview of the authorship and dialect basis of the textbook. According to the results of the linguistic analysis, a considerable amount of archaic and dialectal (Northern Komi-Permyak) lexis, including hapaxes, has been identified. In some cases, comments to the covered material are given for further etymological study of the vocabulary, and also some conjectures are proposed.

Key words: Finno-Ugric languages; Permian languages; Komi-Permyak language; Northern dialect; lexicology; etymology; dialect lexis; archaic lexis.

УДК 811.161.1'276.11:811.161.1'42
doi 10.17072/2037-6681-2018-3-42-51

О СТАТУСЕ НЕКОТОРЫХ УСТОЙЧИВЫХ ЕДИНИЦ В РЕЧИ СОЦИАЛЬНОЙ МИКРОГРУППЫ

Екатерина Сергеевна Коган

научный сотрудник топонимической лаборатории

кафедры русского языка и общего языкознания

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. ekaterinakogan@yandex

SPIN-код: 3177-9660

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2456-1868>

ResearcherID: K-7184-2017

Статья поступила в редакцию 05.07.2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Коган Е. С. О статусе некоторых устойчивых единиц в речи социальной микрогруппы // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 42–51. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-42-51

Please cite this article in English as:

Kogan E. S. O statuse nekotorykh ustoychivyykh edinit v rechi sotsial'noy mikrogruppy [On the Status of Some Stable Units in the Discourse of a Small Social Group]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 42–51. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-42-51 (In Russ.)

Статья посвящена рассмотрению устойчивых неоднословных единиц в речи малой социальной группы. Данные единицы близки фразеологизмам, однако отличаются от них по какому-либо параметру определения фразеологичности. Для обозначения единиц такого рода предлагается термин «фразеоид», дается классификация фразеоидов по параметру ситуаций их функционирования. Выделяются фразеоиды, характеризующие событийную ситуацию, и фразеоиды, организующие дискурс. Каждая из групп делится на подтипы. Рассматриваются особенности употребления фразеоидов в речи. Затрагивается вопрос о наличии единых критериев выделения фразеологических единиц (неоднословность, устойчивость, воспроизводимость и идиоматичность). Для каждого выделенного разряда фразеоидов указывается, какой из общепринятых параметров фразеологичности является «нарушенным» и не позволяет однозначно отнести исследуемую единицу к разряду фразеологизмов. Основой исследования служит собранный путем включенного наблюдения оригинальный языковой материал, который составляют фразеоиды, функционирующие в речи двух связанных между собой малых социальных групп, объединенных общими интересами. Зафиксированные фразеоиды рассматриваются на более широком фоне единиц такого рода, используемых в молодежной речи. Приводятся контексты употребления фразеоидов в речи, дается информация об источнике появления единицы. Отмечается также социокультурная значимость единиц такого рода, их способность, наряду с фразеологизмами, являться «хранилищем» культурной информации социума; однако показывается и отличие информации, закрепленной в исследуемых единицах, от той, которая содержится в традиционных устойчивых сочетаниях. Ставится вопрос об ином механизме формирования единиц такого рода.

Ключевые слова: фразеология; фразеоиды; параметры фразеологичности; устойчивость; малая социальная группа; корпоративные особенности речи.

Традиционно под фразеологизмом понимается комплекс неоднословных единиц, которые «в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии

с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенно-

го лексико-грамматического состава» [ЛЭС: 559]. В качестве основных свойств фразеологизма выделяют, как правило, неоднословность, устойчивость, воспроизводимость и идиоматичность (см.: [ЛЭС 559; Мокиенко 1980: 4; Телия 1997: 605]).

Л. И. Ройзензон указывает, что «под воспроизводимостью ФЕ следует понимать такое ее свойство, которое позволяет говорящему каждый раз, когда ему нужно, эту единицу использовать в речевом акте, извлекая ее из памяти как готовую, а не создавать, конструировать ее в процессе речи» [Ройзензон 1972: 19].

Термином «устойчивость» В. М. Мокиенко предлагает обозначать «относительно (выделено мной. – Е. К.) стабильное употребление сочетания слов» [Мокиенко 1980: 7], поскольку вариативность является одной из характерных черт любой части словарного запаса, и фразеологизмов в том числе. «Устойчивость – это не абсолютная неизменяемость фразеологизма, а ограничение разнообразия трансформаций, допустимых в соответствии с множественностью регулярных способов выражения одного и того же смысла» [ЛЭС: 559].

О. С. Ахманова, указывая на то, что основным параметром для отнесения словосочетания к классу фразеологизмов является его идиоматичность, в то же время замечает, что данный термин представляется ей слишком общим и неопределенным: «Как известно, термины “идиоматичный”, “идиоматичность” нередко употребляются без необходимой научной точности вообще для обозначения “неравенства значения целого сумме значения частей”, почему идиоматичными могут быть и сложные слова, и фразеологические единицы, и аналитические формы» [Ахманова 1957: 168]. Критерием для отграничения фразеологизмов от свободных словосочетаний она предлагает считать характер их соотношенности с действительностью, цельность номинации, не присущую словосочетанию. Стремление к уточнению понятия «идиоматичность» демонстрируют и А. Н. Баранов, и Д. О. Добровольский, предлагая выделять при этом три основных ее типа: переинтерпретация, непрозрачность и усложнение способа указания на денотат. Под переинтерпретацией понимается восприятие выражения в переносном значении, причем данное переносное значение связано с прямым неким отношением. Непрозрачность препятствует «вычислению» значения вследствие переинтерпретации, которую невозможно восстановить на синхронном уровне, или из-за отсутствия одного или нескольких компонентов значения на современном этапе существования языка. Усложнение способа указания на денотат опре-

деляется наличием в языке более простого и стандартного наименования той же сущности. Данные факторы могут выступать в комплексе (см.: [Баранов, Добровольский 2008: 30–33]).

Данные параметры, отделяющие ФЕ от свободных словосочетаний, не принимаются однозначно, подвергаются обсуждению и критике. Однако они позволяют разграничить ФЕ и лексему, ФЕ и словосочетание. Учет данных параметров позволяет также определить и процесс фразеологизации. Фразеообразование происходит в языке постоянно. Некоторые единицы не проходят обкатку узусом и пропадают, некоторые же остаются в употреблении. Своеобразной творческой площадкой, где формируются и закрепляются хотя бы на некоторое время словосочетания, тяготеющие к фразеологичности, является речевой дискурс малых социальных групп (далее – МСГ). МСГ могут быть организованы на базе общности выполняемого дела или хобби, однако обычно связи между участниками группы перерастают в дружеские, что приводит к общению на любые темы, не ограниченному сферой деятельности, что обеспечивает разнообразие идеографических областей, в которых образуются устойчивые единицы. На важность данной языковой среды как источника пополнения фразеологического запаса языка указывают В. Харри (см.: [Харри 2009: 9], В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина (см.: [Мокиенко, Никитина 1999])).

Помимо регулярно воспроизводимых словосочетаний, которые могут быть с уверенностью отнесены к разряду фразеологизмов, в речи МСГ фиксируются также устойчивые единицы «маргинального» статуса. Их отличают условия функционирования либо неполная удовлетворительность параметрам неоднословности, устойчивости и идиоматичности. Такие единицы предлагается называть *фразеоидами*. Активно используя в речи, они, тем не менее, находятся на периферии фразеологического поля, отличаясь от собственно ФЕ по структурным или семантическим параметрам. В. Н. Телия, говоря о фразеологии языка как области, имеющей ядерно-периферийную структуру, указывает на необходимость изучения периферийных зон: «Без исследования взаимодействия и взаимопроникновения различных страт корпуса фразеологии невозможно создать сколько-нибудь полное впечатление о структурно-семантическом разнообразии фразеологизмов» [Телия 1996: 81–82]. На некоторые разряды таких единиц обращают внимание А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, используя для их обозначения термин *речевые формулы*: «речевые формулы – это идиомы разных структурных типов (преимущественно законченные высказывания) с фиксированной ил-

локутивной силой или определяющие иллюкутивные характеристики речевого высказывания» [Баранов, Добровольский 2008: 81].

Материалом для исследования послужили наблюдения за устойчивыми сочетаниями, бытующими в речи двух таких МСГ. Первая из них объединяет людей в возрасте от 24 до 50 лет, занимающихся фехтованием и трюковой работой. Группа существует около 20 лет, и за это время состав ее участников полностью сменился. Представители разных поколений часто даже не знают о существовании друг друга. Вторая группа, связанная с первой через нескольких человек, входящих в оба коллектива, представляет собой студию исторического танца. Она существует около пяти лет, возраст участников 16–35 лет, состав участников меняется, но постоянный «косяк» сохраняется.

Учитывались как единицы, являющиеся специфичными для данных групп, так и устойчивые высказывания, имеющие широкое хождение в молодежной среде, но употребляемые в данных группах. Для анализа были выбраны 30 фразеолоидов из около 100 устойчивых единиц, используемых группой.

Фразеолоиды, используемые группами, можно разделить на две крупные группы по параметру ситуаций их функционирования: фразеолоиды, характеризующие событийную ситуацию, и фразеолоиды, организующие дискурс. Оба этих типа вместе с их подтипами представлены ниже.

1. Фразеолоиды, характеризующие событийную ситуацию

Единицы, относящиеся к этой группе, удовлетворяют параметру идиоматичности, однако отличаются от собственно ФЕ по структурным свойствам и могут быть разделены на подгруппы в зависимости от «ведущего» устойчивого параметра на синтаксические (фразеолоиды, представляющие собой синтаксическую «колодку» с вариативным лексическим компонентом), интонационные (фразеолоиды, для которых значимым параметром является необходимо воспроизводимая интонация) и фразы-штампы с высокой степенью повторяемости, обозначающие эмоциональные реакции.

1.1. Синтаксические фразеолоиды. Это конструкции, в которых ряд компонентов являются устойчивыми, регулярно воспроизводимыми, а другие заменяются, своеобразные конструкции-колодки, в которые подставляется значимый элемент. В русскоязычной традиции конструкции такого рода рассматриваются при предельно широком понимании фразеологичности как устойчивости сочетания единиц, не обусловленной общими правилами. Так, например, Н. Янко-

Триницкая обозначает подобные образования как «фразеологические единицы <...> на уровне предикативной единицы: (Если мы опоздаем, то) плакали наши денежки» [Янко-Триницкая 1969: 433]. Впрочем, выделение данного высказывания как устойчивой синтаксической конструкции довольно спорно, поскольку легко реализуются в речи контексты типа *ну все, плакали наши денежки* без начальной повторяющейся формулы причинно-следственной связи. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский называют конструкции такого рода синтаксическими фразеологизмами (см.: [Баранов, Добровольский 2008: 9], примеры таких конструкций см. ниже), а В. Ю. Меликян предлагает термин «фразеосинтаксическая схема»¹, хотя рассматривает модели, в которых устойчивый компонент представлен по преимуществу служебными частями речи. И. И. Чернышева, говоря о единицах, чье значение возникает в результате типовой структуры, обозначает конструкции подобного рода как моделированные образования, возникающие в результате типовых структур с общим или несколькими переменными лексическими компонентами, чья семантика является типовой и моделированной (см.: [Чернышева 1970]). В англоязычной же традиции в некотором смысле схожее явление, при котором часть компонентов фразы являются устойчивыми, а один элемент вариативен, Р. Мун предлагает называть «лексико-грамматические фреймы» [Gill 2008: 97–98], относя к ним сочетания типа *beyond believe, beyond question, beyond doubt* и т. п. Отметим, что существование подобных конструкций в английском языке обусловлено более аналитическим, по сравнению с русским, строем языка.

Обычно в литературе фиксировалось несколько основных синтаксических схем: *X он и в Африке X* (напр., *мед – он и в Африке мед, книга – она и в Африке книга*), *всем X-ам X* (напр., *всем обедам обед*) и *X как X* (напр., *урок как урок, чай как чай*) (см.: [Баранов, Добровольский 2008: 15–16]), *сначала делай X, а потом Y* (см.: [Шмелев 1977: 327–330]). Сейчас же можно наблюдать существенное увеличение количества таких конструкций. Так, к числу широкоупотребительных в молодежном дискурсе фразеолоидов есть основание отнести конструкцию *<это> X, Карл!*². Эта синтаксическая схема используется в функции интенсификатора, привлекающего внимание к сообщаемому, часто характеризующего его как очевидное и придающего усиленную экспрессивность. Заменяемым компонентом служит ключевое слово предыдущей реплики. В качестве примера можно привести рассказ одной из участниц танцевальной студии: «Согласуем с заказчиком статью. А надо сказать, что заказчик

– это компания, производящая насосы, и у них должен быть заголовок “Лидеры отечественного насосостроения”. И вот журнал должен уйти в печать, и тут главред замечает, что заголовок у них – “Лидеры отечественного настроения”! Отечественного настроения, Карл! В таком виде согласовали». Фразеид приобрел такую популярность, что используется в названии сети предприятий общественного питания: «Это бургер, Карл»³.

Также весьма распространенными в речи молодежи в целом и в речи участников исследуемых малых групп являются следующие синтаксические фразеиды:

– *в любой непонятной ситуации* + императив глагола. Конструкция, как правило, используется для обозначения поведения, не вполне адекватного ситуации. Напр., «У меня кот, когда паникует, заваливается на бок и орет. – Ну да, конечно, в любой непонятной ситуации падай и ори!», «Мне нужно кучу работы переделать, а я сольник (сольный танцевальный номер) придумываю. – Ну, все правильно: в любой непонятной ситуации танцуй»⁴.

– *это X здорового человека, а это X курильщика*⁵. Конструкция используется для характеристики чего-л. как ненормального. (Напр., танцевальная группа смотрит фотографии с выступления и комментирует одну, на которой трое участников группы – члены одной семьи): «О да, тут должна быть подпись “Это семья здорового человека, а это семья курильщика”»; (при обсуждении планов на выходные, в которые входит проведение мероприятия и репетиции) «Мы отдохнем... – Ага, после таких выходных еще одни выходные нужны. – Все нормально, это выходные здорового человека, а это выходные курильщика». В широком употреблении фразеид обладает, как правило, негативным оттенком, в наблюдаемых же группах, напротив, позитивным, что обусловлено естественным для корпоративной культуры противопоставлением себя обществу в целом, которое приводит к тому, что отличие от нормы (в рамках разумного) оценивается положительно.

– *больше X богу X*⁶. Выражает экспрессивное отношение к увеличению количества чего-л. Напр., «Почему здесь “Космос” [кулинария], а за углом тоже “Космос”? – Ну так... Потому что больше “Космоса” богу “Космоса”»; «Что на балу танцевать будем? – Гальярды! Больше гальярд богу гальярд!».

– *[делать что-либо] – <просто,> как ехать на <горящем> велосипеде – ты горишь, он горит, все горит, <и вы в аду>*⁷ – о сложности какого-либо процесса, ситуации. «У меня на работе аврал, блин, просто, как ездить на горящем вело-

сипеде – ты горишь, он горит, все горит»; «Выходить из роли просто, это как ездить на велосипеде – просто ты горишь, он горит, все горит, и вы в аду». Характерно, что конструкция не тяготеет к сокращению. Возможно, причиной этого является стремление сохранить ее экспрессивность и узнаваемость конструкции.

Конструкцией корпоративного использования, выделяющей танцевальную группу, является *ничего не X только X – X*⁸ («Рука не сопля... ничего не сопля, только сопля – сопля»; «Не делай так, это только Таня может себе позволить, у нее связки мягкие. А ты не Таня. Ничего не Таня, только Таня – Таня»), служащая для подчеркивания принципиальной разницы между явлениями.

В последнее время в группе наблюдается тенденция к образованию синтаксического фразеида из собственно фразеологизма. Исходным «материалом» послужила фраза *нет земли, нет земли... хоп – полный рот земли!*, используемая участниками в значении ‘о большом количестве чего-л’. Источником является фраза одного из участников группы старшего поколения, инструктора по парашютному спорту, произнесенная в рассказе о прыжках с парашютом. Напр.: «У меня что-то с работой нет земли, нет земли – хоп, полный рот земли». Фраза постепенно и устойчиво «мутирует» в схему *нет X нет X – хоп, полный рот X*, сохраняя значение (напр., «Вот так, стоило прийти на занятия – и нет мюзикла, нет мюзикла – хоп, полный рот мюзикла!» – о ситуации, когда только пришедший в группу человек оказался тут же включенным в процесс репетиции танцевальных номеров любительского мюзикла).

Семантика синтаксических фразеидов по сравнению с обычными фразеологизмами, как правило, более размыта. В большинстве случаев она не может быть четко сформулирована и обозначает, скорее, эмоциональную характеристику ситуации, нежели логическое знание. Можно сказать, что синтаксические фразеиды представляют собой не номинативные единицы (поскольку значимый компонент постоянно меняется), а своеобразные междометия, передающие устойчивое эмоционально-экспрессивное отношение говорящего к ситуации.

1.2. Интонационные фразеиды. Это словосочетания, которые, будучи произнесенными с определенной обязательной интонацией, получают измененный или новый смысл. В наблюдаемых группах используется несколько таких фразеидов, которые имеют различную степень идиоматичности. На начальной стадии значение фразеида не отличается от прямого значения фразы, интонация же служит только для создания отсылки к прецедентному тексту, вызываю-

щей удовольствие от распознавания. К таковым относятся: *Поднимайтесь, восстаньте!* (отсылка к фильму «Реальные упыри» Т. Вайтита и Дж. Клеймента, значение прямое – требование проснуться или чуть шире – требование встать, если адресаты сидели или лежали: «Поднимайтесь, восстаньте! Пора разминку начинать»); *Ну, я не знаю* (отсылка к фильму «Опасные связи» С. Фрирза, интонация, отсылая к первоисточнику, придает оттенок на грани пристойности: «У нас проблемы с костюмами на юношей. Что будем делать? – Ну, я не знаю... – Что, предлагаешь совсем без костюмов? Богатая идея!»). Со временем интонационные фразеиды могут расширить свое значение по сравнению с изначальным. Так, например, выражение *А нанайки-то и неет!*⁹ изначально закрепилось в узусе группы для обозначения отсутствия кого-л. («Мы же договаривались встретиться до тренировки, я пришла – а нанайки то и неет!») и затем употребление распространилось и на неодушевленные объекты («Чаю бы заварить, а нанайки-то и неет! Заварка кончилась»).

Значение интонационных фразеидов определяется существенно проще, чем синтаксических, и в целом понятно по контексту. Таким образом, с одной стороны, интонация является факультативным элементом фразеида, но, с другой стороны, именно считываемая, узнаваемая интонация превращает словосочетание в цельную единицу, за которой стоит целая ситуация.

Фразеиды-словосочетания соответствуют параметрам однозначности и устойчивости, хотя в некоторых случаях расхождение прямого и переносного значений слишком мало (напр., *Поднимайтесь, восстаньте!*), семантическое наращение касается лишь компрессии исходной ситуации / текста в рамки словосочетания.

В. Л. Архангельский, указывая на важность определенной интонации для фразеологизмов, отмечает, что интонация «может служить средством различения омонимов, а именно: разграничивать устойчивые фразы определенного типа и регулярные предложения с лексико-грамматическим составом, тождественные составу устойчивой фразы, и создавать интонационные омофоны» [Архангельский 1964: 250].

1.3. Фразеиды-устойчивые реакции. К ним относятся регулярно воспроизводимые фразы, служащие для обозначения эмоций либо действий: *пойду утоплюсь в школьном колодце* (о чувстве стыда); *мы не переживаем за <наших> туристов в Конго*¹⁰ (призыв к спокойствию). Такие единицы отвечают всем параметрам фразеологичности, однако отличаются функционированием. Они не встроены в структуру предложения, а представляют собой це-

лостное высказывание подобно паремиям; однако от паремий их отличает отсутствие дидактичности и обобщающего характера значения.

2. Фразеиды, организующие дискурс

Вторая группа представлена фразеидами, использование которых обусловлено дискурсивными особенностями, связано с предшествующим или последующим высказыванием и характеризует ситуацию речи. При этом в данной группе можно выделять единицы с ненулевым функционалом (речевые формулы различного назначения) и единицы с нулевым функционалом (устойчивые продолжения фраз, являющиеся реакцией на определенное слово или высказывание и не дающие семантического «расширения»).

2.1. Фразеиды с ненулевым функционалом

– **Фразеиды запроса информации.** В качестве устойчивых вопросов используются две фразы: *как ваше ничего?* и *рассказывайте, что у вас плохого* (данное выражение является цитатой из мультфильма «Тайна третьей планеты», первая реплика имеет широкое распространение, происхождение непонятно). Данные фразеиды представляют собой частный случай формул вопроса в классификации А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. Как отмечают исследователи, «большинство из них являются риторическими вопросами. По своей семантике они представляют собой оценку тех или иных аспектов ситуации общения» [Баранов, Добровольский 2008: 93]. Однако фразеиды-вопросы, функционирующие в МСГ, отличаются отсутствием риторичности (поскольку все же требуют ответа) и сниженной идиоматичностью (поскольку выступают в прямой функции вопроса, а не характеристики ситуации или человека, ср. «какая муха тебя укусила?» или «а я что – рыжий?» [там же]). Первый из них (*как ваше ничего*) можно классифицировать как пограничный случай между формулой вопроса и грамматическим фразеологизмом (ср.: [там же: 74–78]).

– **Фразеиды ввода информации.** Выражение *ты ж понимаешь...* вводит, как правило, известную или легко выводимую логически информацию. *Я тут такую штуку удумал...* – фраза, вводящая собственные мысли говорящего (в отличие от цитирования, а также воспринимаемые им как значимый результат интеллектуального труда). Выражение *я тебе умную вещь скажу, ты только не обижайся...* маркирует реакцию на не вполне адекватное в информационном плане высказывание собеседника. *Смотрите: вот бежит олень...* (из мультфильма «Маугли») используется для привлечения внимания при объяснении. Эти фразеиды, однако, обладают весьма низкой идиоматичностью. Так, например,

выражение *ты ж понимаешь* употребляется в прямом значении. Однако представляется возможным обратить в данном случае внимание на параметр воспроизводимости, который становится ключевым: из многих возможных вариантов фраз, которыми можно предварить ввод новой информации, наиболее часто выбирается именно этот.

– **Фразеиды завершения сообщения информации.** К таковым относятся маркеры завершения высказывания – *вот в таком вот примерно аксепте* (источник – роман братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу») и *где-то примерно вот так*. Как правило, эти фразы произносятся после сообщения новой информации, являющейся описанием алгоритма действий или развития событий, либо сведениями, которые необходимы для выполнения данных действий¹¹. Первая реплика обладает большей идиоматичностью в силу того, что является отсылкой к прецедентному тексту.

2.2. Фразеиды с нулевым функционалом

– **Устойчивые ответы.** «Катализатором» для использования подобных фразеидов служит определенный вопрос. Они практически не несут информации, служа, в первую очередь, эмоционально-экспрессивной выразительности: <Есть планы на... / Что ты делаешь...> – *Пробую завоевать мир*. <Что ты делаешь в воскресенье?> – *Воскресаю*. <Это интересно / весело?> – *Приезжайте, обхохочетесь*¹², <А где N?> – *Гуляет где-то. Страаанно...*¹³ либо *А с чем пирожки?* (реакция на отсутствие кого-либо). При этом могут возникать ситуации, когда первоисточник знает несколько участников группы, остальные же пользуются фразой, не соотнося ее с прецедентным текстом. Так, например, источником второго фразеида является диалог студентов, работающих в гончарной мастерской УрГАХА, в котором последовательность двух не связанных друг с другом вопросов породила возможность двойственного, слегка абсурдного восприятия ситуации: «А где Валентин?» (вопрос о местонахождении подмастерья) – «А с чем пирожки?». В студию выражение попало благодаря знакомству одной из участниц группы с этими студентами.

В дискурсивном употреблении, как правило, реплики такого рода не несут определенной (даже оценочно-экспрессивной) информации, что свойственно аналогичным конструкциям широкого употребления, значение которых можно описать хотя бы приблизительно (ср.: [Бондаренко 2013]). Устойчивый ответ произносится как реакция на заданный вопрос, после чего следует уже информативно наполненный ответ. Напр.:

«А где Осип?» – «А с чем пирожки? Опоздывает, предупредил, что на работе задержится»; «Что ты делаешь в воскресенье?» – «Воскресаю. Репетиция, потом к родителям собиралась зайти».

– **Фразеиды-«расширители».** В эту группу входят устойчивые реакции на предыдущую реплику или слово, не несущие никакой информации, служащие только для выражения эмоций и создания эффекта узнавания. Мама! (в функции междометия) – *Я не мама, я папа и то не твой*; Зашибись – *И это не команда*; Больно – *Зато бесплатно*; Логично – *А мне кто?*; Готово! – *Сломал*¹⁴. Первая из отмеченных реплик существует всегда в диалоге, остальные же могут как выполнять функцию ответной реплики диалога, так и являться продолжением фразы одного говорящего, например: «Ребята, поставьте кто-нибудь ноут? – Готово! Сломал!» (при этом не подразумевается порча оборудования, а только обозначается факт выполнения действия по установке, вторая же часть реплики следует по своеобразной языковой инерции); «Давай ты посмотришь женские рубашки, а ребята пусть сами посмотрят себе костюмы, они в этом лучше понимают. – Логично. – А мне кто?» (ответная реплика «а мне кто» никак семантически не соотносится с предыдущими высказываниями, следуя так же по инерции). В отличие от единиц предыдущей группы, большая часть которых является цитатами из анекдотов, книг, фильмов, к данной группе относятся единицы, появление которых ситуативно¹⁵, а закрепление употребления вызвано создаваемым необычным завершением реплики смеховым эффектом, а также отсылкой к ситуации, «разгадывание» которой является показателем сопричастности группе.

Данная группа фразеидов соотносится с формулами ответа по А. Н. Баранову и О. Д. Добровольскому: этот «особый тип речевых формул образуется идиомами, которые представляют собой второй из двух иллокутивно связанных речевых актов. Этот речевой акт иллокутивно вынуждается предшествующим» [Баранов, Добровольский 2008: 92]. Однако они не используются для указания на неуместность предшествующей реплики, что исследователи выделяют как основную функцию единиц такого типа.

Основным фактором, влияющим на закрепление и регулярное употребление словосочетания, становится, по-видимому, эффект обманутого ожидания, заведомое нарушение, при котором продолжение фразы является неожиданным для слушателя и вызывает смех. Фразеиды данной группы отличает и маркированность интонации, также, по-видимому, влияющая на закрепление их в узусе группы. Важной является и отсылка к исходной ситуации либо прецедентному тексту,

что создает общий фон группы, вызывает чувство общности – «мы “свои”, поскольку для нас понятны эти фразы, поскольку мы все их употребляем». Следует отметить также, что для фразеоидов данной группы характерна в большей степени опора на прецедентную ситуацию, произошедшую с кем-либо из участников группы, нежели на цитирование какого-либо текста-первоисточника.

Если выстраивать «шкалу фразеологизированности», можно заключить, что по параметру идиоматичности ближе всего к фразеологизмам являются синтаксические и интонационные фразеоиды, чуть дальше отстоят фразеоиды – устойчивые реакции и фразеоиды с нулевым функционалом, отличающиеся от фразеологизмов функционированием; еще дальше – фразеоиды-формулы, обусловленные дискурсивно и обладающие низкой степенью идиоматичности. Параметр же воспроизводимости является значимым для всех типов единиц.

Между собственно фразеологизмами и фразеоидами возможно движение в ту или иную сторону. Возможно становление фразеологизма фразеоидом (напр., *ничего не X, только X* – *X* из польской поговорки *w sumie, nic nie zajac, tylko zajac to zajac* или *нет X, нет X* – *хона, полный рот X* из «корпоративного» фразеологизма *нет земли, нет земли* – *хона, полный рот земли*), также можно предположить, что через некоторое время какие-то из фразеоидов-устойчивых реакций или интонационных фразеоидов (утратив устойчивую интонацию и расширив значение) станут собственно ФЕ. Такое развитие можно предположить, например, для фразеоида *a нанайки-то и нееет*, который, утратив обязательность интонации, становится фразеологизмом с возможностью встраивания в структуру предложения типа **я пришла к нему в гости, а нанайки-то и нет: он в магазин ушел*; или для фразеоида-устойчивой реакции – *А где N?* – *А с чем пирожки?*, который при условии отсечения первой части может функционировать как фразеологизм, обозначающий отсутствие кого / чего-либо.

Для разных групп фразеоидов выделяются семантические доминанты, создающие идиоматичность: для синтаксических фразеоидов это экспрессивность, подчеркивание отношения к характеризуемой ситуации; для интонационных – отсылка к прецедентному тексту, расширяющая значение. Семантика же фразеоидов, характеризующих речевую ситуацию, определяется предыдущим или последующим высказыванием и обозначает, скорее, речевое намерение говорящего.

Процесс образования устойчивых единиц, присущих МСГ, по-видимому, является иным, нежели у сложившихся «традиционных» ФЕ

языка, для которых основным генеративным механизмом являются метафора и метонимия (см.: [Ковалева 2004: 28–30]). Здесь следует говорить о закреплении в узусе лексической конструкции, а не образа-репрезентанта типовой ситуации. В случае же фразеоидов, организующих дискурс, можно говорить о фрейме речевой ситуации, структура и семантика которого обуславливают употребление фразеоида, а не об образном фрейме фразеологизма как структуре данных, пригодной для понимания более широкого класса явлений или процессов (см.: [Минский 1979: 8; Телия 1996: 60]).

Примечания

¹ «Фразеосинтаксическая схема – это коммуникативная предикативная единица синтаксиса, представляющая собой определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующуюся наличием диктумной и модусной пропозиции, выражающая членимое понятийное смысловое содержание (т. е. равно суждению), обладающая грамматической и лексической нечленимостью, ограниченной пронцаемостью и распространяемостью, сочетающаяся с другими высказываниями в тексте по традиционным правилам и выполняющая в речи эстетическую функцию» [Меликян 2014: 161–162].

² Источником является момент из фильма «Ходячие мертвецы», на базе которого в Интернете был создан «шаблон» из нескольких последовательных кадров, причем завершающий обязательно содержит данный фразеоид.

³ <http://eto-burger-carl.ru/> На сайте указывается, что компания также использует для интернет-ссылки «тэг» #этовкуснокарл.

⁴ Ср. множество вариантов типа *в любой непонятной ситуации пей чай, в любой непонятной ситуации эволюционируй, в любой непонятной ситуации корми птицу* и т. п. (см.: http://www.netlore.ru/v_lyuboy_neponyatnoy_situacii).

⁵ Источником является распространенная подпись с плакатов, посвященных вреду курения: «*Это легкие здорового человека, а это легкие курильщика*». В качестве устойчивой фразы фиксируется как подпись к парным картинкам, напр.: *это президент здорового человека* (фотография В. В. Путина), *а это президент курильщика* (фотография Б. Обамы); *это кот здорового человека* (фотография пушистого кота), *а это кот курильщика* (фотография кота породы сфинкс) и т. п. (Здесь и далее примеры употреблений в сети Интернет приводятся без ссылки на конкретные сайты).

⁶ Источником послужила фраза *blood for the blood god* из компьютерной игры «Warhammer». Ср. зафиксированное в речи студентов *больше*

контрольных богу контрольных, больше культуры богу культуры и т. п.

⁷ Судя по всему, источником является интернет-мем *На самом деле жизнь очень простая, сынок. Это просто как ездить на велосипеде, который горит, и ты горишь, и все горит, и ты в аду*. Ср. в интернет-источниках: «А управлять проектами / делать книжки / быть адвокатом / делать ивенты сложно? – Совсем нет. Это как ездить на велосипеде, который горит, и ты горишь, и ты в аду».

⁸ Конструкция возникла из подписи к картинке, содержащей польскую поговорку *Robota nie zajac, odpoczynek tez nie zajac; w sumie, nic nie zajac, tylko zajac to zajac*.

⁹ Источником послужил рассказ руководителя танцевальной студии о том, как ее бабушка, татарин по национальности, комментировал потенциальный приход покупателей в отсутствие его жены (нанайка – тат. ‘бабушка’), завершая каждую реплику данным высказыванием.

¹⁰ Источник – фильм-спектакль «День Радио» Д. Дьяченко.

¹¹ Напр.: «Слушай, сможешь провести в пятницу занятие вместо меня? Надо походить, обратить внимание на колени и выворотность, поговорить про руки. Наверное, поделать упражнений на руки, типа turn-ов за разное количество тактов, может, шен. Потом разобрать танец или два на set-and-rotate. Ну, где-то примерно вот так...».

¹² Источник первой фразы – мультсериал «Пинки и Брейн», в котором она звучит в завершении каждой серии; вторая реплика возникла из подписи к картинке в Интернете; третья является финальной репликой анекдота.

¹³ Фраза возникла из ситуации, рассказанной одним из руководителей танцевальной студии: во время отсутствия данного руководителя (Алина) дома происходил повторяющийся в течение 20 минут диалог между ее младшей сестрой и подругой: «А где Алина? – Гуляет где-то. – Страаанно...»

¹⁴ Возникновение фразы также обусловлено ситуацией: двое юношей занимались изготовлением доспеха и в процессе сломали необходимый для этого инструмент. Купили новый, и через 15 минут работы состоялся диалог: «Готово!» – «Что готово?» (второй юноша предположил готовность доспеха и удивился) – «Сломал!»

¹⁵ Так, например, реакция <Логично> – А мне кто? возникла на базе диалога, в котором участник и участница танцевальной студии перед балом выясняли, кем приходится друг другу их персонажи: «Ты мне кто? – Сестра мужа». – «Ммм... нет, давай без извращений. Попробуем еще раз: так ты мне кто?» – «Жена мужа». – «Логично... а мне кто?»

Список литературы

Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1964. 316 с.

Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957. 296 с.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.

Бондаренко В. Т. Ответные реплики в русской диалогической речи: Словарь. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2013. 339 с.

Гаврин С. Г. Заметки по теории фразеологии // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: материалы межвуз. симпозиума (1968). Тула, 1972. Вып. 2: Ответы на вопросы анкеты. С. 127–142.

Ковалева Л. В. Фразеологизация как когнитивный процесс. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. 184 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.

Меликян В. Ю. Современный русский язык: синтаксическая фразеология: учеб. пособие. 2-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2014. 232 с.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.

Мокиенко В. М. Славянская фразеология: учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М.: Высш. школа, 1980. 207 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Фразеология в контексте субкультуры (фразеология в жаргоне и жаргон во фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки рус. культуры, 1999. С. 80–85.

Ройзензон Л. И. Еще раз о воспроизводимости как признаке фразеологичности // Вопросы фразеологии: тр. Самарканд. гос. ун-та им. Алишера Навои. Самарканд, 1972. Новая серия. Вып. 219, ч. 1. С. 17–21.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Телия В. Н. Фразеологизм // Русский язык: Энциклопедия. М.: Большая сов. энцикл.; Дрофа, 1997. С. 605–607.

Харпу В. Фразеология и нонстандарт // *Rossica olomoucensia XLVIII. Sborník příspěvků z mezinárodní conference XX. Olomoucké dny rusistů*. 02.09 – 04.09.2009. Olomouc, 2009. P. 9–13.

Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высш. школа, 1970. 200 с.

Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.

Янко-Триницкая Н. Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка // Известия АН ССР ОЛЯ. 1969. Т. 28, вып. 5. С. 429–436.

Gill Ph. Reassessing the canon. 'Fixed' phrases in general reference corpora // *Phraseology: An Interdisciplinary Perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2008. P. 95–108.

References

Arkhangel'skiy V. L. *Ustoychivye frazy v sovremennom russkom yazyke. Osnovy teorii ustoychivyykh fraz i problemy obshchey frazeologii* [Set phrases in the contemporary Russian language. Basis of the theory of set phrases and issues of general phraseology]. Rostov-on-Don, Rostov State University Press, 1964. 316 p. (In Russ.)

Akhmanova O. S. *Ocherki po obshchey i russkoy leksikologii* [Essays on general and Russian lexicography]. Moscow, 1957. 296 p. (In Russ.)

Baranov A. N., Dobrovolskiy D. O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow, Znak Publ., 2008. 656 p. (In Russ.)

Bondarenko V. T. *Otvety na voprosy anki v russkoy dialogicheskoy rechi: Slovar'* [Return phrases in Russian dialogic speech: Dictionary]. Tula, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University Press, 2013. 339 p. (In Russ.)

Gavrin S. G. *Zametki po teorii frazeologii* [Notes on theory of phraseology]. *Problemy ustoychivosti i variantnosti frazeologicheskikh edinit: Mat. Mezhevuz. simpoziuma* (1968) [Problems of sustainability and variability of phraseological units: Proc. of interuniversity symposium (1968)]. Tula, 1972, issue 2. *Otvetny na voprosy anki* [Responses to the questionnaire], pp. 127–142. (In Russ.)

Kovaleva L. V. *Frazeologizatsiya kak kognitivnyy protsess* [Phraseologization as a cognitive process]. Voronezh, Voronezh State University Press, 2004. 184 p. (In Russ.)

Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Ed. by V. N. Yartseva, Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences. Moscow, Sovetskaya entsiklopedia Publ., 1990. 682 p. (In Russ.)

Melikyan V. Yu. *Sovremennyy russkiy yazyk: sintaksicheskaya frazeologiya: Uchebnoe posobie* [Contemporary Russian language: syntactic phraseology: textbook]. Moscow, Flinta Publ., 2014. 232 p. (In Russ.)

Minskiy M. *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for presenting knowledge]. Moscow, Energiya Publ., 1979. 151 p. (In Russ.)

Mokienko V. M. *Slavyanskaya frazeologiya: ucheb. posobie dlya filol. spetsial'nostey un-tov* [Slavic phraseology: textbook for philol. specialities of universities]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1980. 207 p. (In Russ.)

Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Frazeologiya v kontekste subkul'tury (frazeologiya v zhargone i zhargon vo frazeologii* [Phraseology in the context of subculture (phraseology in jargon and jargon in phraseology)]. *Frazeologiya v kontekste kultury* [Phraseology in the context of culture]. Moscow, LRC Publishing House, 1999, pp. 80–85. (In Russ.)

Rojzenzon L. I. *Eshche raz o vosproizvodimosti kak priznake frazeologichnosti* [Once again on reproducibility as an attribute of idiomaticity]. *Voprosy frazeologii. Trudy Samarkandskogo gosud. un-ta im. Alishera Navoi* [Issues of Phraseology. Proceedings of Samarkand State University named after Alisher Navoi]. Samarkand, 1972, issue 219, pt. 1. *Novaya seriya* [New series], pp. 17–21. (In Russ.)

Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekt* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguacultural aspects]. Moscow, School "Languages of Russian culture" Publ., 1996. 288 p. (In Russ.)

Teliya V. N. *Frazeologizm* [Phraseologism]. *Russkiy yazyk: entsiklopediya* [Russian language: Encyclopedia]. Moscow, Great Soviet Encyclopedia Publ., Drofa Publ., 1997, pp. 605–607. (In Russ.)

Harry V. *Frazeologiya i nonstandart* [Phraseology and non-standard]. *Rossicaolomouensia XLVIII. Sbornik prispvkuz mezinárodní conference XX. Olomouckédnyrusistů*. 02.09.–04.09.2009. Olomouc, 2009, pp. 9–13. (In Russ.)

Chernysheva I. I. *Frazeologiya sovremennogo nemetskogo yazyka* [Phraseology of the contemporary German language]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1970. 200 p. (In Russ.)

Shmelev D. N. *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika* [Contemporary Russian language. Lexis]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1977. 335 p. (In Russ.)

Yanko-Trinititskaya N. *Frazeologichnost' yazykovykh edinit raznykh urovney yazyka* [Idiomaticity of language units of different language levels]. *Izvestiya AN SSR, OLYa* [Proceedings of the SSR Academy of Sciences, Series "Literature and Language"], 1969, vol. 28, issue 5, pp. 429–436. (In Russ.)

Gill Ph. Reassessing the canon. 'Fixed' phrases in general reference corpora. *Phraseology: An Interdisciplinary Perspective*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing, 2008, pp. 95–108. (In Eng.)

ON THE STATUS OF SOME STABLE UNITS IN THE DISCOURSE OF A SMALL SOCIAL GROUP

Ekaterina S. Kogan

**Researcher in the Toponymic Laboratory of the Department of Russian Language and General Linguistics
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin**

51, prospekt Lenina, Ekaterinburg, 620000, Russian Federation. ekaterinakogan@yandex.ru

SPIN-code: 3177-9660

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2456-1868>

ResearcherID: K-7184-2017

Submitted 05.07.2017

The article considers some stable phrasal units which are composed of more than one word and function in the language of a small social group. These units are close to idioms, but they differ from them in one or another phraseological parameter. To designate such units, the term “phraseoid” is proposed; phraseoids are classified based on the parameters of the situation in which they are used. In this classification, the author distinguishes two groups of phraseoids: the ones that characterize the situation, and those that organize the discourse. Subtypes of the units in question are specified for each group. The article also refers to some peculiarities of the use of phraseoids in speech. Therewith the author considers the question about the existence of some uniform criteria to define phraseological units as such (more than one word in a unit, stability of its use, repeatability and idiomacity). Every phraseoid subtype is considered from the point of view of a “failed” criterion, which does not allow one to definitely attribute phraseoids of this subtype to the class of idioms. The research is based on original language materials gathered by the method of involved observation. They include phraseoids that function in the speech of two connected small social groups united by common interests. The phraseoids in question are analyzed in comparison with a more general background including units used by young people. The author cites some contexts in which phraseoids are used, as well as gives some information about the sources of units. The sociocultural importance and the capability of these units to act as a “storage” of the cultural information of social groups are pointed out; however, there is a difference between the information contained in the units in question and the information contained in traditional commonly used idioms. The question about a different mechanism of forming such units is raised by the author at the end of the article.

Key words: phraseology; phraseoids; phraseological parameters; stability; small social group; corporative features of discourse.

УДК 81.373.21

doi 10.17072/2037-6681-2018-3-52-64

«ПУТЕВЫЕ» ОСНОВЫ В СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ БЕЛОЗЕРЬЯ: АРЕАЛЬНЫЕ И ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ¹

Анна Андреевна Макарова**к. филол. н., старший научный сотрудник топонимической лаборатории
кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации****Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина**

620000, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. anna.makarova@urfu.ru

SPIN-код: 8881-2448

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3493-3282>

ResearcherID: V-1779-2017

Статья поступила в редакцию 23.07.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Макарова А. А. «Путевые» основы в субстратной топонимии Белозерья: ареальные и этноязыковые связи // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 52–64. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-52-64

Please cite this article in English as:

Makarova A. A. "Putevye" osnovy v substratnoy toponimii Belozer'ya: areal'nye i etnoyazykovye svyazi ["Route" Stems in the Substrate Toponymy of Belozerye: Areal and Ethno-Linguistic Relations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 52–64. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-52-64 (In Russ.)

Рассматриваются основы со значениями 'перешеек, волок', 'путь, дорога', регулярно повторяющиеся в субстратной топонимии Белозерья и маркирующие пути передвижения. В исследовании ставится задача выявления корпуса топооснов с указанной семантикой, установления мотивации; осуществляется попытка интерпретации их географического распространения и определения наиболее вероятной этноязыковой принадлежности. Целью исследования является уточнение этноязыковых характеристик субстратной топонимии Белозерья. В качестве источника материала используются данные картотек Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (Екатеринбург) и Картотеки топонимов Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск).

В аналитической части статьи предлагается стратификация рассматриваемых топонимических основ с точки зрения происхождения. На базе словарей вепсского, карельского, финского, саамского и марийского языков, а также с привлечением уже опубликованных исследований по топонимии Русского Севера и смежных регионов (Карелии, Финляндии, Ленинградской области) осуществляется направленный поиск параллелей – топонимов с той же основой. С позиций ареально-типологического метода анализируются основы, имеющие прауральское (**ukti*, **taj*-), прибалтийско-финское (*matk*, *ura*), западное прибалтийско-финское (*rata*, *polku*) и марийское (*корно*) происхождение. На основании ареальных связей выявленных географических названий и распространения основы в финно-угорских языках (прибалтийско-финских, саамских, волжско-финских), а также наличия соответствующих лексем в диалектах русского языка делаются выводы о специфике топонимического субстрата Белозерья. Отмечается несколько случаев семантического калькирования: оз. *Ухтомьярское* и р. *Маттерка* (*Ухтома*), р. *Маткинец* и р. *Корнома*; оз. *Волоцкое* и р. *Ухтомка*; а также «скопления» «путевых» топонимов – на водоразделах и при номинации соседних притоков.

Ключевые слова: топонимия; субстрат; прибалтийско-финские языки; языковые контакты; этноязыковые связи.

Для задач этноязыковой стратификации субстратной топонимии Белозерья интересным представляется изучение топонимов с регулярно повторяющимися основами и среди них топонимов определенных тематических групп. Такой подход позволяет увидеть сходные номинативные модели, регулярные семантические переходы в значениях предполагаемых этимонов, что позволяет сделать процедуру этимологизации и последующей стратификации топонимов более верифицируемой. В данной статье рассматриваются основы со значением 'путь, дорога'. Данная идеограмма достаточно продуктивна в субстратной топонимии Белозерья. Вероятно, в силу того, что данная территория характеризуется большим количеством водных объектов, при ее освоении дославянским населением ключевую роль играли водные пути – реки и озера, соединенные проливами, перешейками и волоками.

Для русской топонимии данная идеограмма менее актуальна: в частности, можно отметить немногие озерные гидронимы, например, *Волоцкое* (Ваш), *Дорожное // Путное* (Кад), *Перевозное* (Баб), *Проездное // Проходное* (Выт), *Путеее* (Кир). Все названия являются одиночными, поэтому говорить о существовании моделей не приходится. Наличие номинативных (лексических) вариантов также указывает на то, что данные номинации носят нерегулярный, неустойчивый характер. Русские апеллативы, являющиеся в том числе и базой для создания топонимов, рассматриваются в работе Л. Г. Гусевой, специально посвященной названиям дорог и тропинок в говорах Каргополья [Гусева 1979].

История изучения «дорожной» топонимии Русского Севера освещена в публикации Е. В. Захаровой [2017], где на материале субстратной топонимии прибалтийско-финского происхождения проанализированы некоторые редкие топонимические маркеры дорог и путей, связанные с наименованиями видов транспорта (сани, лодки) и вспомогательных приспособлений (весла, лыжи и т. п.).

Мы же обратимся к анализу более прямых номинаций, в основе которых лежат апеллативы со значениями 'перешеек, волок', 'путь, дорога'. В качестве источника субстратных топонимов используются данные картотек Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (Екатеринбург) и Картотеки топонимов Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск).

В исследовании ставятся задачи выявления корпуса топооснов с указанной семантикой на

территории Белозерья, установления их мотивации; предлагается интерпретация географического распространения соответствующих топонимов и определение наиболее вероятной этноязыковой принадлежности. Целью исследования является уточнение этноязыковых характеристик субстратной топонимии Белозерья.

Для этого применяется следующая методика: на базе словарей вепсского, карельского, финского, саамского и марийского языков, а также с привлечением материала уже опубликованных исследований по топонимии Русского Севера и смежных регионов (Карелии, Финляндии, Ленинградской, Костромской областей) осуществляется направленный поиск параллелей – топонимов с той же основой. На основании ареальных связей выявленных географических названий и распространения основы в финно-угорских языках (главным образом, прибалтийско-финских, саамских, волжско-финских), а также наличия соответствующих лексем в диалектах русского языка делаются предварительные выводы о возможном характере субстратной топонимии Белозерья.

1. Топонимические модели, образованные от основ прауральского происхождения

• праурал. **ukti* 'перешеек, волок' [Saarikivi 2006: 38; Rahkonen 2013: 14–17].

Белозерье: оз. *Ухтозеро* (*Ухтомьярское*, *Ухтомерское*, *Ухтомярское*), р. *Ухтома* (*Маттерка*, *Ухтомерка*, *Ухтомка*, *Ухтомьярка*, *Ухтомярка*), к. д. *Ухтомерье*, бол. *Ухтомское* (*Ухтомьярское*) (Бел), б. д. *Ухтино*, д., с., р. *Ухтом(к)а* (*Ухтомская*) (Ваш), р. *Ухтамица* (*Ухтомица*), *Ухтом(к)а*, чица, р. *Ухтюга* (Вож), р. *Ухта*, оз., б. д. *Ухто(о)зеро*, бол., оз. *Ухтомское* (*Ухтанское*) (Выт), р. *Ухта(река)*, бол., поле *Ухотское*, лес *Ухтино*, оз. *Ухтозеро* (Карг), бол., пок., р. *Ухтом(г)а*, *Ухтомица*, *Ухтомка*, *Ухтюга* (карт. *Уфтюга*) (Кир)².

Значение данной основы неоднократно обсуждалось в предшествующих работах [Муллонен 2002; Матвеев 2004; Хелимский 2006; Saarikivi 2006; Rahkonen 2013 и др.]. Отметим только, что на территории Белозерья топонимы с основой *Ухт-*, очевидно, нередко попадали в сферу межэтнических контактов, свидетельством чего являются случаи калькирования: оз. *Ухтомьярское* расположено на северной границе бассейна Андоги, в которую стекает по р. *Маттерка* (на старых картах р. *Ухтома*), и лишь незначительный по протяженности водораздел отделяет его от реки *Тойцы* (см. далее), стекающей на север в

Мегру и далее в Белое озеро. В этой цепочке показательно название р. *Маттерка*, в котором скрывается лимноним, т. е. название того озера, из которого река вытекает: приб.-фин. **Mat'ar* < **Matkjärv* «Волоковое озеро» (ср. элемент *-яр-* в *Ухтомьярское* < **Uhtomjärvi*). Таким образом, этимологически прозрачное **Mat'ar* является переводной прибалтийско-финской калькой названия *Ухтомьярское*; т. е. топоосновы *uht-* и *matk-*, имеющие разные языковые истоки, семантически идентичны. Основа *matk-* в названии водораздельного озера (**Mat'ar*) достаточно однозначно свидетельствует о том, что волок из бассейна Андоги на Белое море использовался и в прибалтийско-финское время (см. об этом также в нашей более ранней публикации: [Захарова, Макарова, Муллонен 2016: 22–23]). Кроме того, р. *Ухтомка* (Ваш) связывает между собой

оз. *Волоцкое* (ср. рус. *волок*) и Белое озеро. В нескольких километрах от оз. Волоцкое расположено оз. Долгое, которое, в свою очередь, соединяется р. *Ухтомицей* (Кир) с крупным Вещозером (через р. Модлону).

Русский Север: бол. *Ухта*, руч. *Ухтишный* (Вил), перекал, р. *Ухтаньга* (*Ухтоньга*), оз. *Ухтозеро* (Вин), р. *Ухтомка*, бол., поле *Ухты* (Котл), р. *Ухта* (Леш), зал., пок., поле, р. *Ухта*, *Ухнаволок*, *Ухтозера*, *Ухтозеро*, бол. *Ухточка*, руч. *Ух(т)ручей* (Он), оз. *Ухтозеро* (Плес), о-в *Ухостров*, мыс *Ухтнаволок*, д. *Ухтостров* (Прим), пок., р. *Ухтаж* (Уст), к. д., о-в *Ухтостров* (Холм); бол. *Ухтом(к)а*, р. *Ухтомка* (В-Уст), р. *Ухтюжка* (Гряз), бол., р. *Ухтанга* (*Ухтонга*) (Тот), р. *Ухтом(и)ца* (*Ухтовица*), бол. *Ухтомское*, р. *Ухтюга* (У-Куб), р. *Ухтюга* (*Уфтюга*) (Хар).

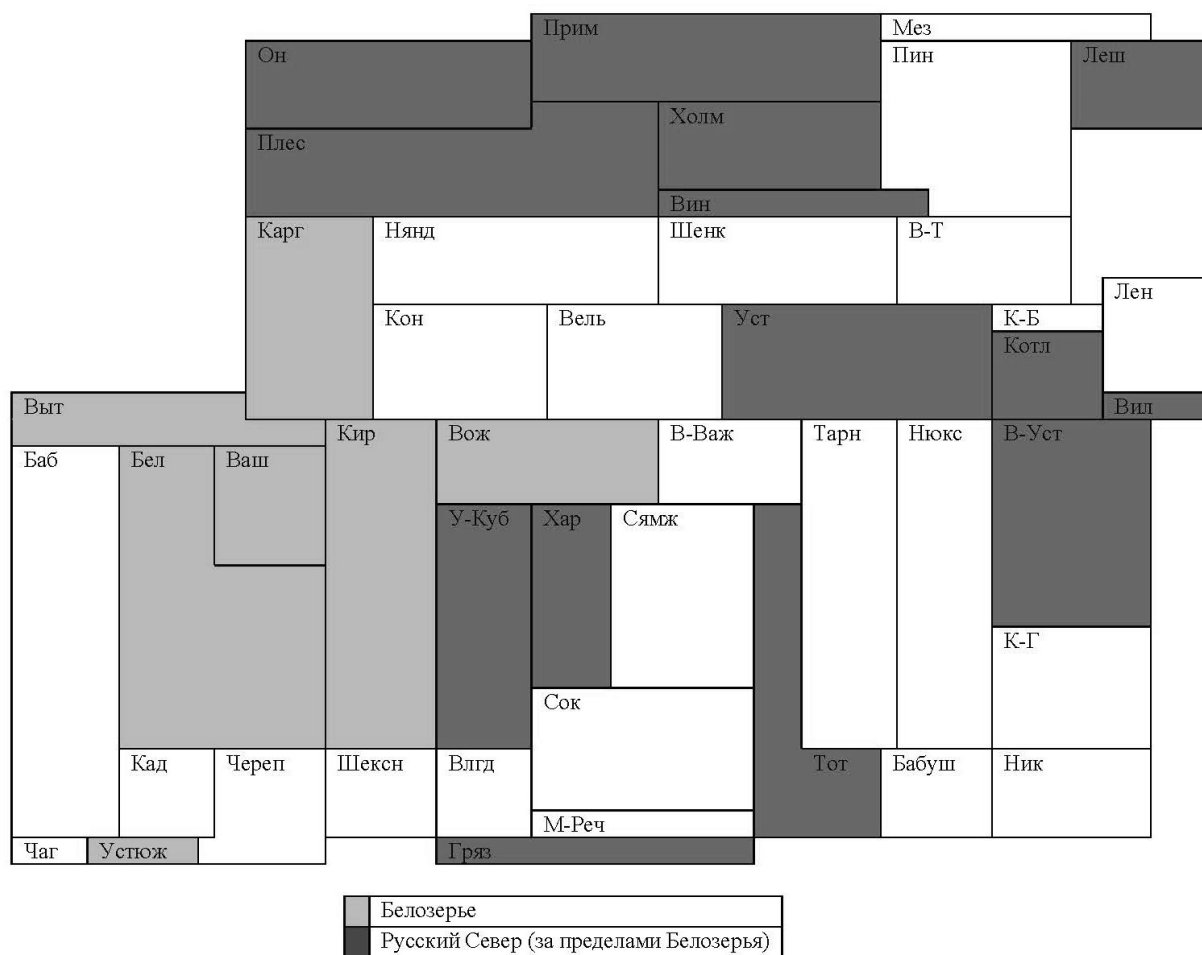


Рис. 1. Распространение топонимов с основой *Ухт-* на территории Русского Севера
Fig. 1. Distribution of Toponyms with the Stem *Ukht-* in the Russian North

На Русском Севере модель распространена практически повсеместно на обширной территории финно-угорского субстрата, ее ареал уходит в северо-восточную часть Костромской области,

где она представлена в сочетании с типичными мерянскими формантами: б. пос., р., руч. *Ухтенгирь* (*Ухтынгирь(ка)*) (Кадый), к. д. *Ухтубуж* (Кологр), к. д. *Ухтубож* (Мант), д. *Ухтобож*

(Меж), бол., р. *Ухта* (Ней). Кроме того, та же модель (*Ухтозеро*) известна на севере Карелии – в Беломорском районе.

Несмотря на широкое распространение модели и прозрачность ее топонимического значения, единственным лексическим фактом, соотносимым с вышеприведенными названиями, остается белозерский ландшафтный термин *ухта* 'сырое заболоченное труднопроходимое место' [Субботина 1983: 85], 'обширный глухой лес' [Муллонен 2002: 214].

Необходимо отметить, что модель известна также в эстонской топонимии, что говорит о ее древнем происхождении: *Uhtju*, *Uhtjärv* (упоми-

нается с 1627 г., в 1419 г. в форме *Huchtiyerwe*) (EKR: 700).

- праурал. **taj-*; фин. диал. *taipale*, *taival* 'переек, волок' [Rahkonen 2009: 184], кар. *taival* 'путь, промежуток от одной деревни до другой, волок' (SSA, 3: 255).

Белозерье: лес, пастб. *Тайбола* (*Тайболо*) (Ваш); пок., руч., пастб., мыс *Тайбола* (Вож);

Русский Север: поле *Тайболы* (Вил), пок. *Тайбола* (Плес), пок. *Тайбалы*, часть д., бол., пок., поле, руч. *Тайбола* (*Тайболо*), пок. *Тайболы* (Он), поле *Тайбола* (Нянд), пок., дорога *Тайбола* (Прим), лес *Тайболы* (Уст), поле *Тайбола* (Холм), поле *Тайбола* (Шенк)³.

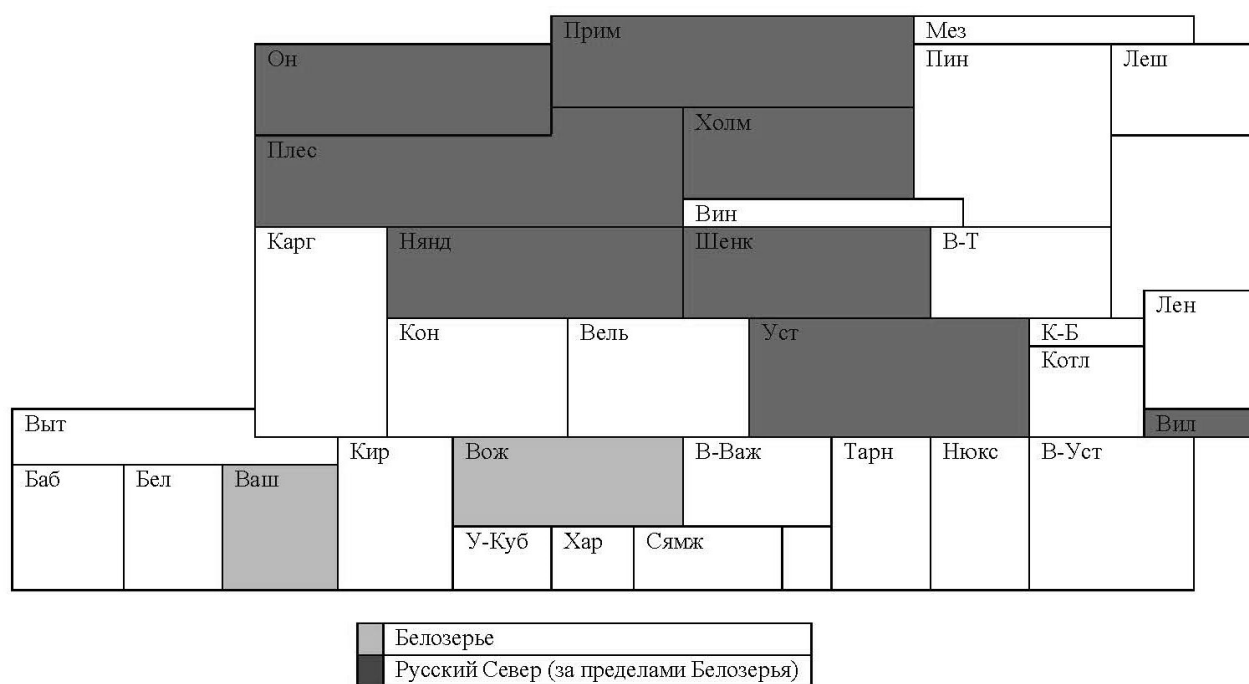


Рис. 2. Распространение топонимов с основой *Тайбол-* на территории Русского Севера
 Fig. 2. Distribution of Toponyms with the Stem *Taibol-* in the Russian North

Судя по данным карт, модель не является собственно гидронимической: большинство топонимов с рассматриваемой основой на Русском Севере представлено названиями сельхозугодий, обычно расположенных на узких участках суши между водными объектами и, возможно, вблизи глухих лесов, в соответствии с основным значением апеллятива *тайбола*, фиксируемого в русских говорах еще с первой половины XIX в., ср.: арх., волог., новг. 'густой, дремучий, труднопроходимый лес' (СРНГ, 43: 219); 'глухое сырое место в лесу, заросшее деревьями' (Ваш); арх. 'лесное пространство между двумя населенными пунктами' (там же: 220). При этом характер номинируемых объектов (преимущественно поля и

покосы) и структура топонимов (отсутствие формантов или калькированных географических терминов в позиции детерминанта) заставляют предполагать, что большая часть рассматриваемых топонимов образована на базе усвоенного в русский язык слова *тайбола*.

Память о значении прибалтийско-финского апеллятива сохраняется только в значениях 'обширное лесное пространство с проложенной через него дорогой' (Белом); арх. 'низменные, болотистые лесные пространства с проложенной через них дорогой'; 'дорога через лес'; данная семантическая линия продолжена также в арх. 'водораздел между реками, волок' (там же).

Соответствующая основа распространена в финской топонимии в виде *Taipale* (чаще в названиях домов) и в составе различных оттопонимических названий: *Taipaleenjärvi*, *Taipaleenmäki*, *Taipaleenneva*, *Taipaleensuo* и т. п. (всего несколько десятков названий), где основы *taipale* и *taival* часто используются для обозначения перешейка между двумя водоемами, а также дороги, маршрута и расстояния (SP: 441). Слово *taipale* также является ландшафтным термином, который в Южной Карелии имеет значение 'перешеек между водоемами' (ibid.: 442).

Необходимо отметить, что аналогичное семантическое развитие 'дорога' → 'лес' наблюдается в диалектах Русского Севера и в самом слове *волок*: 1) 'лесная дорога, участок лесной дороги между двумя населенными пунктами'; 2) 'большое расстояние, дальний путь'; 3) 'расстояние, путь между далеко расположенными друг от друга населенными пунктами по лесной дороге или через лес'; 4) 'лес, лесной массив между двумя населенными пунктами, реками и т. п.'; 5) 'территория, пространство между двумя населенными пунктами'; 6) 'дальний лес, дальний сенокос' (СГРС, 2: 153–154). Подробнее о любопытном семантическом развитии термина *волок* в севернорусских диалектах писал в своей монографии, посвященной славянской географической терминологии, Н. И. Толстой. Он выделил следующие этапы семантической эволюции рассматриваемого слова: *волок* 'перешеек, водораздел, узкое между двумя реками пространство земли, через которое можно перетаскивать, перевозить суда из одной реки в другую' (Подвысоцкий) → 'водораздел, дорога, идущая от одной деревни к другой лесом, где иногда на большом расстоянии нет жилья' (Куликовский) → 'лесная дорога, дорога через большой лесной массив' (Подвысоцкий и др.) → 'значительное пространство черного леса между селениями' (Дилакторский и др.) → 'лес' [Толстой 2003: 162–163]. Возможно, данный процесс в славянских и прибалтийско-финских языках является отражением семантической типологии, основанной на общности ландшафтных реалий.

II. Топонимические модели, образованные от основ прибалтийско-финского происхождения

- фин., карел. *matka*, ливв. *matku*, люд. *matk*, *matku*, *matke*, вепс. *matk*, вод. *matka* 'путь, дорога, расстояние, переход, волок' (SKES: 337).

Белозерье: оз. *Маттерозеро* (Баб), р. *Маттерка* (Бел), рядом *Матрослово*, *Матленда*;

оз. *Маткозеро*, р. *Маткозёрка* (Бел), руч. *Маткинец* (Вож), поле *Маткажи*, оз. *Маткозеро*, оз. *Mat't'ar'v*, руч. *Маткручей* (Выг), оз. *Маткозеро* (Кад), руч., оз., пок. *Маткомец* (*Маткинец*, *Матконец*) (Кир), д. *Маткобал* (Шексн), пок. *Подматка* (Карг), р. *Матка*, оз. *Маткозеро* (Кон), р. *Маткомец* (карт. *Узкая Маткома*) (Череп) > р. *Маткома* (Пошех);

Русский Север: руч. *Маткуй* (Вель), руч. *Матков* (Мез), руч. *Матковец*, *Маткозеро* (Нянд), р. *Маткова*, *Маткозеро*, *Маткручей* (Он), руч. *Маткоя* (*Маткой*) (Пин), *Матканорог*, руч. *Матков*, *Маткозеро* (Плес), сен. *Матки*, *Маткозеро* (Холм); р. *Маткова*, хут. *Матково* (В-Важ), р. *Матковица* (*Маткомица*) (М-Реч), р. *Маткова* (Тот), р. *Маткобойка* (У-Куб), нав., слуда *Заматка* (В-Т).

- прасаам. **mōtkē*, саам.-сев. *muot'ke*, ин. *myetki*, колт. *mie'tkk*, кильд. *mū'ik* 'волок', 'путь' (YS: 78–79) [Матвеев 2004: 90].

Белозерье: р. *Моткич* (Баб), оз. *Моткозеро* = *Маткозеро*, из него вытекает р. *Маткозёрка* (Бел);

Русский Север: р. *Моткозеро*, *Мотка* (Он), руч. *Моткангарь* (Уст); р. *Моткас* (Влгд), р. *Мотковица* (*Мотко(в)ница*) (В-Важ).

На территории Русского Севера названные модели представлены на рис. 3.

Основа в варианте *Матк-* также представлена в топонимии Карелии (несколько десятков названий), преимущественно в названиях озер и различных сельскохозяйственных угодий, ср. названия *Маткозеро* (Белом, Медв, Пуд), *Маткаселькялампи* (Сорт) и др.

Основа, аналогичная *Матк-*, известна в финской топонимии: д. *Matkaniva* (Pohjois-Pohjanmaa), д. *Matku* (Kanta-Häme), местность *Matku* (Uusimaa), р. *Matkusjoki* (Satakunta), порог *Matkuskoski* (Lappi) (SP: 265). Основа, аналогичная *Мотк-*, представлена в названии *Muotkataikka*, саам.-сев. *Muotkkádat* (Lappi). Саамская форма восходит к соответствующему апеллятиву *muotkkádat*, производному от *muotki* 'перешеек, волок' (SP: 276). Кроме того, известен ороним *Muotkatunturit*, саам.-сев. *Muotkeduoddarat*, ин. *Myedhitsuoddáreh* (Inari Lappi). Финское название является полукалькой саамского, ср. фин. *muotka*, саам.-сев. *muotki*, Инари *myetki* означает 'перешеек' или 'пройденное расстояние' (ibid.).

Таким образом, можно заключить, что ареал модели на *Матк-* вытянут с юго-запада на северо-восток, при этом варианты на *Мотк-* расположены на окраинах ареала, что может указывать на их более древнее происхождение⁴.

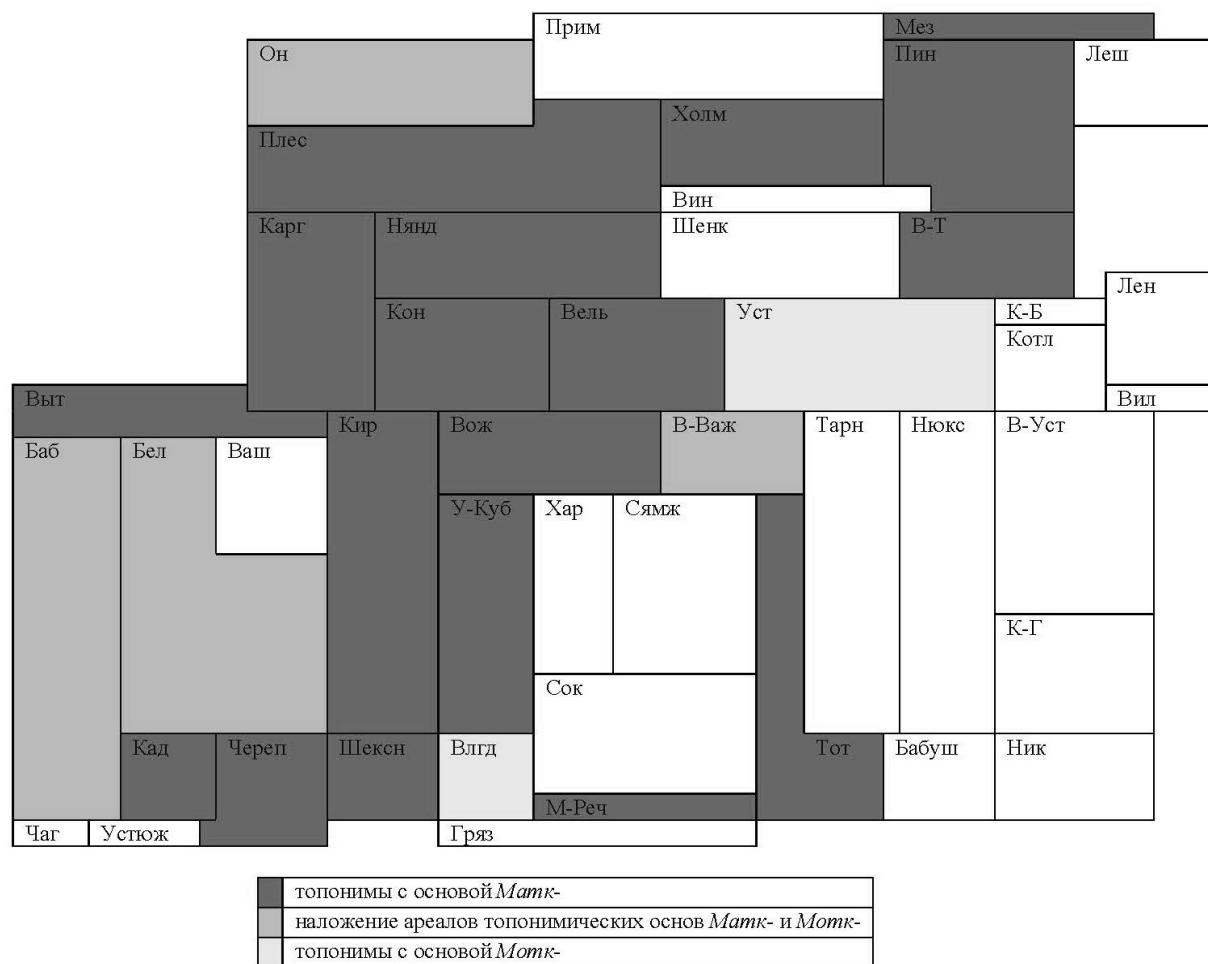


Рис. 3. Распространение топонимов с основами *Матк-/Мотк-* на территории Русского Севера
 Fig. 3. Distribution of Toponyms with the Stems *Matk-/Motk-* in the Russian North

Наиболее дискуссионной в рассматриваемом ряду представляется основа, соотносимая с

- фин. *ura* 'продолговатый след; колея; тропинка; путь', карел. *ura* 'колея, проход; тропа, дорога; русло, ущелье', люд. *ura* 'ущелье, овраг' (SSA, 3: 375), вепс. *uri* 'нора, борозда' (СВЯ: 604) [Муллонен 1988: 96].

Белозерье: оз., поле *Урозеро*, р. *Урозёрка*, *Уросарка* (Бел), оз. *Урозеро* (Выт).

Примечательный факт: р. *Уросарка* (Бел) впадает в р. Чёрмжа выше р. *Ратомбой*. (На карте эти реки обозначены как *Урусарка* и *Родомбой*.)

Названия р. *Уразорка* (*Урозорка*, *Лазорка*, карт. *Улазорка*) (Кад) и в особенности леса *Уров* (Карг) могут иметь иное происхождение.

Основную трудность при этимологизации данной основы создает наличие в прибалтийско-финских языках основы *urreh* в значении 'желоб, борозда', которую SKES не относит к данному словообразовательно-этимологическому гнезду: фин. *uurre*, ливв. *uur(r)e*, *uurreh* 'колея; промоина; борозда; желобок; насечка и др.' (SKES:

1565) (см.: [Матвеев 2004: 118]). Этот факт позволяет Н. В. Кабининой относить онежские топонимы пок. *Урехмина* и руч. *Урехручей* к особому семантическому типу [Кабинина 2011: 257–258], отличному от семантического типа основы топонима пок. *Урепалда* [там же: 150].

В топонимии Белозерья примеры проявления данной топоосновы представлены преимущественно гидронимами (*Урозеро*, *Уросарка*). За пределами Белозерья наиболее надежными примерами реализации данной основы в топонимии Русского Севера можно считать следующие: пож. *Урепалда* (*Уреполда*, *Уропалда*) (Он), р., руч. *Ура*, *Урас* (*Урос*), руч. *Урполка* (Пин), оз. *Уро(о)зеро* (*Уромец*) (Плес), р. *Урес*, оз. *Уромец* (Холм), р., руч. *Урнас* (Шенк), р. *Уринга* (Хар). Возможно, названия типа оз. *Уромец* (Плес, Холм), р., руч. *Уромсара* (*Уромсора*) (Леш) также относятся к рассматриваемому типу, если предполагать в них фонетическое преобразование показателя прибалтийско-финского генитива *-n > -m*, частотного в топонимии Русского Севера, либо необходимо причислить их к

основе *уром-, ср. волог. *урома* ‘куча, множество’, ‘лес на плотках’ (Даль, 4: 522), этимология которого не установлена.

Ареал данной модели имеет продолжения в топонимии Карелии в форме *Урозери* (Прион, Пряж) и Ленинградской области (Подп). Кроме того, топооснова известна в собственно-карельской топонимии: *Uronnumet*: «Покосы между двумя возвышенностями (в ложбине)»; *Urontaga*; возв. *Uronvoora* (Медв, Паданы). В финской топонимии известно в названии оз. *Urajärvi* (Päijät-Hämeessä, Kumeenlaakso), ср. фин. *ura* ‘дорога, тропа’. Названия такого рода, вероятнее всего, были путевыми или маршрутными топонимами, а сами озера могли быть местами раннего заселения или погребальными тропами. В то же время озера могли получить названия по руслу реки, поскольку другое значение *ura* в юго-восточных диалектах финского языка – ‘водное русло, река’ (SP: 479). Таким образом, данная топонимическая модель представлена на территории распространения нескольких прибалтийско-финских языков и характерна в первую очередь для названий озер.

С осторожностью можно говорить о том, что, судя по этим данным, конфигурация ареала основы (с юго-запада на северо-восток) типична для основ прибалтийско-финского происхождения. На территории Русского Севера определение границ ареала затруднено по нескольким причинам. Во-первых, часть севернорусских топонимов, которые формально могут быть отнесены к рассматриваемому типу, нагружены суффиксом *-ск-*: пок. *Урское* (Леш), руч. *Уроский* (Урьев), оз. *Уроское* (Урское) (Он).

Во-вторых, в финно-угорском языковом континууме обнаруживается несколько омонимов изучаемой основы: так, названия оз., р. *Урас* (Урос) (Вин), р. *Урус* (Нюкс), р. *Урас* (Урос) (Пин) скорее соотносятся с фин. *uros* ‘самец животного’ (SSA, 3: 376).

К анализируемому ряду, безусловно, не относятся названия, зафиксированные в восточной части Русского Севера: например, б. пос. *Урдома*, бол., р., руч. *Урбож* (Лен), – вероятнее всего, они связаны с коми словом *ур* ‘белка’ (КРС, 3: 684), а также д. *Урма*, р. *Уромка* (Кологр), ср. костр. *урма* ‘белка’ (Даль, 4: 521). Сомнения вызывает также название р. *Уремица* (Сямж), скорее всего, связано с волог. *урёма* ‘частый, дремучий, непроходимый лес, чаща’ или ‘лес, растущий на возвышенности’ (СРНГ, 47: 332).

- фин. *tola* ‘тропа, путь’ = саам. *doalle* ‘заваленная снегом дорога или след’ (SSA, 3: 307).

Белозерье: лес *Толошалга* (Карг), рядом бол. *Толошальское*.

Единственное близкое соответствие основе этого топонима на территории РС обнаружено нами в названии оз. *Толосозери* (Плес). Не вполне понятно, в каких отношениях находится предполагаемый этимон с прасаам. **tōlā*, ин. *toali*, колт., кильд. *tuell* ‘зимняя дорога’ (Lehtiranta: 136–137). Кроме того, в топонимии Архангельского Поморья зафиксирован топоним *Толмотки* (совр. *Талматки*), для которого в работе [Кабинина 2011: 151] предложена связь с приб.-фин. *talvi* ‘зима’ и *matka* ‘путь’ или прасаам. **tālvē*, ин. *tālvi*, колт. *tālvv*, кильд. *tālv*, тер. *taļve* ‘зима’ и *muotke* ‘перешеек, волок’ («Зимняя дорога», «Зимник») (Lehtiranta: 132–133; KKLS: 571) (см.: [Матвеев 2001: 202–203]). Так или иначе, эти топонимы обозначали некую зимнюю дорогу и соотносятся в первую очередь с саамскими данными. В этой связи также необходимо вспомнить и о вепском термине **tal'te* ‘зимняя дорога’, ср. вепс. *tal'v* ‘зимний’, *t'e* ‘дорога’ (СВЯ: 559, 563), реконструируемом на основе сохранившейся вепской топонимии, ср.: дор. *Tal'te* (Zimnik) (Баб), поле *Tal'te*, ср. рядом пашня *Tal'dorog* (Прион) (ГИС ТК). К этому же ряду, вероятно, относится и название р. *Талма* (Вин), истоком которой является оз. *Талозери*.

Формант топонима восходит к фин. *selkä*, карел. *šelkä*, *šelgä*, *selgä*, ливв. *selgü*, люд. *šelg*, *selg*, *selge* и др. ‘спина; горный кряж’, вепс. *selg*, *šelg*, эст. *selg*, юж.-эст. *sälg*, лив. *sälga* ‘спина’ = саам. норв. *čielge* и т. п. ‘позвоночник’, ‘горный кряж’ (SKES: 995–996), ср. получившее отражение в севернорусских говорах *шалга* мез. ‘чернолесье’ (Опыт: 262), арх. ‘густой, раскинувшийся на большое пространство сосновый и еловый лес’ (там же: 303), ‘большой, вхожий лес; дровосека’ (Даль, 4: 619), мез. ‘поросшее кустарником место в лесу’, он., холм. ‘гора или холм, на которых не растет трава’, арх. ‘глухой, иногда на десятки верст тянувшийся лес, среди которого есть озера’ (Подвысоцкий: 191), олон. ‘возвышенное сухое место, поросшее лесом’ (Куликовский: 135), холм. ‘топкая болотина’ (Грандилевский: 299); ‘остров между болотами’, ‘пологая продолговатая гора’ (Карг), ‘большая заболоченная поляна в лесу’ (Плес), ‘низкорослый заболоченный лес’ (Уст), ‘место для рубки леса, делянка, лесосека’ (Он, Холм) и др. (ТЭ).

Предложенная интерпретация названия леса *Толошалга* не кажется абсолютно убедительной ввиду того, что в районе бол. *Толошальского* на карте обозначена р. *Толок* (ручей) (впадает в

р. Чурьега, далее в Кену и затем в Онегу), однако данное название не подтверждено полевыми записями.

III. Топонимические модели, образованные от основ западного прибалтийско-финского происхождения

Примечательным в рассматриваемой группе топонимов, образованных от основ со значением 'путь, дорога', является тот факт, что в топонимии Белозерья засвидетельствованы по меньшей мере две основы, имеющие параллели в западных прибалтийско-финских языках и отсутствующие в вепском, при том что в целом присутствие вепских языковых данных, особенно в северо-западном Белозерье, следует считать весьма существенным.

- фин. *rata* 'тропа, путь, лыжня, маршрут, направление', эст. *rada* 'тропа, путь' [SSA, 3, 53], карел. *rata, rada* 'путь' (ССКГК: 234).

Белозерье: б. д., р. *Ратомбой* (*Ратенбой*, *Ратонбой*; карт. *Родомбой*) (Бел), бол. *Ратное* (Вож), бол., оз. *Ратное* // *Ратозеро* (Выт), бол. *Ратнее*, лес, место в лесу *Ратня* (Карг), р. *Ратца* (Чаг);

Русский Север: место р. *Ратнё*, о-в *Ратний* (Вин), оз. *Ратичное*, оз. *Ратище*, дорога *Ратняя* (В-Т), оз. *Ратваиш*, пок. *Ратмиж* (К-Б), руч. *Ратручей*, ур. *Ратьменьга*, мыс *Ратьмина*, *Ратьмины* (Нянд), бол. *Ратомох* (Плес), р. *Раткурья*, мыс *Ратоминский*, р. *Ратоминский Исток*, оз., пок. *Ратоминское*, о-в, р. *Ратопель* (Прим), пок. *Ратнов Мыс* (Уст), к. д. *Ратनावолок* (Холм); р. *Ратка* (В-Важ), р. *Ратная* (К-Г), руч. *Ратный*, р. *Рато(в)ская* (Ней)⁵.

На территории Карелии этим названиям соответствуют название угодья *Ратня* и связанные с ним названия бол. *Ратний Мох* и *Ратняя Гора* (Пуд).

Из рассмотрения нужно исключить некоторые названия деревень и сельхозугодий, поскольку они, вероятнее всего, образованы от дохристианского личного имени *Ратша* (Тупиков: 391) или *Ратмир*: р. *Ратша* (Влгд), поле *Ратишино* (К-Б), пок. *Ратчина* (В-Т), б. д. *Ратчина Большая*, *Ратчина Малая*, р. *Ратчинка* (В-Уст), пок., поле, ур. *Ратчина* (Устюж), д. *Ратчина* (Окт). В. Л. Васильев также трактует как образование от личного имени *Ратмир* и наименование б. д. *Ратморovo* (Кир) [Васильев 2012: 94]. Кроме того, он указывает на существование старорусского личного имени *Ратман*, от которого могут быть производными названия пок. и руч. *Ратман* (Ваш). От личного имени *Ратибор* образовано название д. *Ратибор(овo)* (Кир). К уменьши-

тельной форме этого имени – *Ратя* – могут восходить названия поля *Ратино* (К-Б) и деревень *Ратино* (В-Важ, Сямж). Безусловно, не являются маркирующими названия типа руч. *Ратов* (Баб), б. д. *Ратовo* (Кир), бол. *Ратовo* (К-Б), пожня *Ратовo* (Леш), во-первых, в силу своего широкого распространения в Центральной России (Владимирская, Тульская, Тверская, Московская, Нижегородская области и др.); во-вторых, поскольку они, скорее всего, также являются отантропонимическими. Определенные сомнения по поводу принадлежности к данному семантическому типу вызывает также название р. *Ратыня* (Устюж), поэтому оно не было картографировано.

Семантика основы не ясна. Судя по тому, что среди объектов преобладают водные, вероятно, значение ее близко к значению основ *Матк-* и *Ухт-*. На это же указывают финские параллели, ср., например, *Ratalammi* (Jämsä, Lappee). Основа имеет широкую географию, может сочетаться с типично коми-зырянскими формантами *-ваиш*, *-миж* и т. п. Суффиксы в названиях рек *Ратка*, *Ратыня*, *Ратца*, *Ратиша* могли возникнуть уже на русской почве, если они вообще не русского происхождения. (Так, в исторических памятниках Новгородской земли зафиксированы ойконимы *Ратча* и *Ратиша*, которые В. Л. Васильев считает отантропонимическими [Васильев 2012: 325].)

- фин. *polku* 'узкая дорога, тропа в лесу или на болоте' (NA; RFS) (в SSA представлена преимущественно как глагольная основа, см. *polkea* (SSA, 2: 390)), карел. *polku* 'тропа; тропинка' (ССКГК: 214).

Белозерье: *Полкозеро*, *Полкручей* (Выт) = карт. *Полгозеро*, р. *Полгозерка*.

На территории Русского Севера обнаруживается только один похожий топоним, *Полкозеро* (Холм). Оба объекта имеют сходную характеристику: небольшое лесное озеро соединяется небольшой рекой-перемычкой с крупной рекой или озером. На территории Финляндии эта основа довольно распространена (известно около 30 названий типа *Polkumäki*, *Polkuneva*, *Polkusaari* и т. п.), при этом ее ареал охватывает всю Финляндию, вплоть до саамских территорий.

Рассматриваемую основу возможно соотнести с комплексом названий на *Палг-*, также имеющих «путевую» семантику, ср. саам. *balges*, *pälges* (< прасаам. **pälk-*) 'тропа, в том числе протоптанная оленями' [Муллонен 2002: 250], оз. *Палгозеро* (Вин), оз., руч. *Палгиши* (Холм), *Палгуша*, *Палгозеро* (Лод) и др. Формы с *o* могли возникнуть под влиянием вепского языка, ср. вепс. *Pougužjärvi* (рус. *Палгозеро*).

IV. Топонимические модели, образованные от основ волжско-финского происхождения

• мар. *корно* 'дорога, путь сообщения, тропа' (СМЯ, 2: 457).

Белозерье: р. *Корнома* (Вож).

Данная топооснова выглядит уникальной на фоне прочей топонимии Белозерья, однако в действительности является продолжением ареала топонимов на *Корн-*, представленных в топонимии исторических мерянских земель и на прилегающих территориях, см.: р. *Корна* (Грязь), р. *Корнеж* (*Корнеш*, *Корниж*) (Макар, Ней), д. *Корнеж*, р. *Корнежок* (Парф). Этимология основы была предложена О. В. Востриковым [1979: 50] и поддержана А. К. Матвеевым [2007: 87; 2015: 136].

Подводя итоги, можно отметить, что анализ семантики топонимических моделей и производящих основ, используемых для обозначения водно-волоковых путей, демонстрирует определенные закономерности.

В качестве производящих основ используются в первую очередь ландшафтные термины со значением 'перешеек, волок': они встречаются преимущественно в названиях водных объектов, особенно освоенных в более раннее время. Позднее начинают использоваться основы со значением 'путь, тропа, дорога' – это свойственно более поздней по времени возникновения топонимии – прибалтийско-финской и волжско-финской. Меняется и сфера приложения данной идеограммы: наряду с названиями рек и озер появляются наименования дорог, лесов, населенных пунктов и т. п. – объектов, связанных с сухопутными маршрутами освоения территории.

Наиболее продуктивными в субстратной топонимии Белозерья и соседних территорий являются основы с исходным значением 'перешеек, волок' (*Ухт-*, *Матк-*), что объясняется как их более древним происхождением (и распространенностью практически во всех прибалтийско-финских языках), так и более широким семантическим спектром. Менее популярны в топонимии Белозерья основы со значением 'путь, тропа, дорога', имеющие более узкую семантику и представленные единичными фиксациями.

Наиболее плотный ареал субстратной топонимии с «путевыми» основами концентрируется на северо-западе Русского Севера, продолжаясь в Карелии и Финляндии, а частично в Ленинградской области и Эстонии. Такая конфигурация, по-видимому, объясняется тем, что это территория распространения прибалтийско-финских языков (в настоящем или прошлом), а топоними-

ческий субстрат Белозерья во многом соотносится именно с прибалтийско-финскими данными. Второе объяснение состоит в том, что указанная территория характеризуется значительным количеством рек и озер, связанных проливами, а для прибалтийско-финского населения при освоении новых земель решающее значение имели именно водные пути.

Предпринятое исследование может быть полезно в плане изучения путей миграции дославянского населения в Белозерье и в целом на Русском Севере, а также для выявления внутренних микрорегиональных топонимических зон, образованных разными типами субстрата. В частности, для выявления границ таких зон показательны несколько засвидетельствованных случаев семантического калькирования: оз. *Ухтомьярское* впадает в р. *Маттерка* (*Ухтома*) (Бел, Андозеро); р. *Маткинец* впадает в р. *Корнома* (Вож); оз. *Волоцкое* является истоком р. *Ухтомка* (Ваш), что косвенно подтверждает наличие различных по хронологии этноязыковых пластов в топонимии Белозерья. Показательно, что случаи «скопления» «путевых» топонимов фиксируются либо на водоразделах, например, оз. *Маткозеро* и оз. *Ратное* (Выт), либо при номинации соседних притоков, например, *Ратомбой* и *Уросарка* – притоки р. Чёрмжа (Бел).

В целом специфика Белозерья как топонимического региона может быть описана следующим образом. Здесь представлены как старые основы, имеющие прауральское (**ukti*, **taj-*) происхождение, так и основы, связанные с более поздним по времени прибалтийско-финским освоением региона (*matk*, *ura*). Кроме того, Белозерье является «местом встречи» различных этноязыковых инфильтраций: на северо-западе это топонимические основы, соотносимые с карельскими и финскими данными (*rata*, *polku*), на юго-востоке – основа *корно*, имеющая марийское происхождение.

В качестве перспектив дальнейшего изучения рассматриваемой темы можно указать выявление корпуса основ с аналогичной «путевой» семантикой в русской топонимии, картографирование русских топонимов и соотнесение их с прибалтийско-финскими (в том числе в плане семантики).

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

² К рассматриваемому ряду не относится название леса *Ухтомский Бор* (Устюж), поскольку оно образовано от фамилии владельца: «Ухтомский барин владел лесом» (Устюж, Теплино).

³ По мнению П. Рахконена [Rahkonen 2013: 16], от этой же основы образованы севернорусские топонимы на *Той-*: р. *Тойма* (В-Т, Мез, Пин), д. *Тойма* (Леш), р. *Тойманка* (Ней), р. *Тойга* (Галич), р. *Тойменьга* (Вель); если это предположение в принципе справедливо, то к этому же ряду должны принадлежать, во-первых, название р. *Тойца* (Бел), а во-вторых, названия оз. *Тайозеро*, пок., руч. *Тайручей* (Он), отражающие прибалтийско-финскую огласовку.

⁴ Подробнее о географическом распределении вариантов с *a* и *o* в топонимии Русского Севера и его интерпретацию см.: [Матвеев 2004: карта 7], а также в некоторых других работах.

⁵ Из рассмотрения исключены названия сельхозугодий типа поле *Ратное* (Карг, Кон), пок. *Ратнее* (Сямж), пок. *Ратнё* (Тарн) и др., поскольку они связаны с рус. диал. *рать* 'пахать' (СРНГ, 34: 340), *ратный* 'соха для вспашки земли' (Карг, Пуд) (там же: 338) и т. п.

Сокращения

арх. – архангельское
 б. д. – бывшая деревня
 б. пос. – бывший поселок
 Баб – Бабаевский р-н Вологодской обл.
 Бабуш – Бабушкинский р-н Вологодской обл.
 Бел – Белозерский р-н Вологодской обл.
 Белом – Беломорский р-н Респ. Карелия
 бол. – болото
 В-Важ – Верховажский р-н Архангельской обл.
 В-Уст – Великоустюгский р-н Вологодской обл.
 В-Т – Верхнетоемский р-н Архангельской обл.
 Ваш – Вашкинский р-н Вологодской обл.
 Великогуб – Великогубский р-н Респ. Карелия (ныне часть Медвежьегорского р-на РК)
 Вель – Вельский р-н Архангельской обл.
 вепс. – вепсский язык
 Вил – Вилегодский р-н Архангельской обл.
 Вин – Виноградовский р-н Архангельской обл.
 Влгд – Вологодский р-н Вологодской обл.
 вод. – водский язык
 Вож – Вожегодский р-н Вологодской обл.
 возв. – возвышенность
 волог. – вологодское
 Волх – Волховский р-н Ленинградской обл.
 Выт – Вытегорский р-н Вологодской обл.
 Галич – Галичский р-н Костромской обл.
 Гряз – Грязовецкий р-н Вологодской обл.
 д. – деревня
 дор. – дорога

ин – инари-саамский язык
 К-Б – Красноборский р-н Архангельской обл.
 К-Г – Кичменгско-Городецкий р-н Вологодской обл.
 Кад – Кадуйский р-н Вологодской обл.
 Кадый – Кадыйский р-н Костромской обл.
 Карг – Каргопольский р-н Архангельской обл.
 карел. – карельский язык
 карт. – картографическое
 кильд. – кильдинский саамский язык
 Кир – Кирилловский р-н Вологодской обл.
 Кол – Кольский р-н Мурманской обл.
 Кологр – Кологривский р-н Костромской обл.
 колт. – колтта-саамский язык
 Кон – Коношский р-н Архангельской обл.
 костр. – костромское
 Котл – Котласский р-н Архангельской обл.
 Лен – Ленский р-н Архангельской обл.
 Леш – Лешуконский р-н Архангельской обл.
 ливв. – ливвиковское наречие карельского языка
 Лод – Лодейнопольский р-н Ленинградской обл.
 Лоух – Лоухский р-н Респ. Карелия
 люд. – людиковское наречие карельского языка
 М-Реч – Междуреченский р-н Вологодской обл.
 Макар – Макарьевский р-н Костромской обл.
 Мант – Мантуровский р-н Костромской обл.
 мар. – марийский язык
 Медв – Медвежьегорский р-н Респ. Карелия
 Меж – Межевской р-н Костромской обл.
 Мез – Мезенский р-н Архангельской обл.
 нав. – наволоок
 Ней – Нейский р-н Костромской обл.
 Ник – Никольский р-н Вологодской обл.
 новг. – новгородское
 Нюкс – Нюксенский р-н Вологодской обл.
 Нянд – Няндомский р-н Архангельской обл.
 оз. – озеро
 Окт – Октябрьский р-н Костромской обл.
 Он – Онежский р-н Архангельской обл.
 Парф – Парфеньевский р-н Костромской обл.
 Пин – Пинежский р-н Архангельской обл.
 Плес – Плесецкий р-н Архангельской обл.
 Подп – Подпорожский р-н Ленинградской обл.
 пок. – покос
 Пошех – Пошехонский р-н Ярославской обл.
 прасаам. – прасаамская форма
 приб.-фин. – прибалтийско-финские языки
 Прим – Приморский р-н Архангельской обл.
 Прион – Прионежский р-н Респ. Карелия
 Пряж – Пряжинский р-н Респ. Карелия
 Пуд – Пудожский р-н Респ. Карелия
 р. – река
 руч. – ручей

саам. – саамские языки
саам.-сев. – северносаамский язык
Сок – Сокольский р-н Вологодской обл.
Сорт – Сортавальский р-н Респ. Карелия
Сямж – Сямженский р-н Вологодской обл.
Тарн – Тарногский р-н Вологодской обл.
тер. – терско-саамский язык
Тот – Тотемский р-н Вологодской обл.
У-Куб – Усть-Кубинский р-н Вологодской обл.
урал. – уральские языки
Уст – Устьянский р-н Архангельской обл.
Устюж – Устюженский р-н Вологодской обл.
фин. – финский язык
Хар – Харовский р-н Вологодской обл.
Холм – Холмогорский р-н Архангельской обл.
Чаг – Чагодощенский р-н Вологодской обл.
Череп – Череповецкий р-н Вологодской обл.
Шексн – Шекснинский р-н Вологодской обл.
Шенк – Шенкурский р-н Архангельской обл.
эст. – эстонский язык

Список источников

ГИС ТК – *Геоинформационная система «Топонимия Карелии»* (Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН).

Грандильевский А. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1907. 304 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1955.

Дилакторский – *Словарь областного вологодского наречия: по рукописи П. А. Дилакторского, 1902 г.* / изд. подгот.: А. И. Левичкин и С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2006.

КРС – *Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И.* Коми-русский словарь = Коми-роч кывчукöр. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000.

Куликовский Г. И. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. академии наук. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1898.

Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Имп. академии наук. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1852.

Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

СВЯ – *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепского языка. Л.: Наука, 1972.

СГРС – *Словарь говоров Русского Севера / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; авт.-сост.: Ю. В. Алабугина и др.; под ред. А. К. Матвеева.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.

СМЯ – *Словарь марийского языка = Марий йылме мутер: в 10 т. / А. А. Абрамова, В. И. Вершинин, Г. С. Патрушев, И. Г. Иванов, А. С. Ефремов, Н. И. Исанбаев, И. С. Галкин, В. Н. Максимум и др.* Йошкар-Ола, 1990–2005.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42), С. А. Мызников (вып. 43–).* М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

ССКГК – *Словарь собственно-карельских говоров Карелии = Karjalan varšinaismurtehien šanakirja / сост. В. П. Федотова, Т. П. Бойко; под общ. ред. В. П. Федотовой.* Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009.

Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен / сост. Вяч. Воробьев. М.: Рус. путь, 2004.

ТЭ – *Топонимическая экспедиция Уральского университета (Уральский федеральный университет, Екатеринбург).*

EKR – *Eesti Kohanime Raamat / toim. P. Päll, M. Kallasmaa.* Tallin: Eesti Keele Sihtasutus, 2016.

KKLS – *Itkonen T. I.* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1958. O. I–II. (Lexica societatis Fenno-ugricae, XV).

Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia; 200).

NA – *Nimiarkisto, Kotimaisten kielten tutkimuskeskus (Kotus) = Топонимический архив Института исследования национальных языков Финляндии.*

RFS – *RedFox sanakirja.* URL: <http://redfox-sanakirja.fi/> (дата обращения: 02.04.2017).

SKES – *Suomen kielen etymologinen sanakirja. 1–7 / toim. E. Itkonen, A. J. Joki, R. Peltola.* Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1955–1981. (Lexica societatis Fenno-ugricae, XII).

SP – *Suomalainen paikannimikirja / päätoim. S. Paikkala.* Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 2007. (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisua; 146).

SSA – *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen.* Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; 556).

Список литературы

Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2012. 816 с.

Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в говорах Волго-Двинского меж-

дуречья: дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1979. 194 с.

Гусева Л. Г. Названия дорог и тропинок в русских говорах Каргополья // Вопросы ономастики. 1979. № 13. С. 106–110.

Захарова Е. В. «Дорожные знаки» в топонимии западной окраины Русского Севера // Ономастика Поволжья: материалы XVI Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летнему юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти ее организатора В. А. Никонова (Ульяновск, 20–23 сентября 2017 г.) / под ред. С. В. Рябушкиной, В. И. Супруна, Е. В. Захаровой, Е. Ф. Галушко: в 2 т. Ульяновск: ФГБОУ ВО УлГПУ им. И. Н. Ульянова, 2017. Т. 1. С. 312–319.

Захарова Е. В., Макарова А. А., Муллонен И. И. В поисках топонимических границ в Белозерье // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13, № 1. С. 7–29.

Кабинина Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья / науч. ред. А. К. Матвеев. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 342 с.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера: в 4 ч. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2015.

Муллонен И. И. Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск: Карелия, 1988. 160, [1] с.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 356 с.

Субботина Л. А. Субстратные географические термины в топонимии Белозерья // Формирование и развитие топонимии: сб. науч. тр. / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1987. С. 95–109. (Вопросы ономастики. Вып. 18).

Толстой Н. И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. 2-е изд., существ. доп. М.: КомКнига, 2006. 355, [1] с.

Хелимский Е. А. Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие // Вопросы ономастики. 2006. № 3. С. 38–51.

Rahkonen P. The Linguistic Background of the Ancient Meshchera Tribe and Principle Areas of Settlement // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2009. 60. P. 160–200.

Rahkonen P. Suomen etymologisesti läpinäkyvät vesistönimistöä // *Virittäjä*. 2013. № 1. S. 5–43.

Saarikivi J. *Substrata Uralica: Studies on Finno-Ugrian Substrate in Northern Russian Dialects*. Tartu: Tartu Univ. Press, 2006. 298 p.

References

Vasil'ev V. L. *Slavyanskije toponimicheskie drevnosti Novgorodskoy zemli* [Slavic Toponymic Antiquities of the Novgorod Republic]. Moscow,

Rukopisnye pamyatniki drevney Rusi Publ., 2012. 816 p. (In Russ.)

Vostrikov O. V. *Finno-ugorskie leksicheskie elementy v govorakh Volgo-Dvinskogo mezhdurech'ya*. Diss. kand. filol. nauk [The Finno-Ugric Lexical Items in the Dialects of the Volga-Dvina Interfluve. Cand. philol. sci. diss.]. Sverdlovsk, 1979. 194 p. (In Russ.)

Guseva L. G. Nazvaniya dorog i tropinok v russkikh govorakh Kargopol'ya [The Names of Roads and Footpaths in the Russian Dialects of Kargopolye]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 1979, issue 13, pp. 106–110. (In Russ.)

Zakharova E. V. "Dorozhnye znaki" v toponimii zapadnoy okrainy Russkogo Severa ["Road Signs" in the Toponymy of the Western Margin of the Russian North]. *Onomastika Povolzh'ya: materialy 16 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letnemu yubileyu pervoy Povolzhskoy onomasticheskoy konferentsii i pamyati ee organizatora V. A. Nikonova (Ul'yanovsk, 20–23 sentyabrya 2017 g.): v 2 t.* [Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the 16th International Scientific Conference Devoted to 50th Anniversary of the First Volga Onomastic Conference and Its Organizer Vladimir A. Nikonov (Ulyanovsk, September 20–23, 2017): in 2 vols.]. Ed. by S. V. Ryabushkina, V. I. Suprun, E. V. Zakharova, E. F. Galushko. Ulyanovsk, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov Press, 2017, vol. 1, pp. 312–319. (In Russ.)

Zakharova E. V., Makarova A. A., Mullonen I. I. V poiskakh toponimicheskikh granits v Belozer'ye [In Search of Toponymic Borders in Belozerye]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2016, vol. 13, issue 1, pp. 7–29. (In Russ.)

Kabinina N. V. *Substratnaya toponimiya Arkhangel'skogo Pomor'ya* [Substrate Toponymy of Arkhangel'sk Pomorye]. Ed. by A. K. Matveev. Ekaterinburg, Ural Federal University Press, 2011. 342 p. (In Russ.)

Matveev A. K. *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa: v 4 ch.* [Substrate Toponymy of the Russian North: in 4 pts.]. Ekaterinburg, Ural Federal University Press, 2001–2015. (In Russ.)

Mullonen I. I. *Gidronimiya basseyna reki Oyati* [Hydronymy of the Oyat River Basin]. Petrozavodsk, Karelia Publ., 1988. 160, [1] p. (In Russ.)

Mullonen I. I. *Toponimiya Prisivir'ya: problemy etnolyazykovogo kontaktirovaniya* [The Toponymy of Prisivirye: Problems of Ethnolinguistic Contacts]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Press, 2002. 356 p. (In Russ.)

Subbotina L. A. Substratnye geograficheskie terminy v toponimii Belozer'ya [Substrate Geogra-

phical Terms in the Toponymy of Belozerye]. *Formirovanie i razvitie toponimii: sb. nauch. tr.* [Formation and Development of Toponymy: Collection of Scientific Works]. Ed. by A. K. Matveev. Sverdlovsk, Ural State University Press, 1987. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], issue 18, pp. 95–109. (In Russ.)

Tolstoy N. I. *Slavyanskaya geograficheskaya terminologiya: Semasiologicheskie etyudy* [The Slavic Geographical Terminology: Semasiological Etudes]. 2nd updated edition. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 355, [1] p. (In Russ.)

Helimski E. A. Severo-zapadnaya gruppa finno-ugorskikh yazykov i ee substratnoe nasledie [The Northwestern Group of Finno-Ugric Languages and

Its Substrate Heritage]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2006, issue 3, pp. 38–51. (In Russ.)

Rahkonen P. Suomen etymologisesti läpinäkymättömä vesistönimistöä [Etymological Opacity in Finnish Hydronyms]. *Virittäjä* [Tuner], 2013, issue 1, pp. 5–43. (In Fin.)

Rahkonen P. The Linguistic Background of the Ancient Meshchera Tribe and Principle Areas of Settlement. *Finnisch-Ugrische Forschungen* [Finno-Ugric Studies], 2009, vol. 60, pp. 160–200. (In Eng.)

Saarikivi J. *Substrata Uralica: Studies on Finno-Ugrian Substrate in Northern Russian Dialects*. Tartu, University of Tartu Press, 2006. 298 p. (In Eng.)

“ROUTE” STEMS IN THE SUBSTRATE TOPONYMY OF BELOZERYE: AREAL AND ETHNO-LINGUISTIC RELATIONS

Anna A. Makarova

Senior Researcher in the Toponymic Laboratory

of the Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

51, prospekt Lenina, Ekaterinburg, 620000, Russian Federation. anna.makarova@urfu.ru

SPIN-code: 8881-2448

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3493-3282>

ResearcherID: V-1779-2017

Submitted 23.07.2018

The article discusses the stems with the meaning ‘isthmus, portage’, ‘way, road’, regularly repeating in the substrate toponymy of Belozerye and marking the ways for movement. The study seeks to identify the corpus of toponymic stems with the specified semantics; to establish motivation; to interpret their geographical distribution and determine the most probable ethno-linguistic affiliation. The aim of the study is to clarify the ethno-linguistic characteristics of the substrate toponymy of Belozerye. The source of the material is the data from the files of the Toponymic Expedition of the Ural Federal University (Ekaterinburg) and the Catalog of toponyms of the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk).

In the analytical part of the article, the author proposes stratification of the considered toponymic stems in terms of their origin. The author carries out a directed search for parallels – toponyms with the same stem, which is done on the basis of dictionaries of the Veps, Karelian, Finnish, Sami and Mari languages, as well as with the involvement of already published studies on the toponymy of the Russian North and adjacent regions (Republic of Karelia, Finland, Leningrad Region). Using the areal-typological method, the author analyzes the stems of proto-Uralic (**ukti*, **taj-*), Finnic (*matk*, *ura*), Western Finnic (*rata*, *polku*) and Mari (*korno*) origins. Based on the areal relations of the identified geographical names and the spread of the stems in the Finno-Ugric languages (Finnic, Saami, Volga-Finnic), as well as the availability of the appropriate lexemes in the dialects of the Russian language, the author draws some conclusions about the specific features of the substrate toponymy of Belozerye. Several cases of semantic calquing are noted: lake *Ukhtomyarskoe* and river *Matterka* (*Ukhtoma*), river *Matkinets* and river *Kornoma*; lake *Volotskoye* and river *Ukhtomka*; as well as cases of “assemblage” of “route” toponyms on watersheds and as the names of the neighboring tributaries.

Key words: toponymy; substrate; Finnic languages; language contact; ethno-linguistic relations.

УДК 81'42

doi 10.17072/2037-6681-2018-3-65-71

О СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В РАЗВИТИИ РЕЧЕВЕДЕНИЯ (к юбилею профессора В. А. Салимовского)

Валерий Александрович Мишланов**д. филол. н., профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный исследовательский университет**

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. vmishlanov@yandex.ru

SPIN-код: 3114-9260

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0417-8255>

ResearcherID: K-6061-2018

*Статья поступила в редакцию 08.05.2018***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Мишланов В. А. О современных тенденциях в развитии речеvedения (к юбилею профессора В. А. Салимовского) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 65–71. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-65-71***Please cite this article in English as:***Mishlanov V. A. O sovremennykh tendentsiyakh v razvitiy rechevedeniya (k yubileyu professora V. A. Salimovskogo) [On Modern Trends in the Development of Speech Studies (for the Anniversary of Professor V. A. Salimovsky)]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 65–71. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-65-71 (In Russ.)*

Анализируются лингвистические воззрения проф. В. А. Салимовского, касающиеся актуальных тенденций в развитии современной лингвистики и гуманитарного знания в целом. Подчеркивается, в частности, мысль, что «новая лингвистическая парадигма» вовсе не предполагает, как в случае с естествознанием, разрыва с предыдущими идеями и методами. К числу теоретически значимых положений, отстаиваемых ученым, автор относит идею о том, что новейший этап развития нашей науки знаменуется формированием нового речеvedения, интегрирующего на новом витке эволюции достижения собственно языкознания и речеvedения в общей *теории текстовой деятельности*.

Важной целью теоретических изысканий проф. В. А. Салимовского является осмысление природы *дискурсного анализа* и методологической роли функциональной стилистики в этой области. Обосновывается актуальность не только междисциплинарного взаимодействия в методологии нового речеvedения, но и интеграции идей и методов различных течений внутри самого речеvedения – например, отечественной функциональной стилистики и французской школы дискурса. Подчеркивается, что заданная в концепции М. Н. Кожинной тенденция к изучению текстов различных функциональных стилей и жанров под углом зрения *речевой системности*, приобретающая в наше время все больший вес, в той или иной мере свойственна большинству теоретических работ проф. В. А. Салимовского.

Стоит подчеркнуть, что многое в этих юбилейных заметках есть результат авторских интерпретаций положений, сформулированных в работах В. А. Салимовского или содержащихся в его суждениях, прозвучавших при личном общении с юбиляром (в самых разных ситуациях), а потому ответственность за сказанное здесь лежит только на интерпретаторе.

Ключевые слова: речеvedение; функциональная стилистика; дискурсный анализ; речевая системность.

Сколь быстротечно бытие наше на склоне... Кажется, вчера только отмечали мы пятидесятилетний юбилей профессора Владимира Александровича Салимовского. А прошло уже десять лет.

И к нынешнему юбилею Владимира Александровича наш «Вестник» вновь любезно предоставляет свои страницы для заметок о его научном творчестве и преподавательской деятельности. Разумеется, и ныне я могу повторить, лишь усиливая положительно-оценочную модальность, все то, что было написано о Владимире Александровиче в тех заметках [Мишланов 2008]. В его преподавательской деятельности и научном творчестве за минувшее десятилетие еще более, на мой взгляд, проявилось то, что в научном обиходе именуется философским складом ума. И особой загадки в этом не заключено: настоящий ученый-лингвист не может не быть в то же время и философом, ибо таков предмет его, лингвиста, пристрастного внимания. И анализируя научные труды юбиляра, изданные в недавнем времени, я могу лишь повторить прежний свой вывод: его речеведческие по непосредственному предмету исследования имеют глубинной целью построение «философии диалога» [Салимовский 2005; Мишланов, Салимовский 2006, 2010].

Чем глубже проникает взор языковеда в природу языка-речи, тем более он утверждает в мысли о том, что без его (лингвистических) знаний и методов нельзя понять по-настоящему человеческую духовную природу. Мне кажется, именно в обосновании этой идеи видит В. А. Салимовский главную цель своих лингвистических исследований.

Владимиру Александровичу свойственно (причем в большей мере, чем многим иным из нашей филологической ученой братии) то, что можно назвать творческой мобильностью. Но находясь в постоянном поиске нового, он неизменно сохраняет верность фундаментальным идеям основателей отечественной функциональной стилистики, прежде всего своего учителя — М. Н. Кожинной. Ведь что бы ни говорили о научных революциях и новых научных парадигмах, гуманитарных наук это касается в весьма малой степени.

Как известно, идеи Т. Куна, осмыслившего эпистемологические процессы в естествознании XX в. как научную революцию, как коренную смену методологических принципов и формирование новой научной парадигмы [Кун 1975], переносят и на область гуманитарного знания. Но гуманитарные науки, в отличие от физики, не могут порвать с прошлым, с «преданиями ученой старины», как выразился однажды Р. О. Якобсон.

Их задачи обращены к деонтологии, а потому они даже поставлены не могут быть без обращения к *преданию*, сиречь к традиции, к *передаче* (искони из уст в уста, а позже из текста в текст) духовного опыта, знаний о том, что принадлежит лишь миру человека и общества.

Материализован же этот опыт в текстах, или в знаковых конструкциях разной природы, весьма прихотливо соотнесенных друг с другом многочисленными узами. Поэтому гуманитарные науки вполне можно определить как *текстоцентрические*, т. е. науки, обращенные к тексту как к исходному (и, в сущности, единственному) материалу исследования. Такова в том числе, между прочим, и философия, вырастающая из мифологий и религий и ставящая целью творение все новых смыслов. История и этнография, филология и искусствоведение суть в чистом виде текстоцентрические науки, причем в их кругу филология с речеведением в ее ядре стоит, несомненно, на первом месте. Как и философия, она довлеет себе, ибо, толкуя тексты, создает собственный мир, для человека не менее важный, чем мир за пределами текстов.

Поэтому в эпистемологическом аспекте на первый план выдвигается *герменевтика*, реализующаяся в *экзегетике* поэтических текстов (ибо подлинная поэзия никогда не облекается в прозрачную форму, а, напротив, заключает в себе тайные смыслы, представляя качество, которое У. Эко определил «как способность текста порождать различные прочтения, не исчерпываясь до дна» [Эко 1989: 432]), и *дискурсный анализ* текстов других сфер современного коммуникативного пространства.

Осмысление природы *дискурсного анализа* и методологической роли функциональной стилистики в этой области и было, на мой взгляд, основной целью речеведческих изысканий В. А. Салимовского в минувшее десятилетие. Многолетний опыт практической деятельности в области судебной лингвистической экспертизы дал возможность осмыслить сущность герменевтического и дискурсного анализа текстов (как вербальных, так и поликодовых). Названные виды семантических реконструкций объединяет установка на поиск имплицитных составляющих смысла текста, но если экзегетика нацелена на выявление связей с базовыми слоями духовной культуры (реминисценций и аллюзий), то дискурсный анализ направлен на обнаружение «актуальных имплицатур» в семантике «сиюминутных» текстов (или текстов-эфемеров, не претендующих на место в духовной культуре народа, или, по определению Ю. М. Лотмана, в его семиосфере), т. е. пресуппозиций, читаемых только сейчас и здесь.

Выводы, к которым приходит В. А. Салимовский, осмысливая изменения в новейшей лингвистике, как представляется, вполне согласуются с обозначенной выше мыслью о том, что «новая лингвистическая парадигма» отнюдь не требует отказа от традиционных воззрений. Наше время знаменуется формированием нового речеведения, интегрирующего на более высоком витке эволюции достижения собственно языкознания и речеведения в общей *теории текстовой деятельности*. «Заданный в начале XX в. вектор развития теоретической лингвистики – от речевой деятельности, взятой в целом (*langage*), к дихотомии язык (*langue*) / речь (*parole*) и к имманентным свойствам языка – со временем изменил направление на противоположное – от системы языка к ее реализации в последовательности языковых знаков и, далее, к многообразной и разнородной текстовой деятельности в общении, т. е., по существу, к *langage*» [Салимовский 2010: 202].

К числу теоретических обобщений, отстаиваемых В.А. Салимовским, принадлежит и вывод о том, что новое речеведение по самому своему объекту является *синергетической дисциплиной*, накапливающей эпистемические эффекты на пограничье наук: оно призвано изучать дискурс, понимаемый как речь, фиксируемую в единстве с психологическими, социальными, культурными и иными факторами, и если именно так понимать речь, то термины «речеведение» и «дискурсный анализ», по существу, оказываются синонимичными. В зависимости от расставляемых акцентов само речеведение расслаивается на ряд направлений, между которыми вполне возможна понятийная и методологическая координация. В набросках статьи, посвященной текстам церковной проповеди в аспекте функциональной стилистики и дискурсного анализа, В. А. Салимовский отмечает, что эти направления, имея один и тот же объект, выделяют в нем разные, хотя и близкие, частично пересекающиеся предметные области. Однако связи между этими различными «срезами» объекта во многих случаях остаются непроясненными. Это делает актуальной задачу синтеза близких исследовательских подходов при разработке объединяющей их проблематики [Synteza 1991].

В решении этой актуальной задачи В. А. Салимовский также опирается на идейное наследие М. Н. Кожинной, полагавшей, что плодотворная интеграция идей и методов исследования может быть реализована в рамках отечественной функциональной стилистики и дискурсного анализа в его французском варианте [Квадратура 1999; Фуко 2004]. Общими для названных направлений являются ключевые признаки их базовых

понятий (функционального стиля и дискурса), а именно: «динамизм, процесс использования языка, когнитивно-речевая деятельность; детерминация изучаемого объекта... условиями производства речи (высказывания); принцип системности при использовании языковых средств...; историзм как дискурса, так и функционального стиля; тексты – письменные и устные – как результат речевой (дискурсной) деятельности (воплощенность ее в текстах) и в то же время материал исследования; междисциплинарный метод анализа» [Кожина 2014: 504].

Для стилистических исследований особенно продуктивными оказались положения о том, что речевая деятельность включается в деятельность неречевую (духовную или материальную) и что поэтому текст, реализующий эту деятельность или способствующий ее реализации, детерминирован социальными отношениями.

Но и дискурсный анализ предполагает выявление связей речевого произведения с типологически релевантными признаками общественного устройства (формации) и идеологии (мифологий). Дискурс предстает как «практика, обладающая собственными формами сцепления и собственными же формами последовательности» [Фуко 2004: 168].

Всякая духовная (речемыслительная) деятельность неизбежно реализуется как текстопрождение, которое, как известно, складывается из воспроизводства (по определенным деривационным моделям) и производства (причем чем сложнее текст, тем больше доля производимого). Другими словами, постоянная возобновляемость сложившихся в обществе видов духовной деятельности предполагает появление определенных высказываний (и их блоков) со своими особенностями стилистико-языковой организации, реализующих повторяющиеся цели. По М. Фуко, в схожих условиях речемыслительной деятельности не только воспроизводятся текстовые формы, но во многом предзаданы и содержательные компоненты (идеи и оценки). Системность дискурса в ее социально-исторической обусловленности предстает как «отношение между высказываниями или группами высказываний и событиями иного порядка (техника, экономика, социология, политика)» [там же: 30]. Указывая на основные формы высказываний в медицинском дискурсе XIX в., М. Фуко формулирует важнейший вопрос дискурсного анализа: «Какие же сцепления существуют между ними? Какова их необходимость? Почему появляются именно эти высказывания, а не какие-либо другие?» [там же: 51]. Ср. суждения М. Фуко о заданности высказываний говорящему: «...Мы не можем говорить – все равно в какую эпоху – все,

что нам заблагодарассудится; нелегко сказать что-либо новое»; «Не важно, кто говорит, но важно что он говорит» [Фуко 2004: 45, 123]. Добавим, что еще труднее сказать о старом (предзаданном) совершенно по-новому, ломая сложившиеся в данном дискурсе текстовые и стилистические нормы (если только речь не идет о стилистике и поэтике постмодернизма).

Таким образом, выявляя дискурсную заданность высказываний не только в формальном (стилистическом), но и отчасти в содержательном аспекте, мы реализуем интегральный подход к изучению речевой организации (системности дискурса), по-разному осмысливаемой в функциональной стилистике и дискурсной теории. Очевидно, в той или иной мере такой подход может быть применен при речеведческом изучении текстов любых функциональных стилей (исключая разве что поэтические тексты).

Вместе с тем в функциональной стилистике и в теоретическом плане, и на конкретном анализе материала более детально, чем в работах французской школы дискурса, проработан вопрос о *системности речи* [Кожина 2008: 198], который, как отмечают исследователи, в последнее время получает статус одной из центральных проблем лингвистической теории [Дементьев 2010]. А поскольку специфика определенного дискурса детерминируется в целом теми же факторами, что и особенности какого-либо функционального стиля речи, то и связь между теми аспектами системности речи, которые изучаются функциональной стилистикой, с одной стороны, и дискурсным анализом – с другой, во многом проясняется, если мы учитываем строение (т. е. заданную в данных условиях относительно устойчивую модель) социальной деятельности (практики) и ее воспроизводимость по исторически заданным основаниям.

Мне представляется, что изучение текстов различных функциональных стилей и жанров под углом зрения *речевой системности*, заданное в концепции М. Н. Кожиной, в той или иной мере свойственно большинству теоретических работ проф. В. А. Салимовского. «Речевая системность понимается как взаимосвязь языковых средств в речевой разновидности (внутри каждого языкового уровня и между ними) на экстралингвистической основе (М. Н. Кожина). Развивается мысль о том, что выбор и использование языковых единиц – от фонетических до синтаксических – определяется некоторой общей для данной коммуникативной сферы целевой установкой (назначением соответствующего вида деятельности и формы сознания) в единстве с другими экстралингвистическими факторами» [Салимовский 2018: 73].

Актуальная задача речеведения состоит, таким образом, в том, чтобы, выдвигая на первый план «коммуникативно-деятельностные аспекты текста», раскрыть соотносительность лексических и грамматических единиц в стилистико-речевой системности. «Представления о взаимосвязи в текстах лексических и грамматических средств становятся более полными и конкретными по мере включения в анализ, помимо инвариантных свойств определенного вида деятельности (научной или политической, правовой и др.), особенностей ее строения, а именно системы образующих ее действий, и затем предметной направленности этих последних» (там же). Конкретизация теоретических положений о речевой системности стиля (дискурса) открывает новые перспективы для дальнейшей разработки лингвистической теории стиля.

Именно в этом своем аспекте – стилистико-речевой системности – классическая функциональная стилистика, по мнению В. А. Салимовского, способна стать теоретической базой одного из новых прикладных ответвлений речеведения – *коммуникативной лингвистики* (известной и под другими обозначениями: *теории речевой коммуникации, теории массовой коммуникации, коммуникативистики, медиалингвистики* и др.). Об эволюция функционально-стилистика проблематики в указанном направлении говорится, в частности, в одной из последних теоретических статей В. А. Салимовского, где «прослеживается развитие научных знаний о стилистико-речевой системности как способе эффективной коммуникации в той или иной ее сфере», а изменения в лингвостилистике характеризуются как закономерный процесс взаимодействия разных ее направлений, возникающих в соответствии с «представлениями о многоплановости человеческого общения» [Салимовский 2017: 34].

Осмысление многоплановости речевого общения должно быть включено и в систему ценностных координат, ибо, наряду с кооперативными практиками речевого взаимодействия, широко распространены конкурентные практики.

Как и прежде, Владимир Александрович активно и плодотворно изучает речеведческие аспекты извечной философской проблемы «Я – Другой» [см., например: Мишланов, Салимовский 2012, 2014]. Его исследования по этой теме лично меня убеждают, что речеведение в этом плане «паче философии», ибо именно оно дает философии (и психологии) пищу для размышлений на эту тему, а не наоборот. Означенная корреляция, формирующая в конечном итоге релевантную для социума (этнуса) систему ценностных ориентиров (и, соответственно, антиценностей), может быть осмыслена почти исключи-

тельно через коммуникативную призму. Ибо и речевые, и неречевые поступки конкретного человека определяются тем, что и как ему внушали и внушают «другие» и как вследствие этого образованы его ум и душа.

И хотя в изучении кооперативных (толерантных) и конкурентных (агональных) речевых практик накоплен уже немалый опыт: [Иссерс 1999; Культурно-речевая ситуация 2000; Культурные практики толерантности 2004; Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности 2003; Чернявская 2006 и др.], – исследования в этой сфере сохраняют немалый теоретический интерес, обладая при этом и прикладной значимостью. Стоит подчеркнуть в этой связи, что и результаты теоретических изысканий проф. В.А. Салимовского, направленные на изучение современного «дискурса враждебности» (см., в частности: [Салимовский, Ермакова 2011; Салимовский 2011]), и его богатейший практический опыт в области судебной лингвистической экспертизы находят самое активное и эффективное применение в преподавательской деятельности юбиляра. Вузовский ученый всегда еще и преподаватель, формирующий ум студента, и воспитатель, имеющий власть быть отчасти и творцом его души. Между этими ипостасями ученого не должно быть дисбаланса. Но это в идеале. В действительности же каждый из нас в большей мере либо ученый, либо педагог и лишь немногие приближаются к равновесию, столь ценному для вузовского ученого. Я знаю юбиляра не один десяток лет и, думаю, вправе утверждать, что ему это качество свойственно в высочайшей степени.

Список литературы

Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / Омск. ун-т. Омск, 1999. 285 с.

Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. 416 с.

Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 378 с.

Культурные практики толерантности в речевой коммуникации / под ред. Н. А. Купиной и О. А. Михайловой. Екатеринбург: УрГУ. 2004. 595 с.

Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Кожина М. Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики: избранные труды. М.: Флинта: Наука, 2014. 624 с.

Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 288 с.

Мишланов В. А., Салимовский В. А. Дискурс враждебности как социальный феномен // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: УрГУ, 2006. С. 56–66.

Мишланов В. А. К юбилею В. А. Салимовского // Вестник Пермского университета. Филология. 2008. Вып. 3(19). С. 127–128.

Мишланов В. А., Салимовский В. А. Диалогичность церковно-религиозных текстов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6(12). С. 22–29.

Мишланов В. А., Салимовский В. А. Интерактивная коммуникация в радиозфере и ее лингвопрагматические функции // Человек и язык. Пермь: Прикамский социальный институт, 2012. С. 55–64.

Мишланов В. А., Салимовский В. А. Медийный дискурс политической борьбы и типы культуры речевого общения // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Междунар. конгресс исслед. русского языка: Труды и материалы. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 18–21 марта 2014 г. С. 703–704.

Салимовский В. А. Речеведение и философия диалога // Язык и общество в синхронии и диахронии. Саратов: Научная книга, 2005. С. 53–55.

Салимовский В. А. Функциональная стилистика как речеведение // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 5(11). С. 202–207.

Салимовский В. А., Ермакова Л. М. Экстремистский дискурс в массовой коммуникации Рунета // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3(15). С. 71–80.

Салимовский В. А. Культура речи и речевая антикультура // Дискурс, культура, ментальность / отв. ред. М. Ю. Олешков. Нижний Тагил: Нижнетагильск. гос. соц.-пед. академия, 2011. С. 34–50.

Салимовский В. А. Функциональная стилистика в ее отношении к формирующейся коммуникативной лингвистике // Русский язык за рубежом. 2017. № 5. С. 34–39.

Салимовский В. А. Взаимосвязь лексических и грамматических единиц в стилистико-речевой системности // Взаимодействие лексики и грамматики: тез. докл. междунар. конф. «Двенадцатые Шмелевские чтения» (24–26 февр. 2018 г.). М.: ИРЯ РАН, 2018. С. 73–74.

Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. М.: ОЛМА ПРЕСС, 2005. 542 с.

Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2004. 416 с.

Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого взаимодействия. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.

Эко У. Имя розы. М.: Книж. палата, 1989. 496 с.

Synteza w stylistyce słowiańskiej / red. S. Gajda. Opole: Instytut filologii polskiej, 1991. 219 s.

References

Dement'ev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (In Russ.)

Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Omsk, Omsk State University Press, 1999. 285 p. (In Russ.)

Kvadratura smysla. Frantsuzskaya shkola analiza diskursa [Quadrature of sense. French school of discourse analysis]. Moscow, Progress Publ., 1999. 416 p. (In Russ.)

Kul'turno-recheyaya situatsiya v sovremennoy Rossii [Cultural and speech situation in modern Russia]. Ekaterinburg, Ural State University Press, 2000. 378 p. (In Russ.)

Kul'turnye praktiki tolerantnosti v rechevoy kommunikatsii [Cultural practices of tolerance in speech communication]. Ed. by N. A. Kupina, O. A. Mikhaylova. Ekaterinburg, Ural State University Press, 2004. 595 p. (In Russ.)

Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskiy V. A. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2008. 464 p. (In Russ.)

Kozhina M. N. *Rechevedenie. Teoriya funktsional'noy stilistiki: izbrannye trudy* [Speech Studies. Theory of functional stylistics: selected works]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2014. 624 p. (In Russ.)

Kuhn Th. *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of scientific revolutions]. Moscow, Progress Press, 1975. 288 p. (In Russ.)

Mishlanov V. A., Salimovskiy V. A. *Diskurs vrazhdebnosti kak sotsial'nyy fenomen* [Hostility discourse as a social phenomenon]. *Yazyk vrazhdy i yazyk soglasiya v sotsiokul'turnom kontekste sovremennosti: kollektivnaya monografiya* [Language of hostility and language of consiliation in the socio-cultural context of today: collective monograph]. Ed. by I. T. Vepreva, N. A. Kupina, O. A. Mikhaylova. Ekaterinburg, Ural State University Press, 2006, pp. 56–66. (In Russ.)

Mishlanov V. A. *K yubileyu V. A. Salimovskogo* [To V. A. Salimovsky's anniversary]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2008, issue 3 (19), pp. 127–128. (In Russ.)

Mishlanov V. A., Salimovskiy V. A. *Dialogichnost' tserkovno-religioznykh tekstov* [Dialogicity of religious texts]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], issue 6 (12), 2010, pp. 22–29. (In Russ.)

Mishlanov V. A., Salimovskiy V. A. *Interaktivnaya kommunikatsiya v radioefire i ee lingvopragmaticheskie funktsii* [Interactive communication on the air and its lingvopragmatic functions]. *Chelovek i yazyk* [A human and language]. Perm, *Prikamskiy Social Institute Press*, 2012, pp. 55–64. (In Russ.)

Mishlanov V. A., Salimovskiy V. A. *Mediynnyy diskurs politicheskoy bor'by i tipy kul'tury rechevogo obshcheniya* [Media discourse of political struggle and types of culture of speech communication]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': V Mezhdunarodnyy kongress issledovateley russkogo yazyka. Trudy i materialy (18–21 Marta, 2014)* [Russian Language: Its Historical Destiny and Present State. The Fifth International Congress of Russian Language Researchers. Proceedings and materials (18–21 of March, 2014)]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 2014. pp. 703–704. (In Russ.)

Salimovskiy V. A. *Rechevedenie i filosofiya dialoga* [Speech studies and philosophy of a dialogue]. *Yazyk i obshchestvo v sinkhronii i diakhronii* [Language and society in synchrony and diachrony]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2005, pp. 53–55. (In Russ.)

Salimovskiy V. A. *Funktsional'naya stilistika kak rechevedenie* [Functional stylistics as theory of speech]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], issue 5 (11), 2010, pp. 202–207. (In Russ.)

Salimovskiy V. A., Ermakova L. M. *Ekstremistskiy diskurs v massovoy kommunikatsii Runeta* [Extremist discourse in runet communication]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], issue 3(15), 2011, pp. 71–80. (In Russ.)

Salimovskiy V. A. *Kul'tura rechi i rechevaya antikul'tura* [Speech culture and speech anti-culture]. *Diskurs, kul'tura, mental'nost'* [Discourse, culture, mentality]. Ed. by M. Yu. Oleshkov. Nizhny Tagil, *Nizhny Tagil State Social Pedagogical Academy Press*, 2011, pp. 34–50. (In Russ.)

Salimovskiy V. A. *Funktsional'naya stilistika v ee otnoshenii k formiruyushchey kommunikativnoy lingvistike* [Functional stylistics in its relation to the emerging communicative linguistics]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 2017, issue 5, pp. 34–39. (In Russ.)

Salimovskiy V. A. Vzaimosvyaz' leksicheskikh i grammaticheskikh edinit v stilistiko-rechevoy sistemy [Interrelation of lexical and grammatical units in the stylistic speech system]. *Vzaimodeystvie leksiki i grammatiki*. Tez. dokl. mezhd. konf. «Dvenadtsatye Shmelevskie chteniya» (24–26 fevr. 2018) [Interaction of vocabulary and grammar. Proceedings of international conference “12th Shmelevsky Readings” (24–26 of February, 2018)]. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, pp. 73–74. (In Russ.)

Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti [Philosophical and linguistic cultural problems of tolerance: Collective mono-

graph]. Ed. by N. A. Kupina, M. B. Homyakov. Moscow, OLMA PRESS, 2005. 542 p. (In Russ.)

Fuko M. *Arkheologiya znaniya* [The Archeology of Knowledge]. St. Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2004. 416 p. (In Russ.)

Chernyavskaya V.E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vzaimodeystviya* [Discourse of power and power of discourse: problems of speech interaction]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2006. 136 p. (In Russ.)

Eko U. *Imya rozy* [The name of the rose]. Moscow, Knizhnaya palata Publ., 1989. 496 p. (In Russ.)

Synteza w stylistyce slawiańskiej [Synthesis in Slavic stylistics]. Red. S. Gajda. Opole, Instytut filologii polskiej, 1991. 219 p. (In Pol.)

ON MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF SPEECH STUDIES (for the Anniversary of Professor V. A. Salimovsky)

Valery A. Mishlanov

**Professor in the Department of Journalism and Mass Communication
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. vmishlanov@yandex.ru

SPIN-code: 3114-9260

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0417-8255>

ResearcherID: K-6061-2018

Submitted 08.05.2018

The article analyzes the linguistic views of Prof. Vladimir Salimovsky concerning the current trends in the development of modern linguistics and the humanities in general. In particular, the “new linguistic paradigm” is said not to imply any break with the previous ideas and methods, as it happened to natural sciences. Among the theoretically significant positions advocated by the scholar, there is an idea that the latest stage in the development of linguistics is marked by the formation of a new speech theory integrating the achievements of linguistics and speech studies in the comprehensive theory of textual activity at the new turn of evolution.

An important goal of the theoretical studies by Prof. V. A. Salimovsky is to understand the nature of discourse analysis and the methodological role of functional stylistics in this field. The article justifies the importance of both interdisciplinary interaction in the methodology of new speech theory and the integration of ideas and methods of various trends within speech theory itself (for example, the Russian functional stylistics and French school of discourse). Most of the theoretical works of Prof. Salimovsky reveal the adherence to M. N. Kozhina's concept to study texts of various functional styles and genres from the perspective of a speech system, which gains much recognition nowadays.

It is worth mentioning that a great deal in these notes is a result of the author's personal interpretations of some propositions either formulated in the works of V. A. Salimovsky or contained in his judgments in personal communication (in different situations). Therefore, full responsibility for what is presented in this article rests with the interpreter.

Key words: speech studies; functional stylistics; discourse analysis; speech system.

УДК 81'37: 070

doi 10.17072/2037-6681-2018-3-72-79

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДОБРО» В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКЕ

Анна Анатольевна Морозова**к. филол. н., доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций,
директор Учебно-научного центра медиаобразования****Челябинский государственный университет**

454 084, Россия, г. Челябинск, просп. Победы, 162в. roxfan@rambler.ru

SPIN-код: 8696-8515

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4510-421X>

ResearcherID: Q-1048-2018

*Статья поступила в редакцию 10.07.2018***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Морозова А. А. Репрезентация концепта «добро» в современной отечественной журнально-газетной периодике // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 72–79. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-72-79***Please cite this article in English as:***Morozova A. A. Reprezentatsiya kontseptta «dobro» v sovremennoy otechestvennoy zhurnal'no-gazetnoy periodike [Representation of the Concept “Good” in the Contemporary Russian Press]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 72–79. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-72-79 (In Russ.)*

Рассмотрена трансформация ценностно-смыслового поля концепта «добро» в отечественных печатных изданиях. На основе исследований лексикографических источников выявлены основные смыслы узуальной модели концепта. В качестве практического материала послужили интерпретации лексемы «добро» в текстах общественно-политических изданий: качественного издания «Русский репортер» и массового издания «Комсомольская правда». Исследован весь массив текста за 2016 г., содержащего данный вербализатор. По итогам проведенного анализа узуальной и дискурсивной моделей концепта «добро» в двух изданиях автор пришел к выводам, что на периферии дискурсивной модели в журнально-газетной периодике, представленной общественно-политическими изданиями, появляются новые смыслы, которые не наблюдаются даже на периферии общезыковой модели. Например, выделяется уникальная лексема «часть названия чего-либо, какой-либо организации, акции и т. д.», это связано с освещением в издании информации, в том числе и в новостных жанрах, где рассказывается о деятельности каких-либо организаций, о проведении акций и т. п. При этом общее число значений узуальной модели оказывается меньше по сравнению с моделью дискурсивной. Можно отметить также нецентрированную структуру организации смыслового поля – границы вербализаторов стерты, смыслы оказываются близки между собой. Но наряду с этим сохраняются и традиционные значения концепта. В обоих изданиях наибольшую частотность демонстрирует лексема «положительная оценка чего-либо, кого-либо», которая практически совпадает с ядром узуальной модели. Автор делает вывод, что данные особенности репрезентации концепта «добро» можно встретить и в других отечественных общественно-политических изданиях.

Ключевые слова: концепт; добро; репрезентация; общественно-политические издания; печатная периодика; ценности; смыслы.

Вне зависимости от эпохи одним из важнейших концептов, обуславливающих культурно-ценностные доминанты общества, является лексема «добро». В русской языковой картине мира

добро занимает особое место, являясь частью национальной культуры, основным качеством русского человека. По мнению философа Н. О. Лосского, «наиболее глубокая черта ха-

рактера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра» [Лосский 1991: 240]. По классификации В. В. Красных концепт *добро* относится к духовному коду культуры, он «пронизывает всё наше бытие, обуславливает наше поведение и любую деятельность, предопределяет оценки, даваемые себе и окружающему миру» [Красных 2003: 308]. Проблемы концептуализации добра в религиозных произведениях находят отражение в ряде современных научных работ по концептологии [Колижук 2016; Писарь 2011], а также им уделяется внимание при изучении народных сказок, пословиц различных народностей [Казыро 2015]. Значительное место в науке отводится вопросу рассмотрения семантического поля концепта добра в произведениях литературы [Миринова 2009; Палева 2007]. В языковой, национальной, этической картине мира формирование базисных понятий происходит на основе интерпретации понятия добра [Мокрушина 2017; Мэн 2017; Романовская 2016; Сагынбаева 2017 и др.].

Таким образом, оказывается очевидным, что с течением времени под влиянием трансформации ценностно-смысловых доминант общества меняется и понимание добра. С появлением средств массовой информации данная тема продолжила развитие в формировании повестки дня [Афанасьева 2017]. Сегодня картину мира во многом формируют средства массовой информации, под их влиянием устанавливаются культурные, общественные, морально-этические нормы, которые неразрывно связаны с темой добра и, как можно предположить, будут подвержены трансформации. Например, В. В. Антропова отмечает процесс актуализации одних компонентов и дезактуализации других, при этом происходит добавление нового содержания в структуру концепта и смещение ядерных значений на периферию либо наоборот [Антропова 2018: 164].

Перед тем как исследовать дискурсивную модель концептосферы «добро», обратимся к узальной модели данной лексики.

В качестве лексикографических источников были выбраны различные словари. Так Словарь русского языка в четырех томах, или Малый академический словарь [Словарь русского языка 1999], является наиболее авторитетным нормативным словарем современного русского литературного языка, охватывающим с необходимой полнотой общеупотребительную лексику и фразеологию и предписывающим стандарты употребления слов и устойчивых словосочетаний. Толковый словарь С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 2006] отличается тем, что указанные в нем слова не только относятся к об-

щелитературной лексике, но и отражают другие сферы языка. Здесь приводятся примеры и из просторечной лексики, которая активно употребляется как в разговорной речи, так и в языке художественной литературы.

При выборе источников мы обратили внимание на издания, рекомендованные Институтом русского языка им. В. В. Виноградова [Институт русского языка], и на обзоры русскоязычных словарей [Крысин]. Например, Л. П. Крысин отмечает полноту и академичность Словаря синонимов русского языка А. П. Евгеньевой [Словарь синонимов русского языка].

По итогам работы со словарными источниками мы можем выделить следующие смыслы, входящие в **ядерную зону** концептуального поля «добро»:

1) все положительное, хорошее, в том числе противопоставленное злу (*желать добра, добро торжествует, добрый поступок*).

В основе большинства смыслов лежат базовые лингвопрагматические категории «хорошо / плохо», «добро / зло», основанные на процессах языковой категоризации действительности: всё доброе вызывает положительные эмоции, а противоположное – чувство беспокойства, опасности, отторжения. Следовательно, перечисленные концептуальные признаки чаще всего связаны с положительным «кодом» восприятия окружающей действительности, что характерно для действий, отношений.

Околоядерную зону концептуального поля занимают следующие смыслы:

2) вежливое приглашение куда-либо (*добро пожаловать*);

3) разрешение, согласие на что-либо, одобрение поступка (*дать добро, ну и добро*);

4) как первая составная часть сложных слов (*добродетель, добропорядочность, добродушие*);

5) ласково, приветливо, хорошо относиться (*добро посмотрел, поминать добром*);

6) «вещи, имущество» (*накопить добра, такого добра и даром не надо*).

Семантический анализ **ближних периферийных** смысловых элементов концепта «добро», которые зафиксированы указанными словарями, позволил выделить только один концептуальный признак – добро как качество чего-либо, синонимично словам «сильный», «крепкий», «плотный», «качественный»: металл, молодец, кузнец, ремесленник.

Семантический анализ **дальних периферийных** смысловых элементов концепта «добро» позволил выделить следующие семантические группы:

7) все, что связано с прошлым, что показывает течение времени, отношение к близким людям,

предкам: «мама», «детство», «родственники», «старость», «на век, жить», «вечно»);

8) всё, чего не хватает: «редко», «редкость», «кончится»);

9) отношение к религии, помощи высших сил: «Бог»;

10) что представляет красоту, на что приятно смотреть: «цветы», «сон»;

11) мужской половой орган: «в штанах»;

12) алкогольные напитки: «выпивка».

В сборнике пословиц и поговорок В. И. Даля концептуализация добра базируется на бинарной оппозиции «сделать самому» и надеяться в деле добром на высшие силы [Даль 2011: 270]. Также просматривается противопоставление добру и злу, показывается преимущество добра перед всем остальным, негативным, отрицательным.

Словарь синонимов А. П. Евгеньевой не включает лексему «добро», но имеет в списке слово «добрый», которому противопоставляется также «злой»; в качестве синонимов приводятся такие значения, как «добросердечный», «сердечный», «душевный», а «доброта» синонимична, по ее мнению, «добросердечию», «добросердечности», «сердечности» [Евгеньева 2001].

В качестве материала исследования нами было выбрано два общественно-политических издания: журнал «Русский репортер», представляющий качественную прессу, а также газета «Комсомольская правда», относящаяся к массовой периодике. В данных изданиях нами были проанализированы все тексты за 2016 г., в которых встретились вербализаторы данного концепта.

Согласно последним данным Роскомнадзора, по состоянию на 31 декабря 2017 г. в Реестре зарегистрированных средств массовой информации большая часть изданий – печатные (52 629 печатных изданий из 77 583 всех зарегистрированных изданий). При этом их активно цитируют в Интернете и социальных медиа. Так, например, «Комсомольская правда» занимает пятое место в рейтинге Топ-10 самых цитируемых газет в СМИ на январь 2018 и первое место в Топ-10 самых цитируемых газет в соцмедиа. «Русский репортер» также входит в Топ-10 самых цитируемых журналов на ноябрь 2017 г. [Медиалогия].

В первую очередь нами была выявлена частотность употребления концепта «добро», поскольку И. А. Стернин в качестве основных принципов полевого моделирования важными критериями называет частотность и интенсивность семантических признаков [Полевые структуры в системе языка 1989]. Так, количественное соотношение репрезентантов по типам изданий выглядит следующим образом: «Русский репортер» – 6 лексем в 60 употреблениях; «Комсо-

мольская правда» – 7 объективаторов в 130 употреблениях.

По результатам анализа проведенных текстов нами были выделены основные группы значений, характерные для данных журналов, при этом в скобках указано количество употреблений концепта «добро» в рамках указанного смыслового поля.

Русский репортер

1. Добро – положительная оценка кого-либо, чего-либо (17) (доброе утро, добродушная любительница кошек, доброжелательные люди, татары добропорядочные, сделать доброе дело, в добром расположении духа, добрая страна, стали доброй традицией, добрые люди, очень добрый, нести доброе, чувства добрые, побуждает доброе, по-доброму, внушительным слоем добра): *В детстве достаточно сделать **доброе** дело – родители и воспитатели похвалят.*

2. Добро – то есть по собственной воле, самостоятельно, без принуждения, по собственному желанию (11) (среди добровольцев, по доброй воле, добровольно покинул, добровольно перевели, добровольно записался, добровольная миссия, добровольческие батальоны, добровольческие подразделения, в клубе добровольцев): *Президент Йозеф Блаттер **добровольно** покинул свой пост, несмотря на то, что несколькими днями ранее был переизбран на пятый срок.*

3. Добро – разрешение чего-либо, согласие с чем-то, поддержка чего-либо (11) (даст добро, при одобрении, без одобрения, не одобренный, одобрили кандидатуру, одобрил законопроект, одобрил намерение, одобрил присоединение, одобряют метод, одобряют аплодисментами, одобряют несколько голосов): *Езжай на собеседование в прокуратуру Красногвардейского района. Если прокурор даст **добро**, пойдешь к нему на стажировку.*

4. Добро как противопоставление злу (9) (добро и зло, добро или зло творим, на стороне добра; что есть грех, а что добродетель; не к добру, успокоить недоброжелателей): *Я не знаю, делаем ли мы **добро** или творим зло, когда рассказываем вам о том, что видим, – свою версию правды.*

5. Добро как часть названия чего-либо, какой-либо организации, акции и т. д. (8) (благотворительная акция «Валенок добра», фонд «Доброта», «Бюро добрых дел», «Арифметика добра», акт «О добросовестной торговле»): *Благотворительный фонд «Арифметика **Добра**» считает, что совместные экскурсии и тренинги подростков и потенциальных родителей помогут решить эту проблему и подарят шанс сиротам-подросткам обрести семью.*

6. Добро – признак качества чего-либо (4) (добротная дверь, с добавлением добротного металла, старым добрым Бродвеем): *На второй, уточняющий вопрос, чем руководство не устранила старая добротная дверь и почему именно на двенадцатом этаже ремонт, она так и не смогла ответить.*

Комсомольская правда

1. Добро – положительная оценка кого-либо, чего-либо: события, характера человека, времени суток и т. п. (37) (да будет добр, спасибо добрым сотрудникам, желаю всем добра, характер добрый, благодаря доброжелательности, всем добр, добрый человек, очень добрый, доброму делу): *Сам по себе он человек добрый, справедливый.*

2. Добро – признак качества чего-либо или положительная характеристика качества чьей-либо деятельности (29) (добросовестный труд, добросовестный арендатор, добросовестный производитель, добросовестный продавец, добросовестный работодатель): *Механик цеха № 23 Владимир Блюм получил благодарность Министерства энергетики Российской Федерации за добросовестный труд.*

3. Добро как часть названия чего-либо, какой-либо организации, акции, связанной с хорошими добрыми поступками, и т. д. (22) («Генератор добра», «Маршрут добра», «День добра», «Неделя добра», фонд «Дари добро», «Регион добра», «Ручейки добра», акция «Спешите делать добро», отряд «Доброе сердце», «Наш добрый цирк», «Добрый доктор», сок «Добрый», сборник стихов «Доброта земли»): *В первых числах июня в минском центре разработки Wargaming прошла «Неделя добра» – цикл благотворительных и образовательных мероприятий, приуроченных к Международному дню защиты детей.*

4. Добро – то есть по собственной воле, самостоятельно, без принуждения, по собственному желанию (18) (добровольно или принудительно, добровольно снести, добровольно заставил, добровольно передала, добровольно выходят, добровольно впустили, добровольно явиться, добровольно сдал, пойдет добровольно, добровольную сертификацию): *Оперативники призывают водителя добровольно явиться в отдел полиции.*

5. Добро – разрешение чего-либо, согласие с чем-то, поддержка чего-либо, приглашение куда-либо на основе согласия (13) (добро пожаловать, добро дадут, добро выдано, дал добро): *А еще «таможня» не дала добро на пропуск алкоголя.*

6. Добро как имущество, большое количество чего-либо (6) (сдавали добро в магазин,

девать добро уже некуда, стоимость всего этого добра, этого добра хватает, вернуть добро, вот сколько добра!): *Девать это добро уже некуда: накатали варенья с компотом, кинули несколько пакетов ягод в морозилку, раздали часть по друзьям.*

7. Добро как противопоставление злу (5) (во имя добра, понятие добра и зла, добро побеждает зло, вопросы добра и зла, нет худа без добра): *Своим детям я рассказываю сказки о том, как добро побеждает зло.*

Больше всего употреблений отмечается в газете «Комсомольская правда», относящейся к массовой периодике, поскольку проблема добра, как обыденного явления повседневности представляет собой компонент традиционной системы ценностей, обсуждаемый в широких кругах и являющийся актуальным для каждого представителя аудитории средств массовой информации. При этом количество объективаторов остается не больше, чем в журнале «Русский репортер».

«Русский репортер» насчитывает более десяти рубрик, и практически во всех из них представлены слова с корнем *-добр-*, но наиболее часто данная лексема встречается в рубриках «Общество», «Культура», «Репортажи», «Интервью». Нами было выявлено 60 контекстов, а также шесть смыслов, которые их представляют. В основном вербализаторы демонстрируют значения, находящиеся в системе традиционного смыслового поля слова «добро», и имеют прямые значения в контекстах представленного журнала.

Итак, **ядерную зону** образует один наиболее частотный смысловой конститuent:

1) «положительная оценка кого-либо, чего-либо» (17): *В детстве достаточно сделать доброе дело – родители и воспитатели похвалят.*

Соответственно, в **зону ближней периферии** войдут компоненты, которые по количеству незначительно отличаются от ядерной зоны:

2) «по собственной воле, самостоятельно, без принуждения, по собственному желанию» (11);

3) «разрешение чего-либо, согласие с чем-то, поддержка чего-либо» (11);

4) «противопоставление злу» (9);

5) «часть названия чего-либо, какой-либо организации, акции и т. д.» (8);

6) добро – «признак качества чего-либо» (4).

Частотность реализации выявленных признаков свидетельствует о том, что исследуемое концептуальное поле имеет полицентрическую (т. е. слабо центрированную) организацию и представляет собой единую, гомогенную систему: количественные показатели между первой (17) и второй (11), третьей (11) семантическими группами, а следом четвертой (9) и пятой (8) группами различаются лишь в небольшой степени.

Дальняя периферия образуется одним низкочастотным смысловым элементом:

7) признак качества чего-либо (4).

Сравнив узуальную и журнально-дискурсивную модели концептуального поля *добро*, мы пришли к следующим обобщениям: ядерные зоны обеих моделей одинаковы, однако узуальная модель имеет более широкую семантику, дискурсивная репрезентирована более конкретизированными признаками: «положительная оценка кого-либо, чего-либо: события, характера человека, времени суток и т. п.», также в дискурсивном ядре отсутствует смысловой компонент «противопоставление злу». Это свидетельствует, вероятно, об устаревшем понимании концепта и переходе его из литературоцентричной парадигмы в медиацентричную.

Массовое издание «Комсомольская правда» представляет наибольшее количество употреблений вербализатора «добро» (130), при этом все контексты с легкостью могут быть распределены в несколько интерпретационных групп.

В качестве **центрального (ядерного) значения** выступает всего один смысл, являющийся традиционным как в узуальной модели, так и в интерпретации дискурса массового издания:

1) «положительная оценка кого-либо, чего-либо: события, характера человека, времени суток и т. п.» (37): *Сам по себе он человек добрый, справедливый.*

В **околоядерную зону** входят два вербализатора – первый из них имеет понятийное сходство с ядерной зоной, где положительной оценке соответствует признак качества (значение 2). Во втором случае это новое значение, не зафиксированное узуальной моделью (значение 3);

2) «признак качества чего-либо или положительная характеристика качества чьей-либо деятельности» (29): *Механик цеха № 23 Владимир Блюм получил благодарность Министерства энергетики Российской Федерации за добросовестный труд.*

3) «Добро – как часть названия чего-либо, какой-либо организации, акции и т. д.» (22): В первых числах июня в минском центре разработки Wargaming прошла «Неделя добра» – цикл благотворительных и образовательных мероприятий, приуроченных к Международному дню защиты детей.

Выделим **ближнепериферийные** (концептуальные признаки):

4) «по собственной воле, самостоятельно, без принуждения, по собственному желанию» (18);

5) «разрешение чего-либо, согласие с чем-то, поддержка чего-либо, приглашение куда-либо на основе согласия» (13).

А также **дальнепериферийные** признаки:

6) «имущество, большое количество чего-либо» (6);

7) «противопоставление злу» (5).

Четвертая и пятая группы имеют похожие значения, поскольку обе выражают «согласие» и «разрешение». Стоит отметить, что в узуальной модели концептуальные признаки седьмой группы находятся в ядерной зоне, в то время как дискурсивная модель массового издания подразумевает дальнепериферийное значение для данного концептуального поля. Такая характеристика является уникальной и свойственна для массового издания.

Итак, в периодике, направленной на более широкую аудиторию, отмечается лексема «часть названия чего-либо, какой-либо организации, акции и т. д.», это значение характерно именно для изданий «Русский репортер» и «Комсомольская правда» как массмедиа, которые освещают некоторую часть информации в новостных жанрах, где рассказывается о деятельности каких-то организаций, о проведении акций и т. п. Оно не представлено в узуальной модели.

Лексему «добро» с предлогом «не», констатирующим отрицательное значение, мы обнаружили в журнале «Русский репортер», в частности в рубриках, имеющих общественный интерес. В издании «Комсомольская правда» не встретилось ни одного вербализатора «добро» с негативной окраской.

По итогам проведенного анализа узуальной и дискурсивной моделей концепта «добро» в двух изданиях мы пришли к следующим выводам:

1) на периферии дискурсивной модели в журнально-газетной периодике, представленной общественно-политическими изданиями, появляются новые смыслы, которые не наблюдаются даже на периферии общезыковой модели. Это связано с внесением публицистикой новых смыслов в ранее существующие понятия. Также периферия дискурсивной модели заимствует некоторые узуальные элементы, при этом основная часть соотношения ядра и периферии остается прежней, так как аксиосфера массовых изданий в целом должна коррелировать с общепринятыми ценностями и культурой;

2) некоторые узуальные ядерные и околоядерные смыслы смещаются в сторону периферии – это свидетельство коренной трансформации ментальных конструктов в дискурсе массовых изданий; причем ядерная зона в узуальной и дискурсивной моделях совпадают, что говорит о том, что существует лексема, остающаяся стабильной вне зависимости от течения времени. В то же время смысловые границы между вербализаторами стерты, значения отчасти имеют си-

нонимичные интерпретации – такую структуру можно назвать нецентрированной;

3) общее число значений узуальной модели оказывается меньше по сравнению с моделью дискурсивной. Зафиксированные в словарях значения в массмедиа обретают новые смыслы, а также в разных контекстах появляются различные оттенки значений, что является причиной выделения новых и более узких групп вербализаторов;

4) в обоих изданиях наибольшую частотность демонстрирует лексема «положительная оценка чего-либо, кого-либо», которая практически совпадает с ядром узуальной модели. При этом количество представленных вербализаторов, как правило, не имеет прямой зависимости от количества найденных употреблений;

5) в изданиях «Комсомольская правда» и «Русский репортер» выделяется уникальная лексема «часть названия чего-либо, какой-либо организации, акции и т. д.», это связано с освещением в издании информации, в том числе и в новостных жанрах, где рассказывается о деятельности каких-либо организаций, о проведении акций и т. п. Она не представлена в узуальной модели ни в ядре, ни на периферии. Можно предположить, что данное значение встречается и в других общественно-политических изданиях.

Таким образом, мы видим, что концепт «добро», являясь базисным понятием в отечественной культурно-ценностной парадигме, транслирует значения, не меняющиеся с течением времени. При этом лексема обретает новые смыслы, которые зафиксированы в настоящее время в дискурсивной модели массмедиа, в том числе в исследуемом контенте периодических печатных изданий.

Примечание

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02032).

Список литературы

Антропова В. В. Концепт «Истина» в дискурсе разнокачественных печатных СМИ: ценностно-смысловые доминанты // Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17–18 мая 2018 г.) / сост. О. Ф. Автохудинова; Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 164–166.

Афанасьева О. М. Концепт «добро» в современном медиапространстве: на материале газеты «Известия» // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 7(28). С. 132–138.

Даль В. И. Пословицы русского народа: в 3 т. / В. И. Даль. М., 2011. Т. 1. 496 с.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук. URL: <http://www.ruslang.ru/res> (дата обращения: 06.06.2018).

Казыро Г. Н. Антропоморфные метафоры, выражающие концепт «добра» (на материале пословиц марийского языка) // Языки. Культуры. Этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты. 2015. Т. 1, № 1. С. 33–37.

Колижук Л. В. Репрезентация лингвокультурного концепта «good» (добро) в поговорках // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 7–4. С. 31–34.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.

Крысин Л. П. Словари синонимов. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24549888> (дата обращения: 06.06.2018).

Лосский Н. О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. 368 с.

Мокрушина Е. Ю. Концепт «добрый» как этический феномен лингвокультуры (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 196 с.

Мэн У. Эволюция концепта «добро» в языковой картине русского народа (на материале толковых словарей) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2–1(68). С. 158–161.

На начало 2018 года в России количество зарегистрированных СМИ было на 4 процента меньше, чем годом ранее // Журналист Севастополя. URL: joursev.ru/2018/05/01/на-начало-2018-года-в-россии-количество-за/ (дата обращения: 19.06.2018).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Изд-во ИТИ Технологии, 2006. 944 с.

Палеха Е. С. Концепт добро в языке поэзии серебряного века: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. 209 с.

Писарь Н. В. Оценочная лексика с семантикой «благой/добрый» как способ репрезентации концепта «Бог» в древнерусских текстах XI–XIV веков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2011. № 8. С. 50–55.

Полевые структуры в системе языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин, Е. И. Беляевская и др.; науч. ред. З. Д. Попова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 196 с.

Романовская Е. И. Оценочная составляющая концепта «добрый» в русской фразеологии // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2016. № 10. С. 140–144.

Сагынбаева Б. С. Вербализация концепта «добро» в кыргызской языковой картине мира // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2018. Т. 18, № 1. С. 87–90.

Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1: А–Й. 702 с.

Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / ИЛИ РАН; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Астрель: АСТ, 2001. Т. 1: А–Н. 568 с.

Федеральные СМИ: ноябрь 2017 // Медиалогия. URL: <http://www.mlg.ru/ratings/media/federal/5695/> (дата обращения: 19.06.2018).

Федеральные СМИ: январь 2018 // Медиалогия. URL: <http://www.mlg.ru/ratings/media/federal/5830/> (дата обращения: 19.06.2018).

References

Antropova V. V. Kontsept «Istina» v diskurse raznokachestvennykh pechatnykh SMI: tsennostno-smyslovye dominanty [The concept “Truth” in the discourse of the mass media of different quality: value-semantic dominants]. *Prioritety massmedia i tsennosti professii zhurnalista* [The priorities of the mass media and values of journalistic profession]. Ekaterinburg, Ural Federal University Press, 2018, pp. 164–166. (In Russ.)

Afanas'eva O. M. Kontsept «dobro» v sovremen-nom mediaprostranstve: na materiale gazety «Izvestiya» [The concept “good” in the contemporary media space: on the material of the newspaper “Izvestia”]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedeniye* [RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series], 2017, issue 7 (28), pp. 132–138. (In Russ.)

Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda*. V 3 t. [Russian folk proverbs. In 3 vols.]. Moscow, vol. 1, 2011. 496 p. (In Russ.)

Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova Rossiyskoy akademii nauk [V. V. Vinogradov Institute of the Russian language of the Russian Academy of Science]. Available at: <http://www.ruslang.ru/res> (accessed 07.06.2018). (In Russ.)

Kazyro G. N. Antropomorfnye metafory, vyrazhayushchie kontsept «dobra» (na materiale poslovits mariyskogo yazyka) [Anthropomorphic metaphors expressing the concept “good” (on the material of the Mari language proverbs)]. *Yazyki. Kul'tury. Etnosy. Formirovaniye yazykovoy kartiny mira: filologicheskii i metodicheskii aspekty* [Languages. Cultures. Ethne. Formation of language picture of the world: philological and methodologic aspects], 2015, vol. 1, issue 1, pp. 33–37. (In Russ.)

Kolizhuk L. V. Rerezentatsiya lingvokul'turnogo kontsept «good» (dobro) v paremiyakh [Rep-

resentation of the linguo-cultural concept “good” in paroemias]. *Sovremennyye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii* [Contemporary Tendencies of Scientific and Technological Development], 2016, issue 7–4, pp. 31–34. (In Russ.)

Krasnykh V. V. “Svoy” sredi “chuzhikh”: mif ili real'nost' [“A friend” among “foes”: myth or reality]. Moscow, ITDGGK “Gnozis” Publ., 2003. 375 p. (In Russ.)

Krysin L. P. *Slovari sinonimov* [The Dictionary of Synonyms]. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24549888&> (accessed 06.06.2018). (In Russ.)

Losskiy N. O. *Usloviya absolyutnogo dobra: Osnovy etiki; Kharakter russkogo naroda* [Conditions of absolute good: basics of ethics; Russian folk character]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 368 p. (In Russ.)

Mokrushina E. Yu. *Kontsept «dobryy» kak eticheskii fenomen lingvokul'tury (na material angliyskogo yazyka)*. Diss. kand. filol. nauk [The concept “good” as an ethic phenomenon of linguistic culture (a case study of the English language). Cand. philol. sci. diss.]. Kemerovo, 2008. 196 p. (In Russ.)

Meng W. Evolyutsiya kontsept «dobro» v yazykovoy kartine russkogo naroda (na materiale tolkovykh slovarey) [Evolution of the concept “good” in the Russian linguistic worldview (by the material of explanatory dictionaries)]. *Filologicheskiiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2017, issue 2–1(68), pp. 158–161. (In Russ.)

Na nachalo 2018 goda v Rossii kolichestvo zaregistrovannykh SMI bylo na 4 protsenta men'she, chem godom ranee [At the beginning of 2018 the number of the registered mass media in Russia was 4 percent smaller than the year before]. *Zhurnalyst Svevastopolya* [Journalist of Sevastopol]. Available at: joursev.ru/2018/05/01/na-nachalo-2018-goda-v-rossii-kolichestvo-za/ (accessed 06.06.2018). (In Russ.)

Ozhegov S. I. Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th updated edition. Moscow, ITI Tekhnologii Publ., 2006. 944 p. (In Russ.)

Palekha E. S. Kontsept dobro v yazyke poezii serebryanogo veka. Diss. kand. filol. nauk [The concept “good” in the poetic language of the Silver Age. Cand. philol. sci. diss.]. Kazan, 2007. 209 p. (In Russ.)

Pisar' N. V. Otsnochnaya leksika s semantikoy «blagoy / dobryy» kak sposob reprezentatsii kontsept «Bog» v drevnerusskikh tekstakh 11-14 vekov [Evaluative lexis expressing the “good/kind” semantics as a means to represent the concept of “god” in the old Russian texts of the 11th-14th centuries]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im.*

I. Kanta. *Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [IKBFU's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, Psychology], 2011, issue 8, pp. 50–55. (In Russ.)

Polevye struktury v sisteme yazyka [Field structures in the language system]. Ed. by Z. D. Popova. Voronezh, Voronezh State University Press, 1989. 196 p. (In Russ.).

Romanovskaya E. I. Otsenochnaya sostavlyayushchaya kontsepta «dobryy» v russkoy frazeologii [The Evaluative Meaning of the Concept "Kind" In Russian Phraseology]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A: Gumanitarnyye nauki* [Vestnik of Polotsk State University. Series A. Humanitarian Sciences], 2016, issue 10, pp. 140–144. (In Russ.)

Sagynbayeva B. S. Verbalizatsiya kontsepta «dobro» v kyrgyzskoy yazykovoy kartine mira [Verbalization of the concept of "жакшылык" (good) in the Kyrgyz world view]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo slavyanskogo universiteta* [Vestnik

KRSU. Series: Philological Sciences], 2018, vol. 18, issue 1, pp. 87–90. (In Russ.)

Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. RAN, Institut lingvisticheskikh issledovaniy [The Russian language dictionary: in 4 vols. Institute for Linguistic Studies RAS]. Ed. by A. P. Evgen'eva. 4th stereotype edition. Moscow, Russian Language Publ., Poligrafresury Publ., 1999, vol. 1. 702 p. (In Russ.)

Slovar' sinonimov russkogo yazyka: v 2 t. Institute for Linguistic Studies RAS [The Russian dictionary of synonyms: in 2 vols. Institute for Linguistic Studies RAS]. Ed. by A. P. Evgen'eva. Moscow, Astrel': AST Publ., 2001, vol. 1. 568 p. (In Russ.)

Federal'nye SMI: noyabr' 2017 god [Federal mass media: November 2017]. *Medialogiya* [Media studies]. Available at: <http://www.mlg.ru/ratings/media/federal/5695/> (accessed 19.06.2018). (In Russ.)

Federal'nye SMI: yanvar' 2018 [Federal mass media: January 2018]. *Medialogiya* [Media studies]. Available at: <http://www.mlg.ru/ratings/media/federal/5830/> (accessed 19.06.2018). (In Russ.)

REPRESENTATION OF THE CONCEPT "GOOD" IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN PRESS

Anna A. Morozova

Associate Professor in the Department of Journalism and Mass Communication,
Director of the Academic Scientific Center of Media Education

Chelyabinsk State University

162v, prospekt Pobedy, Chelyabinsk, 454084, Russian Federation. roxfan@rambler.ru

SPIN-code: 8696-8515

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4510-421X>

ResearcherID: Q-1048-2018

Submitted 10.07.2018

The article considers the transformation of the value-semantic field of the concept "good" in the Russian press. Based on studying lexicographic sources, we identified basic senses of the usage model of the concept. The practical material of the research includes interpretations of the lexeme "good" in texts of public political press: a quality magazine *Russian Reporter* and a tabloid newspaper *Komsomolskaya Pravda*. We studied all the texts for 2016 containing the given verbalizer. Having analyzed the usage and discourse models of the concept "good" in the two given sources, the author concludes that there are new meanings appearing on the periphery of the discourse model in magazines and newspapers of public political orientation, which are not found even on the periphery of the common language model. For example, a unique lexeme "a part of the name of something, of some organization, event etc." can be found, which is connected with publishing information, including the news genres, telling about the activity of some organizations or some events etc. At the same time, the general number of meanings of the usage model is smaller in comparison with the discourse model. The author also notices the non-centric structure of the semantic field organization – the margins of verbalizers are blurred, the meanings are close to each other. However, traditional meanings of the concept are preserved. In both *Russian Reporter* and *Komsomolskaya Pravda*, it is the lexeme "positive evaluation of something, somebody", practically coinciding with the nucleus of the usage model, that is of the most frequent occurrence. The author draws a conclusion that the given peculiarities of representation of the concept "good" may be encountered in other Russian newspapers and magazines of this kind. Thus, we see that the concept "good", being a basic notion in the Russian cultural value paradigm, translates the meanings which do not change with the course of time. Along with that, this lexeme obtains new senses which can be found at present in the discourse model of the mass media, including those under study in this paper.

Key words: concept; good; representation, public political press, printed press; values; meanings.

УДК 81'373.46

doi 10.17072/2037-6681-2018-3-80-88

О ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРАНИЦАХ СЛОВАРЯ МЕДЕПЛАВИЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XVIII–XIX ВЕКОВ

Лилия Михайловна Пантелеева**к. филол. н., доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин****Соликамский государственный педагогический институт (филиал)****Пермского государственного национального исследовательского университета**

618540, Россия, г. Соликамск, ул. Северная, 44. liliya_pant@mail.ru

SPIN-код: 2411-1021

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5815-1288>

ResearcherID: K-9889-2017

*Статья поступила в редакцию 13.04.2018***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Пантелеева Л. М. О лексико-тематических границах словаря медеплавильной терминологии Пермской губернии конца XVIII–XIX веков // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 80–88. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-80-88***Please cite this article in English as:***Panteleeva L. M. O leksiko-tematicheskikh granitsakh slovary medeplavil'noy terminologii Permskoy gubernii kontsa XVIII–XIX vekov [On the Lexico-Thematic Boundaries of the Dictionary of Copper-Smelting Terminology of the Perm Province (Late 18th – early 19th Century)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 80–88. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-80-88 (In Russ.)*

Описываются системно-лексикологические основы проекта «Словаря медеплавильной терминологии Пермской губернии конца XVIII–XIX веков», который по содержанию примыкает к лексикографической группе отраслевых, региональных и исторических изданий.

Основной проблемой, которая решается в данной статье, является определение лексико-тематических границ специального языка медеплавильной сферы. Для этого устанавливается соответствие особенностей технологической организации пермских медеобрабатывающих предприятий конца XVIII–XIX вв. и характера лексики, обслуживающей разные сферы производства.

В результате проделанного анализа автор приходит к заключению, что отраслевая система специальной лексики медеплавления имеет полевою организацию, где ядро составляет лексика основного производственного процесса, ближнюю периферию – лексика вспомогательных производственных процессов, дальнюю периферию – отдельные разряды лексики обслуживающих производственных процессов. При этом в каждой из категорий понятийного поля выделяются лексические разряды, обозначающие реалии материальной и исполнительской техники. По мнению автора, результаты данного лексикологического анализа должны лечь в основу лексикографических принципов выборки лексики из источников.

Состоятельность обозначенной лексикографической концепции подтверждается путем ее соотношения с принципами издания лингвистических словарей специальной лексики прошлого («Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.», 2003; «Словарь золотого промысла Российской Империи», 1998), историко-энциклопедических словарей горной отрасли («Горный словарь», 1841), а также справочных материалов глоссарного типа, посвященных историческим описаниям медной промышленности Прикамья («Словарь терминов и устаревших слов», 2016).

Ключевые слова: специальная лексика; региональная лексика; лексико-тематическая классификация; исторический словарь; медеплавильная промышленность.

Общая культурная матрица Прикамья не мыслится без такого «коренного» и яркого компонента, как медеплавнение. Зародившись еще в доисторический период, эта отрасль технологической культуры удерживалась в местном «промышленном атласе» вплоть до XIX в. Поэтому неудивительно, что «медная проблематика» сегодня является достаточно популярной не только в пермских естественнонаучных исследованиях, но и в гуманитаристике.

В числе последних крупных работ, посвященных медеплавнению, обращают на себя внимание исторические описания плавильных заводов Пермского края [Харитонов 2009; Чагин 2011], а также хрестоматийные и библиографические сборники по пермской меди («Медистые песчаники Пермского края: сборник статей 1831–1928 гг.», 2011; «Пермская медь: обзор литературы», 2016). Разноаспектно и основательно заявляет о себе и краеведческая работа по истории медного промысла в промышленных городах Пермского края, например, Соликамске [Богданов 2012] и Суксуне [Токарева 2013].

Однако на общем фоне современных исследований, обращенных к исторической ретроспективе медеплавильного хозяйства, все же ощущается явный недостаток собственно лингвистических работ. В частности, издания деловых документов канцелярии Пыскорского медеплавильного завода (Пыскорский медеплавильный завод... 2016; Столп приходной денежной казны... 2016) хотя и направлены на восполнение языковой реальности прошлого, но не содержат анализа языкового субстрата работников завода. Вместе с тем профессионально-диалектная отдельность работников плавильного производства – и даже собственно медных заводов – осознается не только лингвистами.

Так, в сборнике «Пермская медь» Т. В. Харитонов размещает словарь терминов и устаревших слов, с которыми может встретиться еще неискушенный в соответствующем знании читатель старинных книг. Показательно, что современный геолог находит различия в языковых универсумах прошлого и настоящего и показывает их в толкованиях горных терминов: «*Вап* – 1) минеральная краска; 2) в геологии: жирная бурая и коричневая глина (Гофман, 1865), годная для изготовления краски; железистая красная отверделая глина (Мейер, 1834). Современное название **аргиллит**» [Пермская медь 2016: 152]; «*Гиттенфервальтер* (*гиттен-фервальтер*) – <...> горный чиновник 10 класса, заведовавший горными припасами, материалами и пр. (**завсклад при предприятии, короче говоря**)» [там же: 156]; «*Инвенция* – изобретение, современным языком – **рационализаторское предложение**» [там же: 165].

Более того, сами авторы текстов XIX в. по пермской геологии и промышленности, на которые опирается составитель словаря, также осознавали трудности своих современников в понимании диалектного или узкоспециального языкового материала. В текстах «Горного журнала» достаточно часто встречаются «региональные» и «специальные» примечания для читателей: «...[П]од стенами ея горизонтальныя каналы **здесь называемые воздухами**» [ГЖ 2а: 60]; «От 120 пуд черной меди получается 107 пуд и 25 фунтов очищенной меди, **называемой здесь гаркупфер**» [ГЖ 3: 123]; «Последняя обработка меди **называется на Пермских заводах гармахерскою работою**» [там же: 126]; «Отверделая глина представляет последнее изменение здешних глин; **рудокопы называют ея вапом**» [ГЖ 5: 349]; «Песчанистою **называется она [руда] тогда, когда главное вещество ея представляет песчанистая глина, разделенная на довольно правильные слои, почему она имеет еще название пластовой**» [ГЖ 7: 397].

Своеобразный и колоритный язык работников медного производства, запечатленный на страницах местных рукописей и книг, действительно требует систематизации и описания. Его изучение непременно приведет исследователей к пониманию особенностей идиолексикона и профессиональной картины мира служителей и мастеровых. Вполне осознавая значимость и актуальность подобной работы, мы приступили к подготовке лингвистического издания производственной лексики с рабочим названием «Словарь медеплавильной терминологии Пермской губернии конца XVIII–XIX веков».

Начиная эту работу, мы должны решить для себя ряд важных вопросов: о точных временных границах словаря, о его источниковой базе, о функциональном статусе лексики и в том числе о ее лексико-тематических границах. Последний из приведенных вопросов требует особых пояснений, поскольку понятийное поле медеплавильной терминологии, с одной стороны, делится на микрополя, а с другой – смыкается и пересекается с другими понятийными полями промысловой лексики. В данной статье мы продемонстрируем эти отношения между тематическими микрополями внутри специальной лексики медеплавнения и между тематическими макрополями нескольких терминологических систем, связанных с медеплавильной лексикой интра- и экстралингвистически.

Лексико-тематическая классификация лексики медеплавнения осуществляется нами с учетом специфики организационного и предметного устройства заводских комплексов по переработке медной руды. В этом смысле само слово «ме-

деплавнение» выступает в качестве стержневого понятия, от которого и следует отстраивать лексическую иерархию. А именно: медная плавка пермских заводов включала в себя ряд последовательных этапов обработки рудной смеси в разных типах печей. Этот производственный цикл являлся основным технологическим процессом в изготовлении меди, благодаря чему в медеплавильной терминологии закрепились наименования материальной (предметной, вещественной) и исполнительской техники.

Предметная лексика включала совокупность обозначений плавильных сооружений и инструментов. Печи, например, получали названия исходя из следующих признаков:

– характера обрабатываемого материала: **печь рудная** ‘печь, в которой осуществляется плавка рудной смеси на купферштейн или черную медь’ «Устройство плавильных или рудных печей» [ГЖ 2а: 60];

– формы готового продукта: **печь штыковая** ‘отражательная печь для рафинирования металла и (или) его расплавления и разлива в штыки’ «При действии штыковой очистительной печи находится в смену плавильщиков и работников по 8, или в сутки по 16 человек» [ГЖ 2б: 146];

– особенностей конструкции: **печь кривошесточная** ‘печь с шесточной доской в виде полуцилиндра, с одной стороны которого имеется выемка под выпускной канал’ «Для сего находится фабрика с 20 шахтными, полувысокими кривошесточными печами» [ГЖ 2а: 59], **печь самодувная** ‘печь, в рабочее пространство которой имеется проход для попадания воздуха самоотком’ «На сей предмет имеется самодувная очистительная печь, или, по здешнему названию, штыковый горн» [там же], **печь шахтная** ‘печь с вытянутой вверх духовой камерой эллиптического сечения’ «Для сего находится фабрика с 20 шахтными, полувысокими кривошесточными печами» [там же], **печь отражательная** ‘печь, металл в которой расплавляется от тепла, отражаемого стенками и сводом (а не от непосредственного контакта с пламенем)’ «Для сего устраивается в фабрике особенная печь, именуемая шплейзофен, которая есть не что иное, как отражательная печь, разделенную на пепельник, и дровяник, и горн с низким сводом» [ГЖ 3: 113];

– технологической специфики: **печь очистительная** ‘отражательная печь для рафинирования металла и (или) его расплавления и разлива в штыки’ «очистительная [операция], для очищения шплейзофенной меди и разливания чистой в штыки. На сей предмет имеется самодувная очистительная печь, или, по здешнему названию, штыковый горн» [ГЖ 2а: 59], **печь плавиль-**

ная ‘печь шахтного типа, служащая для плавки рудной смеси на купферштейн или черную медь’ «Устройство плавильных или рудных печей» [там же: 60], **печь пробирная** ‘печь, предназначенная для производства проб металлического сырья’ «Так как руды всегда содержат в себе более или менее серы, то оне подвергаются предварительно обжиганию, производимому в шерберах под муфелем пробирной печи» [там же: 72], **печь шплейзофенная** ‘отражательная печь, в которой осуществляется рафинирование металла (плавка купферштейна на черную медь; плавка черной меди на чистую медь)’ «Не стоит заводить большой шплейзофенной печи» [ГЖ 3: 113].

В операциях обжига и плавки рудной смеси использовались такие виды орудий, как **гребок** ‘железное орудие с длинной рукоятью и лопастью под углом к ней, используемое для выгребания из печи остатков рудной плавки или счищения сока с поверхности расплавленного металла’ «Гребок, для выгребания сыти при выдувке печи» [ГЖ 2а: 91], «Гребок, для счищения густых соков» [ГЖ 2б: 132], **дразнилка** ‘деревянный шест, используемый для дразнения расплавленного металла, измельчения крупных кусков в нем, а также для уменьшения ширины выпускного отверстия печи’ «Чтоб более ускорить оное [расплавление купферштейна], то разделяют нерасплавленные куски длинным деревянным шестом, называемым дразнилкою, дабы расплавленный мог занять все пространство гнезда, а нерасплавленный подвергался сколь можно большему действию жара» [там же: 119], **запор** ‘деревянный шест, используемый для затыкания шпурового канала печи после выпуска расплавленного металла’ «Запор, для затыкания шпурового канала глиной с муссером, после выпуска» [ГЖ 2а: 92], **запорка** ‘деревянный шест, используемый для затыкания шпурового канала печи с целью ослабления течения расплавленного металла’ «Случается иногда, что при пробивке шпурового канала, отверстие делается велико, и медь при выпуске потечет быстро. К отвращению сего вставляется в отверстие деревянный сухой шест, или запорка, которая во все время выпуска оставляется в оном, и по сгорении заменяется другою» [ГЖ 2б: 127], **зафурменник** ‘железный лом, используемый для корректировки величины или разбивания нароста в шахте плавильной печи, а также для прочищения отверстий в фурмах’ «Зафурменник, для поправки наростов» [ГЖ 2а: 91], **клевцы** ‘железное орудие в виде щипцов с загнутыми внутрь концами для захватывания чего-либо’ «Клевцы, для оттаскивания штыков» [ГЖ 2б: 133], **клин** ‘железный инструмент в виде суживающейся к одному концу доски, используемый во время очищения плавиль-

ленной печи для накрытия шпура' «По остановлении дутья и по выпуске купферштейна, вкладывается в печь под темпель во всю длину ея железная доска, здесь называемая клином, поддерживаемая железными мезерами или ломами, дабы не допустить смесь, наполняющую шахт печи, спускаться в шпур» [ГЖ 2а: 86] и др.

Лексика материальной составляющей производственного процесса включала и наименования вещественных средств деятельности, т. е. названия сырья, промежуточного и конечного продуктов, отходов производства: **руда медная** 'минеральное скопление, содержащее медь в количестве, пригодном для промышленного использования' «Пласт глины, содержащий малахит, покоится на известковом камне, который начинают также разведывать, предполагая открыть под ним еще богатейшие медные руды», [ГЖ 1: 156], «Плавильная [операция], для плавки медных руд» [ГЖ 2а: 59], **купферштейн** 'промежуточный продукт плавки медной руды, представляющий сплав сернистого железа и сернистой меди' «Плавильная [операция], для плавки медных руд и соков и получения из оных купферштейна» [там же], **сырец** 'полуфабрикат металла, предназначенный для последующей тепловой обработки' «Верхние круги стараются пережигать вместе с крицами, кои называют по сему сырцом, и находят сие удобнее и лучше» [ГЖ 3: 110], **медь чистая** 'медь, очищенная от примесей' «Очищительная [операция], для очищения шпейзофенной меди и разливания чистой в штыки» [ГЖ 2а: 59], **сок** 'жидкое вещество на поверхности плавящегося металла, состоящее из всплывших продуктов пустой породы с флюсами (после затвердевания – стекловидная масса)' «Расплавленная смесь отделяет из себя тяжелейшие части, соединенные с серою, и составляет слою относительною тяжестью расположенные, так, что самый легчайший, находящийся на поверхности жидкой массы, и именуемый шлаком или соком, есть не что иное, как сплавленные в стекло породы или земляные части» [там же: 82].

Наименования категорий исполнительской техники были представлены также несколькими разрядами слов, основными из которых были два:

– названия людей по профессии: **засыпщик** 'работник при плавильной печи, засыпающий в колошное окно уголь и рудную смесь', **катальщик** 'работник, доставляющий на тачке плавильные материалы на фабрики', **плавильщик** 'работник, занимающийся выплавкой металла' «При действии каждой плавильной печи обращается рабочих в смену или 12 часов по одному плавильщику, одному катальщику и одному засыпщику» [там же: 90–91],

– названия трудовых действий: **выжигать** 'о веществах: подвергать взаимодействию с кислородом, в результате которого уменьшается электронная плотность их атомов' «Главное же еще и то, дабы внизу находящийся металл менее был покрыт соком, а чрез то воздух удобнее бы проникал его и выжигал скорее чугуна» [ГЖ 3: 108], **дуть** 'нагнетать воздух мехами в печь' «Когда <...> чугуна пережигается и медь очистилась; тогда перестают дуть» [там же: 109], **присаживать** 'помещать материал в печь в добавление к уже находящемуся там' «Таким образом продолжают присаживать купферштейн и снимать сок, пока не употребится в печь 500 пуд купферштейна» [ГЖ 2б: 122], **проплавить** 'очистить материал путем плавки' «Каждая плавильная печь продействует в год <...> 320 суток и в каждые проплавит руд и шлаков по 280 пуд» [ГЖ 2а: 90].

Операции основного цикла на медеплавильном производстве поддерживались действием разных хозяйственных служб, выполняющих функцию вспомогательных цехов: толчеиной фабрики (где производилось толчение шлака для выделения из него частиц железа), мусорной избы (где разбитый толчеинными пестами мусор просеивался), пробирной лаборатории (где проверялось качество сырья и готового продукта).

Материальная и исполнительская составляющие вспомогательных процессов также закрепились в терминологии промысла. Специальная лексика вспомогательного хозяйства, отраженная в словаре, представлена такими словами, как **молотовище** 'деревянная ось ударной части рудокотлотного устройства' «Кулаки бочек, находящихся на продолженных концах вала наливного колеса, задевая за задние концы молотовищ, утвержденных по середине на пятниках, поднимают и опускают их попеременно; чрез то укрепленными на передних концах молотовищ молотами расколочивается помещаемая на наковальне руда» [там же: 73], **муфель** 'глиняная или чугунная камера в форме полуцилиндра, в которую помещают нагреваемый в печи материал, чтобы он не соприкасался с продуктами сгорания топлива' «Так как руды всегда содержат в себе более или менее серы, то они подвергаются предварительно обжиганию, производимому в шерберах под муфелем пробирной печи» [там же: 72], **пест** 'ударная часть механизма для измельчения твердых тел давлением, выполненная из большого бревна' «Вал наливного колеса, при обращении своем задевая, посредством кулаков бочек, на оном укрепленных, за пальцы девяти пестов, поднимает и опускает попеременно самые песты, которые, падая на крупный наложенный под них материал, измельчают оный»

[ГЖ 2а: 68], **тигель** 'глиняная (реже графитовая) емкость в виде небольшого цилиндрического сосуда без ручки, употребляемая для обжигания руды при производстве проб' «*[Руды] подвергаются предварительно обжиганию, производимому в шерберах под муфелем пробирной печи, и потом сплавлению в тигле, в который помещается на пуд пробуемой руды черного плавня два пуда, буры 10 фунтов, стекла 10 фунтов пробирных, вместе перемешанных и покрытых поваренною солью. Сплавление делается в обыкновенном горне*» [там же: 72–73], **толчение** 'дробление материала на мелкие кусочки' «*Толчение составных частей муссера и других употребляемых в плавильном производстве материалов производится в муссеротолчейне, или так называемой пестовой фабрике*» [там же: 68].

Считаем важным и необходимым отразить в словаре не только специальную лексику основного и вспомогательных производственных циклов, но и лексику обслуживающего производства. К обслуживающим в пределах промысла относились такие виды служб, как меховая фабрика (где изготовляли деревянные меха для работы печей и горнов), кузница (где изготовлялись инструменты к плавильному делу), а также такие смежные сферы деятельности, как углежжение, строительство плотин и сооружений, горная добыча полезных ископаемых. Лексика этих видов обслуживающего хозяйства по сути представляет самостоятельные тематические группы промысловой терминологии, но вместе с тем отдельные лексико-тематические разряды этих подсистем находятся в «зоне перехода» между медеплавильной и иными терминологиями.

Основными переходными лексико-тематическими группами для терминологии медеплавильной и терминологий обслуживающего производства являются следующие:

– меховой промысел: названия видов мехов и частей их конструкции: **мех однодувный** 'мех цилиндрической формы, поршень в котором нагнетает воздух только в одну сторону' «*Цилиндрические однодувные меха*» [ГЖ 3: 99], **отверстие выпускное** 'отверстие в боку деревянного ящика меха, пропускающее воздух из камеры в фурму' «*На каждом из ящиков сделано по два закрывающихся клапанами отверстия, одно сбоку близ дна, выпускное <...> с приставленною трубою, проведенною в капитальную, а другое по середине дна воздухоприемное*» [ГЖ 2а: 66];

– кузнечный промысел: названия инструментов, изготавливаемых для плавки металла: **вилка** 'орудие с железными зубьями на длинной деревянной рукояти, используемое для помещения штыковой меди в печь' «*Приготовленную для садки шпайзофенную медь, посредством же-*

лезной вилки, имеющей длинную рукоятку, насаживают чрез устье горна на шпуровые стороны» [ГЖ 2б: 140];

– кучный промысел: названия готового продукта и его мер: **уголь** 'горючее вещество из пережженной древесины' «*Помост, состоящий из решетчатых чугунных досок с перилами, на который всходят плавильные работники с сыпью и углем, для забрасывания их в печь*» [ГЖ 2а: 63], **решетка** 'мера веса и объема древесного угля; на Богословском заводе равная примерно 25 фунтам' «*Решетка угля составляла пред сим 1/20 часть короба; а с Мая 1826 года короб делится на 32 решетки и каждая весит около 25 фун.*» [там же: 79];

– строительный промысел: названия строительных материалов, сооружений и частей их конструкции: **кирпич белый** 'искусственный камень белого цвета в виде бруска из глины и песка; используется при футеровании плавильной печи' «*Когда набивкою поднимутся столько, что уже не лъзя будет убивать ее плотно: то оставшееся полое место закладывается белым огнепостоянным кирпичем*» [там же: 65], **плотина** 'гидротехническое сооружение, преграждающее реку для подъема уровня воды' «*Сколко однем здано а другим принято при Пыскорском заводе, и рудниках сентября по 15е число 1803 года заводского и хоромного строения, то есть плотин фабрик и протчаго также материалов припасов инструментов, и денежной казны*» [РСС: 18], **двор вешняшный** 'часть конструкции плотины выше вешняшного и ларового прорезов в виде перегораживающих водоем свай, сдерживающих напор льда, леса и всякого пльвшего по воде сора' «*При оном над вешняшным двором сарай на столбах*» [там же: 32];

– горный промысел: названия предприятий и сооружений по добыче руды, людей по профессии, инструментов, полезных ископаемых и сопровождающих их пород: **рудник** 'горнопромышленное предприятие для добычи полезных ископаемых' «*Фроловский песок, добываемый в 5 верстах от Фроловскаго рудника, зеленоватосерый*» [ГЖ 2а: 69], **шахта** 'вертикальная или наклонная горная выработка большого сечения, имеющая непосредственный выход на поверхность' «*В сем направлении заложена другая шахта, к коей располагаются вести от разведочной встречную работу*» [ГЖ 1: 156–157], **рудокопщик** 'горнорабочий в шахте' «*Рудокопщики*» [РСС: 87], **забойник** 'ручное орудие в виде железного прута, применяемое при буровзрывных работах для забивки глиною начиненных порохом буровых отверстий в породе' «*Забойников 3*» [НП: 11 об.], **медь закисленная** 'минерал красного или буро-красного цвета,

представляющий собой соединение меди с кислородом; куприт' «Руды, в плавку идущия, заключают в себе медный колчедан, землистую закисленную медь или кирпичную руду» [ГЖ 2а: 74], **лазурь** 'минерал голубого, василькового или фиолетового цвета, в состав которого входят алюмосиликат и сера; лазурит' «Проплавляемая здесь руды составляют в общем смысле песчанистую медную руду, преимущественно состоящую из флюэвога песчаного камня различной твердости и сложения частей, более менее проникнутого медною зеленью и частью лазури» [ГЖ 3: 99].

Таким образом, словесная организация лексико-тематической группы «медеплавление» в готовящемся словаре имеет полевою организацию, где ядро составляет лексика основного производственного процесса, ближнюю периферию – лексика вспомогательных производственных процессов, дальнюю периферию – отдельные разряды лексики обслуживающих производственных процессов.

Полевая организация лексики накладывает отпечаток на принципы отбора языковых единиц из источников. Там, где речь идет о ядре и ближней периферии, выборка материала осуществляется путем отбора всех языковых единиц, относящихся к обозначенным лексико-тематическим группам. В отношении дальней периферии отбор лексики осуществляется избирательно: в словарь попадают только те языковые единицы, которые находятся в «зоне перехода» между пересекающимися терминологическими полями.

Отметим, что вопросы структурирования словарной концепции на уровне лексико-тематической определенности не кажутся нам излишними. Их своевременное решение позволит в дальнейшем точно оценивать изучаемый профессиональный язык с точки зрения его этимологических, структурных, лексико-семантических и лингвокультурологических особенностей, а также характера его взаимосвязей и взаимодействия с другими подсистемами русского языка и другими языками.

Предпринятая нами работа по систематизации медеплавильной терминологии вполне соотносится с лингвистической традицией издания исторических словарей специальной лексики, хотя в каждом из них вопрос о лексико-тематической отнесенности слов решается по-разному.

В «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» проблема специальной ограниченности слова в предисловии не затрагивается, однако особенности расстановки стилистических помет позволяют увидеть некоторую зависимость в том, что узкоспециальная лексика получает одну помету (**аглин** – ткац., **алажма судовая** – судостр., **аналогий** – церк.), межспе-

циальная – несколько помет (**бревно** – лесн., строят., **бродок** – плотн., кузн., **бязь** – ткац., портн.), общеспециальная – помет не имеет (**артель**, **валовник**, **береста**) [СПЛ]. Выявленная особенность не является регулярно воспроизводимым принципом. Так, у ряда народных терминов стилистические пометы могут отсутствовать, несмотря на проясненную в определении специализацию (**болонь** – наружные мягкие слои дерева; **весец** – тот, кто взвешивает товар; **винокурня** – помещение, заведение, где изготавливают спиртные напитки), и, напротив, некоторые языковые единицы имеют только одну помету, несмотря на межспециальный характер обозначаемой реалии (**ботник** – (судостр.) небольшая лодка, сделанная из одного дерева; **ворвань** – (рыбол.) жир, вытопленный из морских млекопитающих и рыб; **выкроити** – (сапожн.) выкроить, вырезать) [СПЛ].

В «Словаре золотого промысла Российской Империи» автор предлагает классификацию представленной лексики по характеру обозначаемого объекта, в которую входят наименования 1) промыслов, 2) золотодобывающих предприятий и компаний, 3) разновидностей золота, 4) месторождений и особенностей залегания, 5) золотосодержащих пород, 6) сопутствующих золоту пород, а также пород, из которых извлекли золото, 7) горных выработок, 8) горной крепи, 9) производственных процессов и трудовых действий, 10) специальных приспособлений, механизмов и деталей к ним, 11) орудий труда, 12) емкостей, используемых при добыче, транспортировке и хранении горных пород и золота, 13) транспортных средств, используемых на золотых промыслах, 14) лиц по чинам, должностям, профессиям и занятиям, 15) золотоискательных партий и золотодобывающих коллективов, 16) помещений специального назначения, 17) разведанных золотоносных участков и их границ, 18) традиций, условий работы и формы оплаты труда, 19) единиц измерения, а также отдельные термины, относящиеся к пробирному делу [Борхвальд 1998: 213–238]. Как видно из этого перечня, в Словарь вошла лексика всех этапов «золотого дела»: от добычи до обработки. Автор не избегает межотраслевой лексики: словарный материал отражает производственные связи разных отраслей хозяйственной деятельности.

Что касается энциклопедических словарей специальной лексики, то наиболее близким рассматриваемому материалу является «Горный словарь» Г. Спасского. В нем собраны слова, «более употребляемая в техническом смысле, нежели в обыкновенном их значении» [Спасский 1841: 10]. Авторская позиция в отношении отбора слов тяготеет к возможной краткости: в сло-

варь включена только та лексика, которая по наблюдениям ученого была наиболее употребительной в речи горных служителей. Принцип краткости отразился и на отборе соответствующих горному промыслу реалий: описанию поддавались только те объекты и процессы производственной действительности, которые были наиболее востребованы в хозяйственной деятельности. Автор вполне осознавал, что очень многие реалии горнодобывающей отрасли не получили словесного закрепления на страницах издания, но выражал надежду, что его работа будет продолжена другими исследователями.

Непосредственное отношение к разрабатываемому нами словарю имеет и глоссарий Т. В. Харитоновой, носящий название «Словарь терминов и устаревших слов» и посвященный пермской медной металлургии XIX в. Глоссарий сложно атрибутировать по характеру толкований: в нем отражены и лингвистические (что видно из названия), и энциклопедические принципы (что показывают материалы словарных статей). Однако отбор словарного материала в нем достаточно широкий и не системный. Это заметно уже из того, что специальная лексика словаря подается наряду с церковнокнижными, региональными и общенародными элементами (*амбрух* – горная выработка, где производится ломка камня, добыча руды (рудник, шахта, карьер и т. п.); *абие* (*абье*) – тотчас, немедленно; *багана* – кол, жердь, палка; *аршин* – мера длины, равная 16 вершкам или 28 дюймам или 71,12 сантиметра) [Пермская медь 2016].

Несмотря на указанный недостаток, книга Т. В. Харитоновой выполнила сверхважную задачу в деле популяризации «пермской меди» через слово и историю. Широкая читательская общественность стала относиться к глоссарию как к словарю лексики медного промысла и ссылаться на него в своих исторических разысканиях. Очень быстро появились печатные переиздания и электронные версии глоссария: «Словарь устаревших терминов и слов, употребляемых в Уральских заводах» в книге Т. Н. Токаревой «Заводские: записки краеведа» [Токарева 2013: 1611–190], «Библиография по пермской меди. Словарь терминов и устаревших слов» на сайте общественного интернет-проекта «Ураловед» [Харитонов]. И это при том, что автор не готовил свой словарь с целью обобщения языкового субстрата медной отрасли.

Нам близка позиция Т. В. Харитоновой в отношении того, что пермская медь – это культурный символ прошлого и настоящего [Пермская медь 2016: 21]. Начиная работу над собственным лексикографическим проектом, мы отдаем себе отчет в том, что его значимость не определяется

сугубо лингвистическими задачами. Сегодня отраслевые словари пермских промыслов («Словарь терминов соляного дела» (2010), «Рыболовный словарь Прикамья» (2013), «Охотничий словарь Прикамья» (2014) и др.) превзошли свое первоначальное – диалектологическое – назначение, они стали источниками сведений о региональной идентичности, которая прежде всего отражается в языке коренных жителей. Лексическая проработанность, языковой колорит языка специальной сферы в прошлом и настоящем являются знаковыми формами информации об истории материальной и духовной культуры пермяков. Надеемся, что и задуманный словарь станет основой для освещения данных сфер культурного пространства региона.

Список источников

ВМР – Дело о выплавке медной руды (1783) // ГАПК. Ф. 180. Д. 108.

ГЖ 1 – О вновь открытом медном руднике // ГЖ. Кн. V. СПб.: Военная Тип. Главного Штаба Его Императорского Величества, 1825. С. 155–157.

ГЖ 2а – Описание методов выплавки меди в Богословском заводе // ГЖ. Кн. IX. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1827. С. 59–92.

ГЖ 2б – Описание методов выплавки меди в Богословском заводе // ГЖ. Кн. X. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1827. С. 106–147.

ГЖ 3 – В. Люмбарский. Медная плавка Пермских заводов // ГЖ. Кн. XII. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1827. С. 97–137.

НП – Дело о недостатке провианта и припасов у служащего В. Хомутова (1787). ГАПК. Ф. 180. Д. 127.

СПЛ – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Вып. 1: А–И. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 256 с.

РСС – Дело о составлении росписного сменного списка нерешенных дел служащих, рудников, приисков для управляющего Пыскорским заводом Лукьянова (1803). ГАПК. Ф. 180. Д. 190.

Список литературы

Богданов М. В. Троицкий медеплавильный завод и фабрика посуды Турчанинова. Соликамск, 2012. 64 с.

Борхвальд О. В. Словарь золотого промысла Российской. М.: Русский путь, 1998. 240 с.

Медистые песчаники Пермского края: сб. ст. 1831–1928 гг. Пермь, 2011. 174 с. URL: <http://docplayer.ru/62452427-Medistye-peschaniki-permskogo-kрая.html>. (дата обращения: 12.04.2018).

Охотничий словарь Прикамья. Пермь: Перм. гос. гум.-пед. ун-т, 2013. 215 с.

Пермская медь: обзор литературы: аннот. библиогр. указ. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2016. 1098 с. URL: <http://www.geokniga.org/bookfiles/geokniga-haritonovpermskaya-med.pdf>. (дата обращения: 12.04.2018).

Пыскорский медеплавильный завод: памятники деловой письменности конца XVIII – начала XIX века. Усолье: Усольский ист.-архитект. музей «Палаты Строгановых», 2016. 242 с.

Рыболовный словарь Прикамья. СПб.: Изд-во «Маматов», 2013. 216 с.

Словарь терминов соляного дела // Как в Соли Камской соль варили. URL: http://www.pstroganov.com/files/books/CD_Book.pdf (дата обращения: 28.11.2017).

Спасский Г. Горный словарь. Ч. 1: А–Н. М.: В тип. Николая Степанова, 1841. 284 с.

Столы приходной денежной казны Пыскорской заводской канторы 1741 году. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2016. 300 с.

Токарева Н. Н. Заводские: записки краеведа. СПб.: Изд-во «Маматов», 2013. 192 с.

Харитонов Т. В. Библиография по пермской меди. Словарь терминов и устаревших слов // Сайт «Ураловед». URL: <https://uraloved.ru/geologiya/uralskaya-med/bibliografiya-med-slovar>. (дата обращения: 12.04.2018).

Харитонов Т. В. Медеплавильные заводы Пермского края (краткая справка). Пермь, 2009. 36 с. URL: <https://yadi.sk/i/oN17SjXeG4XQ>. (дата обращения: 12.04.2018).

Чагин Г. Н. Города-заводы. Пермь: Кн. мир, 2011. 584 с.

References

Bogdanov M. V. *Troitskiy medeplavil'nyy zavod i fabrika posudy Turchaninova* [Troitsky copper-smelting plant and Turchaninov dish factory]. Solikamsk, 2012. 64 p. (In Russ.)

Borkhval'd O. V. *Slovar' zolotogo promysla Rossiyskoy Imperii* [The dictionary of gold mining of the Russian Empire]. Moscow, Russkiy put' Publ., 1998. 240 p. (In Russ.)

Medistye peschaniki Permskogo kraya: sbornik statey 1831–1928 gg. [Copper sandstones of the Perm region: collection of articles 1831–1928]. Perm, 2011. 174 p. Available at: <http://docplayer.ru/62452427-Medistye-peschaniki-permskogo-kraya.html>. (accessed 12.04.2018). (In Russ.)

Okhotnichiy slovar' Prikam'ya [The hunting dictionary of Prikamye]. Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University Press, 2013. 215 p. (In Russ.)

Permskaya med': obzor literatury: annot. bibliogr. ukaz. [Permian copper: literature review: annotated bibliography]. Perm, Perm State University Press, 2016. 1098 p. Available at: <http://www.geokniga.org/bookfiles/geokniga-haritonovpermskaya-med.pdf> (accessed 12.04.2018). (In Russ.)

Pyskorskiy medeplavil'nyy zavod: pamyatniki delovoy pis'mennosti kontsa 18 – nachala 19 veka: monografiya [Pyskorsky copper-smelting plant: monuments of business writing of the late 18th – early 19th century: monograph]. Usolye, *Usolye Historic Architectural Museum "Stroganov's Chambers" Publ.*, 2016. 242 p. (In Russ.)

Rybolovnyy slovar' Prikam'ya [The fishing dictionary of Prikamye]. St. Petersburg, Mamatov Publishing, 2013. 216 p. (In Russ.)

Slovar' terminov solyanogo dela [The dictionary of salt mining]. *Kak v Soli Kamской sol' varili* [How salt was produced in Sol Kamskaya]. Available at: http://www.pstroganov.com/files/books/CD_Book.pdf (accessed 28.11.2017). (In Russ.)

Spasskiy G. *Gornyy slovar'* [The Mining Dictionary]. Moscow, Publishing House of Nikolay Stepanov, 1841, pt. 1. А–N. 284 p. (In Russ.)

SPL – Slovar' promyslovoy leksiki Severnoy Rusi 15–17 vv. [The Dictionary of professional vocabulary of North Russia of the 15th–17th centuries.]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003, issue А-I. 256 p. (In Russ.)

Stolp prikhodnoy denezhnoy kazny Pyskorskoy zavodskoy kantory 1741 godu: monografiya [Documents on revenue of the Pyskorsk factory in 1741: monograph]. Perm, Perm State University Press, 2016. 300 p. (In Russ.)

Токарева Н. Н. *Zavodskie: zapiski kraevedy* [Factory workers: a local historian's notes]. St. Petersburg, Mamatov Publishing, 2013. 192 p. (In Russ.)

Харитонов Т. В. Библиография по пермской меди. Словарь терминов и устаревших слов [Bibliography of Permian copper. The dictionary of terms and obsolete words]. Сайт «Ураловед» [The site «Uraloved»]. Available at: <https://uraloved.ru/geologiya/uralskaya-med/bibliografiya-med-slovar> (accessed 12.04.2018) (In Russ.)

Харитонов Т. В. *Medeplavil'nye zavody Permskogo kraya (kratkaya spravka)* [Copper-smelting plants of the Perm region (brief information)]. Perm, 2009. 36 p. Available at: <https://yadi.sk/i/oN17SjXeG4XQ> (In Russ.) (accessed 12.04.2018)

Чагин Г. Н. *Goroda-zavody* [Towns-factories]. Perm, Knizhnyy mir Publ., 2011. 584 p. (In Russ.)

ON THE LEXICO-THEMATIC BOUNDARIES OF THE DICTIONARY
OF COPPER-SMELTING TERMINOLOGY OF THE PERM PROVINCE
(Late 18th–19th Century)

Liliya M. Panteleeva

Associate Professor in the Department of Social Sciences and the Humanities

Solikamsk State Pedagogical Institute of Perm State University (branch)

44, Severnaya st., Solikamsk, 618540, Russian Federation. liliya_pant@mail.ru

SPIN-code: 2411-1021

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5815-1288>

ResearcherID: K-9889-2017

Submitted 13.04.2018

This article describes the system-lexicological basis of the project *Dictionary of Copper-Smelting Terminology of the Perm Province at the end of the 18th–19th Centuries*, which is close in its content to the lexicographic group of special, regional and historical publications.

The main problem solved in this article is the determination of the lexico-thematic boundaries of the special language used in the copper-smelting sphere. To that end, the author determines the correspondence between the features of the technological organization of Perm copper-processing enterprises in the late 18th and 19th centuries and the nature of the lexicon of various special spheres.

Based on the result of analysis, the author comes to the conclusion that the system of special vocabulary of copper-smelting has a field structure. The core of the field is formed by the vocabulary of the main production process, the near periphery – by the vocabulary of auxiliary production processes, the far periphery – by separate categories of the vocabulary of servicing production processes. In each category of the conceptual field, it is possible to distinguish lexical groups that denote different realities of material and performing techniques. In the author's opinion, the results of this lexicological analysis should form the basis for the lexicographic principles of selecting lexicon from sources.

The reliability of the indicated lexicographic concept is confirmed by its correlation with the principles of publishing linguistic dictionaries of special vocabulary of the past (*Dictionary of Professional Lexicon of North Russia in the 15th–17th centuries*, 2003), *Dictionary of Gold Mining of the Russian Empire*, 1998), historical encyclopedic dictionaries of the mining industry (*Mountain Dictionary*, 1841), and glossary-type materials devoted to historical descriptions of the copper industry of the Prikamye (*Dictionary of Terms and Obsolete Words*, 2016).

Key words: special vocabulary; regional vocabulary; lexico-thematic classification; historical dictionary; copper-smelting industry.

УДК 811.161.1'367.62

doi 10.17072/2037-6681-2018-3-89-97

ВИДЫ ГЛАГОЛОВ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Чинция Челоне

преподаватель русского языка

Лицей иностранных языков им. Примо Леви (MITD330007)

20021, Италия, г. Боллате, ул. Варалли, 20. cencious86@yahoo.it

SPIN-код: 8208-9076

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1292-8562>

ResearcherID: M-7227-2018

Статья поступила в редакцию 22.06.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:*Челоне Ч.* Виды глаголов повелительного наклонения в прагматическом аспекте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 89–97. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-89-97**Please cite this article in English as:**Celone C. Vidy glagolov povelitel'nogo nakloneniya v pragmaticheskom aspekte [Imperative Verb Aspects: a Pragmatic Approach]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 89–97. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-89-97 (In Russ.)

Изучение видовых различий русских глаголов повелительного наклонения требует «выхода» за рамки системы языка в область экстралингвистических факторов коммуникации, т. е. в прагматику речевой деятельности. В статье несовершенный и совершенный виды глагола-императива рассматриваются в аспекте их включенности в директивный речевой акт. Видовая принадлежность глагола является значимым компонентом прагматического содержания побудительного высказывания. Грамматические значения видов (длительность, процессуальность, многократность, повторяемость действия – для несовершенного вида; результативность, однократность, локализованность действия во времени, последовательность действий – для совершенного вида) являются первичными, условно-прагматическими видовыми значениями глаголов повелительного наклонения, репрезентирующих каузируемое действие в директивном речевом акте. Под влиянием экстралингвистических факторов коммуникации семантика видов обогащается дополнительными, собственно-прагматическими значениями. В подклассе реквестивных речевых актов – просьбе, мольбе и приглашении – собственно-прагматическими значениями видов являются значения ожидаемости и неожиданности действия со стороны адресата. Совокупность прагматических значений, реализованных во всех директивных речевых актах, составляет прагматический потенциал несовершенного и совершенного видов глаголов повелительного наклонения. Изучение функционирования видов императива с учетом ситуативного фона речевого акта позволяет углубить и уточнить представления о сущности видового противопоставления при выражении побуждения к действию. В практическом плане лингвопрагматическая концепция видовых различий императива может способствовать усовершенствованию методики преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: виды русского глагола; императив; прагматика вида; прагматические значения видов; директивные речевые акты; реквестивы; речевой акт просьбы; речевой акт мольбы; речевой акт приглашения.

Вопрос об употреблении совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) видов глагола в форме повелительного наклонения привлекал внимание многих ученых. Этот вопрос входит в широкую проблематику изучения аспектуальности как од-

ной из самых сложных грамматических категорий русского глагола, исследованию которой посвящены многочисленные работы российских и зарубежных лингвистов [Авилова 1976; Бондарко 1971, 1983, 2001; Васильев 1981; Гуревич

1994; Зализняк 2000; Карпухин 2008; Маслов 2004; Плунгян 2001; Шведова 1984; Gebert 2014; Norrger 1982 и др.]. Как отмечает А. Тимберлейк, «сложность описания и теоретического осмысления славянского вида обусловлена тем, что здесь приходится обращаться сразу ко многим языковым уровням» (цит. по: [Карпухин 2008: 5]). В межуровневом статусе вида заключается одна из главных причин сложности этой категории.

В ряде трудов специальным предметом анализа стали видовые различия русских глаголов повелительного наклонения [Исаченко 1962; Маслов 1962; Бондарко 1965; Рассудова 1968 и др.]. Одной из первых в рустике идею о зависимости значений повелительного наклонения от видовой принадлежности глагола высказала О. П. Рассудова. По ее мнению, вид является выразителем определенных экспрессивно-модальных значений императива: побуждения собеседника к действию, просьбы совершить действие, передать совет, распоряжение, разрешение, приказ, требование. Одни из этих значений закреплены за несовершенным видом, другие – за совершенным [Рассудова 1968: 101]. С этим утверждением автора можно согласиться лишь отчасти, поскольку закрепленность отмеченных значений за тем или другим видом весьма относительна.

Достоинством концепции О. П. Рассудовой является обоснование роли речевой ситуации в репрезентации видовых различий глаголов повелительного наклонения, а именно: «Анализ побуждения неразрывно связан с характером речевой ситуации и, собственно, без анализа речевой ситуации не может быть раскрыто» [там же]. Вместе с тем «экспрессивно-модальные значения», о которых пишет автор, по существу представляют собой не что иное, как директивные речевые акты (ДРА), которые вряд ли могут быть определены и разграничены лишь на основе видовой принадлежности глагола. Как показало проведенное нами исследование, глаголы СВ активно используются в советах, просьбах, приказах, распоряжениях, разрешениях, предложениях и других ДРА. Кроме того, с учетом достижений современной лингвопрагматики вряд ли правомерно отождествлять речевой акт и экспрессивно-модальное значение языковой единицы.

Хотя в теории аспектуальности на основе функционально-семантического подхода определена категориальная семантика глаголов обоих видов, проблема изучения исключительно богатого и неоднородного содержания, которое выражается видом или с участием вида, остается актуальной. Так, И. Б. Шатуновский подчеркивает, что «насушной задачей современной аспектологии является создание максимально широкого... описания этой категории, соединяющего

общий взгляд и внимание ко всем частностям и деталям» [Шатуновский 1997: 225].

В докторской диссертации С. А. Карпухина обоснован лингвопрагматический подход к интерпретации категории вида. Исследователь считает, что «сущность видового противопоставления лежит не в характере самого действия, а в его **отношении к ситуативному фону** (выделено нами. – Ч. Ч.)» [Карпухин 2008: 8]. По мнению автора, «именно этот подход обещает быть более плодотворным, чем традиционный» [там же].

Мы полагаем, что изучение функционирования видов императива с учетом прагматического содержания речевого акта позволит углубить и уточнить представления о сущности видового противопоставления при выражении побуждения к действию. В практическом плане лингвопрагматический подход к разграничению видов вытекает из острой потребности усовершенствовать методику обучения русскому глагольному виду инофонов в рамках преподавания РКИ.

Представим наше понимание прагматики вида применительно к императивным глаголам.

Мы исходим из того, что в форме повелительного наклонения грамматические значения видов сохраняются. Если глаголам СВ свойственно выражение результативных, однократных, локализованных во времени действий (см.: [Шмелев 1959; Бондарко 1971: 11–21 и др.]), то такие же видовые значения реализуются при функционировании глаголов в форме повелительного наклонения. Если глаголы НСВ обозначают длительно-процессуальные, повторяющиеся, многократные действия [там же], то такие же видовые значения обнаруживаются и в повелительном наклонении.

Иначе говоря, категориальное значение оказывает закономерное влияние на выбор говорящим того или иного вида императива в любой коммуникативной ситуации. С учетом этого категориальную (грамматическую) семантику вида можно считать его **первичным, условно-прагматическим значением** – обязательным, однако не всегда достаточным для выражения коммуникативного намерения и мотивов говорящего в акте побуждения к действию. Мы называем категориальную семантику вида условно-прагматической на том основании, что овладение грамматикой языка относится к базовому – вербально-семантическому – уровню языковой личности как «совокупности способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений» [Караулов 1987: 26]. Рассмотрим следующие примеры:

- 1) – *Можно тебя проводить?* – *Проводи.*
- 2) – *Можно тебя проводить?* – *Провожай.*

В первом примере характер действия, выраженного глаголом *проводи*, полностью «вписывается» в категориальную семантику СВ, так как глагол репрезентирует результитивное, однократное, локализованное во времени действие. В данном случае грамматическое значение СВ, которое в речевом акте реализуется как первичное прагматическое значение, полностью удовлетворяет коммуникативные потребности говорящего.

Во втором примере в той же ситуации говорящий использует глагол НСВ *провожай*, выражая скорее вынужденное согласие, если не равнодушие, по отношению к адресату. Очевидно, что здесь категориальная семантика НСВ (процессуальность, повторяемость, многократность действия) противоречит однократности каузируемого действия, ведь речь по-прежнему идет о конкретном «провождении». Значит, в этом случае на выбор именно НСВ оказывают влияние определенные прагматические факторы коммуникативной ситуации, которые как бы вытесняют категориальную семантику НСВ. Важнейшим из этих факторов в данном речевом акте является незаинтересованность говорящего в выполнении запрашиваемого собеседником действия.

О недостаточности только грамматической семантики для выражения коммуникативного намерения субъекта речи свидетельствует также явление конкуренции видов – «взаимозаменяемость видов, не сопровождаемая изменением основного смысла высказывания» [Бондарко 1971: 36]. Если бы различия в категориальной семантике видов обеспечивали выражение всех значимых прагматических смыслов высказывания, то конкуренция видов была бы невозможна.

С учетом вышесказанного для объяснения видовых различий императива, которые проявляются в речевом общении, требуется «выход» за рамки системы языка в область экстралингвистических факторов коммуникации, т. е. в прагматику речевой деятельности. Можно предполагать, что экстралингвистические факторы речевого акта обуславливают формирование у видов **дополнительных, собственно-прагматических** значений, связанных с выражением коммуникативного намерения говорящего в конкретной ситуации. Собственно-прагматические значения видов соотносятся с более высоким – мотивационным – уровнем языковой личности, компоненты которого, по мнению Ю. Н. Караулова, проявляются в «коммуникативно-деятельностных потребностях» индивида [Караулов 1987: 28].

При изучении прагматики видов, характеризующей директивные речевые акты, мы исходим из принципов системного исследования, которые требуют, во-первых, анализа отдельных прагма-

тических значений СВ и НСВ, выявляющих существенные особенности речевого акта, и, во-вторых, последующего синтеза прагматических значений в целостную систему. Представляется, что оптимальным способом описания такого сложного объекта, как прагматика вида, является моделирование его прагматического потенциала.

Модель является «такой мысленно представляемой или материально реализованной системой, которая должна не только отображать или воспроизводить объект, но и быть способной замещать его так, чтобы изучение этой модели давало новую информацию о моделируемом объекте» [Штофф 1966: 19]. При этом объект в процессе моделирования, с одной стороны, неизбежно упрощается, с другой – становится более жестко организованным. Так, Ю. М. Лотман, отмечая необходимость абстрагирования от некоторых «незначительных» признаков объекта в процессе его моделирования, апеллирует к позиции Ф. де Соссюра, который при описании синхронного состояния языка призывал отвлекаться от «маловажных» диахронических изменений «подобно тому, как математики при некоторых операциях, например при вычислении логарифмов, пренебрегают бесконечно-малыми величинами» [Лотман 1992: 91]. Определенное упрощение объекта в процессе моделирования «не может в принципе встретить возражений, поскольку подобное искажение объекта в результате его описания представляется закономерным» [там же: 91–92].

С нашей точки зрения, моделирование прагматического потенциала императивных видов в условиях их употребления в ДРА соответствует позиции И. А. Мельчука, которую мы поддерживаем. Исследователь подчеркивает, что «одной из центральных задач современной лингвистики является... построение функциональных моделей языка – действующих моделей типа «Смысл ↔ Текст» [Мельчук 1999: 14]. Разрабатываемая нами в рамках лингвопрагматики модель видовых различий русских глаголов повелительного наклонения, употребляемых в директивных речевых актах, позволит установить закономерности прагматического фокусирования интенции говорящего при выражении побуждения адресата к действию.

Подчеркнем, что мы рассматриваем вид глагола в аспекте его включенности в речевой акт, детерминированный комплексом экстралингвистических факторов коммуникации. В связи с этим закономерно предположить, что в ДРА видовая принадлежность императива соотносится с прагматическими признаками конкретного речевого акта, отражающими психологические и социальные отношения между адресантом и адресатом.

Коммуникативное намерение субъекта речи, которое проецируется в сферу языка, получает в директивных речевых актах конкретный способ языковой номинации, в том числе посредством совершенного или несовершенного вида императивного глагола, обладающих определенной иллокутивной силой. Совокупность прагматических значений вида, реализованных во всех речевых актах, формирует его прагматический потенциал.

Мы придерживаемся общепринятой классификации речевых актов Дж. Серля, который выделил репрезентативы, директивы, декларативы, комиссивы и экспрессивы [Searle 1976]. В дальнейшем Е. И. Беляева при изучении директивных речевых актов разделила их на три подкласса: *прескриптивы*, *реквестивы* и *суггестивы* [Беляева 1992]. Иллокутивная сила директивных речевых актов, по Серлю, заключается в побуждении слушающего совершить определенное (каузируемое) действие и тем самым «приспособить мир к словам». Психологическое состояние субъекта речи, совершающего директивный речевой акт, в целом соотносится с желанием говорящего, чтобы адресат выполнил его волю [там же: 1–23]. Развивая приведенные положения лингвопрагматики, обоснуем идею о том, что вид императива играет важную роль в прагматическом фокусировании коммуникативного намерения говорящего в акте волеизъявления.

Понятие прагматического фокусирования введено в лингвопрагматику Т. А. ван Дейком, по мнению которого в текстовом пространстве существует некий центр видения, смещающий акценты в соответствии со значимостью того или иного языкового явления в текстовой системе. Ван Дейк считает, что при передаче информации в тексте некоторые ее фрагменты получают «специальную обработку вниманием», т. е. какому-либо объекту отводится привилегированное место, вследствие чего этот объект находится в фокусе и выделяется из множества других, образующих его окружение [ван Дейк 1978: 316]. Прагматический фокус, по ван Дейку, обеспечивает внимание адресата.

Понятие прагматического фокусирования получило развитие в ряде лингвистических работ (см., напр.: [Богданова 2000; Чернявская 2014; Цин 2018]). Так, в исследовании О. А. Богдановой прагматическое фокусирование рассматривается как «иерархизированная система формально-содержательных способов привлечения внимания читателя путем акцентирования текстовых элементов, несущих наиболее значимую информацию» [Богданова 1999: 4]. В диссертации Ян Цин в качестве средств прагматического фокусирования в жанре лекции изучаются фигу-

ры речи и приемы диалогизации [Цин 2018]. В. Е. Чернявская отмечает, что прагматическое фокусирование является интегративным, генерализующим понятием [Чернявская 2014: 215]. Мы разделяем эту точку зрения и считаем возможным экстраполировать понятие прагматического фокусирования на область речевых актов.

По нашему мнению, в директивных речевых актах на русском языке прагматическим фокусом высказывания является именно видовая принадлежность глагола повелительного наклонения. Для аргументации этого тезиса представим закономерности употребления императивных глаголов совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) вида в реквестивных речевых актах просьбы, мольбы и приглашения.

ДРА просьбы является ядерным речевым актом реквестивов, поскольку ему присущи все прагматические признаки, характеризующие данный подкласс: 1) каузируемое действие необлигаторно, т. е. не подлежит обязательному выполнению адресатом; 2) говорящий занимает неприоритетную позицию по отношению к адресату; 3) хотя каузируемое действие бенефактивно (желательно) для говорящего, решение о его выполнении или невыполнении лежит на адресате [Беляева 1992: 15].

Обращаясь к слушателю с просьбой, говорящий надеется на выполнение каузируемого действия и для него важен результат этого действия, т. е. реализация просьбы. Данная существенная характеристика речевого акта просьбы репрезентируется глаголами СВ, посредством которых передается результативность, однократность и локализованность действия во времени. Обычно эти значения СВ получают эксплицитную поддержку в контексте высказывания. Приведем примеры (глаголы выделены полужирным шрифтом, значимые контекстуальные средства подчеркнуты)¹:

– *Полей, пожалуйста, сегодня вечером цветочки.*

– *Перед началом работы **проветри** помещение.*

– ***Расскажите** мне о вашей работе!*

В том случае, если просьба связана с выполнением повторяющегося, многократного или длительного действия, используются глаголы НСВ, например:

– *На следующей неделе меня не будет дома, **поливай** цветочки каждый вечер, пожалуйста.*

– *Перед началом работы **проветривай** помещение.*

– *Ну, что вы остановились? **Продолжайте**, я вас слушаю.*

– ***Читайте, читайте**, мне очень интересно.*

Грамматические значения видов, названные нами условно-прагматическими, в речевом акте просьбы дополняются собственно-прагматическими значениями. Так, императив СВ используется для побуждения адресата к выполнению неожиданного действия, т. е. такого, которое не было предметом его мысли и о котором ранее не шла речь. Обычно в контексте побудительного высказывания неожиданную просьбу «поддерживает» объяснение ее причин и выражение заинтересованности говорящего в совершении казулируемого действия. Например:

– ***Открой**, пожалуйста, окно, в комнате душно!*

– ***Передай**, пожалуйста, эту книгу Маше. Она одолжила ее мне месяц назад, и с тех пор я ее не видел и не смог вернуть.*

– ***Включи** телевизор! Через пять минут начнется последний фильм Бреда Пита, надо обязательно его посмотреть.*

Императив НСВ используется для побуждения адресата к выполнению ожидаемого действия, просьба о котором уже подготовлена контекстом либо является стандартной в определенной ситуации. Например:

– Студент входит в аудиторию, где идет экзамен, и подходит к столу, на котором лежат билеты. Очевидно, что он должен взять билет. Преподаватель, обращаясь к студенту, говорит в этом случае: ***Берите** билет.*

– В магазине покупатель говорит продавцу: – *Хорошо, я возьму эти ложки. **Пожалуйста**, выложите двенадцать штук. **Упакуйте** их в коробку.* Ответная реплика продавца: – *Вот чек, **платите!***

– Турист, прогуливаясь по Летнему саду, обращается к прохожему: – *Вы не смогли бы меня сфотографировать? **Минуточку**, я подойду к этой скульптуре. **Готов. Снимайте!***

В подобных ситуациях адресат, подготовленный к выполнению казулируемого действия, ждет речевого сигнала, чтобы начать его. Подтверждением правомерности такой интерпретации приведенных высказываний является возможность трансформации императива в конструкцию «можно + инфинитив глагола», см.:

– *Начинаем второй тур нашей олимпиады. Вы приготовились? **Пять минут** на обдумывание ответов. **Показывайте** ваши ответы.* (Можно показывать)

– *Микрофон включен, – объявил звукорежиссер. – **Говорите!*** (Можно говорить)

– *Все участники хора на месте. **Объявляйте** начало концерта!* (Можно объявлять)

– *Все готовы? Отдохнули? **Делайте** упражнения.* (Можно делать)

Возможность трансформации императивной конструкции в конструкцию с модальным словом *можно* свидетельствует о сближении речевых актов просьбы и разрешения: 1) адресат ждет разрешения говорящего на выполнение казулируемого действия; 2) предполагается обязательность выполнения действия со стороны адресата.

Ожидаемая просьба может сопровождаться выражением нетерпения говорящего, побуждающего адресата поскорее приступить к действию, которое уже *пора* выполнять. Например:

– Подготовившись к ответу, студент садится перед экзаменатором. Экзаменатор говорит студенту: – ***Отвечайте!*** (Пора отвечать)

– Мать говорит ребенку: – *Давно пора делать уроки. **Садись и читай** заданный текст!*

В другом случае, обратившись с неожиданной просьбой и употребив при этом императив СВ, при виде колебаний или нерешительности адресата говорящий повторяет ту же просьбу, используя императив НСВ:

– *Включи, пожалуйста, свет... ну что ж, не услышал, **давай включай!***

– *Запиши мой телефон... Ну, **записывай!***

Таким образом, в ДРА просьбы императив СВ имеет прагматические значения однократности, результативности, локализованности действия во времени, а также неожиданности казулируемого действия. Императив НСВ имеет значения повторяемости и ожидаемости казулируемого действия, при этом последнее значение может иметь модальный оттенок нетерпения или подбадривания.

В прагматическом плане ДРА **мольбы** представляет собой вариант ДРА просьбы, так что акту мольбы присущи те же признаки: 1) казулируемое действие не подлежит обязательному выполнению адресатом (наоборот, иногда мольба вызвана сопротивлением адресата удовлетворить желание говорящего); 2) позиция говорящего по сравнению с позицией адресата неприоритетная, поскольку говорящий зависит от воли адресата; 3) казулируемое действие желательно для говорящего, но иногда нежелательно для адресата.

Основным условно-прагматическим значением СВ при выражении мольбы является результативность казулируемого действия. В акте мольбы говорящий полностью полагается на адресата, однако по сравнению с просьбой в мольбе наблюдается более высокий уровень иллюкативной силы, ведь порой от выполнения казулируемого действия может зависеть жизнь говорящего. Основным различием между ДРА просьбы и ДРА мольбы является психологическое состояние адресанта, который в мольбе максимально экспрессивно выражает свою зависимость от во-

ли адресата и высокую потребность в осуществлении каузируемого действия. Именно глаголы СВ, способные выражать результативное действие, эксплицируют данную иллюкцию.

Сравним следующие предложения:

– **Помоги** мне решить это задание. (просьба)

– **Вернись** домой раньше сегодня вечером, мне нужна твоя помощь. (просьба)

– **Спаси** меня от очередной встречи с твоей матерью. (просьба)

– *Прошу тебя, **помоги** мне ради бога, я умираю!* (мольба)

– Она ждала на груди руки и проговорила с мольбой: – *Мосье Лантев, **спасите** моих детей!* (Чехов) (мольба)

– **Вернись** обратно, Витингтон, о Витингтон, **вернись** обратно! (Катаев) (мольба)

– **Помогите, спасите** в эту трудную минуту мое честное имя! (Павлов) (мольба)

Об аффективном эмоциональном состоянии говорящего в ДРА мольбы свидетельствует восклицательная интонация, контекстные средства (прежде всего эмоциональные междометия и форма 1 лица перформативных глаголов), а также повторы императива СВ, усиливающие интенсивность волеизъявления. Приведем примеры:

– *Анна Николаевна, Ася, – твердил я, – пожалуйста, умоляю вас, ради бога, **перестаньте**...* (Тургенев)

– **Помоги** мне. Я прошу тебя. **Помоги** мне. (Геласимов)

– *Я прошу Тебя: дай мне силу и дай мне желание спасти человека, имя которого Ты знаешь.* (Азольский)

– *Тогда, прошу тебя, **отпусти** меня, дай мне наконец свободу жить, дышать воздухом.* (Булгаков)

– *Люблю только тебя, умоляю, **прости, прими!*** (Грекова)

При использовании в ДРА мольбы императивных глаголов с отрицанием НСВ употребляется в том случае, когда адресат намерен совершить нежелательное для говорящего действие, например:

– *И умоляю, никому **не говорите!** Вы этого не слышали.* (Туркова)

– *Гражданин начальник, умоляю, **не пишите** это в протоколе!* (Виноградов)

Вместе с тем в религиозном речевом жанре **молитвы**, прагматическим ядром которого является акт мольбы, наблюдается использование императивов СВ, см.: *не оставь* меня, грешного; *не введи* нас во искушение; *не дай* лукавому демону обладать мною и др. Вероятно, данный случай можно считать стилистическим вариантом мольбы.

Таким образом, значение результативности, грамматически свойственное глаголам СВ, в речевом акте мольбы полностью удовлетворяет прагматические потребности говорящего.

Речевой акт **приглашения** репрезентирует все прагматические признаки, характеризующие класс реквестивов, однако, как отмечает Е. И. Беляева, по линии бенефактивности действия в приглашении совмещаются признаки реквестивов и суггестивов, поскольку каузируемое действие одновременно желательно для говорящего и приятно или полезно для адресата [Беляева 1992: 19]. В приглашении существенную роль играет параметр пространства: как правило, говорящий заинтересован в прибытии адресата в определенное место, поэтому приглашение последовательно выражается глаголами движения.

Речевой акт приглашения реализуется в ситуациях приема гостей и осуществляется только с помощью глаголов НСВ. Например:

– Принимая гостей, хозяйка говорит: – **Входите! Заходите, заходите! Проходите** в комнату!

– *Здравствуйте, Николай Петрович! Рады вас видеть! **Проходите, раздевайтесь.***

– *Пожалуйста, **заходите**, директор ждет вас!*

– **Проходите**, знакомьтесь. Это наши старые друзья.

– *Жить вы будете у нас. Что же вы стоите? **Заходите, раздевайтесь, вешайте плащ.** Вот ваша комната. **Проходите, устраивайтесь.***

Хотя в приведенных примерах использованы глаголы НСВ, этот выбор не детерминирован грамматическими значениями данного вида, так как каузируемое действие не повторяется и не является многократным или длительным. Выбор НСВ обусловлен здесь готовностью адресата к восприятию приглашения, поэтому главную роль играет собственно-прагматическое значение ожидаемости действия, которое формируется именно в данной коммуникативной ситуации и которое способен передать именно НСВ.

Сравним следующие предложения:

– **Зайдите** ко мне в конце недели, я сообщу вам наше решение.

– **Заходите** ко мне в конце недели.

Во втором примере НСВ выражает приглашение, тогда как в первом примере – просьбу или, в зависимости от контекста, разрешение. Аналогичные значения НСВ наблюдаются в следующем примере:

В дверь стучат. – **Войдите!** (СВ выражает разрешение совершить действие)

Сергей стучит в дверь. Валя говорит: – **Входи, Сережа!** (НСВ выражает приглашение)

Как видим, в ДРА приглашения собственно-прагматическим значением НСВ также является ожидаемость каузируемого действия адресатом. Поскольку ситуации, в которых репрезентируется это значение, регулируются правилами этикета, можно признать наличие в этом значении дополнительного модального оттенка этикетности.

Таким образом, в форме повелительного наклонения, как и в формах других наклонений, глаголы СВ и НСВ сохраняют свои категориальные (грамматические) значения, названные нами условно-прагматическими: императивы НСВ выражают *длительно-процессуальные, повторяющиеся, многократные* действия, императивы СВ – *результативные, однократные, локализованные во времени* действия. Однако в условиях функционирования в директивных речевых актах у императивных видов формируются дополнительные, собственно-прагматические значения, которые выдвигаются в сильную позицию высказывания под воздействием экстралингвистических факторов речевого акта. Собственно-прагматические значения видов конкретизируются в понятиях ожидаемого и неожиданного действия с точки зрения адресата побуждения. Именно ожидаемость / неожиданность побудительного действия является объектом прагматического фокусирования говорящего.

Изучение функционирования видов императива с учетом ситуативного фона речевого акта позволяет углубить и уточнить представления о прагматической сущности видового противопоставления при выражении побуждения к действию. В практическом плане лингвопрагматическое объяснение видовых различий глаголов повелительного наклонения может способствовать развитию грамматических и речевых навыков инофонов, изучающих русский язык как иностранный.

Примечание

¹ В статье приводятся примеры из Национального корпуса русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.04.2018).

Список литературы

Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 328 с.
Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. 168 с.
Богданова О. А. Цвето- и светообозначение как одна из форм прагматического фокусирования в структуре художественного текста: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999. 202 с.
Бондарко А. В. О системе анализа семантики глагольного вида // Труды аспектологического

семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Изд-во МГУ, 2001. Т. 1. С. 6–18.

Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 208 с.

Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.

Бондарко А. В. Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола // Ученые записки Института славяноведения. Т. XXIII. М.: Изд-во АН СССР, 1965. С. 179–203.

Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: Высш. шк., 1981. 184 с.

Гуревич В. В. Глагольный вид в русском языке. М.: ФЛИНТА, 2018. 224 с.

Дейк ван Т. А. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.8: Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 259–336.

Зализняк А. А. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки рус. культуры, 2000. 221 с.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Т. II: Морфология. Братислава: Изд-во Словацкой Академии наук, 1960. 570 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.

Карпухин С. А. Семантика русского глагольного вида: дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2008. 329 с.

Лотман Ю. М. Динамическая модель семиотической системы // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 90–101.

Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки слав. культуры, 2004. 840 с.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – текст». М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 346 с.

Плунгян В. А. Вид и типология глагольных систем // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Изд-во МГУ, 2001. Т. 1. С. 173–190.

Рассудова О. П. Употребление видов глагола в русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1968. 140 с.

Цин Я. Приемы речевого воздействия в жанре лекции (стилистические фигуры, способы диалогизации): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2018. 188 с.

Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Directmedia, 2014. 267 с.

Шатуновский И. Б. Императив и вид // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: МАКС Пресс, 2004. Т. 4. С. 253–280.

Шведова Л. Н. Трудные случаи функционирования видов русского глагола: (К проблеме конкуренции видов). М.: Изд-во МГУ, 1984. 109 с.

Шмофф В. А. Моделирование и философия. М.; Л.: Наука, 1966. 302 с.

Gebert L. L'imperfetto 'narrativo' romanzo e l'imperfetto 'generale fattivo' slavo: un confronto // L'architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi / a cura di Inkova O. et al. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2014. P. 9–20.

Hopper P. Aspect between discourse and grammar: an introductory essay for the volume // Tense-aspect: between semantics and pragmatics / Paul J. Hopper (ed.) Amsterdam, 1982. P. 3–18.

Searle J. R. A. Classification of Illocutionary acts // Language in Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. Vol. 5, № 1. P. 1–23.

References

Avilova N. S. *Vid glagola i semantika glagol'nogo slova* [The verb aspect and verb semantics]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 328 p. (In Russ.)

Belyaeva E. I. *Grammatika i pragmatika pobuzhdeniya: angliyskiy yazyk* [Grammar and pragmatics of imperativeness: English]. Voronezh, Voronezh State University Press, 1992. 168 p. (In Russ.)

Bogdanova O. A. *Tsveto- i svetooboznachenie kak odna iz form pragmaticheskogo fokusirovaniya v strukture khudozhestvennogo teksta*. Dis. kand. filol. nauk [Color and light designation as one of the forms of pragmatic focusing in the fiction text structure. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 1999. 202 p. (In Russ.)

Bondarko A. V. O sisteme analiza semantiki glagol'nogo vida [On the system of analyzing the verb aspect semantics]. *Trudy aspektologicheskogo seminaru filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova* [Proceedings of Aspectological Seminar of Philological Faculty at Lomonosov Moscow State University]. Moscow, Moscow State University Press, 2001, vol. 1, pp. 6–18. (In Russ.)

Bondarko A. V. *Printsipy funktsional'noy grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of functional grammar and issues of aspectology]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 208 p. (In Russ.)

Bondarko A. V. *Vid i vremya russkogo glagola (znachenie i upotreblenie)* [The verb aspect and tense of the Russian verb (meaning and use)]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1971. 239 p. (In Russ.)

Bondarko A. V. Opyt obshchey kharakteristiki vidovogo protivopostavleniya russkogo glagola [Experience of characterizing the Russian verb aspect opposition]. *Uch. zap. in-ta slavyanovedeniya* [Scientific notes of the institute of Slavic studies]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publishing House, 1965, vol. XXIII, pp. 179–203. (In Russ.)

Vasil'ev L. M. *Semantika russkogo glagola* [Russian verb semantics]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1981. 184 p. (In Russ.)

Gurevich V. V. *Glagol'nyy vid v russkom yazyke* [Verb aspect in the Russian language]. Moscow, FLINTA Publ., 2018. 224 p. (In Russ.)

Dijk van T. A. Voprosy pragmatiki teksta [Issues of text pragmatics]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New Horizons in Foreign Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1978, vol. 8. Lingvistika teksta [Text Linguistics], pp. 259–336. (In Russ.)

Zalzyayak A. A. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to the Russian aspectology]. Moscow, LRC Publishing House, 2000. 221 p. (In Russ.)

Isachenko A. V. *Grammaticheskii stroy russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim* [Russian grammar in comparison to Slovakian's]. Bratislava, Slovak Academy of Sciences Publ., 1960, vol. 2. Morfologiya [Morphology]. 570 p. (In Russ.)

Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and Linguistic Personality]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 261 p. (In Russ.)

Karpukhin S. A. *Semantika russkogo glagol'nogo vida*. Dis. dokt. filol. nauk [Semantics of the Russian verb aspect. Dr. philol. sci. diss.]. Samara, 2008. 329 p. (In Russ.)

Lotman Yu. M. Dinamicheskaya model' semioticheskoy sistemy [The dynamic model of semiotic system]. *Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i* [Lotman Yu. M. Selected Articles]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992, vol. 1, pp. 90–101. (In Russ.)

Maslov Yu. S. *Izbrannye trudy: Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected Works: Aspectology, Studies in General Linguistics]. Moscow, LRC Publishing House, 2004. 840 p. (In Russ.)

Mel'chuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modeley «Smysl – tekst»* [Experience of the linguistic models theory “Meaning – Text”]. Moscow, LRC Publishing House, 1999. 346 p. (In Russ.)

Plungyan V. A. Vid i tipologiya glagol'nykh sistem [Verb aspect and typology of verbal systems]. *Trudy aspektologicheskogo seminaru filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova* [Proceedings of Aspectological Seminar of Philological Faculty at Lomonosov Moscow State University]. Moscow, Moscow State University Press, 2001, vol. 1, pp. 173–190. (In Russ.)

Rassudova O. P. *Upotreblenie vidov glagola v russkom yazyke* [The use of verb aspects in the Russian language]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1968. 140 p. (In Russ.)

Tsin Ya. *Priemy rechevogo vozdeystviya v zhanre lektsii (stilisticheskie figury, sposoby dialogizatsii)*. Dis. kand. filol. nauk [Techniques of linguistic manipulation in the genre of lecture] (stylistic figures,

means of dialogization). Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2018. 188 p. (In Russ.)

Chernyavskaya V. E. *Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Linguistics of text: multicode system, intertextuality, interdiscursivity]. Moscow, Directmedia Publ., 2014. 267 p. (In Russ.)

Shatunovskiy I. B. Imperativ i vid [Imperative and verb aspect]. *Trudy aspektologicheskogo seminara filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova* [Proceedings of Aspectological Seminar of Philological Faculty at Lomonosov Moscow State University]. Moscow, MAKS Press, 2004, vol. 4, pp. 253–280. (In Russ.)

Shvedova L. N. *Trudnye sluchai funktsionirovaniya vidov russkogo glagola (k probleme konkurentsii vidov)* [Difficult cases of Russian verb aspects functioning: verb aspects competition]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1984. 109 p. (In Russ.)

Shtoff V. A. *Modelirovanie i filosofiya* [Modelling and philosophy]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 302 p. (In Russ.)

Gebert L. L'imperfetto 'narrativo' romanzo e l'imperfetto 'generale fattivo' slavo: un confront [The narrative imperfect in the Romance languages and the factual imperfective in the Slavic languages]. *L'architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi* [The Text Architecture. Contrastive Studies in the Slavic and Romance Languages]. Alessandria, Edizioni dell'Orso Publ., 2014, pp. 9–20. (In Ital.)

Hopper P. Aspect between Discourse and Grammar: an Introductory Essay for the Volume. *Tense-aspect: between Semantics and Pragmatics*. Ed. by Paul J. Hopper. Amsterdam, John Benjamins Publishing, 1982, pp. 3–18. (In Eng.)

Searle J. R. A. Classification of Illocutionary Acts. *Language in Society*. Great Britain, Cambridge University Press, 1976, vol. 5, issue 1, pp. 1–23. (In Eng.)

IMPERATIVE VERB ASPECTS: A PRAGMATIC APPROACH

Cinzia Celone

Russian Language Teacher

Primo Levi Foreign Languages High School (MITD330007)

20, Varalli st., Bollate, 20021, Italy. cencious86@yahoo.it

SPIN-code: 8208-9076

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1292-8562>

ResearcherID: M-7227-2018

Submitted 22.06.2018

In order to understand the differences in the use of the Russian verb aspects, it is necessary to go beyond the bounds of the language system into the field of pragmatics. In this paper, we investigate the pragmatic content of verb aspects in requestive speech acts (one of the three subclasses of directive speech acts), in particular in requests, prayers and invitations. The traditional grammatical meanings of the aspects form the basic pragmatic aspect level, which for the Imperfective aspect represents the expression of repeated, habitual actions or actions in progress which are therefore incomplete, while for the Perfective aspect – the expression of a single completed action with the emphasis on the result. Under the influence of extra linguistic communication factors, first of all the socio-psychological relationship between the speaker and the hearer, the semantics of verb aspects may acquire additional secondary strictly pragmatic meanings, which form the second pragmatic aspect level. In the subclass of requestive speech acts, there are two such meanings – expectedness or unexpectedness of the causative verb to the hearer. These meanings are introduced by the author of the paper as a result of the investigation of imperative sentences from the Russian National Corpus. The summation of the pragmatic meanings proper to all directive speech acts represents the pragmatic potential of imperative verbs aspects. The study of the perfective and imperfective functioning in directive speech acts taking into consideration the extralinguistic background makes it possible to better understand the specific features of Russian verbs aspects. The pragmatic approach to the study of Russian verbs aspects can turn into a new methodology of teaching Russian as a foreign language.

Key words: Russian verb aspects; imperative mood; pragmatics of aspect; pragmatic meanings of aspects; directive speech acts; requestive speech acts; prayer as a speech act; invitation as a speech act.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1(087.5)
doi 10.17072/2037-6681-2018-3-98-107

«ГАЛАНТНЫЙ ДИАЛОГ» И «УЧЕНАЯ БЕСЕДА» С ДЕТСКИМ СОЗНАНИЕМ: ЕКАТЕРИНА II И А. Т. БОЛОТОВ¹

Татьяна Ивановна Акимова

д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68. akimova_ti@mail.ru

SPIN-код: 1592-4053

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-1784>

ResearcherID: J-1391-2018

Статья поступила в редакцию 21.05.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Акимова Т. И. «Галантный диалог» и «ученая беседа» с детским сознанием: Екатерина II и А. Т. Болотов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 98–107. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-98-107

Please cite this article in English as:

Akimova T. I. «Galantnyy dialog» i «uchenaya beseda» s detskim soznaniem: Ekaterina II i A. T. Bolotov [“Gallant Dialogue” and “Scientific Conversation” with Children’s Mind: Catherine II and A. T. Bolotov]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 98–107. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-98-107 (In Russ.)

Исследуются две авторские стратегии, функционирующие в произведениях второй половины XVIII в.: «галантный диалог», утверждаемый императрицей Екатериной II для адресации к просвещаемому ею читателю, и «ученая беседа», используемая А. Т. Болотовым в предназначенном для детей произведении. Каждый из писателей по-разному воспринимает детское сознание. Екатерина, изображая детей – царевича Хлора и царевича Федея, – стилизует произведение под жанр фольклорной сказки, но встраивает в него глубокое содержание: это утопическая модель построения многоуровневого счастливого общества, в котором вершинное место занимает монарх, затем идет двор и аристократия, потом – городское население, самое низшее положение отводится крестьянам. Именно они должны вызывать максимальное уважение у царевича Хлора за их тяжелый труд. А. Т. Болотов, наоборот, в обращении к детскому сознанию подразумевает необходимость адаптации ученых знаний для легкого их усвоения персонажами «Детской философии»: Феонией и Клеоном. Поэтому цель Болотова – педагогическая, которую он реализует через стратегию «ученой беседы», представляющую собой разговор просвещенной матери со своими детьми об устройстве вселенной на прогулке в саду. Писатель объясняет счастье как радость обученного детского сознания понимать законы природы. Цель Екатерины – политическая: она утверждает образ мудрой правительницы, ненавязчиво и шуточно, при помощи «галантного диалога», объясняющей просвещаемым (наследнику и аристократии) путь к счастливой жизни, заключающийся в принятии того социального устройства, которое существует, и в сосредоточении на общечеловеческих моральных заповедях.

Ключевые слова: творчество Екатерины II; «галантный диалог»; «ученая беседа»; творчество А. Т. Болотова; детское сознание; просветительская идеология.

В 1761 г. в русской литературе появляются переводы двух книг, авторы которых активно использовали диалоговые художественные формы для популяризации научных знаний. Первая книга уже была издана в 1740 г., однако в 1756 г. Синод обратился с просьбой к Елизавете Петровне о запрещении ее в России. Несмотря на это, «Разговоры о множестве миров» Б. Фонте-неля (1688), переведенные А. Кантемиром в 1730 г., но не дошедшие до русского читателя [Радовский 1959] из-за представления «коперни-кианской картины мира» [Клейн 2005: 491], были выпущены значительным по тем временам тиражом.

Вторая книга продолжала традицию воспитательной литературы, заложенную Петром I в «Юности честного зеркала» [Данилевский 1995: 113], и представляла собой разговор «госпожи Благоразумовой двенадцати лет» [Лепренс де Бомон 1800: 2] с девочками пяти, семи, десяти, тринадцати лет и учительницей Добронравовой – это «Детское училище» Жанны-Мари Лепренс де Бомон. В этом произведении разговоры детей сменялись рассказами им учительницей сказки и историй из Библии [там же: 18].

Через год [Привалова 1958: 245] после их появления А. Т. Болотов приступает к написанию «Детской философии, или нравоучительных разговоров между одною госпожою и ее детьми, сочиненным для поспешествования истинной пользе молодых людей», в которой ему «хотелось, чтоб дети посредством чтения находящихся в сем сочинении простых и самых детских разговоров, нечувствительно могли получить о самонужнейших к сведению вещах короткие, но колико можно яснейшие и тихие понятия...» [Болотов 1776: 11].

Судя по названию произведения, цель его заключается в воспитании не столько интеллектуальных, сколько нравственно одаренных детей. При этом Болотов уходил от жанровых возможностей сказок: он создавал произведение не просто для детей, а о детях и о переходе от детского, несмысленного поведения к осмысленным делам и поступкам своих маленьких героев. Не случайно автор заостряет внимание на изменившемся отношении пятнадцатилетней Феоны к сказочному жанру: «Бетида: Что же вы теперь о ваших сказках думаете? – Феона: О сударыня! Пожалуйста, мне об них уже и не упоминайте. Я давно их бросила и стыжусь теперь, что была до них охотница. Много есть вещей и без них, которые нам ведать и на узвание которых время употребить надобно» [Болотов Ч. 2, 1776: 6]. За этим изменившимся отношением ребенка к сказке высвечивается проблематика обращения писателя к определенному типу повествования, скрываю-

щемся за разными диалоговыми формами: «галантным диалогом» и «ученой беседой».

Следует заметить, что обращение к диалоговой форме для популяризации научных идей в области филологии было использовано ранее В. К. Третьяковым [Разговор 1748], однако его «Разговоры...», безусловно, являющиеся попыткой воспроизведения «чужого сознания» путем представления образа иностранца, пытавшегося понять русский язык, не были рассчитаны на восприятие детским сознанием. Переосмысление в этой области происходит, по видимому, в русской литературе с «последней трети XVIII века» [Имендёрфер 1998: 51], когда возникают условия, при которых «можно говорить о литературных произведениях (разного качества) с ярко выраженной функцией, т. е. с сознательной установкой на юного читателя» [там же: 51–52].

Появление в русской литературе сочинений с адресацией к детскому сознанию совпадает с распространением сентименталистской эстетики и теории, прежде всего идей руссоизма, в которых «движение к счастью приобретает характер возврата: для человека – к естественному состоянию детства, для человечества – к естественным условиям общежития» [Лотман 2000: 142]. В этой связи тема детства получает двойное звучание: и как реализация воспитательного потенциала просветительской идеологии, и как развитие естественных желаний человека – ощутить момент счастья в детской поре жизни.

Важная для просветителей концепция счастья (см.: «Сама тема счастья в интерпретации писателей XVIII в. отразила антиномии, существовавшие в мировосприятии людей этой эпохи, прежде всего противоречие между “Природой” и “Добродетелью”» [Кочеткова 2003: 178]), так многогранно литературно обыгрываемая, воплощалась в разных жанровых формах, среди которых, наверное, первое место принадлежало жанру сказки. По свидетельству Л. В. Пумпянского, сказка привлекала чтущий моральные законы петербургский двор, «потому что в центре интереса – правильный частный жизненный путь, добродетель как условие счастья» [Пумпянский 2000: 93]. Именно этот жанр, культивируемый французскими салонами, содержал установку на устную беседу, следовательно, на диалог [Строев 1990: 8]. Если во французской литературе жанр литературной сказки, пройдя сложные перипетии в своем развитии, приобрел характер возврата: появившись на свет из тела рыцарского романа, он в XVIII в. дал жизнь прозе нового типа: жанрам любовного психологического романа и сказочной повести [Строев 1990], – то в русской литературе его путь был иным:

«В середине XVIII века литературная сказка отграничивается от эпической поэмы, в конце XVIII – начале XIX столетия – уже и от романа и повести. Во всяком случае она, как правило, еще слабо соотносится с традицией устной сказки, и ее рецепция как рядовыми читателями, так и профессиональными литераторами осуществляется преимущественно в рамках письменного искусства» [Тиманова 2007: 5]. Здесь не только еще не сложились условия для восприятия детского сознания как «иног», но и сама форма салона как провозвестника диалогового общения наталкивалась на отсутствие в русской культуре традиций организации светского досуга вокруг женщины [Лотман 1985: 229].

Русским писателям необходимо было освоить различные диалоговые формы, уже ставшие в XVIII в. основой для новой французской прозы [Cazanave 2005], таким образом, книги Фонтенеля и Лепренс де Бомон предоставляли авторам искомые образцы.

«Ученая беседа», ведущаяся в «Разговорах о множестве миров», была посвящена раскрытию гелиоцентрической картины мира, однако художественная рамка этого философско-астрономического трактата, представленная в виде «галантного диалога» интеллектуального кавалера с изящной маркизой, позволяла популяризовать сухой научный текст и делать его содержание доступным другому, женскому сознанию: «“Разговоры о множестве миров” Фонтенеля – это произведение, в котором автор, стараясь не ссориться с религией, проводит новые положения в астрономии, доказывая их путем простейших, порой шуточных и остроумных доводов разума, доступных всякому неподготовленному человеку» [Шкляр 1962: 150]. Более того, сугубо научное произведение в галантной оболочке (см.: «Система Коперника в ней была изложена в форме светской беседы с маркизой, интересующейся астрономией. Автор придал науке галантный характер, освободив ее от всего “скучного”» [Блудилина 2003: 25]) получало дополнительные смыслы и функции, одна из которых состояла в распространении нового типа интеллектуального времяпрепровождения, дающего возможность получать удовольствие от беседы в ходе игры не только умом, но и чувствами. Различие между двумя типами общения состояло в способах подачи содержания разговора, зависимых от особенностей восприятия его собеседником: «ученая беседа» предполагала обмен мыслями только в профессиональной среде, тогда как «галантный диалог» заведомо велся с неравными собеседниками при имитации равно свободного общения. Неравенство могло быть различным: гендерным, социальным, интеллектуальным. «Галантный

диалог» выполнял функцию сглаживания любого дисбаланса для установления гармоничного существования. Именно поэтому он проявляется в произведениях Екатерины II, которая использует его для гармонизации социальных отношений и установления мифа о «золотом веке» ее правления. В то же время и «ученая беседа» открывала перед сочинителями новые писательские возможности, прежде всего для реализации воспитательных задач.

Интерес Екатерины II к творчеству Фонтенеля предопределялся и тем, что французский писатель в 1725 г. в Парижской Академии наук произнес «Похвальное слово Петру I». Чувствительная к распространению и популяризации положительного имиджа России императрица не могла оставить сей факт без внимания, и в 1771 г. в журнале «Трудолюбивый муравей» появляется перевод этой речи. Более того, «Разговоры о множестве миров» Фонтенеля входили в «Реестр дорожной библиотеки» императрицы [Императрица Екатерина II 1894: 83–84], которую она завещала сыну, невестке и внукам. Очевидно, что произведение Фонтенеля претендовало на роль особо значимой книги для Екатерины II, ориентация на которую определялась идеологическими задачами: ей важно было продемонстрировать просветительский потенциал власти, для реализации чего использовались разные авторские стратегии, поэтому «ученая беседа» и «галантный диалог» разводились ею, воспроизводясь в разных жанрах: «Бабушкиной азбуке» и «Сказке о царевиче Хлоре» (1781).

Если в первом произведении императрица использовала дидактику и учила своих читателей умению задавать правильные вопросы (например: «Вопрос: что есть добрый гражданин? Ответ: добрый гражданин есть тот, который выполняет с точностью все гражданские обязательства; домашние яко сын, яко брат, яко муж, яко отец, яко получающий услуги, или яко отправляющий служение по состоянию, в котором находится, общественные яко в обществе живущий, и дружеские яко друг, и яко добрый сосед» [Екатерина II 2004: 59]), то во втором сочинении она аллегорично изображала мир социальных отношений, понятный воспитывающемуся в стенах дворца ребенку. Вследствие этого в «Бабушкиной азбуке» философия подавалась в виде наглядного примера («Понятно, что нравственные изречения, и притом облеченные в сжатую форму, с одной стороны наименее доступны детскому разумению, с другой – наименее способны возбуждать, привлекать и питать внимание детей» [Лавровский 1910: 97]): афоризма, анекдота или вопросно-ответной формы, а в «Сказке о царевиче Хлоре» светская философия реализовыв-

валась галантным способом, через подтекст, представленный поучительной аллегорией.

На первый взгляд «галантный диалог», как и «Разговоры о множестве миров», не могли попадать в орбиту внимания А. Т. Болотова, не только не принимающего атеистического мировосприятия, но и отчужденно относящегося к галантной традиции в целом, о чем свидетельствует его высказывание о книге Вольтера «Принцесса Вавилонская»: «По достохвальному своему обыкновению ругаться над всем, что есть хорошее в свете, шпынять наизявительнейшим образом над всеми истинами откровенного закона и над всем, что в свете за свято почитается. Шпынять над государями, над народами и над всем человеческим родом, низводить оной в равенство и собратство скотов, ополчаться против самого творца и всех известнейших и неоспоримейших исторических истин» [Болотов 1933: 210]. Известно, что в качестве источника его «Детской философии» выступала книга Лепренс де Бомон [Артемьева 2012: 11].

В то же время в «Разговорах о множестве миров» содержался один важный момент, привлекающий как для Екатерины, так и для Болотова: обучение совершалось во время прогулки по парку. Именно этот мотив воплощается в «Детской философии», в которой обучение матерью детей происходит именно в саду: «Г. Ц.: Какая это приятная погода сего дня у нас, любезные дети! Вот смотрите, какой тихий, теплый и благорастворенный воздух! Какая тишина, какое от древ благоухание, как хорошо поют птицы. Пойдемте ж мы, светы, в лиственную беседку, которая на конце этой аллеи стоит, и там отдохнуть сядем, а между тем и говорить начнем. Птички не помешают разговорам нашим» [Болотов Ч. 1, 1776: 15].

В философии XVIII в. прогулка по саду становилась способом инициации формирующегося сознания на более высокую ступень рационального познания. Поэтому образ сада оказывался смысловым стержнем мифологемы золотого века, в которой он символизировал земной рай, трактуемый и как идеальное государство для всех подданных монарха, и как «пространство личного счастья» [Веселова 2010: 402].

Таким образом, поиск счастья становится основным мотивом философии, воссоздаваемой как императрицей Екатериной II, так и дворянином А. Т. Болотовым: «Ода "К человеку, хотящему быть счастливым" кратко излагает болотовскую концепцию счастья, базировавшуюся на философии Зюльцера и Х. А. Крузия и изложенную им в трехтомном "Путеводителе к истинному человеческому счастью" (1784). Согласно этой концепции, единственно возможная мера

человеческого земного счастья достигается путем выбора наиболее доступных и вместе с тем богоугодных удовольствий, среди которых Болотов выделяет три главных: чтение, созерцание природы и молитва. Таким образом, наслаждение природой – один из важнейших навыков, который необходим человеку, "хотящему быть счастливым"» [Веселова 2014: 33–34], но пути решения этой задачи каждым из писателей выводятся по-своему.

Болотов связывает земное счастье со знаниями о строении Земли и ее сотворении, что сопряжено с понятиями духа и стихий: «Итак, знайте, любезные дети, что Бог Дух, не видим, жив и имеет разум и волю, и помните, что все сие называется и составляет существо Божеское» [Болотов Ч. 1, 1776: 169]; «Бог хотел, чтобы мы его любили, почитали, слушали и во всем ему угождать старались. Одним словом, так жили и то делали, что ему угодно, и за то положил он намерение не только нас **ныне счастливыми сделать** (выделено нами. – А. Т.), но и после нашей смерти нам гораздо счастливейшую и такую жизнь делать, которая бы никогда конца не имела» [там же: 92].

Как видим, в понятии Болотова о счастье соединяется как религиозное, так и светское представление о духовности, выраженное и божественными (вечными, невидимыми, разумными), и душевными свойствами (нравственное самосознание) человека: «Клеон: Поэтому, сударыня, и душа наша в голове? – Г. Ц.: Надобно думать, мой свет, что в голове, потому что мыслит в нас не тело, а душа» [там же: 218]. Поэтому задача молодого человека состоит в разумном постижении свойств души и ее совершенствовании нравственными поступками. Автор «Детской философии» рисует естественнонаучную картину мира, существование которого объясняется через бытие Бога, в том числе как нравственного идеала, поэтому стремление человека к добродетели объясняется приближением к его источнику и сопряжено с познанием его физических законов: «Г. Ц.: Собственная наука, называемая Физикою, весьма пространна и глубокомысленна, и вы ей порядочным образом обучаемы быть не можете. А я по примеру прежнему буду выбирать из нее одни только нужные вещи или так сказать лучшенькие цветки, и сказывать вам только то, что к моему намерению надобно. ...Все то, что человеку в жизнь свою знать надобно и что может служить к его благополучию, может включать в следующие познания, а именно: во-первых, чтоб знать Бога, во-вторых, знать мир или свет, в-третьих, наконец, чтоб знать человека или самих себя» [там же: 42–43]. Так, вводя образ цветка как символ знания о нравственных законах, Бо-

лотов в какой-то мере предвосхищает сказку Екатерины II, в которой образ цветка будет сопряжен с образом Фелицы – счастья.

Екатерина II и в сказке, и в азбуке формирует знание, которое будет называться в XIX в. светской философией и основываться на понимании каждым здравомыслящим человеком своего места в социальной иерархии. В то же время, отрицая мистику и провозглашая себя ученицей Вольтера, императрица в «Сказке о царевиче Хлоре» выстраивает сюжет, подходящий для религиозного сочинения [Ипатов 2009: 166].

Путь, который проходит Хлор, заключается в постижении им социальной вертикали. Об этом свидетельствуют начало путешествия: спуск с горы, на которой живет маленький царевич, и его завершение: поднятие на гору, где растет роза без шипов, которая не колется. Познание мира начинается для героя со знакомства с варварскими народами и государствами, когда его похищает «Хан киргизский» – непросвещенный правитель. Следующая ступень после властителя – придворные, которые подвержены многим слабостям: они веселящиеся, ленивые, льстивые или брюзжащие, но такие недостатки присущи свету. После двора Хлор знакомится с горожанами – мещанами и купечеством, которые отличаются от светских людей хамством и грубостью.

Восхождение на гору начинается с того, что царевич Хлор постигает условия жизни тех, кто живет физическим трудом, – крестьян: «Путешественники, которые проголодались, ничем не гнушались и меж тем разговаривали с хозяином и хозяйкою, кои им рассказывали, как они живут здорово, весело и спокойно и во всяком удовольствии по их состоянию, провождая век в крестьянской работе и преодолевая трудолюбием всякую нужду и недостаток» [Екатерина II 1990: 124–125]. Затем знакомится с теми, кто трудится умственно, – обучающимися наукам юношами. Наконец, высшую ступень достигают те, кто трудится нравственно, и именно здесь, по всей видимости, в саду, где растет роза без шипов, царевич Хлор обретает земное счастье.

Изображение взаимозависимого счастья дворян и крестьян находит отражение и в книге Болотова, в которой разговор между девушками о платьях переходит в рассказ о понимании семьи, описываемой писателем, нужд своих кормильцев – крестьян: «Прошлою зимою за недородом хлеба мужикам нашим есть было нечего, и мы принуждены были последние деньги на покупку им хлеба употребить, да немало о том и не тужим, довольны тем, что они у нас по миру не ходили, как у других» [Болотов Ч. 1, 1776: 398–399]. Однако смысловые акценты расставляются автором иначе, чем у писательницы-императрицы, пред-

ставляющей на суд читателей социальную утопию. Болотов подчеркивает наличие различия между представителями одного сословия, которое заключается в выборе или отрицании ими законов нравственного самосознания, сопряженных как с религиозными заповедями, так и учением физики. Например, в «Предисловии» к «Разговорам...» он пишет: «Познание Бога, мира и человека есть неоспоримо превосходнейшее, но вкуче и полезнейшее и нужнейшее познание из всех прочих познаний человеческих» [там же: 3].

Екатерина II начинает «Бабушкину азбуку» с моральных заповедей светского человека, понимающего важность учения в просветительской системе координат: «Перед Богом все люди равны», «Всякое дитя родится не учено», «Долг родителей есть дать детям учение» [Екатерина II 2004: 14–15]. И хотя провозглашаемое императрицей равенство всех граждан в государстве указывало на постулаты просветителей, следующие фразы подчеркивали иерархические отношения родителей-детей, что знаменовало новые, семейные, формы общения в просвещенно-абсолютистском государстве, поскольку «Власть поручена единому ради чинения пользы множеству» [там же]. В то же время и Екатерине, и Болотову для осуществления воспитания необходимы посредники – реальные, как в «Детской философии» («Учительница: Учитесь, учитесь, любезные дети! Нельзя ничему лучше и полезнее для вас быть такой науке, какой вас ваша матушка обучает. ... Поистине можно сказать, что она ученая госпожа и вы под предводительством такой родительницы можете тысячу польз получить и счастливыми сделаться» [Болотов Ч. 2, 1776: 4]), или аллегорические, как в «Сказке о царевиче Хлоре». И если защиту царевичу Хлору осуществляет та, которая имеет волшебные рычаги управления разными силами, то спасение от ударов судьбы герои Болотова ищут именно в нравственном идеале и знаниях о мире. Вследствие этого по-разному выстраивается у авторов и диалог с читателем.

Двойственность «галантного диалога» позволяла Екатерине II адресовать свое сочинение не только детскому (потенциально главному читателю сказки – великому князю Александру Павловичу ко времени написания сказки было не более пяти лет), но и взрослому сознанию, а в царевиче Хлоре аллегорически зашифровать не только своего внука, но и русское дворянство, по-матерински воспитываемое императрицей. Этот же прием прослеживается и в «Бабушкиной азбуке», в которой, правда, и вопросы, и ответы даются самой императрицей и не требуют какого-либо комментария со стороны читателя. Другое дело – жанр салонной сказки, который поз-

волял контекстно создавать диалоговую ситуацию, чем и воспользовался Г. Р. Державин в оде «Фелица».

Совершенно иначе работает с детским сознанием А. Т. Болотов. Развлекательная составляющая его произведения реализуется в театральной форме, поэтому диалоги между матерью и детьми, а также между детьми изображаются по сценическим правилам:

Г. Мелинда (к Клеону, который в самое то время вошел в сад): Скажите, батюшка, пожалуйста, какой науке вы с сестрицею учитесь?

Клеон: Я, сударыня, не знаю, как она называется, только знаю, что она нам очень нужна и учит, как нам себя счастливыми сделать, и очень весела.

Г. Мелинда: О! Поэтому надобно это какой-нибудь особой науке быть, о какой я не слыхивала.

Клеон: Конечно, сударыня, не слыхивали, да и учимся мы ей не так, как прочим наукам учатся. Мы, так сказать, играючи ей обучаемся. Матушка изволит с нами гулять и нам рассказывать, а мы только слушаем [Болотов Ч. 1, 1776: 385–386].

Все, не относящееся к беседе, подается в виде ремарки, в том числе и авторские отступления. Ср.: ремарка из первого разговора: «Феона (приехав из гостей от госпожи Доримены вместе с братом своим Клеоном)» [там же: 1]; из третьего разговора: «Г. Ц. (пришел в сад и увидя детей своих в аллее ходящих)» [там же: 34]; из четвертого разговора: Клеон (будучи с сестрою своею уже в саду, увидев мать свою к себе идущую) [там же: 65].

Более того, законы классицистической пьесы диктуют Болотову соблюдение единства места и времени: беседы проходят в одно и то же время (после обеда) и в одном и том же месте (в беседке), а диалог, как правило, не прерывается другими сюжетными линиями, что позволяет говорить и о единстве действия. Повествовательная драматургия дает автору возможность сконцентрироваться на изменении, происходящем в сознании героев, показать, как от непослушных детей они превращаются во вдумчивых взрослых, разбирающихся в непростой жизни их матери-вдовы: «Вам необходимо, мои любезные дети, знать, что хотя так и кажется нам, что все на свете по слепому случаю нечаянно или просто делается. Например: нам кажется, что это так просто и по случаю сделалось, что у вас теперь отца нет, что я ваша мать, а вы мои дети, что мы живем здесь в деревне, что у нас есть люди и крестьяне; они на нас работают и нам служат; или что у вас в прошлом году брат умер, а теперь, например, тетка ваша больна, дядя на

войне убит...» [Болотов Ч.1, 1776: 66]. Поэтому именно вопросы детей становятся показателем происходящих с ними изменений, воспроизведением этапа взросления: «Клеон: Что касается до меня, то мне как-то сие удивительно и я как-то не очень сие понял, не можно ли, матушка, растолковать мне сие яснее?» [там же: 304].

Герой сказки Екатерины по закону жанра эпичен, ему дано все изначально, в том числе и знание, что уже отличает его от всех остальных детей. Его задача – пройти испытание, которое вызвано изменением обстановки: Дом – плен, чужие края, непросвещенное окружение. Поскольку получить знание в непросвещенной стране сложнее, автор вводит аллегорических персонажей-посредников, например, Рассудок – учитель человечества от ошибок – должен привести героя к добродетели и продемонстрировать непросвещенному правителю мудрость царевича Хлора. Имитация фольклорной сказки – один из признаков жанра, формирующегося в салоне и отвечающего параметрам галантного стиля и «галантного диалога». В то же время обращает на себя внимание странное имя героя екатерининской сказки – Хлор. В 1774 г. Карл-Вильгельм Шееле (1742–1786) открывает новый химический элемент – хлор, а в 1777 г. (в год рождения великого князя Александра Павловича) появляется сочинение шведского ученого на немецком языке «Химический трактат о воздухе и огне» («Abhandlungen von der Luft und dem Feuer») [Шееле 1903: 367]. Знаменательно, что Фридрих II безуспешно приглашает шведа, работающего аптекарем, занять пост профессора Берлинского университета. В 1781 г. (в год написания сказки) труд шведского ученого появляется на французском языке. И Екатерина II демонстрирует западным читателям свое знакомство с трудом ученого-химика, ведя уже ученую беседу с взрослым сознанием.

Таким образом, представленная в детских произведениях философия разнится по тому, каким у императрицы и писателя-ученого видится мир глазами ребенка: наделенным мудростью и добродетелью, который имеет мистический характер и понятен лишь посвященным, или рисуется картина мироустройства, зависящего от существующего правления и личности монарха. Следует заметить, что социальный статус, безусловно, учитывался писателями как фактор влияния на формирование детского мировоззрения, однако значительное различие во взглядах детей предопределялось другими обстоятельствами: возрастом (а это значит, что впервые возникает возрастная градация в поведении детей), общением и чтением книг. И в этом и Екатерина, и Болотов были единомышленны. Созданные

ими произведения диалоговой формы претендовали на право первых книг – т. е., книг, формирующих начальные понятия об окружающем мире. Данная функция указывала на характер инициации, который неизменно возникал при обоих типах диалога, однако именно выбор пути в достижении разных целей заставлял сочинителей прибегать к различным изобразительным приемам.

По-разному писательница-императрица и писатель-ученый выстраивали в своих книгах формулу счастья. Болотов учил детей находить его в самом себе, в работе своего сознания и разграничении своего и чужого в окружающем мире, чему соответствовал поиск гармонии душевной, не связанной с жизнью света. «Ученая беседа» автора «Детской философии» заключалась в раскрытии неразделимых религиозных и светских знаний, сообщаемых напрямую, поданных в виде вопросов-ответов, которые озвучивались новыми героями прозы XVIII в. – женщинами и детьми, являющимися, в отличие от ученых-педантов, непросвещенными людьми, от чего воспитательный потенциал произведения лишь усиливался.

Екатерина II, используя «галантный диалог», зашифровывала в сказке идеи о гармонизации социального устройства и воспитывала читателей жить в обществе таким образом, чтобы их жизнеустройство не мешало получению удовольствия от жизни другим лицам. «Бабушкина азбука» демонстрировала умелое сочетание религиозных воззрений со светскими, гражданскими законами, что также отвечало задачам государыни создавать справедливое мироустройство, в котором каждый должен найти свое место, руководствуясь разумными действиями.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00452 «Екатерина II: личность, творчество, эпоха. Энциклопедический словарь».

Список литературы

Артемяева Т. В. Микешин М. И. Страсти души Андрея Болотова. Детская философия. СПб.: ИД «Петрополис», 2012. 854 с.

Блудилина Н. Д. Предисловие // Россия и Запад: Горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века (1726–1762). М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 2. С. 8–57.

Болотов А. Т. Детская философия, или нравоучительные разговоры между госпожою и ее детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей. М.: Император-

ский Московский университет, 1776. Ч. 1. 401 с.; 1779. Ч. 2. 368 с.

Болотов А. Т. Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков Андрея Болотова // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 1933. Т. 9–10. С. 190–199.

Веселова А. Ю. Натурологическая поэзия А. Т. Болотова // Память как механизм культуры в русском литературном процессе (памяти Риммы Михайловны Лазарчук). Череповец: Череповец. гос. ун-т, 2014. С. 28–34.

Веселова А. Ю. Садово-парковое искусство и праздничная культура в России XVIII – начала XIX века // Оказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2010. С. 356–403.

Данилевский Р. Ю. 1725 – начало 1760-х годов: Классицизм // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 1: Проза. СПб.: ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), 1995. С. 94–141.

Екатерина II. Бабушкина азбука великому князю Александру Павловичу. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2004. 96 с.

Екатерина II. Сочинения. М.: Современник, 1990. 557 с.

Имендёрфер Е. Первые детские басни в России XVIII века // Русская литература. 1998. № 2. С. 51–64.

Императрица Екатерина II. Цесаревич Павел Петрович и Великая княгиня Мария Федоровна. Письма, заметки и выписки. 1782–1796. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1874. V, 214, 30 с.

Ипатов А. С. К вопросу о литературных источниках «Сказки о царевиче Хлоре» Екатерины II // Пушкинские чтения 2009: материалы XIV междунар. науч. конф. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2009. С. 162–170.

Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М.: Языки слав. культуры, 2005. 576 с.

Кочеткова Н. Д. Тема «золотого века» в литературе русского сентиментализма // XVIII век. СПб.: Наука, 2003. Сб. 18. С. 172–186.

Лавровский Н. А. Педагогические руководства Екатерины II // Покровский В. И. Екатерина II. Её жизнь и сочинения: сб. историко-литературных статей. Изд. 2-е. М.: Склад в книжном магазине В. Спиридонова и А. Михайлова, 1910. С. 95–119.

Лепренс де Бомон, М. Детское училище, или Разговоры благоразумной наставницы с ее воспитанницами / пер. с фр. М.: Губ. тип., у А. Решетникова, 1800. 382 с.

Лотман Ю. М. «Езда в остров любви» Тредиаковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII в. //

Проблемы изучения культурного наследия. М.: Наука, 1985. С. 222–230.

Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Лотман Ю. М. Собрание соч. Т. 1: Русская литература и культура Просвещения. М.: ОГИ, 2000. С. 139–206.

Радовский М. И. Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 112 с.

Привалова Е. П. А. Т. Болотов и театр для детей // XVIII век. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Сб. 3. С. 242–261.

Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 30–157.

Строев А. Ф. Судьбы французской сказки // Французская литературная сказка XVII–XVIII веков. М.: Худож. лит., 1990. С. 5–32.

Тиманова О. И. Русская литературная сказка второй половины XVIII – первой половины XIX века: становление жанра. СПб.: Наука, САГА, 2007. 330 с.

Тредиаковский В. К. Разговор между Чужестранным человеком Российским об орфографии старинной и новой и всем, что принадлежит к сей материи. СПб.: Имп. Акад. наук, 1748. 464 с.

Шееле К.-В. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1903. Т. XXXIX. С. 367.

Шкляр И. В. Формирование мировоззрения Антиоха Кантемира // XVIII век. М.; Л.: Наука, 1962. Сб. 5. С. 129–152.

Cazanave C. Le dialogue au XVIIe siècle en France : un genre français moderne ? Éléments pour une mise au point // Dix-septième siècle. 2005/3 (n°228). P. 427–441.

References

Artem'eva T. V., Mikeschin M. I. *Strasti dushi Andrey Bolotova. Detskaya filosofiya* [Passions of Andrey Bolotov's soul. Children's philosophy]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2012. 854 p. (In Russ.)

Bludilina N. D. Predislovie [Preface]. *Rossiya i Zapad: Gorizonty vzaimopoznaniya. Literaturnye istochniki 18 veka (1726–1762)* [Russia and West: Horizons of mutual cognition. Literary sources of the 18th century (1726–1762)]. Moscow, IWL RAS Publ., 2003, issue 2, pp. 8–57. (In Russ.)

Bolotov A. T. *Detskaya filosofiya, ili nравоучitel'nye razgovory mezhdru gospozhoyu i ee det'mi, sochinennye dlya pospeshstvovaniya istinnoi pol'ze molodykh lyudei.* [Children's Philosophy, or Didactic Conversations between a Madam and Her Children Made for Young People's Benefit]. Moscow, Imperial Moscow University Publ., pt. 1, 1776, 401 p.; pt. 2, 1779, 368 p. (In Russ.)

Bolotov A. T. Mysli i bespristrastnye suzheniya o romanakh kak original'nykh rossiyskikh, tak i perevedennykh s inostrannykh yazykov Andrey Bolotova [Andrey Bolotov's thoughts and impartial judgments of novels both original Russian and translated from foreign languages]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary inheritance]. Moscow, IWL RAS Publ., 1933, vols. 9–10, pp. 190–199. (In Russ.)

Veselova A. Yu. *Naturologicheskaya poeziya A. T. Bolotova* [A. T. Bolotov's naturologic poetry]. *Pamyat' kak mekhanizm kul'tury v russkom literaturnom protsesse (pamyati Rimmy Mikhaylovny Lazarchuk)* [Memory as a mechanism of culture in the Russian literary process (In the memory of Rimma Mikhaylovna Lazarchuk)]. Cherepovets, Cherepovets State University Press, 2014, pp. 28–34. (In Russ.)

Veselova A. Yu. *Sadovo-parkovoe iskusstvo i prazdnichnaya kul'tura v Rossii 18 – nachala 19 veka* [Landscape art and festive culture In Russia of the 18th – early 19th century]. *Okkazional'naya literatura v kontekste prazdnichnoy kul'tury Rossii 18 veka* [Occasional literature in the context of the festive culture of Russia of the 18th century]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Press, 2010, pp. 356–403. (In Russ.)

Danilevskiy R. Yu. 1725 – nachalo 1760-kh godov: Klassitsizm [1725 – the beginning of the 1760s: Classicism]. *Istoriya russkoy perevodnoy khudozhestvennoy literatury. Drevnyaya Rus'. 18 vek.* [History of the Russian translated fiction. Old Rus'. The 18th century]. St. Petersburg, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences Publ., 1995, vol. 1. Proza [Prose], pp. 94–141. (In Russ.)

Catherine II. *Babushkina azbuka velikomu knyazyu Aleksandru Pavlovichu* [Grandmother's alphabet to the grand duke Alexander Pavlovich]. Moscow, Moscow Humanitarian Institute named after E. R. Dashkova Publ., 2004. 96 p. (In Russ.)

Catherine II. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990. 557 p. (In Russ.)

Imenderfer E. *Pervye detskie basni v Rossii 18 veka* [The first children's fables In Russia of the 18th century]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1998, issue 2, pp. 51–64. (In Russ.)

Imperatrissa Ekaterina II, Tsesarevich Pavel Petrovich i Velikaya knyaginya Mariya Fedorovna. Pis'ma, zametki i vypiski. 1782–1796 [Empress Catherine II, Tsesarevich Pavel Petrovich and Grand duchess Maria Fiodorovna. Letters, notes and extracts. 1782–1796]. St. Petersburg, Publishing House of V. S. Balashev, 1874. V, 214, 30 p. (In Russ.)

Ipatova S. A. *K voprosu o literaturnykh istochnikakh «Skazki o tsareviche Khlore» Ekateriny II* [To the question of literary sources of "The Story of Tsarevich Chlor" of Catherine II]. *Pushkinskie*

chteniya 2009. Mater. XIV mezhd. nauch. konf. [Pushkin readings 2009. Proceedings of the 14th international scientific conference]. St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University Press, 2009, pp. 162–170. (In Russ.)

Klein I. *Puti kul'turnogo importa: Trudy po russkoy literature 18 veka* [Ways of cultural import: Scientific works on Russian literature of the 18th century]. Moscow, LRC Publishing House, 2005, 576 p. (In Russ.)

Kochetkova N. D. Tema «zolotogo veka» v literature russkogo sentimentalizma [The theme of the “Golden Age” in literature of Russian sentimentalism]. *18 vek* [The 18th century], St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, coll. 18, pp. 172–186. (In Russ.)

Lavrovskiy N. A. Pedagogicheskie rukovodstva Ekateriny II [Catherine II's Pedagogical Instructions]. *Pokrovskiy V.I. Ekaterina II. Ee zhizn' i sochineniya. Sb. istoriko-literaturnykh statey* [Pokrovskiy V. I. Catherine II. Her life and essays. Collection of historico-literary articles]. 2nd edition. Moscow, Warehouse in the bookshop of V. Spiridonov and A. Mikhaylov Publ., 1910, pp. 95–119. (In Russ.)

Leprince de Beaumont J.-M. *Detskoe uchilishche, ili razgovory blagorazumnoy nastavnitsy s ee vospitannitsami* [The Young Ladies Magazine: or, Polite Tutoress. Containing Dialogues Between a Governess and Several Young Ladies of Quality]. Moscow, Publishing House of A. Reshetnikov, 1800. 382 p. (In Russ.)

Lotman Yu. M. «Ezda v ostrov lyubvi» Trediakovskogo i funktsiya perevodnoy literatury v russkoy kul'ture pervoy poloviny 18 v. [“Driving to the island of love” by Trediakovsky and function of translated literature in the Russian culture of the first half of the 18th century]. *Problemy izucheniya kul'turnogo naslediya* [Issues of studying cultural heritage]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 222–230. (In Russ.)

Lotman Yu. M. Russo i russkaya kul'tura 18 – nachala 19 veka [Russo and Russian culture of the 18th – the early 19th century]. Lotman Yu. M. *Sobranie soch.* [Collection of works]. *Russkaya literatura i kul'tura Prosveshcheniya* [Russian literature and culture of Enlightenment]. Moscow, United Humanitarian Publishers, 2000, vol.1 *Russkaya literatura i kul'tura Prosveshcheniya* [Russian literature and culture of Enlightenment], pp. 139–206. (In Russ.)

Radovskiy M. I. *Antiokh Kantemir i Peterburgskaya Akademiya nauk* [Antiochus Kantemir and St.

Petersburg Academy of Sciences]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1959. 112 p. (In Russ.)

Privalova E. P. A. T. Bolotov i teatr dlya detey [A. T. Bolotov and theater for children]. *18 vek* [The 18th century]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1958, vol. 3, pp. 242–261. (In Russ.)

Pumpyanskiy L. V. K istorii russkogo klassitsizma [To the history of Russian classicism] *Pumpyanskiy L.V. Klassicheskaya traditsiya: Sobranie trudov po istorii russkoy literatury* [Classical tradition: Collection of works on history of the Russian literature]. Moscow, LRC Publishing House, 2000, pp. 30–157. (In Russ.)

Stroev A. F. Sud'by frantsuzskoy skazki [Fate of the French fairy tale]. *Frantsuzskaya literaturnaya skazka 17–18 vekov* [French literary fairy tale of the 17th – 18th centuries]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, pp. 5–32. (In Russ.)

Timanova O. I. *Russkaya literaturnaya skazka vtoroy poloviny 18 – pervoy poloviny 19 veka: stanovlenie zhanra* [The Russian literary fairy tale of the second half of the 18th – first half of the 19th century: formation of the genre]. St. Petersburg, Nauka Publ., SAGA Publ., 2007. 330 p. (In Russ.)

Trediakovskiy V. K. *Razgovor mezhdue chuzhestannyim chelovekom y rossiyskim ob orfografii starinnoy i novoy i vsem, chto prinadlezhit k sey materii* [The conversation between a foreigner and a Russian person about ancient and new spelling and everything that belongs to this matter]. St. Petersburg, *Imperial Academy of Sciences Publ.*, 1748. 464 p. (In Russ.)

Scheele C. W. *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona*. [Brockhaus and Efron encyclopedic dictionary]. St. Petersburg, 1903, vol. 39. 367 p. (In Russ.)

Shklyar I. V. Formirovanie mirovozzreniya Antiokha Kantemira [Formation Antiochus Kantemir's worldview]. *18 vek* [The 18th century]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1962, vol. 5, pp. 129–152. (In Russ.)

Cazanave C. Le dialogue au 17^e siècle en France: un genre français moderne? Éléments pour une mise au point [Dialogue in the 17th century in France: a modern French type? Elements to focus]. *Dix-septième siècle*. [The seventeenth century], 2005/3 (n° 228), pp. 427–441. (In French.)

"GALLANT DIALOGUE" AND "SCIENTIFIC CONVERSATION" WITH CHILDREN'S MIND: CATHERINE II AND A. T. BOLOTOV

Tatiana I. Akimova

Professor in the Department of Russian and Foreign Literature

Ogarev Mordovia State University

68, Bolshevistskaya st., Saransk, 430005, Russian Federation. akimova_ti@mail.ru

SPIN-code: 1592-4053

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-1784>

ResearcherID: J-1391-2018

Submitted 21.05.2018

The article considers two author's strategies functioning in works of the second half of the 18th century: a "gallant dialogue", used by empress Catherine II when addressing the reader being educated by her, and a "scientific conversation", used by A. T. Bolotov in his work intended for children. Both authors refer to two sources: *Conversations on the Plurality of Worlds* by B. Fontenelle, in which the model of the "gallant dialogue" is given, and *Children's School* by L. De Beaumont; but each of the writers perceive children's mind differently. Catherine, representing children (tsarevitch Khlora and tsarevitch Feveya), stylizes the work according to the genre of a folklore fairy tale, but fills it with deep ideas: it is a utopian model of creating a multilevel happy society in which the top place is taken by the monarch, then there is the court and aristocracy, further – urban population, and the lowest position is held by peasants. The latter are to be respected at most by tsarevitch Khlora for their hard work. Appealing to children's mind, A. T. Bolotov, on the contrary, deems it necessary to adapt scientific knowledge for its easier comprehension by the characters of his *Children's Philosophy*: Feona and Kleon. Therefore, Bolotov's purpose is pedagogical, and it is implemented with the help of a "scientific conversation", representing a conversation between an educated mother and children about the Universe system during their walk in the garden. The writer explains happiness as joy of educated children's mind to understand the laws of nature. Catherine's purpose is political: by means of a "gallant dialogue", in an unostentatious and playful manner, she sets the image of a wise ruler explaining to those being educated (to the successor and aristocracy) the way to happy life, which implies the acceptance of the existing social order and observance of universal moral precepts.

Key words: Catherine II's creative work; "gallant dialogue"; "scientific conversation"; A. T. Bolotov's creative work; children's mind; educational ideology.

УДК 821.111(73)

doi 10.17072/2037-6681-2018-3-108-116

ОБРАЗЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РОМАНАХ Т. ДРАЙЗЕРА «ТРИЛОГИЯ ЖЕЛАНИЯ» И АЙН РЭНД «АТЛАНТ РАСПРАВИЛ ПЛЕЧИ»

Анастасия Васильевна Григоровская**к. филол. н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы****Тюменский государственный университет**

625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6. a.v.grigorovskaya@utmn.ru

SPIN-код: 2478-7271

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9282-313X>

ResearcherID: H-9881-2018

*Статья поступила в редакцию 02.05.2018***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Григоровская А. В. Образы предпринимателей в романах Т. Драйзера «Трилогия желания» и Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 108–116. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-108-116***Please cite this article in English as:***Grigorovskaya A. V. Obrazy predprinimateley v romanakh T. Drayzera «Trilogiya zhelaniya» i Ayn Rend «Atlant raspravil plechi» [The Images of Enterprisers in T. Dreiser's novel "The Trilogy of Desire" and Ayn Rand's novel "Atlas Shrugged"]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 108–116. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-108-116 (In Russ.)*

Представлен сопоставительный анализ образов предпринимателей в романах двух американских писателей – Теодора Драйзера и Айн Рэнд. Образы Фрэнка Каупервуда, героя «Трилогии желания» Драйзера, и Франсиско д'Анконии, героя «Атлант расправил плечи» Рэнд, обладают рядом черт, позволяющих говорить об их поверхностном сходстве. При более детальном рассмотрении была выявлена разница в позиционировании образа предпринимателя в их романах, поскольку Драйзер и Рэнд стояли на противоположных мировоззренческих позициях. Автор статьи сопоставляет романы в контексте мировоззренческих установок двух писателей, различавшихся в понимании сути социализма и капитализма как двух социально-политических систем. Не совпадают также их философские взгляды: Драйзер тяготел к позитивизму, а Рэнд является создательницей собственной философской системы объективизма. Анализируются их высказывания об известных американских предпринимателях, делается вывод о том, что Драйзер и Рэнд диаметрально противоположно оценивали их вклад в развитие американского общества. Прослеживаются и истории становления двух героев-предпринимателей. В результате исследования становится ясно, что оба автора могут быть вписаны в гораздо более широкий контекст – диалога двух культур, – российской и американской, а их взгляды на образ предпринимателя различны ввиду разного понимания значения бизнеса в жизни общества. В то же время нельзя не учесть, что Айн Рэнд родилась и выросла в России, а потому имеет опыт проживания в социалистической стране. Америка стала для нее своеобразным «зеркалом», отразившим недостатки родины. Ее стремление «переделать» капитализм схож со стремлением Драйзера искоренить его, но примечательно, что Драйзер при этом обращается к опыту социалистической России.

Ключевые слова: американская литература; Айн Рэнд; Теодор Драйзер; образ предпринимателя; капитализм.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы сопоставить взгляды Драйзера и Айн Рэнд на две политико-экономические системы, конфликт между которыми представлял особый интерес для этих писателей с отчетливо выраженным стремлением к осознанию своей мировоззренческой позиции в первой половине XX в. Нужно заметить, что Драйзер написал «Финансиста» и «Титана» в 1912–1914 гг., т. е. его образы предпринимателей складываются под влиянием идеализации капитализма, принятой в США, но и уже очевидных недостатков этой системы, которые и отражены в его романах. В 1947 г. он напишет «Стоика», усилив свои критические наблюдения вплоть до идеализации русского социализма. Роман Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» был написан уже в 1957 г., в нем отрицается социализм и идеализируется капитализм (но с учетом критики недостатков американского капитализма). Сопоставление данных романов как классического реалистического романа (Драйзер) и текста, относящегося к массовой литературе (Рэнд), несколько фрагментарно, но представлено в диссертации К. Н. Мирасовой [Мирасова 2017], однако более целостного освещения оно нигде не нашло.

В своем письме от января 1927 г. советскому литературоведу Сергею Динамову Теодор Драйзер выражает отношение к капитализму и формулирует свою «философию жизни»: «И до тех пор пока интеллект, который заправляет в этом мире, не сочтет необходимым переделать природу человека, до этих пор, я думаю, будут выживать наиболее приспособленные... В заключение я хотел бы сказать, что я знаю так мало правды об условиях в России, что я не осмеливаюсь высказывать свое мнение в отношении окончательного результата того, что там происходит, но я действительно надеюсь, что нечто прекрасное и большое и бессмертное выйдет из этого» [цит. по: Батурин]. Из этого письма видно пессимистичное отношение писателя к сложившейся в США ситуации и одновременно робкое восхищение первыми ростками социализма, зарождающимися в Советском Союзе. Писатель честно признается, что почти ничего не знает «об условиях в России».

Гораздо больше об этом знала уроженка Российской империи Айн Рэнд, первый роман которой («Мы живые», *We The Living*, 1936) посвящен именно той правде о социализме, которую так долго не хотели воспринимать на западе. Конечно, в контексте американской действительности 1920–30-х гг. далеко не все смогли принять такую трактовку «великого советского эксперимента»: «Даже те рецензенты, что похвалили работу Рэнд, казалось, предполагали, что ее описа-

ние жизни в России является таким же плодом воображения, как и составляющая основу сюжета история о любовном треугольнике» [Вильгоцкий 2015: 73].

Идеи социализма были крайне популярны в США в то время, когда Айн Рэнд покинула СССР. Действительно, произведения А. Р. Вильямса, Л. Брайанта, Д. Пассоса и других демонстрируют, что американское общество проявляет интерес к «великому эксперименту», который ставила Советская Россия. Б. А. Гиленсон отмечает: «Некритически воспринимая пропагандистские сообщения об успехах первых пятилеток, некоторые радикально настроенные американцы задумывались над контрастом между скольжением вниз капитализма и одновременно явным подъемом плановой советской экономики» [Гиленсон 2003: 298–299].

Среди них, по-видимому, оказался и Т. Драйзер. Побывав по приглашению Кремля в 1928 г. в России, он пишет книгу «Драйзер смотрит на Россию» (*Dreiser Looks at Russia*, 1928). «На Красной площади 7 ноября 1927 года среди иностранных гостей находился Теодор Драйзер – великий американский писатель. С огромным интересом он наблюдал за многотысячной праздничной демонстрацией трудящихся» [Засурский]. Видимо, об одной из таких вот делегаций, во время пребывания которой иностранцам была показана «парадная» сторона социализма, и писала Рэнд в романе «Мы живые». В Петроград приезжает делегация из Англии, и глава Британского профсоюзного движения декларирует: «Нас послали сюда рабочие Англии, чтобы мы могли увидеть все собственными глазами и сказать всему миру правду о том величайшем эксперименте, который вы проводите» [Рэнд 2011: 200]. Происходящее описывается глазами главной героини, Киры Аргуновой, которая видит дорого одетую женщину из делегации, приветствующую толпу советских граждан: «Лишь на одно безумное мгновение Кира подумала, что может прорваться сквозь толпу, подбежать к этой женщине и крикнуть ей, рабочим Англии, всему миру о том, какова на самом деле та правда, которой они жаждут» [Рэнд 2011: 200–201].

Конечно, Драйзер был не единственным, кто фатально ошибался в оценивании «советского эксперимента». Наряду с У. Фрэнком, Э. Уинтером, А. Л. Стронг и многими другими американскими писателями, побывавшими в СССР и написавшими об этом книги, Драйзер воспринял красивую утопию об обществе всеобщего равенства и братства некритически, вдохновившись идеями социализма. Недовольство капиталистической Америкой зрело в его творчестве и в обрете Советской России нашло подтверждение,

которого он так долго искал. Прообразом Фрэнка Каупервуда, главного героя «Трилогии желания» (*The Trilogy of Desire*, 1912–1947), как известно, стал американский миллионер Чарльз Йеркс. Несмотря на то что автор, по-видимому, восхищается своим героем, он в то же время, очевидно, обеспокоен происходящим в США. В частности, в 1931 г. он напишет о кризисе 1929 г. в своей книге «Трагическая Америка» (*Tragedy America*, 1931), в которой высказывает мнение о капитализме как о кровожадной системе, которая должна быть уничтожена. В частности, он обращается к фигуре основателя железнодорожной американской империи, Вандербильта, критикуя его за алчность и бесчеловечность: «Вот нравственный облик наших финансовых кумиров, которые, по крайней мере во всем, что касается денег, довели до идеала наш американский девиз: “Не жди, пока тебе дадут, – хватай сам!”» [Драйзер 1952: 144].

Айн Рэнд писала о Вандербилте и других американских предпринимателях неоднократно. В статье «Заметки об истории американского свободного предпринимательства» (*Notes On The History of American Free Enterprise*, 1966) она отмечает, что такие титаны, как Вандервильт, являются жертвами государственной системы: «Нечестность порождается системой и является ее неотъемлемой частью» [Рэнд 2016: 132]. Рэнд объясняет, что проблема заключается не в «алчных» капиталистах, а в государственном контроле над экономикой, который вынуждает брать взятки, притесняет предпринимателей и приводит к уничтожению здоровой конкуренции: «Суть не в том, в чьих интересах – труда или капитала – будет контролироваться экономика. Главное – разница между контролем и свободой» [Рэнд 2016: 133].

В «Трилогии желания» Драйзера как раз и демонстрируются последствия повсеместного контроля государства над свободным предпринимательством. Писатель показывает нежелание государства поддерживать железнодорожные ветки, созданные конкурентной компанией (Айн Рэнд писала об этой ситуации, рассказывая о монополии «большой четверки» в железнодорожном бизнесе США [Рэнд 2016]). При этом главный герой трилогии Фрэнк Каупервуд представлен как человек, который вынужден «вписываться» в механику государственного контроля для достижения своих целей.

Примечательно, что в романе Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» (*Atlas Shrugged*, 1957) пародируются книги, «разоблачающие» бизнесменов. В романе есть эпизод, когда Дагни Таггерт шла мимо витрины книжного магазина и увидела «пирамид[у] кирпичей в коричнево-фиолетовых

переплетках с надписью “Коршун линяет”. “Роман столетия, – вещал рекламный плакат. – Исчерпывающее исследование природы жадности бизнесмена. Бесстрашное разоблачение порочности человека”» [Рэнд 2009а: 85; Rand 2005: 68]. Аллюзия на животный мир сближает Рэнд с Драйзером, который активно использовал в своей трилогии «биологические» сравнения. Это было связано с его приверженностью к социал-дарвинизму.

Необходимо отметить, что огромное влияние на идеосферу трилогии Драйзера оказала философия позитивизма. П. Гуревич определяет позитивизм следующим образом: «Течение, которое, по существу, дегуманизировало представления человека о самом себе, нежели привлекало внимание к специфически человеческому» [Гуревич 2001: 118]. Согласно ему человек – это подобие животного, все действия которого мотивируются исключительно инстинктами, а человеческое общество подчиняется законам животного мира, сформулированным Ч. Дарвином.

Метафорически «дарвинистическое» общество, якобы воплощающее собой идеал «американской мечты», представлено в «Трилогии желания» в эпизоде пожирания омаром каракатицы, которую наблюдал юный Фрэнк Каупервуд. Из этого, казалось бы, малозначительного эпизода своей жизни будущий финансовый воротила сделал вполне определенный вывод: «В общих чертах он давал ответ на загадку, долго мучившую его: как устроена жизнь? Вот так все живое и существует – одно за счет другого» [Драйзер 2015: 10; Dreiser 2013: 8]. Этим идеям Драйзер «научился» у Г. Спенсера, развивавшего идеи «биологизма» социума: «Спенсер... разрушил мою веру до основания, показал, что я сам – всего лишь химический атом в круговороте неизвестных сил; осознание этого смутило мой разум» [цит. по: Батурин].

У Айн Рэнд, которая является создательницей собственной философской системы – объективизма, мы находим иное понимание природы человека и его связи с социумом. Американский философ и политолог С. М. Sciabarra следующим образом показывает эту связь: на первом уровне человек и общество связаны «ощущением жизни», на втором – индивидуальные условия сознания коррелируют с понятием «культура», на третьем – индивидуальные способы действия корреспондируют с понятием «политика» [Sciabarra 2017: 298]. Поэтому человек, по мнению Айн Рэнд, взаимодействует с социумом не по вертикали, но по горизонтали. Отрицая социальный паразитизм (к которому, по сути, и сводится идея социального дарвинизма), она утверждает независимость сильного человека от других и его

право (не обязанность!) включать себя в социальную жизнь. Так, в речи Джона Голта отчетливо слышна эта мысль: «Фермер не станет трудиться все лето, если не способен определить свои шансы на хороший урожай. Но вы ожидаете, что промышленные гиганты, строящие планы на десятилетия, требующие труда поколений, заключающие договоры на девяносто девять лет, будут работать, производить, понятия не имея, какой каприз, пришедший в голову случайному чиновнику, в какую минуту погубит все их усилия» [Рэнд 2009в: 417; Rand 2005: 974].

В целом, различия социального дарвинизма и объективизма обусловлены разными взглядами на природу невмешательства государства в дела индивидуума и, как следствие, разными причинами для его пропаганды [Bissel]. Основные различия можно представить в виде таблицы:

Социальный дарвинизм и объективизм Social Darwinism and Objectivism

Социальный дарвинизм	Объективизм
Индивидуум противопоставлен социуму	Индивидуум активно взаимодействует с социумом
Основной принцип: «выживает сильнейший»	Основной принцип: «выживает разумный»
Чтобы преуспел один, другие должны потерпеть неудачу	Чтобы преуспел один, не обязательно страдать другим
Социальный прогресс – это естественный и неизбежный процесс	Социальный прогресс не является неизбежным и обязательно достижимым
Идеал: альтруизм	Идеал: эгоизм

С. М. Sciabarra отмечает, что Г. Спенсер не является индивидуалистом в строгом смысле слова: обособленная рука понимается им как часть «органического целого», орбита Луны не может быть понята отдельно от остальной Солнечной системы и т. п. [Sciabarra]. При этом сама Айн Рэнд в своей статье *The Stimulus and The Response* (1972) определяет социальный дарвинизм и некоторые другие схожие философские системы (позитивизм, прагматизм и т. п.) как «a corpse patched with nuts, bolts and screws from the junkyard of philosophy» [Rand 1984: 68]. Практически единственный раз, когда Айн Рэнд отзывается о социал-дарвинизме положительно, – это ее письмо Леонарду Риду, основателю *Foundation of Economic Education*, где она интересуется работами Уильяма Грэхэма Саммера и Макса Хирша, которые показались ей интересными ввиду их индивидуализма [Bissel].

Другой важный аспект, который связан с изучением творчества Т. Драйзера, – это рецепция идей Н. Макиавелли. Главный герой трилогии Драйзера не брезговал средствами для достиже-

ния цели, не считался с нормами морали, считал общество заведомо аморальным. Возрожденческий идеал человека, «разлагаясь» в философии Макиавелли, перерастает в свою противоположность. Объективизм Айн Рэнд также обвиняли в «макиавеллизме», на что Айн Рэнд возражала, что рациональность «интригана в духе Макиавелли» стоит под сомнением. Она отмечала, что действия такого человека находятся «вне контекста», т. е. всего того, что имеет отношение к действию: «Первое правило рационального мышления – если вы цените собственную жизнь и верите, что она принадлежит вам, то должны признавать это право и за другими людьми. Нельзя доказать, что вы имеете право на свою жизнь, а другой человек не имеет» [Рэнд 2012: 198].

Романы Драйзера и Рэнд объединяет схожий тип героя, который, однако, таков только на первый взгляд. Сфера бизнеса, в которой проявляет себя главный герой трилогии Драйзера, аналогична таковой в «Библии» современных бизнесменов – романе «Атлант расправил плечи». Это железнодорожная дорога. Причем как у Драйзера, так и у Рэнд продемонстрировано внедрение инновационных методов перевозки: у первого изображен исторический переход на железную дорогу и метрополитен в США конца XIX – начала XX в., у второй – фантастическое допущение о внедрении нового типа металла для производства скоростного типа рельс. Мотив новаторства, сопровождающегося сопротивлением социума волевому решению гения, «титана», прослеживается у обоих авторов.

Одним из художественных приемов, которым активно пользуются оба писателя, является прием гиперболизации героя, что видно из названий обоих романов («Атлант расправил плечи» у Рэнд и «Титан» – вторая часть трилогии у Драйзера). Своеобразный «гигантизм» определяет облик ключевых персонажей как Драйзера, так и Рэнд. Драйзер так описывает своего главного героя: «И в сердце этого города, в его деловом центре, Фрэнк Алджернон Каупервуд вырос в фигуру огромного масштаба. Неудивительно ли, что некоторые люди растут и набирают силу до тех пор, пока не превратятся в такого колосса, что мир становится для них лишь подножием?» [Драйзер 2016б: 596–597; Dreiser 2008: 451–452]. Схожа также и композиционная структура: «Трилогия желания» трехчастна, как и «Атлант расправил плечи».

Образом, наиболее близким к образу главного героя трилогии Драйзера Фрэнку Каупервуду, у Айн Рэнд является Франсиско д'Анкония – тоже предприниматель-миллиардер. Как и Каупервуд, он талантливый финансист: «Его финансовое дарование считалось феноменальным; никто и

никогда не мог обыграть его ни в одном деле, и он умножал свое немыслимое состояние с каждой очередной сделкой, вместе с каждым предпринятым шагом, когда благоволил сделать его» [Рэнд 2009а: 68; Rand 2005: 56]. Как и Каупервуд – он увеличивает свое состояние от тома к тому. Как и Каупервуд, д'Анкония как будто бы обладает повышенной любвеобильностью, о его многочисленных похождениях даже пишут газеты. Однако разница между этими двумя героями раскрывается уже в лаконичной и едва заметной внешней характеристике. Драйзер любил сравнивать людей с животными, так и Фрэнк Алджернон Каупервуд описан у него в его «фирменной» манере: «Глаза Каупервуда смотрели дружески, приветливо, как глаза преданной овчарки. Они светились пониманием, сочувствием, более того, в них было философское осознание недоступного ему душевного мира» [Драйзер 2016б: 619; Dreiser 2008: 465]. Франсиско Доминго Карлос Андрес Себастьян д'Анкония представлен иначе: «Общее мнение утверждало, что он наделен жизненной силой здорового зверя, однако существовали смутные подозрения в его ошибочности. Он был наделен жизненной силой здорового человека [курсив Рэнд. – А. Г.], явлением настолько редким, что никто не мог опознать его. Франсиско был наделен силой уверенности» [Рэнд 2009а: 150; Rand 2005: 114]. Поскольку портрет является важнейшим средством выражения авторской позиции в литературоведении, этой формулировкой (и графическим выделением ключевого слова) Рэнд фактически вступает в полемику с социал-дарвинизмом Драйзера.

Характерно, что оба автора останавливаются подробно на описании детства этих двух героев. Фрэнк вырос в семье банкира и уже с детства проявлял задатки лидера: «Они [братья мальчика. – А. Г.] с детства привыкли смотреть на старшего брата как на главаря, с чьими словами следует считаться» [Драйзер 2015: 8; Dreiser 2013: 6]. Отношения Франсиско с друзьями детства Дагни и Эдди были иными: «Они не могли понять, кто кому принадлежит: они ему или он им. Разницы не было никакой: и в том и в другом случае они были счастливы» [Рэнд 2009а: 122; Rand 2005: 93]. Рэнд показывает своего героя окруженным равными ему личностями.

В диалоге между Джимом Таггертом и Франсиско о деньгах заключен важный смысл. Франсиско объясняет, что он должен увеличить состояние своих предков в два раза. Когда Джим спрашивает о том, для чего ему это, Франсиско объясняет, что считает умение делать деньги «величайшей из добродетелей». Джим возражает: «– Деньги делать может любой жулик.

– Джеймс, однажды тебе предстоит узнать, что каждое слово имеет свой смысл» [Рэнд 2009а: 124; Rand 2005: 94]. В чем разница между Джеймсом Таггертом и Франсиско д'Анкония? Первый делает деньги, чтобы сохранять свою власть. Второй – потому что такова его жизненная философия. «Франсиско смеялся потому, что видел за повседневностью нечто более великое. Джим же смеялся потому, что не хотел, чтоб нечто великое существовало» [Рэнд 2009а: 124; Rand 2005: 94].

Что же такое – это «великое»? Беседуя с Хэнком Риарденом, который считает его «наиболее презренным представителем» богатых людей, он говорит, наблюдая бурю за окном: «Какая ужасная ночь для любого животного, застигнутого непогодой на равнине... В такой момент понимаешь весь смысл человеческого существования» [Рэнд 2009а: 187; Rand 2005: 140]. Как видим, Айн Рэнд не только не сводила человека к животному, но и считала, что только человек способен подняться над окружающей его бурей, преодолеть стихию, покорить природу. Соответственно, лучшие герои ее романов могут быть только такими: стремящимися преодолеть себя, подчинить себе мир, этим *оправдывая* величие своего существования.

Безусловно, иначе трактуется талант героя Драйзера: «Призвание Каупервуда, как он его понимал, было в том, чтобы манипулировать материальными ценностями, или, точнее, их финансовыми эквивалентами, и таким путем наживать деньги» [Драйзер 2016б: 18; Dreiser 2008: 16]. Называет автор и философию, которую «исповедует» его герой: это субъективизм, признающий человека «чем угодно и ничем» [Драйзер 2016б: 18; Dreiser 2008: 16]. Была ли мораль у этой философии? Вряд ли. Отмечается, что Фрэнк «не придерживался никаких установленных правил <...> и поступал только так, как считал нужным» [Драйзер 2016б: 14; Dreiser 2008: 12].

Вот как объясняет Драйзер выбор своим героем профессии: «Наблюдая за отцом, считавшим деньги, он решил, что привлекательнее всего банковское дело» [Драйзер 2015: 11; Dreiser 2013: 9]. Выбор профессии финансиста приводит Фрэнка к осознанию того, что сильный всегда побеждает слабого. Безусловно, он был талантлив: «Он был финансистом по самой своей природе и все связанное с этим трудным искусством схватывал так же, как поэт схватывает тончайшие переживания, все оттенки чувств» [Драйзер 2016б: 13; Dreiser 2013: 10]. Но что стоит за его желанием делать деньги? «Однако он [Фрэнк. – А. Г.] еще не достиг исполнения всех своих честолюбивых замыслов, не сделался еще финансовым королем, не мог еще помериться силами с

капиталистами Восточных штатов – гигантами Уолл-стрита. А пока он не стал с ними в ряд, пока не построил свой дворец всем на зависть и на диво, пока не создал свою коллекцию, которая прославит его на весь мир, пока у него нет Беренис, нет желанного количества миллионов – как мало он еще достиг в сущности!» [Драйзер 2016б: 553; Dreiser 2008: 414–415]. Очевидно, что свой талант Фрэнк направил на достижение власти, на обретение популярности среди людей, на снискание восхищения в их глазах.

Различаются и отношения героев Рэнд и Драйзера с женщинами. Несмотря на слухи, ходящие вокруг его многочисленных любовных походов, Франсиско всю жизнь был верен одной женщине. Фрэнк же представляет собой типаж мужчины, открыто использующего женщин в своих целях: по сути, они для него не более чем трофеи, служащие для удовлетворения его тщеславия и жажды власти. Когда он понял, что первая жена постарела и больше не может обеспечивать ему блестящий выход в свет, он женится на другой, которую так же предает ради следующей (все это сопровождается одновременно многочисленными интрижками).

Несмотря на то что даже свое первое предприятие оба героя проворачивают одинаково (герой Рэнд втайне от отца выигрывает на фондовой бирже деньги, а герой Драйзера проделывает свою первую спекуляцию с мылом, выпросив у отца денег), в дальнейшем их жизнь складывается по-разному. Фрэнк Каупервуд становится финансовым магнатом, покоряющим вершину за вершиной. Франсиско д'Анкония методично разрушает свою финансовую империю. Используя прием умолчания, автор демонстрирует нам «моральное падение» своего героя (отчего он начинает напоминать героя Драйзера), лишь в финале романа раскрывая нам причины его поведения.

На протяжении всего романа «Атлант расправил плечи» читатель может наблюдать сходство между ее финансистом и финансистом Драйзера, и лишь чувство недоумения (в том числе – недоумения Дагни: «Тот юноша, которого она знала, не мог превратиться в жалкого труса» [Рэнд 2009а: 149; Rand 2005: 113]) мешает ему до конца поверить в то, что следующая фраза принадлежит реальному Франсиско, а не пародии на него: «– Вы спрашиваете, зачем я хочу делать деньги? У меня их достаточно, чтобы три поколения моих потомков могли наслаждаться жизнью в той же мере, что и я сам» [Рэнд 2009а: 148; Rand 2005: 113]. Кутежи Франсиско удивительно напоминают мотовство Фрэнка: первый устраивал вечеринки, на которых удивлял роскошеством и оригинальностью; второй – вкладывал деньги в роскошные особняки, в которых также устраивал бо-

гатые приемы, удивляя публику предметами искусства, также служащими ему единственно в целях удовлетворения его тщеславия.

Постепенно читатель понимает, что затеял д'Анкония. Разрушая собственные предприятия, он добивается разорения «паразитов», которые захватили США. Он ведет игру столь искусно, что никто и не догадывается о том, что трата денег вовсе не доставляет ему удовольствия. А ведь по своей натуре Франсиско обладает таким качеством, как *joy in living*. Как отмечает Sh. Milgram, изначально Рэнд «готовила» эту характеристику для своего главного героя – Джона Голта, но впоследствии основным носителем «гедонистического» начала в романе стал Франсиско [Milgram 2009: 97–98]. Айн Рэнд понимала это качество как «peculiar, deeply natural, serene, all-pervading joy in living» [цит. по: Milgram 2009: 97]. Герой Драйзера и тут схож с предпринимателем Рэнд: он полон жизни, энергичен, влюбчив и «похож на новый, только что отпечатанный доллар» [Драйзер 2016б: 618; Dreiser 2008: 463] (тем неожиданнее его внезапная болезнь и смерть).

В финале романа Драйзера (последняя часть трилогии «Стоик» не была завершена и по стилю очень сильно отличается от первых двух книг о Фрэнке Каупервуде: она как будто написана двумя разными людьми) возникает образ алчных «стервятников»: «Слишком много стервятников набросилось под прикрытием закона на состояние Фрэнка после его смерти» [Драйзер 2016а: 467; Dreiser 2009: 241]. Драйзер, сам того не осознавая, показал в финале трилогии тех самых «паразитов», которых обличала Рэнд в своих статьях и книгах: разрушив планы Фрэнка, всю жизнь собиравшего свое состояние, толпа «коршунов» отобрала все его деньги, пустила с молотка его великолепную коллекцию картин и скульптур в своем дворце, который он хотел превратить в бесплатный музей. Драйзер неоднократно подчеркивал, что состояние досталось его герою нелегко: он не был богат от рождения, ему с трудом удавалось завоевывать себе авторитет в обществе (также в силу особенностей индивидуалистического характера). «На протяжении всей истории человечества деньги всегда крали грабители всех сортов, их имена изменялись, но метод оставался прежним: захватывать богатство силой и держать производителей связанными, униженными, бесправными, бесправными» [Рэнд 2009б: 96; Rand 2005: 384], – так об подобных историях говорит Франсиско д'Анкония, герой Рэнд.

Драйзер показывает, что даже перед смертью его герой думает о делах, которые отнюдь не заключаются в том, чтобы просто заработать побольше денег: «Есть обстоятельства, затрагива-

ющие интересы сотен доверившихся мне людей, не говоря уже о миллионах лондонцев, которые до сих пор не имели возможности выезжать за пределы ближайших кварталов» [Драйзер 2016а: 378; Dreiser 2009: 190]. Каупервуд имеет в виду строительство метро в Лондоне, которому в силу своего консерватизма сопротивляются власти Великобритании. Последняя «авантюра» Каупервуда, описанная в заключительном романе трилогии, предпринимается им вовсе не ради денег, о чем он говорит прямо: «И сказать по правде, до чего все это бессмысленно... Лет нам с тобой уже немало, и вот мы зачем-то ввязываемся в эту новую авантюру, которая – удастся она или нет – не может для нас с вами так уж много значить» [Драйзер 2016а: 185; Dreiser 2009: 90]. Далее Фрэнк резюмирует, что, в сущности, человеку надо всего лишь «поесть, выпить, порадоваться подольше жизни» [Драйзер 2016а: 185; Dreiser 2009: 90]. Этот вывод противоречит всему тому, что герой делает: он вполне мог бы радоваться жизни на склоне лет, однако что же не дает ему остановиться? На этот вопрос, думается, исчерпывающе ответил бы Хэнк Риарден, которому Франсиско д'Анкония задает вопрос, для чего он создал свои революционные рельсы: «Существуют куда более простые способы делать деньги. Почему вы выбрали самый трудный?». На это он слышит ответ: для того, «чтобы обменять мои лучшие усилия на лучшие усилия других людей» [Рэнд 2009б: 141; Rand 2005: 419].

Сам Франсиско в финале романа представлен как победитель: внеся свой вклад в разрушение мира «паразитов», он обосновался в Атлантиде, где у него был свой собственный рудник. Возвращаясь в конце концов во внешний мир, Франсиско олицетворяет собой символ нового мира, его свободы: «Услышав следующую фразу, Франсиско резко вскинул голову и рассмеялся; это был радостный смех, смех победы, смех свободы, смех избавления» [Рэнд 2009в: 534; Rand 2005: 1069].

Драйзер, подводя нас в «Стоике» к мысли о тщетности усилий своего героя, о пустоте его жизни, потраченной на зарабатывание миллионов, на самом деле демонстрирует природу американского общества, в котором существуют «титаны» и «стервятники». Кроме того, внимательному читателю становится очевидно противоречие: в первых томах герой представлен совершенно бездушным, озабоченным лишь деньгами существом, а в последнем томе – альтруистом, внезапно заговорившим о нуждах простых людей.

Сама Айн Рэнд отмечала относительно творчества Драйзера: «Теодора Драйзера я бы втиснула где-то между Эптоном Синклером и литературой. На деле писать он не умеет. Если отрешиться от содержания, его вещи не имеют ни

структуры, ни стиля» [Рэнд 2012: 236]. Такая нелицеприятная оценка, конечно же, одной из причин имеет разницу в мироощущении авторов: Драйзер стремился показать все несовершенства американского общества, в качестве образца «правильного» беря советскую политику. Айн Рэнд же, напротив, критикуя социализм, старалась увидеть лучшее в капиталистической системе (во многом и формируя ее в США своими текстами). Отсюда разница в изображении и оценке образов предпринимателей в романах обоих писателей.

Случай Драйзера и Рэнд, их диалога, проявившегося столь ярко уже в XXI в., в целом вписывается в более широкий контекст – взаимоотношений России и США. Профессор Европейского университета (Санкт-Петербург) И. Курилло отмечает, говоря о национальной идентичности: «Для того чтобы осознать, каким образом используется образ одной страны в общественном мнении другой, стоит применить метод, который ученые называют конструктивистским... Любая социальная группа... рассматривает себя, отвечая на вопрос «Кто мы такие?». Часто объяснение дается через противопоставление себя какой-то другой нации. И очень часто конституирующим... являются соседи. Так происходит с большими и могущественными нациями. <...> По меньшей мере с конца XIX в. они являлись друг для друга таким конституирующим Другим: Россия – для США, а США – для России» [Курилло]. Драйзер и Рэнд – это два писателя, которые конструировали в романах каждый свою собственную реальность, основанную на их представлениях о социализме и капитализме как о двух противоположных политических системах. Их романы о предпринимателях метафорически «смотрятся» в зеркало противоположной страны: американец Драйзер смотрит в сторону социалистической России, а русская Рэнд – в сторону капиталистических США, и каждый по своему идеализирует противоположную сторону.

Примечание

¹ Айн Рэнд – ярая сторонница отделения экономики от государства. В своем интервью Филу Донахью она отмечает, что государственный контроль должен быть минимальным (только базовые функции: суд, полиция, армия) [Интервью Филу Донахью].

Список литературы

Батурич С. Драйзер. URL: <http://americanlit.niv.ru/american-lit/baturin-drajzer/index.htm> (дата обращения: 22.04.2018).

Вильгоцкий А. Кто такая Айн Рэнд? М.: АСТ, 2015. 352 с.

Гиленсон Б. История литературы США: учеб. пособие. М.: Academia, 2003. 704 с.

Гуревич П. Философия человека. Ч. 2. М.: ИФРАН, 2001. 209 с.

Драйзер Т. Титан / пер. с англ. М.: Изд-во «Э», 2016б. 704 с.

Драйзер Т. Трагическая Америка / пер. с англ. М.: Гослитиздат, 1952. 176 с.

Драйзер Т. Стоик / пер. с англ. М.: Изд-во «Э», 2016а. 480 с.

Драйзер Т. Финансист / пер. с англ. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 608 с.

Засурский Я. Теодор Драйзер. URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/zasurskij-drajzer/index.-htm> (дата обращения: 22.04.2018).

Курилло И. Почему Россия и Америка думают друг о друге. URL: <https://arzamas.academy/courses/46/1> (дата обращения: 22.04.2018).

Мирасова К. Н. Романное творчество Айн Рэнд в контексте массовой литературы США: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2017. 178 с.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. Ч. 1 / пер. с англ. М.: Альпин Бизнес Букс, 2009а. 436 с.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. Ч. 2 / пер. с англ. М.: Альпин Бизнес Букс, 2009б. 424 с.

Рэнд А. Атлант расправил плечи. Ч. 3 / пер. с англ. М.: Альпин Бизнес Букс, 2009в. 538 с.

Рэнд А. Заметки об истории американского свободного предпринимательства // Рэнд А. Капитализм: Незнакомый идеал / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2016. С. 124–133.

Рэнд А. Мы живые / пер. с англ. М.: Альпина Паблишерз, 2011. 473 с.

Рэнд А. Ответы: Об этике, искусстве, политике и экономике / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2012. 282 с.

Айн Рэнд. Интервью Филу Донахью. Ч. 2. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=1&v=FAcXOodRUqM (дата обращения: 22.04.2018).

Bissel A. Social Darwinism // The Atlas Society. URL: <https://atlassociety.org/commentary/commentary-blog/4119-social-darwinism> (дата обращения: 22.04.2018).

Dreiser Th. The Financier. СПб.: КАРО, 2013. 576 с.

Dreiser Th. The Titan. СПб.: КАРО, 2008. 576 с.

Dreiser Th. The Stoic. СПб.: КАРО, 2009. 512 с.

Milgram Sh. The Spirit of Francisco d'Anconia: The Development of His Characterization // Essays on Ayn Rand's *Atlas Shrugged* / ed. by R. Mayhew. N. Y.: Lexington Books, 2009. P. 96–111.

Rand A. Atlas Shrugged. N. Y.: Signet, 2005. 1080 p.

Rand A. The Stimulus and the Response // Rand A. Philosophy: Who Needs It. N. Y.: Signet, 1984. P. 68–78.

Sciabarra C. Reply to the Critics of *Russian Radical 2.0: The Dialectical Rand* // The Journal of Ayn Rand Studies. Vol. 17, No. 2. December 2017. P. 321–357.

Sciabarra C. The First Libertarian. URL: <https://www.nyu.edu/projects/sciabarra/essays/spencer.htm> (дата обращения: 22.04.2018).

References

Baturin S. *Draizer* [Dreiser]. Available at: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/baturin-drajzer/-index.htm> (accessed 22.04.2018). (In Russ.)

Vil'gotsky A. *Kto takaya Ayn Rend?* [Who is Ayn Rand?]. Moscow, AST Publ., 2015. 352 p. (In Russ.)

Gilenson B. *Istoriya literatury SShA: uchebnoe posobie* [The history of the US literature: textbook]. Moscow, Academia Publ., 2003. 704 p. (In Russ.)

Gurevich P. *Filosofiya cheloveka. Ch. 2* [The philosophy of human. Part 2]. Moscow, IFRAN Publ., 2001. 209 p. (In Russ.)

Dreiser Th. *Titan* [The Titan]. Moscow, Izdatel'stvo «E», 2016b. 704 p. (In Russ.)

Dreiser Th. *Tragicheskaya Amerika* [Tragic America]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1952. 176 p. (In Russ.)

Dreiser Th. *Stoik* [The Stoic]. Moscow, Izdatel'stvo «E», 2016a. 480 p. (In Russ.)

Dreiser Th. *Finansist* [The Financier]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2015. 608 p. (In Russ.)

Zasurskiy Ya. *Teodor Draizer* [Theodore Dreiser]. Available at: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/zasurskij-drajzer/index.htm> (accessed 22.04.2018). (In Russ.)

Kurillo I. *Pochemu Rossiya i Amerika dumayut drug o druge* [Why do Russia and America think about each other]. Available at: <https://arzamas.academy/courses/46/1> (accessed 22.04.2018). (In Russ.)

Mirasova K.N. *Romannoe tvorchestvo Ayn Rend v kontekste massovoy literatury SShA. Diss. kand. filol. nauk* [Ayn Rand's novel writing in the context of mass literature of the USA. Cand. philol. sci. diss.]. Kazan, 2017. 178 p. (In Russ.)

Rand A. *Atlant raspravil plechi. Ch. 1* [Atlas shrugged. Part 1]. Moscow, Alpin Business Books Publ., 2009а. 436 p. (In Russ.)

Rand A. *Atlant raspravil plechi. Ch. 2* [Atlas shrugged. Part 2]. Moscow, Alpin Business Books Publ., 2009b. 424 p. (In Russ.)

Rand A. *Atlant raspravil plechi. Ch. 3* [Atlas shrugged. Part 3]. Moscow, Alpin Business Books Publ., 2009с. 538 p. (In Russ.)

Rand A. *Zametki ob istorii amerikanskogo svobodnogo predprinimatelstva* [Notes on the history of American free enterprise]. Rand A. *Kapitalizm: Neznakomyy ideal* [Capitalism: The unknown ideal]. Moscow, Alpina Publisher, 2016, pp. 124–133. (In Russ.)

Rand A. *My zhivye* [We the living]. Moscow, Alpina Publisher, 2011. 473 p. (In Russ.)

Rand A. *Otveti: Ob etike, iskusstve, politike i ekonomike* [The answers: the best of her Q & A]. Moscow, Alpina Publisher, 2012. 282 p. (In Russ.)

Ayn Rand. *Interv'yu Philu Donakh'yu. Ch. 2* [Ayn Rand. The interview to Phil Donahue. Part 2]. Available at: https://www.youtube.com/watch?time_continue=1&v=FACxOodRUqM (accessed 22.04.2018). (In Eng.)

Bissel A. *Social Darwinism*. The Atlas Society. Available at: <https://atlassociety.org/commentary/-commentary-blog/4119-social-darwinism> (accessed 22.04.2018). (In Eng.)

Dreiser Th. *The Financier*. St. Petersburg, KARO Publ., 2013. 576 p. (In Eng.)

Dreiser Th. *The Titan*. St. Petersburg, KARO Publ., 2008. 576 p. (In Eng.)

Dreiser Th. *The Stoic*. St. Petersburg, KARO Publ., 2009. 512 p. (In Eng.)

Milgram Sh. The Spirit of Francisco d'Anconia: The Development of His Characterization. *Essays on Ayn Rand's Atlas Shrugged*. New York, Lexington Books, 2009, pp. 96–111. (In Eng.)

Rand A. *Atlas Shrugged*. New York, Signet, 2005. 1080 p. (In Eng.)

Rand A. The Stimulus and the Response. Rand A. *Philosophy: Who Needs It*. New York, Signet, 1984, pp. 68–78. (In Eng.)

Sciabarra C. Reply to the Critics of Russian Radical 2.0: The Dialectical Rand. *The Journal of Ayn Rand Studies*, 2017, vol. 17, issue 2, December, pp. 321–357. (In Eng.)

Sciabarra C. *The First Libertarian*. Available at: <https://www.nyu.edu/projects/sciabarra/essays/spencer.htm> (accessed 22.04.2018). (In Eng.)

THE IMAGES OF ENTERPRISERS IN T. DREISER'S NOVEL “THE TRILOGY OF DESIRE” AND AYN RAND'S NOVEL “ATLAS SHRUGGED”

Anastasiya V. Grigorovskaya

Associate Professor in the Department of Russian and Foreign Literature

Tyumen State University

6, Volodarskogo st., Tyumen, 625003, Russian Federation. a.v.grigorovskaya@utmn.ru

SPIN-code: 2478-7271

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9282-313X>

ResearcherID: H-9881-2018

Submitted 02.05.2018

The article provides a comparative analysis of the images of enterprisers in novels by two American writers – Theodor Dreiser and Ayn Rand. The images of Frank Cowperwood, a character of Dreiser's *The Trilogy of Desire*, and Francisco d'Anconia, a character of Rand's *Atlas Shrugged*, have some superficial resemblance. However, a closer examination clarified that Dreiser and Rand are persons of different worldviews, which affected the representation of the enterpriser's image in the novels. The author of the article compared the novels in the context of the two writers' worldviews, differing in understanding of the essence of socialism and capitalism as two sociopolitical systems. Their philosophical views were also different: Dreiser adhered to positivism, while Rand created her own philosophical system of objectivism. The author analyzes their statements about famous American enterprisers and draws a conclusion that Dreiser and Rand estimated the enterprisers' contribution to the development of the American society in a diametrically opposite way. Analyzing the novels, the author traces and compares two stories of the formation of the two characters-enterprisers. As a result, it is concluded that both authors can be included in a wider context of the dialogue of two cultures: Russian and American. The writers' views on the image of enterpriser were different because of the different understanding of business and its role in society. Ayn Rand was born and grew up in Russia, and so she had the experience of living in a socialist country. America became some kind of “mirror” for her that reflected the drawbacks of her homeland. Her aspiration to “recast” capitalism is similar to Dreiser's aspiration to eradicate it, but Dreiser turned to the experience of socialist Russia.

Key words: American literature; Ayn Rand; Theodor Dreiser; image of enterpriser; capitalism.

УДК 821.161.1

doi 10.17072/2037-6681-2018-3-117-130

СУДЬБА КОНЦЕПТА В ЛИТЕРАТУРЕ: ПУШКИНСКИЙ «ПРОРОК» В ДИАЛОГЕ С РУССКОЙ КУЛЬТУРОЙ

Светлана Борисовна Королева**д. филол. н., доцент кафедры преподавания
русского языка как родного и иностранного
Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова**

603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а. klimova1@hotmail.com

SPIN-код: 8621-0051

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7587-9027>

ResearcherID: M-2854-2016

У Байчжэнь**магистр, доцент факультета русского языка
Северо-Восточный нефтяной университет (КНР)**

163318, Китай, г. Дацин, ул. Фачжэнь, 199. eyu06@126.com

SPIN-код: 8850-5626

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4791-2301>

ResearcherID: J-8959-2018

*Статья поступила в редакцию 15.05.2018***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:**

Королева С. Б., У Байчжэнь. Судьба концепта в литературе: пушкинский «Пророк» в диалоге с русской культурой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 117–130. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-117-130

Please cite this article in English as:

Koroleva S. B., Wu Baizhen. Sud'ba kontsepta v literature: pushkinskiy «Prorok» v dialoge s russkoy kul'turoy [The Concept's Fate in Literature: Pushkin's "Prophet" in dialogue with Russian culture]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 117–130. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-117-130 (In Russ.)

Концепт ПРОРОК является одним из значимых концептов русской культуры. Его внутренняя форма характеризуется напряженной противоречивостью. Она обусловлена различиями между оценочно-ассоциативными полями, связанными, с одной стороны, с христианскими корнями концепта и, с другой – с морфемной структурой слова «пророк». В XVIII в. концепт приобретает особый антично-просветительский слой, актуальный и в начале XIX в., в том числе для юного Пушкина. В поэзии Г. Р. Державина и И. И. Дмитриева при этом ясно проявляются смыслы ядра концепта. В начале XIX в. в поэзии декабристов формируется еще один – декабристский, гражданственно-политический слой концепта ПРОРОК.

А. С. Пушкин в стихотворении «Пророк» выстраивает свой диалог с «пророческим канонem» русской литературы, отталкиваясь от декабристской разработки пророческой темы и устремляясь к смыслам ядра концепта ПРОРОК – тем, которые разрабатывались и у Державина, и тем, которые еще не играли существенной роли в русской поэзии. В то же время в стихотворении Пушкина сохраняются такие значимые смыслы декабристского и антично-просветительского слоев, как гражданственная миссия и боговдохновенная красота поэзии. Основной акцент в сюжете при этом сдвигается у Пушкина с пророчества как миссии на мучительное духовно-физическое преображение поэта – преображение в евангельском ключе обожения человека. Через вопрос о личном выборе поэта, синергичном

акте его призвания Богом, мученичестве духовно-телесного преображения пушкинский «Пророк» сближает два разнонаправленных смысловых импульса, заложенных во внутренней форме концепта ПРОРОК, и освещает призвание поэта как очищение-призывание людей к Вечности через боговдохновенную поэзию.

Ключевые слова: общекультурный концепт; концепт в литературе; пророк; образ; русская поэзия; декабристы; Пушкин.

1

ПРОРОК – один из значимых концептов русской культуры, русской ментальности. Имея длительную историю существования, концепт ПРОРОК в разные эпохи обрастал различными интерпретативными слоями, и их смыслы были связаны с определенным кругом авторов, идей, образов, а опосредованно – и исторических событий. Круг задач настоящего исследования очерчивается попыткой установить внутреннюю форму концепта [Степанов 2001: 48] и, опираясь на нее, определить основные особенности содержания его актуального слоя в стихотворении А. С. Пушкина «Пророк». Иными словами, цель работы состоит в выявлении основных ценностных, смысловых, образных особенностей содержания концепта [Карасик 2001] ПРОРОК в «Пророке» А. С. Пушкина в сопоставлении с его внутренней формой, ядром и актуальным слоем в произведениях поэтов пушкинского круга.

Анализ концепта ПРОРОК в стихотворении Пушкина в контексте актуального слоя концепта в произведениях поэтов пушкинской поры опирается на методiku, предложенную В. Г. Зусманом – в частности, на следующее его положение: «Концепты в художественной литературе возникают как результат взаимодействия внутренней формы слова-произведения со “словесными и общекультурными стереотипами”» [Зусман 2001: 21].

Внутренняя форма концепта, по мысли Ю.С. Степанова, связана с «внешней словесной формой» и определяется этимологическим значением слова, вербализующего концепт [Степанов 1997: 43]. Особенностью внутренней формы концепта ПРОРОК является противоречие между этимологией слова «пророк» и его словообразованием. Русское слово появилось в результате кальки с греческого *προφήτης* [Фасмер 1987: 377]. Этимология указывает на православный контекст вхождения слова в русскую культуру, на общность представления о пророке как о «глашатае воли Божией» в русском и греческом православии [Вихлянцев 2010: 379]. Особое внимание следует обратить на то, что за библейскими пророками был закреплен круг определенных сюжетов – об абсолютном послушании Господу (Авраам), о водительстве, наставлении народа (Моисей), о чудотворении (Илия, Исая и другие), об обличении неправедности правите-

лей, греховности народа (Елисей, Иезекииль и другие), о прорицании будущего.

Имена библейских пророков, сюжеты, православные ценностные ориентиры сформировали ядро – первичное смысловое поле концепта ПРОРОК. Оно подразумевало опору на категорию сакрального и включало представление об удаленности пророка от мира обыденной человеческой жизни, приобщенность к его божественной Истине.

Вместе с тем словообразовательная модель слова «пророк» отсылает нас к другому полю значений: слово составлено из «префикса про в значении “заранее, перед”» и корня рок, означающего “тот, кто изрекает”» [Крылов 2005: 325]. Исходя из морфемного состава слова, можно думать, что «пророк» – это человек, который просто способен предрекать будущее. Словообразовательная модель подталкивает к снижению библейского ассоциативного поля концепта, к десакрализации образа пророка. На выраженность этого сниженного поля значений в концепте ПРОРОК в его бытовании в народной культуре первой половины XIX в. указывает статья «прорекать» в «Толковом словаре» В. И. Даля: здесь значению слова «пророк» даются следующие разъяснения: «озаренный Богом провозвестник»; «кому дан свыше дар провидения, или прямой дар бессознательного, но верного прорицания» [Даль 1978–1980: 505]. Приводятся соответствующие глаголы: прорекать, пророчить, предсказывать, предвещать, провидеть и разоблачать будущность. На снижение статуса «пророка» указывают и проводимые Далем пословицы: «И не пророк, да отгадчик»; «Не всякому пророку верь»; «Нет пророка без порока» и – даже «Меж слепых и кривой пророк».

Таким образом, во внутренней форме и связанном с ней «ядре» концепта наблюдается борьба двух смысловых полей: комплекса, сформированного кругом библейских сюжетов о пророках в контексте ценностных установок православной культуры, и комплекса, подразумевающего «простой», не связанный с категориями сакрального и Вечного дар предвидения, предреkania будущего. Напряжение между этими смысловыми полями внутри ядра концепта ПРОРОК несло в себе возможность его динамичного развития.

Пушкинская эпоха не была абсолютно новаторской в отношении развития смысловой структуры концепта ПРОРОК. Уже в знаменитой оде Г. Р. Державина «Фелица» (1782) находим такие два использования слова «пророк», которые свидетельствуют об усложнении смысловой структуры концепта в русской литературе и культуре. В оде изображается просьба поэта, обращенная к «великому пророку»: «Прошу великого пророка, / Да праха ног твоих коснусь, / Да слов твоих сладчайших тока / И лицезренья наслажусь!» [Державин 1987: 40]. Под «великим пророком», конечно, подразумевается пророк Мохаммед, что вполне органично вписывается в поэтическое обыгрывание Державиным своего татарского происхождения (ср.: «Видение мурзы», «Послание Мурзы Багрима к царевне Доброславе»). Называние «пророком» Мохаммеда включает в поле концепта ПРОРОК в произведении Державина как большой образно-смысловой ряд, связанный с мусульманством, так и намек на переосмысление образа самого Христа, намек на возможность его уравнивания со многими в «статусе» пророка (как это есть в мусульманстве).

Второе употребление слова «пророк» в оде Державина отсылает нас к традиционному представлению о пророке как «глазе Божьем»: «Ты здраво о заслугах мыслишь, / Достойным воздаешь ты честь, / Пророком ты того не числишь, / Кто только рифмы может плести <...>» [там же: 37]. Расширение поля концепта в державинской оде происходит за счет прямого ассоциирования образа пророка с образом поэта. У Державина оно построено по принципу отрицания: стихотворение утверждает справедливость суждения Фелицы о том, что не всякий, умеющий «рифмы плести», является пророком. Однако не отрицается сама возможность того, что поэт может быть пророком. Более того, суждение Фелицы в контексте исключительности ее образа подразумевает, что другие часто ложно любого поэта считают пророком.

Действительно, в просветительской поэзии XVIII в. суждение о поэте как о пророке было общим местом. «Пророчество» понималось, как правило, не в библейском контексте, но в связи с античной (эллинистической, а затем имперской римской) традицией восприятия поэта как «пророка муз и Аполлона» – «вдохновенного пророка, посредника между обществом и божеством» [Гаспаров 1985: 328]. Вхождение в общекультурный концепт ПРОРОК нового ассоциативного поля, укорененного в античной традиции поклонения красоте и жизненной силе, было связано с влиянием на русскую культуру XVIII в. европейского классицизма и Просвещения. Это новое поле вмещало в себя не только античные идеалы

бог вдохновенной поэзии, «цивилизующего» посредничества между богами и людьми, но и (через ассоциацию пророка с поэтом-пиитом) такие специфические просветительские ценности, как общественная польза и гражданственное служение [Гайворонская 2012].

Свою жизненность это новое антично-просветительское поле концепта сохранило и в начале XIX в. Свидетельство этому находим, в частности, в строках о Ломоносове одного из «Посланий» К. Н. Батюшкова от 1815 г., – произведения, которое А. С. Пушкин прекрасно знал и с которым вел поэтическую полемику в стихотворении «Отрок» [Григорьева 1981; Кибальник 1990; Мальчукова 1994]:

Наш Пиндар чувствовал сей пламень потаенный,
Сей огонь зиждительный, дар бога драгоценный,
От юности в душе небесного залог,
Которым Фебов жрец исполнен, как пророк.
[Батюшков 1977: 283]

Антично-просветительское поле концепта ПРОРОК отчасти выстраивает и образность стихотворения В. Г. Кюхельбекера «Жребий поэта» (1824): здесь поэт назван «пророком радостных богов», «снедаемым огнем священным», «неистовым» жаром поэтической страсти [Кюхельбекер 1989: 73–74].

На то, что в поэтическом сознании А. С. Пушкина освоение общекультурного концепта ПРОРОК происходит с первичной опорой именно на это антично-просветительское поле, указывает сам поэт в послании Дельвигу 1830 г.¹ Здесь находим и «Феба», и образ человека-игрушки в руках богов, и отсылку к традициям державинской поэзии:

Мы рождены, мой брат названный,
Под одинаковой звездой.
Киприда, Феб и Вахх румяный
Играли нашею судьбой.

Явились мы рано оба
На ипподром, а не на торг,
Вблизи державинского гроба,
И шумный встретил нас восторг.
[Пушкин 1977: 185]

Было бы, однако, неверным упрощением описывать общее бытование концепта ПРОРОК в русской литературе XVIII в. – начала XIX в. только в плане его антично-просветительского поля. Христианские, ветхозаветные смыслы его ядра продолжают воздействовать на образность русской поэзии. Неслучайно в творчестве И. И. Дмитриева и Г. Р. Державина явлено представление о вдохновенности истинной поэзии Святым Духом. Державин в целом ряде стихотворений («На тщету земной славы», 1795; «Бес-смертие души», 1797; «Издателю моих песней»,

1808 и др.) говорит от имени поэта, наделенного Духом Святым не просто поэтическим даром, но даром пророчествовать истину (подробнее об этом см.: [Ларкович 2009]):

Язык мой истину вещает,
Премудрость сердце говорит;
Что свыше Дух Святой внушает,
Моя то лира днесь звучит.
[Державин 1831–1833: 55]

Схожим образом в «Духовной песне...» (1795) И. И. Дмитриева, поэтически перерабатывающей 48-й псалом ветхозаветного пророка и царя Давида, создается образ поэта, чей дух просвещен и возвышен Духом Святым:

Высоку песнь взывает лира,
Святой меня восхитил дух:
Я возношуся, я пылаю,
Я в горних небесах читаю
И важны истины пою!
[Дмитриев 1967]

Сохраняются и христианские смыслы обличения человеческих пороков, несправедливости, страстей; наставничества и призывания к милосердию и праведности. Упомянутое выше стихотворение Дмитриева заканчивается призывом:

Злодеи! бойтесь, трепещите!
А вы, гонимы, не ропщите!
Есть бог, есть вечность обоим.

Державинское «На тщету земной славы» оканчивается красноречивым наставлением-предупреждением власть имущим:

На вышней степени мы власти
Свою теряем высоту:
В порочные упавший страсти
Подобен человек скоту.
[Державин 1831–1833: 57]

Таким образом, к началу XIX в. в русской культуре формируется и активно разрабатывается антично-просветительский слой концепта ПРОРОК вокруг образа поэта-пророка с акцентами на идеалах возвышенной красоты и гражданственного служения поэзии. В художественной литературе этот новый слой взаимодействует с христиански ориентированным полем ядра концепта, в связи с чем поэт предстает не только в образе «жреца муз и Аполлона», но и в образе певца, вдохновленного Духом Святым на возведение истины, духовное наставничество и обличение пороков.

2

В творчестве поэтов-декабристов формируется новое смысловое поле общекультурного концепта ПРОРОК. В целом ряде декабристских стихотворений Ф. Н. Глинки и В. К. Кюхель-

бекера начала 20-х гг. прослеживается единый сюжет отталкивания от комплекса антично-просветительских смыслов в изображении поэта и обращения к ветхозаветным сюжетам в русле нового героико-политического осмысления образа поэта-пророка. Обобщая, можно утверждать, что в декабристской поэзии создается новое героико-политическое поле общекультурного концепта ПРОРОК.

Стихотворения Ф. Н. Глинки о пророчестве опираются (как и стихотворение Пушкина) на библейский сюжет о призвании Богом Исаяи. На первый взгляд их образность, стилистика, оценочно-смысловая структура выстроена вполне в соответствии с библейским текстом. Однако прямая отсылка к казни декабристов («Твоих зарезали Пророков») в хронологически последнем стихотворении этого ряда – «Илия – Богу» (1826 или 1827) позволяет выстроить более точную с исторической, биографической точки зрения перспективу. Слово «пророк» в творчестве поэта-декабриста Ф. Н. Глинки наполняется новым содержанием, через которое в концепт ПРОРОК входит декабристский оценочно-смысловой и образный ряд. «Мы», «я», зарезанные «Пророки» в стихотворении «Илия – Богу» – это, очевидно, не столько образы поэта, осознающего свою «гражданскую миссию» обличения властителей и готового на личный подвиг во имя правды [Сурат 1995: 237], сколько образы идеального декабриста – человека высокой нравственности, с живой душой и совестью, трагически переживающего социальную несправедливость и готового бороться за правду. Здесь «пророк» оказывается не одним, высшим избранником Бога, обличающим и прорицающим, но одним из немногочисленного круга «пророков» – дворян-декабристов:

Мы ждём и не дождёмся сроков
Сей бедственной с нечестьем при:
Твоих зарезали Пророков,
Твои разбили алтари! <...>
И я теперь жалец пустыни,
Я плачу пред тобой один!
[Глинка 1957: 253]

Именно в этом ключе – как обобщенный внутренний образ декабриста – «пророк России» представлен в так называемом «стихотворении о повешенных» – по-видимому, самой ранней версии пушкинского «Пророка», написанной в состоянии «великой скорби» после казни пяти восставших: «Встань, встань, пророк России, / В позорны ризы облекись, / Иди, и с вервием на выи / К убийце грозному явись» [Пушкин 1948: 461].

В самом раннем стихотворении ряда «пророческих» произведений Ф. Н. Глинки – «Призвании Исаяи» (1822), написанном еще в период

формирования декабристского Северного общества, Господь-Егова, обращаясь к Исае, называет то, с чем ему предстоит бороться, о чем ему предстоит пророчить: скрытый «покровами» «порок» в народе, коварство душ и черствость сердец, «поддел и ложь», несправедливость «сильных и князей», – и это последнее оказывается самым страшным из пороков. Слова Бога к Исае становятся обращением ко всем «сильным»:

Омой корыстную десницу,
Лукавство вырви из души,
Будь нищим друг, спасай вдовицу!
Тогда, без жертв своих, спеши,
Как добрый сын, ко мне пред очи:
Я все грехи твои стерплю <...>
[Глинка 1957: 152]

Пророк в стихотворении не только обличает: он наблюдает изменение в настроении («Я зрю мятеж и страх в умах»), признаки близости Божьего гнева («Промчался с криком коршун жадный, / Послышав гибель на полях») и пророчит о «жнецах», которых «Бог пошлёт» для «жатвы», – тех, кто восстанет 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади против крепостного права и самодержавия.

Образ поэта-пророка в поле слияния античных и библейских ассоциаций, в русле романтических образов страсти и мятежности и противостояний «поэт – толпа» и «поэт – судьба», разрабатывается в творчестве В. К. Кюхельбекера. В стихотворении «Участь поэтов» (1823) поэты-пророки, награжденные «пламенем дарований», гонимы «презренной толпой» и «чёрной судьбой»; их жизненный путь – путь «мук» и «печалей», и это сближает их образ с образом Христа («Вам нестерпим кровавый блеск венца, / Который на чело певца / Кладёт рука камен <...>») [Кюхельбекер 1986: 134]. В стихотворении «Проклятие» (1822) ясно обозначена не только святость, божественность поэтического дара, но и необходимо обличительная его направленность:

Предаст злодея поруганью
Святой, неистовый пророк <...>
[Кюхельбекер 1989: 67]

Образность стихотворения «Жребий поэта» (1824) представляет собой сплав античных образов с библейскими («И на главе певца считают / И каждый сохраняют влас; Гремят его хвалы и клятвы / Для запада позднейших дней. / Он сеет их для верной жатвы.») [Кюхельбекер 1989: 74], а также с идеями-образами, свойственными предромантизму и романтизму (буря, гроза, борьба, судьба, неистовство, страсти). Этот сплав соответствует специфике создаваемого образа поэта, сжигаемого огнем поэзии и страсти. Он от века наделен Чьей-то неизвестной, но всемогущей

властью «всесильным гласом» «вещих песней», направленных против «извергов и змей» и равно потрясающих мир людей и мир богов.

«Пророчество» Кюхельбекера (1822), как и «Призвание Исая» Ф. Глинка, отсылает к ветхозаветному сюжету избрания поэта Богом к пророчеству. Античная образность здесь полностью уступает место библейской, и поэт-пророк, призванный возвестить «глас Господень» о неправедности «Сильных», о «Свободе» народа, о «коварстве» и грядущем падении «Альбиона», встает в один ряд с теми, чьими руками творилась воля Божья на протяжении всей истории человечества: с турками-османами, разрушившими Византийскую империю, с Суворовым, усмиряющим и побеждающим османцев. На призыв Господа поэт отвечает со ссылкой на Евангелие:

А я – и в ссылке, и в темнице
Глагол Господень возвещу: <...>
Тобой сочтен мой каждый влас!
[там же: 67]

Как известно, Пушкин не только был знаком с «Пророчеством» Кюхельбекера, но и жестко критиковал его в письме к брату – следовательно, внимательно читал [Тынянов 1934]. По мнению С. А. Кибальника, именно «Пророчество» Кюхельбекера является «ближайшим претекстом» пушкинского «Пророка» [Кибальник 1998]. Как и в других декабристских стихотворениях о поэте-пророке, в этом тексте дар поэзии – дар «возвещения» истины – представляется «в готовом виде»: поэт изначально одарен Богом «пламенем» и «силой» «воздвигать народы», прямое призвание его Господом к пророчеству необходимо потому, что он, будучи в состоянии духовного «леностного» сна, божественную истину замалчивает (см. об этом: [Гуревич 1967: 184; Жаткин 2008]). Заметим, что слегка ожившие в этом произведении Кюхельбекера христианские, евангелические смыслы концепта ПРОРОК будут ярко актуализованы в сюжете пушкинского «Пророка».

Особо следует сказать о стихотворении 1826 г., в котором не кто иной, как сам Пушкин, назван «пророком». Письмо Языкова, содержащее текст «А. С. Пушкину», по всей видимости, было получено адресатом несколько ранее даты написания Пушкиным своего «Пророка»; обращение к нему как к «пророку изящного» не могло не привлечь его внимания [Пушкин 1977(II): 304].

Образная система стихотворения Языкова выстраивается вокруг воспевания поэтической красоты как высшей ценности – в духе антично-просветительского поля концепта ПРОРОК. Для лирического героя, однако, красота поэзии до-

стижима только как результат «вольного» дружеского общения. Через обозначение тем этого общения – русская история, величие России («И славой прадедов горжусь») и необходимость социально-политических реформ («Зовём свободу в нашу Русь») – текст вовлекается в круг декабристской поэзии. Творчество – творение дружбы, общения, поэзии – оказывается отблеском небесного огня («И я на вече, я на небе!») только тогда, когда оно преобразует действительность [Языков 1937: 291–292]. В воспевании «свободного, радостного и гордого» союза, рождающего «сладостное песнопенье» и «смелые вдохновенные дела», стихотворение переключается с известным стихотворением Кюхельбекера «Поэты» – посланием Пушкину, Дельвигу, Баратынскому.

Таким образом, в творчестве поэтов-декабристов – ближайшего круга поэтов пушкинской поры – создается новое героико-политическое поле концепта ПРОРОК с опорным образом поэта-пророка, пророка-декабриста, обличающего сильных мира сего в несправедности социально-политического устройства государства, в лишении своих подданных свободы. Ветхозаветная образность в декабристском слое концепта соседствует с античной, выявляя принципиальную условность нанизываемых образов-ассоциаций, призванных, так же как высокая архаичная лексика и весь одический строй произведений, передать мысль о высоком предназначении поэта в соответствующей «высокой» форме. Высшей ценностью пророчества в этом слое концепта оказывается такое «бог вдохновенное» обличение греха, которое направлено на установление социально-политической справедливости. В ассоциативное поле декабристского слоя концепта ПРОРОК входит и романтическое противостояние «поэт – толпа», и романтический образ судьбы-рока, и ощущение движения времени, движения человеческой истории, и лирическая автобиографичность, и «мятежность» образов героев, столь характерные для русского (и в целом европейского) романтизма.

3

«Пророк» А. С. Пушкина был написан в июле 1826 г. и опубликован в 1828 г. и, в силу этих хронологических рамок и всего исторического и биографического контекста, глубоко связан с разработкой смыслового поля концепта ПРОРОК в творчестве Ф. Н. Глинки, В. К. Кюхельбекера, Н. М. Языкова. По свидетельству исследователей-пушкинистов, многие из этих произведений были известны Пушкину; более того, на некоторые поэт ориентировался при написании чернового варианта своего «Пророка», с текстом же «Пророчества» Кюхельбекера у Пушкина «есть

прямые переключки» [Сурат 1995: 237]. Значителен и факт непосредственной связи между начальным этапом создания стихотворения и казнью декабристов [Березкина 1999].

В очерченном нами декабристском контексте и, шире, в контексте истории развития концепта ПРОРОК в русской культуре конца XVIII – начала XIX в. очевидно, что пушкинский текст своей опорой имеет смысловой стержень, заданный ядром концепта, и образы поэтов-пророков, вдохновленных Духом Святым на служение, по-разному представленных как в поэзии Державина и Дмитриева, так и в поэзии Глинки и Кюхельбекера.

В то же время стихотворение Пушкина (в его окончательной редакции) дает новый для русской поэзии сюжет о поэте-пророке. В нем необычно для сложившегося «пророческого канона» определена причина избрания героя: это его собственная «духовная жажда», неутолимая без Бога, в «пустыне мрачной» человеческого мира [Пушкин 1948]. Необычно обозначена ситуация избрания: это ситуация «перепутья», т. е. стремления и, одновременно, сомнения. Это архетипическая ситуация вопроса-выбора, на онтологическую глубину которой поэт только намекает. Явление «шестикрылого серафима» (ситуация, заимствованная из видения пророка Исаи), очевидно, становится ответом Господа поэту, и в этом смысле призвание героя к служению есть призвание христианское, в известном смысле синергичное, евангельское, а не ветхозаветное. На лексическом уровне идея синергичности – со-работничества, со-направленности действий человека и Господа, человека и высших сил – выражена в повторе анафорического союза «и». На уровне грамматическом – в параллелизме возвратных глаголов «влачился» (о поэте) и «явился» (об ангеле). В евангельском ключе осуществлен в тексте Пушкина и перенос действия (по сравнению с опорным ветхозаветным текстом) из плоскости духовного видения в плоскость духовно-физической реальности: в христианстве ветхозаветная трансцендентная реальность Вечности преображается в имманентную человеку реальность в момент его глубокого молитвенного обращения к Богу².

Этот поворот пророческого сюжета в стихотворении Пушкина «Пророк» – поворот православно-обычно ускользает от внимания исследователей. При этом воздействие православия на духовный строй, сюжетосложение и образность пушкинской поэзии исследуется как в работах, посвященных определенному произведению или периоду творчества А. С. Пушкина (см.: [Мальчукова 1994; Барбашов 2011; Гаврильченко 2017]), так и в трудах о пушкинской поэзии, про-

зе, драматургии (см.: [Боброва 1998; Мосалева 2011; Непомнящий 2009]). В работах, посвященных «Пророку» Пушкина, так или иначе отмечается в качестве центрального для стихотворения мотив преобразования-перевоплощения-познания (см.: [Москвин 2016; Артамонова 2014; Слина 1977; Гуревич 1967: 26]). Однако только в одном исследовании отстаивается мысль о том, что в пушкинском «Пророке» «рассказ о преобразении пророка <...> соотносен с обновлением, очищением христианина в таинстве причащения» [Мальчукова 1998: 173]. Соглашаясь с этим положением, мы отказываемся от дальнейших экстраполяций о том, что Пушкин показал «обобщенный образ апостола Христа», и пытаемся расставить исследовательские акценты, освещающие вопрос о своеобразии пушкинского «Пророка» в аспекте функционирования в нем общекультурного концепта ПРОРОК.

Христианский, евангельский, а точнее евангелистический, поворот определяет суть пророческого призвания у Пушкина. Ветхозаветная телесность образов «отверзания» «вещих зениц» героя, открытия некоего духовного слуха прикасанием серафима к его ушам, вырывания «грешного» языка и замены его на «жалю мудрыя змеи», рассечения груди и замены сердца на «уголь, пылающий огнем», несомненно, отсылает нас к сюжету избранничества древних библейских пророков. Однако в Ветхом Завете нигде не выражена идея замены частей тела пророков сущностно иными «частями», причастными Вечности, как не выражена она в и Коране, в котором исследователи видят один из источников пушкинского «Пророка». В видении пророка Исайи «один из Серафимов» коснулся его уст «горящим углем» в знак очищения греха (Ис 6: 6–7). Пророк Иезекииль по указанию Господа должен съесть свиток, на котором написаны слова обличения «дом Израилева»³. Более того, в книгах ветхозаветных пророков не выражена идея сопровождающего их призвание страдания, боли, фиксирующей телесный и, одновременно, духовный опыт отрывания человека от человеческого и приближения к небесному⁴. У Пушкина – впервые в русской поэзии – в сюжете призвания пророка ветхозаветная телесность соединена с мотивом глубокого страдания и абсолютного (вплоть до прохождения через границу смерти) преобразования через замену человеческого «своего» на даруемое Господом. В этом соединении рождается христианский смысл преобразования пророка: замена языка и сердца на «жалю» и «уголь» (несомненно, по внутреннему согласию и готовности героя) есть та «потеря» «души своей» ради Господа, которой учит Евангелие.

Мотив замены частей человеческого тела другими, чуждыми ему и исцеляющими его, имеет древние архаические корни и соотносится в *формальном плане* с шаманскими практиками посвящения (в шаманство): «<...> ощущение разрубания, разрезания, перебирания внутренностей есть неперемное условие шаманства и предшествует моменту, когда человек становится шаманом» [Пропп 2000: 74]⁵. Шаманские практики, в свою очередь, в измененной форме и с преобразованием содержания имеют генетическую связь с языческим ритуалом жертвоприношения, который не только устанавливал связь «между сакральным и профанным миром посредством жертвы», но и представлял собой «особый случай системы посвящения», основанной на представлении одновременно о необходимости и опасности сближения с источником жизненной силы [Мосс 2000: 100].

Опираясь на ряд совпадений образов и мотивов пушкинского «Пророка» с формальными элементами, используемыми в шаманских практиках, Е. А. Торчинов утверждает, что «библейское пророческое обновление», «прекрасно прочувствованное и описанное Пушкиным», родственно тем ощущениям телесного расчленения и страдания, вплоть до перехода границы жизни и смерти, которые испытывает посвящаемый в шаманство [Торчинов 2007: 129]. При этом ученый не освещает вопрос о *сущностном отличии* обновления духа и тела библейских пророков от магического изменения телесно-психического состояния посвящаемых в шаманство; в стороне остается вопрос о различии смысла преобразования героя в пушкинском «Пророке» и пророков в Ветхом Завете. Более определенно высказывается по этому поводу Ю. М. Лотман: отмечая несомненную формальную соотносимость стихотворения Пушкина с техниками превращения простого человека в шамана, он останавливается на мысли, что «скрытый мифо-обрядовый каркас» превратился у Пушкина «в грамматическую формальную основу построения текста об умирании «ветхого» человека и возрождении ясновида» [Лотман 1999: 221–222].

Использование слова «ветхий» в размышлениях Лотмана, конечно, не случайно. В христианском богословии выражение «ветхий человек» имеет совершенно определенное значение: это человек, подпавший под власть самоугодия и страстей вследствие грехопадения; человек, порвавший прямую, полноценную связь с Господом [Феофан Затворник 2004: 244]. Сочетание «ветхий» человек у Ю. М. Лотмана подразумевает понимание вовлеченности пушкинского «Пророка» в смысловую перспективу христианства.

Действительно, в пушкинском стихотворении старый язычески-шаманский сюжетный каркас, описывающий изменения в состоянии сознания посвящаемого в шаманство, наполняется новым содержанием в новых условиях осуществления этого сюжета. В этих новых условиях человеческая перспектива сменяется божественной (серафим есть посланник Божий, в преображенном состоянии герой слышит «Бога глас»); цель магического управления реальностью заменяется глубинной духовной потребностью – жадью Бога (в ответ на томление «духовной жадью» герою является шестикрылый серафим); чудесная способность использования сил богов (природных стихий) для исполнения человеческих желаний замещается возлагаемой Господом миссией очищения человека через слово («глаголом жги сердца людей»). Смысловая парадигма пушкинского «Пророка» преобразует не только архаический шаманский, но и библейский ветхозаветный сюжет, на что лаконично указал Ю. М. Лотман.

Ветхозаветная идея призвания Господом пророков к служению не включала и не могла включать в себя смыслов, связанных с полным духовным и телесным преображением человека. Полнота такого преображения стала мыслиться только в контексте учения, жизни, смерти и воскресения Христа; в контексте евангельского, апостольского пути к полному преображению – обожению, в том числе в молитвенном подвиге и таинстве причастия. В древнееврейской религии, выраженной в Ветхом Завете, Бог понимается «как сверхприродное, мир превосходящее, трансцендентное Существо», между миром и Богом «лежит абсолютное, непреодолимое для мира расстояние» [Булгаков 1999: 41]; и неискупленный еще человек пред Богом – лишь раб, которому следует строго исполнять данный ему Закон. В связи с этим в ветхозаветной Книге Пророка Исайи Серафим только *касается* уст Пророка горящим углем, очищая его от «беззакония». В язычестве же при всей «софийности мира» между человеком и богами жертва есть необходимый «посредник», потому что сближение между ними грозит человеку гибелью [Мосс 2000: 100]. И только «во Христе» соединяется и трансцендентная твари «полнота Божества, и имманентная миру человечность» [там же: 287], и только в христианстве Божественная благодать, ставшая близкой человеку через искупительную жертву Христа, «может воодушевить человека поднять руку на себя, чтобы заклать себя и принести Богу в жертву» [Феофан Затворник 2008: 129].

Мотив замены частей тела героя на сущностно другие, даруемые (через Серафима) Госпо-

дом, выражает именно это полное христианское обновление. Об этом свидетельствует символическая условность соотносительности даруемых «частей»-способностей со звериными, а затем включение в этот ряд огненной образности. Неслучайна в этом смысле неровность концептуализации этой соотносительности: от сравнения («зеницы, как у <...> орлицы») через описание обновленной способности («и их наполнил шум и звон: / И внял я неба содроганье») к неожиданному реалистически-натуралистическому изображению («И вырвал грешный мой язык, / <...> / И жало мудрой змеи <...>»; «И сердце трепетное вынул, / И угля, пылающий огнем <...>»).

На актуальность евангельского смыслового поля в актуализации общекультурного концепта ПРОРОК у Пушкина указывает и центральный символ преображения, и весь комплекс замещающих человеческое «свое» образов: «УГЛЬ, ПЫЛАЮЩИЙ ОГНЕМ», замещает «сердце» пророка в той же перспективе, в какой во время совершения Евхаристии «УГЛЬ Пресвятого <...> Тела» Иисуса Христа – «огнь сый и опаляяй недостойныя» – замещает падшее человеческое естество «Телом и Кровью» Христовыми (слова из евхаристических молитв святителя Иоанна Златоуста и преподобного Симеона Метафраста). Примечательно, что символическая связь таинства причастия с сюжетом очищения уст пророка Исайи раскрывается в самой православной церковной службе: причастальная ложка названа тем же словом, что и клещи, которыми Серафим в видении пророка Исайи берет уголь с жертвенника. Эта связь богословски раскрыта в словах святого Иоанна Дамаскина: «Исайя увидел уголь; но уголь не простое дерево, а соединенное с огнем; так и хлеб общения не простой хлеб, но соединенный с Божеством <...>» [Дамаскин 2003: 137]. Обобщая, можно утверждать, что пушкинский «Пророк» объединяет ветхозаветную перспективу концепта ПРОРОК с православной и изображает мучительный путь призвания поэта к прорицанию Истины в русле евхаристического – и шире – православного – духовно-физического обожения человека.

Евангельский, евхаристический контекст объясняет и необычную для ветхозаветного пророка-обличителя суть избранничества поэта-пророка в пушкинском стихотворении. Наделенный теперь нечеловечески обостренными телесными и, одновременно, духовными чувствами – зрением и слухом, дающими ему возможность внимать и «неба содроганье», «и горний ангелов полёт», «и дольней лозы прозябанье», – он призван видеть, внимать, исполниться волей Божьей и – только на этом твердом основании – «глаголом» жечь «сердца людей». Несомненна связь этого призыва Господа – «Глаголом жги сердца лю-

дей!» – с образом «угля, пылающего огнем», вложенного в грудь самого поэта-пророка. «Огненная» символика в Библии шире обличительной. Столь же расширительно следует понимать и призвание поэта-пророка: это призвание к служению Словом – словом, приобщенным Истине, доходящим до сердца, выжигающим самой своей божественной природой нечистоту в нем и раздувающим огонь божественной любви. О том, что для образа пророка в стихотворении Пушкина сохраняет свое значение идущая (для русской литературы) из XVIII в. традиция узнавания поэтом в себе поэта-пророка, свидетельствует сам текст (призыв Господа «глаголом жги сердца людей» подразумевает не просто пророческий дар, но дар художественного слова, что особенно очевидно в контексте поэтической полемики Пушкина с «пророками» Ф. Н. Глинки, В. Г. Кюхельбекера и Н. М. Языкова); об этом же говорит большинство исследователей (см., например: [Березкина 1999; Москвин 2016; Непомнящий 1987])⁶.

Обозначим точки пересечения содержания концепта ПРОРОК в стихотворении Пушкина и поэтов его круга. Это автобиографический, личный образ поэта-пророка, наделенного небесным даром и призванного в связи с ним самим Господом к выполнению священного служения людям. В целом, это точка, в которой декабристская поэзия встречается с поэзией конца XVIII в. и соотносится со смысловым полем ядра общекультурного концепта ПРОРОК.

У Пушкина не воспроизводится общий «декабристский» сюжет, соотнесенный в культуре эпохи с социально-политической реальностью современной истории, с романтическими мятежными настроениями, с четкой обличительной миссией поэта. Стихотворение Пушкина в диалоге с текстами поэтов его круга, в своеобразном восприятии как декабристских, так и всей толщи христианских и просветительских смыслов рождает новое, комплексное и индивидуальное осмысление поэзии как пророчества. Стихотворение изображает глубоко личный внутренний путь поэта, взалкавшего правды и желающего посвятить свой дар служению истине. В нем изображается ответное избранничество Поэта Господом для высокого и трудного пути – пути служения народу, приобщения его гласу Божьему через поэтическое творчество, через поэзию как пророчество. Основной акцент в сюжете при этом сдвигается у Пушкина с пророчества как миссии на мучительное духовно-физическое преображение поэта – преображение в евангельском ключе обожения человека.

Пушкинский «Пророк» спорит с «пророческим канонам», сложившимся в творчестве поэтов-декабристов. Он отталкивается от декаб-

ристских образов пророков-обличителей, поэтов-декабристов и в то же время наследует смыслы боговдохновенности поэзии и гражданского служения – смыслы, которые роднят декабристский слой общекультурного концепта ПРОРОК с его ядром и которые прослеживаются «помимо» антично-просветительского поля концепта и в поэзии XVIII в.

Важнейшей отличительной чертой осмысления общекультурного концепта ПРОРОК в «Пророке» Пушкина является акцентуация евангельского, евхаристического смыслового потенциала, заложенного во внутренней форме и ядре концепта⁷. При этом в сюжете мучительного духовно-телесного превращения-обожения и связанного с ним божественного призвания пророка к преображению людей через боговдохновенный «глагол» Пушкин гармонически соединил два первичных смысловых импульса концепта: импульс библейского пророчества о Вечности и импульс человеческого речения о мире.

Примечания

¹ Излишне говорить, что эта первичная актуализация антично-просветительского поля концепта ПРОРОК в пушкинском поэтическом сознании соотносится с общеизвестным воздействием на становление Пушкина-поэта античной поэзии и французской литературы XVIII в. См. об этом, в частности, классические труды: [Жирмунский 1937: 66–103; Томашевский 1960; Бонди 1983; Вольперт 1998]. А также: [Пушкин 2001].

² В точном определении о. С. Булгакова, если в «Ветхом Завете Бог открылся <...> прежде всего как сверхприродное, мир превосмогающее, трансцендентное Существо», то «во Христе «нераздельно и неслиянно» соединяется и трансцендентная твари «полнота Божества», и имманентная миру человечность»; в Новом Завете «полагается основа обожения человека во «втором Адаме», восстановление его в достоинстве сына Божия <...>». См.: [Булгаков 1999: 287, 293].

³ О связи образности пушкинского стихотворения с библейскими образами см.: [Чижов 1983].

⁴ По поводу темы мучения в пушкинском «Пророке» В. Э. Вацура поясняет: «Мысль эта [мученичество. – С. К.] принадлежит самому Пушкину, ее нет в библейских книгах пророков». См.: [Вацура 1994: 7–16].

⁵ В. Я. Пропп говорит, в частности, и о том, что в ритуале посвящения в шаманы используется такое символично-магическое действие, как «введение в рот маленькой змеи, которая воплощает магические способности» [Пропп 2000: 74].

⁶ Иная точка зрения представлена, в частности, в исследовании В. Э. Вацура: «“Пророк” написан не о пророке, а о том, как суровый, пат-

риархальный, <...> житель пустыни совершал свой мученический путь, завоевывая право нести людям волю Божества. Это стихи не о божественном, а о человеческом». См.: [Вацуру 1994: 16].

⁷ Ср.: «В литературе возрастает значимость <...> «внутренней формы слова», первообраза». См.: [Зусман 2001: 12].

Список литературы

Артамонова Л. А., Карпенко Г. Ю. Мотив преображения в стихотворении А. С. Пушкина «Пророк» и в рассказе Ф. М. Достоевского «Мужик Марей» // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 1(112). С. 140–145.

Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.

Барбашов С. Л. Религиозно-философская символика образа «креста» в последнем лирическом цикле А. С. Пушкина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 134–138.

Батюшков К. Н. Послание к И. М. Муравьеву-Апостолу // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. С. 283.

Березкина С. В. «Пророк» Пушкина: современные проблемы изучения // Русская литература. 1999. № 2. С. 27–42.

Боброва Л. А. Пушкин и православие // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. М., 1998. № 3. С. 226–237.

Бонди С. М. Пушкин и русский гекзаметр // Бонди С. М. О Пушкине. Статьи и исследования. М.: Худож. лит., 1983. С. 307–370.

Булгаков С. Первообраз и образ: в 2 т. СПб.: Инапресс; М.: Искусство, 1999. Т. 1. Свет неведерный. Созерцания и умозрения. 416 с.

Вацуру В. Э. Пушкин. «Пророк» // Вацуру В. Э. Записки комментатора. СПб.: Академ. проект, 1994. С. 7–16.

Вихлянец В. П. Библейский словарь к русской канонической Библии. М., Коптево: Сам Полиграфист, 2010. 517 с.

Вольперт Л. И. Пушкин в роли Пушкина. М.: Языки рус. культуры, 1998. 327 с.

Гаврильченко О. В. Понятие закона и законности в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2017. Т. 22, № 3. С. 398–406.

Гайворонская Л. В. Генезис характера «поэт» в русской литературе XVIII века // Вестник МГОУ. Русская филология. 2012. № 5. С. 73–82.

Гаспаров М. Л. Поэт и поэзия в римской культуре // Культура Древнего Рима: в 2 т. М.: Наука, 1985. Т. 1. С. 300–335.

Глинка Ф. Н. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1957. 502 с.

Григорьева А. Д. Опыты в антологическом роде // Григорьева А. Д., Иванова Н. А. Язык лирики XIX века. Пушкин. Некрасов. М.: Наука, 1981. С. 120–154.

Гуревич А. М. На подступах к романтизму (о русской лирике 1820-х годов) // Проблемы романтизма. М.: Искусство, 1967. 358 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978–1980. Т. 3. 555 с.

Державин Г. Р. Сочинения: в 2 т. СПб.: Типография Смирдина, 1831–1833. Т. 1. С. 55–57.

Державин Г. Р. Сочинения: Стихотворения; Записки; Письма. Л.: Худож. лит., 1987. 504 с.

Дмитриев И. И. Духовная песнь, извлеченная из 48 псалма // Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1967. С. 315–316.

Жаткин Д. Н., Долгов А. П. К вопросу о трактовке темы поэта-пророка в сонете А. А. Дельвига «Вдохновение» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 7. С. 106–110.

Жирмунский В. М. Пушкин и западные литературы // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 66–103.

Зусман В. Г. Диалог и концепт в литературе. Н. Новгород: Деком, 2001. 168 с.

Карасик В. И. Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.

Кибальник С. А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX в. Л.: Наука, 1990. С. 209–210.

Кибальник С. А. Художественная философия А. С. Пушкина. СПб.: Petropolis, Институт русской литературы, 1998. 200 с.

Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфслужбы, 2005. 432 с.

Кюхельбекер В. К. Участь поэтов // Поэты-декабристы: Стихотворения. М.: Худож. лит., 1986. 431 с.

Кюхельбекер В. К. Сочинения. Л.: Худож. лит., 1989. 576 с.

Ларкович Д. В. Поэтический «профетизм» и «экзегезис» Г. Р. Державина // Религиоведение. 2009. № 3. С. 155–163.

Лотман Ю. М. Семиосфера и проблема сюжета // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки рус. культуры, 1999. 464 с.

Мальчукова Т. Г. Лирика Пушкина 1820-х годов в отношении к церковнославянской традиции (к интерпретации стихотворений «Воспоминание» и «Пророк» в контексте христианской

культуры) // Проблемы исторической поэтики. 1998. С. 151–177.

Мальчукова Т. Г. О сочетании античной и христианской традиций в лирике А. С. Пушкина 1820-х – 1830-х гг. // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПГУ, 1994. Т. 3. С. 84–130.

Мосалева Г. В. Категория преображения в творчестве А. С. Пушкина // Пушкинские чтения-2011. «Живые» традиции в русской литературе: жанр, автор, герой, текст. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2011. С. 254–262.

Москвин Г. В. Пророк: таинство преображения и жажда истока (пророческая тема в поэзии А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова) // Вестник ННГУ. Филология. 2016. № 2. С. 240–245.

Мосс М. Социальные функции священного. СПб.: Евразия, 2000. 448 с.

Непомнящий В. Пушкин и судьба России // Непомнящий В. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. М.: Благовещение, 2009. 400 с.

Непомнящий В. Поэзия и судьба: над страницами духовной биографии Пушкина. М.: Советский писатель, 1987. 446 с.

Пропт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 333 с.

Пушкин А. С. Пророк // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки. 1948. С. 30–31.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 3, кн. 1: Стихотворения, 1826–1836. Сказки. 1948. 635 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинения: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 2: Стихотворения 1820–1826. 400 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 3: Стихотворения, 1827–1836. 496 с.

Пушкин и античность. М.: Наследие, 2001. 141 с.

Слинина Э. В. «Пророк» Пушкина и образ поэта в лирике Н. Заболоцкого // Пушкинский сб. Л.: ЛГПИ, 1977. С. 77–85.

Сурат И. «Твое пророческое слово...» // Новый мир. 1995. № 1. С. 236–239.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академ. проект, 2001. 990 с.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки рус. культуры, 1997. 824 с.

Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л.: Сов. писатель, 1960. 498 с.

Торчинов Е. А. Религии мира: опыт запретного: психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Азбука-классика, 2007. 539 с.

Тынянов Ю. Пушкин и Кюхельбекер // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 1934. Т. 16. С. 321–378.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева: в 4 т. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.

Феофан Затворник. Путь ко спасению. М.: Правило веры, 2008. 60 с.

Феофан Затворник. Толкование послания святого апостола Павла к колоссянам. Гл. 3. Стих 9 // Феофан Затворник. Толкования посланий апостола Павла к колоссянам, к филиппийцам. М.: Правило веры, 2004. С. 243–245.

Фомичев С. А. Поэзия Пушкина. Творческая эволюция. Л.: Наука, 1986. 304 с.

Чижов А. Г. «Духовною жаждою томим...» // Наука и религия. 1983. № 2. С. 54–55.

Языков Н. М. Письмо Пушкину А. С., 19 августа 1826 г. Дерпт // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 13. Переписка, 1815–1827. 1937. С. 291–292.

References

Artamonova L. A., Karpenko G. Yu. Motiv preobrazheniya v stikhotvorenii A. S. Pushkina «Prorok» i v rasskaze F. M. Dostoevskogo «Muzhik Marey» [Motif of transfiguration in the poem by A. S. Pushkin “The Prophet” and the story by F. M. Dostoyevsky “Peasant Marey”]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology], 2014, issue 1(112), pp. 140–145. (In Russ.)

Averintsev S. S. *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [Poetics of early Byzantine literature]. Moscow, Coda Publ., 1997. 343 p. (In Russ.)

Barbashov S. L. Religiozno-filosofskaya simbolika obraza «kresta» v poslednem liricheskom tsykle A. S. Pushkina [The religious and philosophical symbolism of the image of a cross in the latest lyrical cycle by A. S. Pushkin]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsyal'nye nauki* [Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2011, issue 1, pp. 134–148. (In Russ.)

Batyushkov K. N. Poslanie k I. M. Murav'evu-Apostolu [Verse to I. M. Murav'ev-Apostol]. Batyushkov K. N. *Opyty v stikhakh i proze*. [Batyushkov K. N. Attempts in poetry and prose]. Moscow, Nauka Publ., 1977. P. 283. (In Russ.)

Berezkina S. V. «Prorok» Pushkina: sovremennye problemy izucheniya [Pushkin's “The Prophet”: current research problems]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1999, issue 2, pp. 27–42. (In Russ.)

Bobrova L. A. Pushkin i pravoslavie [Pushkin and Orthodoxy]. *Sotsyal'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 3:*

Filosofiya [Social Sciences and Humanities. Russian and Foreign Literature. Series 3: Philosophy], 1998, issue 3, pp. 226–237. (In Russ.)

Bondi S. M. Pushkin i russkiy gekzamet [Pushkin and the Russian hexameter]. Bondi S. M. *O Pushkine. Stat'i i issledovaniya* [Bondi S. M. About Pushkin. Articles and Studies]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983, pp. 307–370. (In Russ.)

Bulgakov S. *Pervoobraz i obraz: v 2 t.* [The primordial image and image: in 2 vols.]. St. Petersburg, Inapress Publ., Moscow, Iskusstvo Publ., 1999, vol. 2. Svet nevecherniy. Sozertsaniya i umozreniya [Non-evening light. Contemplations and speculations]. 416 p. (In Russ.)

Vatsuro V. E. Pushkin. Prorok [Pushkin. The Prophet]. Vatsuro V. E. *Zapiski komentatora* [Commentator's Notes]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994, pp. 7–16. (In Russ.)

Vikhlyantsev V. P. *Bibleyskiy slovar' k russkoy kanonicheskoy Biblii* [The Biblical Dictionary for the Russian Bible]. Moscow, Koptevo, Sam Poligrafist Publ., 2010. 517 p. (In Russ.)

Volpert L. I. *Pushkin v roli Pushkina* [Pushkin in the role of Pushkin]. Moscow, LRC Publishing House, 1998. 327 p. (In Russ.)

Gavrilenko O. V. Ponyatie zakona i zakonnosti v tragedii A. S. Pushkina «Boris Godunov» [Law and legality concept in A. S. Pushkin's tragedy "Boris Godunov"]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2017, vol. 22, issue 3, pp. 398–406. (In Russ.)

Gaivoronskaya L. V. Genezis kharaktera «poet» v russkoy literature 18 veka [The genesis of the character 'poet' in Russian literature of the 18th century]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Russian Philology], 2012, issue 5, pp. 73–82. (In Russ.)

Gasparov M. L. Poet i poeziya v rimskoy kul'ture [The poet and poetry in Roman culture]. *Kul'tura Drevnego Rima: v 2 t.* [The Culture of Ancient Rome: in 2 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1985, vol. 1, pp. 300–335. (In Russ.)

Glinka F. N. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1957. 502 p. (In Russ.)

Grigor'eva A. D. Opyty v antologicheskome rode [Attempts in the anthological way]. Grigor'eva A. D. Ivanova N. A. *Yazyk liriki 19 veka. Pushkin. Nekrasov* [Grigor'eva A. D. Ivanova N. A. Language of the 19th-century lyrics. Pushkin. Nekrasov]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 120–154. (In Russ.)

Gurevich A. M. Na podstupakh k romantizmu (o russkoy lirike 1820-kh godov) [On the way to Romanticism (on Russian lyrics of the 1820s)].

Problemy romantizma [The Problems of Romanticism]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1967. 358 p. (In Russ.)

Dal' V. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language: in 4 vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1978–1980, vol. 3. 555 p. (In Russ.)

Derzhavin G. R. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. St. Petersburg, Tipografiya Smirdina Publ., 1831–1833, vol. 1, pp. 55–57. (In Russ.)

Derzhavin G. R. *Sochineniya: Stikhotvoreniya; Zapiski; Pis'ma* [Works: Poems; Notes; Letters]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987. 504 p. (In Russ.)

Dmitriev I. I. Dukhovnaya pesn', izvlechennaya iz 48 psalma [Spiritual song extracted from psalm 48]. Dmitriev I. I. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. Leningrad, Sovetskiy Pisatel' Publ., 1967, pp. 315–316. (In Russ.)

Zhatkin D. N., Dolgov A. P. K voprosu o traktovke temy poeta-proroka v sonete A. A. Del'viga «Vdokhnovenie» [To the question of interpreting the theme of the poet-prophet in A. A. Delvig's sonnet "Inspiration"]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2008, issue 7, pp. 106–110. (In Russ.)

Zhirmunskiy V. M. Pushkin i zapadnye literatury [Pushkin and Western literatures]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii* [Pushkin: Chronicles of the Pushkin commission]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1937, pp. 66–103. (In Russ.)

Zusman V. G. *Dialog i kontsept v literature* [Dialogue and concept in literature]. Nizhny Novgorod, Dekom Publ., 2001. 168 p. (In Russ.)

Karasik V. I. Slyshkin G. G. Lingvokul'turnyy kontsept kak edinitsa issledovaniya [Linguocultural concept as a research unit]. *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh, Voronezh State University Press, 2001, pp. 75–80. (In Russ.)

Kibal'nik S. A. *Russkaya antologicheskaya poeziya pervoy treti 19 v.* [Russian anthological poetry of the first third of the 19th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1990, pp. 209–210. (In Russ.)

Kibal'nik S. A. *Khudozhestvennaya filosofiya A. S. Pushkina* [Artistic philosophy of A. S. Pushkin]. St. Petersburg, Petropolis Publ., Russian Literature Institute Publ., 1998. 200 p. (In Russ.)

Krylov G. A. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Poligrafuslugi Publ., 2005. 432 p. (In Russ.)

Küchelbecker V. K. Uchast' poetov [Poets' fate]. *Poety-dekabristy: Stikhotvoreniya* [Poets-Decemberists: Poems]

rists. Poems]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986, 431 p. (In Russ.)

Küchelbecker V. K. *Sochineniya* [Works]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. 576 p. (In Russ.)

Larkovich D. V. Poeticheskiy «profetizm» i «ekzegezis» G. R. Derzhavina [Poetic “prophetism” and “exegesis” of G. R. Derzhavin]. *Religiovedenie* [Study of Religion], 2009, issue 3, pp. 155–163. (In Russ.)

Lotman Yu. M. Semiosfera i problema syuzheta [Semiosphere and the problem of the plot]. Lotman Yu. M. *Vnutri myshlyashchikh mirov. Chelovek – text – semiosfera – istoriya* [Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow, LRC Publishing House, 1999. 464 p. (In Russ.)

Mal'chukova T. G. Lirika Pushkina 1820-kh godov v otnoshenii k tserkovnoslavvyanskoy traditsii (k interpretatsii stikhotvoreniy «Vospominanie» i «Prorok» v kontekste khristianskoy kul'tury) [Pushkin's lyrics (1820) towards church Slavonic tradition (and interpretation of poem “Memory” and “Prophet” in context of Christian culture)]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 1998, pp. 151–177. (In Russ.)

Mal'chukova T. G. O sochetanii antichnoy i khristianskoy traditsii v lirike A. S. Pushkina 1820-kh – 1830-kh gg. [The combination of ancient and Christian traditions in Alexander Pushkin's lyric poetry of 1820's–1830's]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 1994, vol. 3, pp. 84–130. (In Russ.)

Mosaleva G. V. Kategoriya preobrazheniya v tvorchestve A. S. Pushkina [The category of transfiguration in Pushkin's works]. *Pushkinskie chteniya-2011. «Zhivye» traditsii v russkoy literature: zhanr, avtor, geroi, tekst* [Pushkin readings-2011. “Living” traditions in Russian literature: genre, author, hero, text]. St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University Press, 2011, pp. 254–262. (In Russ.)

Moskvin G. V. Prorok: tainstvo preobrazheniya i zhazhda istoka (prorocheskaya tema v poezii A. S. Pushkina i M. Yu. Lermontova) [The Prophet: the mystery of transfiguration and thirst for the spring (the prophet's theme in Pushkin's and Lermontov's poetry)]. *Vestnik NNGU. Filologiya* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philological sciences], 2016, issue 2, pp. 240–245. (In Russ.)

Mauss M. *Sotsyal'nye funktsii svyashchennogo* [Social functions of the sacred]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2000. 448 p. (In Russ.)

Nepomnyashchiy V. Pushkin i sud'ba Rossii [Pushkin and Russia's fate]. Nepomnyashchiy V. *Da vedayut potomki pravoslavnykh. Pushkin. Rossiya. My* [Let the descendants of Orthodox people know. Pushkin. Russia. We]. Moscow, Blagoveshchenie Publ., 2009. 400 p. (In Russ.)

Nepomnyashchiy V. *Poeziya i sud'ba: nad strannitsami dukhovnoy biografii Pushkina* [Poetry and fate: musings upon Pushkin's spiritual biography]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1987. 446 p. (In Russ.)

Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The historic roots of the magic fairy-tale]. Moscow, Labirint Publ., 2000. 333 p. (In Russ.)

Pushkin A. S. Prorok [The Prophet]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 16 t.* [Complete works: in 16 vols.]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1937–1959, vol. 3, pt. 1. Stikhotvoreniya [Poetry], 1826–1836. Skazki [Fairy tales], 1948, pp. 30–31. (In Russ.)

Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 16 t.* [Complete works: in 16 vols.]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1937–1959, vol. 3, pt. 1. Stikhotvoreniya [Poetry], 1826–1836. Skazki [Fairy tales], 1948. 635 p. (In Russ.)

Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Complete works: in 10 vols.]. Leningrad, Nauka: Leningrad department Publ., 1977–1979, vol. 3. Stikhotvoreniya 1827–1836 [Poetry 1827–1836]. 496 p. (In Russ.)

Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Complete works: in 10 vols.]. Leningrad, Nauka: Leningrad department Publ., 1977–1979, vol. 2. Stikhotvoreniya 1820–1826 [Poetry 1820–1826]. 400 p. (In Russ.)

Pushkin i antichnost' [Pushkin and antiquity]. Moscow, Nasledie Publ., 2001. 141 p. (In Russ.)

Slinina E. V. «Prorok» Pushkina i obraz poeta v lirike N. Zabolotskogo [Pushkin's “Prophet” and the image of poet in Nikolai Zabolotskiy's lyrics]. *Pushkinskiy sbornik* [Pushkin collected works]. Leningrad, Leningrad State Pedagogical Institute Press, 1977, pp. 77–85. (In Russ.)

Surat I. «Tvoe prorocheskoe slovo...» [“Your prophetic word...”]. *Novy mir* [New World], 1995, issue 1, pp. 236–239. (In Russ.)

Stepanov Yu. S. *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury* [Constants: dictionary of Russian culture]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2001. 990 p. (In Russ.)

Stepanov Yu. S. *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury* [Constants: dictionary of Russian culture]. Moscow, LRC Publishing House, 1997. 824 p. (In Russ.)

Tomashevskiy B. V. *Pushkin i Frantsiya* [Pushkin and France]. Leningrad, Sovetskiy Pisatel' Publ., 1960. 498 p. (In Russ.)

Tortchinov E. A. *Religii mira: opyt zapredel'nogo: psikhotehnika i transpersonal'nye sostoyaniya* [World religions: transcendent experience: psychotechnics and transpersonal states]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2007. 539 p. (In Russ.)

Tynyanov Yu. Pushkin i Kyukhel'beker [Pushkin and Küchelbecker]. *Literaturnoe nasledstvo* [Liter-

ary heritage]. Moscow, IWL RAS Publ., 1934, vol. 16, pp. 321–378. (In Russ.)

Vasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t* [The Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Transl. from German, updated by O. N. Trubacheva. Moscow, Progress Publ., 1987, vol. 3. 832 p. (In Russ.)

Feofan Zatvornik. *Put' ko spaseniyu* [Way to Salvation]. Moscow, Pravilo very Publ., 2008. 608 p. (In Russ.)

Feofan Zatvornik. *Tolkovanie na poslanie svyatogo apostola Pavla k Kolossyanam. Glava 3. Stix 9* [Interpretation of the epistle of Paul to the Colossians. Chapter 3. Verse 9]. Feofan Zatvornik. *Tolkovaniya poslaniy apostola Pavla k kolossyanam, k fillipytsam* [Interpretation of the epistles of Paul to

the Colossians, to the Phillipians]. Moscow, Pravilo very Publ., 2004, pp. 243–245 (In Russ.)

Fomichev S. A. *Poeziya Pushkina. Tvorcheskaya evolyutsiya* [Pushkin's poetry. Artistic evolution]. Leningrad, Nauka Publ., 1986. 304 p. (In Russ.)

Chizhov A. G. «Dukhovnoyu zhazhdoyu to-mim...» [“Tormented by spiritual thirst...”]. *Nauka i religiya* [Science and religion], 1983, issue 2, pp. 54–55. (In Russ.)

Yazykov N. M. Pis'mo Pushkinu A. S., 19 av-gusta 1826 g. Derpt [Letter to Pushkin A. S. of Au-gust 19, 1826. Derpt]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 16 t.* [Complete works: in 16 vols.]. Moscow, Len-ingrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1937–1959, vol. 13. Perepiska [Correspondence], 1815–1827, 1937, pp. 291–292. (In Russ.)

THE CONCEPT'S FATE IN LITERATURE: PUSHKIN'S “PROPHET” IN DIALOGUE WITH RUSSIAN CULTURE

Svetlana B. Koroleva

**Associate Professor in the Department of Teaching Russian as Native and Foreign Language
Linguistics University of Nizhny Novgorod**

31a, Minina st., Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation. klimova1@hotmail.com

SPIN-code: 8621-0051

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7587-9027>

ResearcherID: M-2854-2016

Wu Baizhen

**Associate Professor in the Department of Russian Language
Northeast Petroleum University (PRC)**

199, Fazhan road, Daqing, 163318, People's Republic of China. eyu06@126.com

SPIN-code: 8850-5626

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4791-2301>

ResearcherID: J-8959-2018

Submitted 15.05.2018

PROPHET is one of significant concepts of Russian culture. Its core (inner form) is characterized by tense contradictoriness. That is caused by differences between its associative fields, which are connected with the Christian roots of the concept, on the one hand, and the morphemic structure of the word ‘prorok’ (prophet), on the other hand. In the 18th century, the concept acquires a new ‘antique-enlightenment’ layer, which remains relevant through the beginning of the 19th century, including the period of early Pushkin's poetry. At the same time, in G. R. Derzhavin's and I. I. Dmitriev's poetry the meanings of the ‘core layer’ of the concept are not neglected. At the beginning of the 19th century, in poetry of the Decembrists another associative field of the concept – the Decembrist, or the civic-minded, political one – is formed.

In his poem *The Prophet*, Alexander Pushkin sets out a personal dialogue with the ‘prophet canon’ of Russian literature, basing upon and revolting against the Decembrists' images. Using such elements of the Decembrist field of the concept PROPHET as implied autobiographical character of ‘I’, civic-mindedness of the image of prophet and Old Testament reminiscences in the text, he goes back to the core meanings of the concept – both to those that figured in tradition (e.g. in Derzhavin's works) and to those that had not. For the first time in Russian poetry, it is not the vocation or the mission of the poet-prophet that is in the center of the plot, but the torturous process of his physical-and-spiritual transfiguration – the transfiguration clearly based upon the New Testament idea of man's Theosis. Depicting the poet's profoundly personal choice, the synergetic act of the divine calling, the martyrdom of his spiritual and physical transfiguration, Pushkin's Prophet conciliates the two bidirectional meanings inherent in the core of the national concept. The poet's vocation, as is revealed in the poem, does not consist in denouncing faults and vices, but primarily includes acts of purifying people and exhorting them to the Eternity through God-inspired poetry.

Key words: cultural concept; concept in literature; prophet; image; Russian poetry; Decembrists; Pushkin.

УДК 821.161.1-047.37(510)

doi 10.17072/2037-6681-2018-3-131-137

КРАТКАЯ ЖИЗНЬ, ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ: ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА В КИТАЕ

Лю Янькунь

аспирант кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. 15945607187@163.com

SPIN-код: 6235-8420

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9152-8087>

ResearcherID: E-1994-2018

*Статья поступила в редакцию 31.03.2018***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Лю Янькунь. Краткая жизнь, вечная память: изучение творчества А. С. Пушкина в Китае // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 131–137. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-131-137***Please cite this article in English as:***Liu Yankun. Kratkaya zhizn', vechnaya pamyat': izucheniye tvorchestva A. S. Pushkina v Kitaye [Brief Life, Eternal Memory: Pushkin Studies in China]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 131–137. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-131-137 (In Russ.)*

Пушкин принадлежит к числу писателей, чье творчество актуально во многих странах на протяжении многих десятилетий. В Китае с самого начала распространения произведений Пушкина и до настоящего времени устойчиво растет интерес читателей и исследователей к биографии и художественному миру поэта. В статье выделяются три этапа изучения биографии и творчества Пушкина в Китае. Показана обусловленность восприятия творчества Пушкина исторической и социокультурной ситуацией.

Автором анализируются работы ключевых исследователей творчества Пушкина в Китае: Цзи Ихуэя¹, Лян Цичао², Тянь Хань³, Ху Фэн⁴ и др. Раскрывается специфика методологических подходов при изучении творчества Пушкина широким кругом ученых, выделяются основные векторы развития методологии литературоведческих исследований в XX в. и особенно – на современном этапе развития гуманитарного знания.

Исследуется, каким образом изменения в китайской культуре в течение последних ста лет повлияли на формирование, функционирование образа Пушкина и на восприятие его творчества. Автор статьи приходит к выводу, что эти изменения обусловлены факторами исторического времени и социокультурными закономерностями.

Особое внимание уделяется современному этапу изучения творчества Пушкина китайскими исследователями.

Ключевые слова: Пушкин; китайская литература; функционирование; рецепция; перевод; периодизация.

В стихотворении «Памятник» А. С. Пушкин написал о своей возможной посмертной славе: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой». Однако слава поэта разнеслась далеко за пределами России. Пушкин – поэт всемирного масштаба. Одна из стран, в которой к творчеству Пушкина проявляют особое внимание, – Китай. С самого начала знакомства китайских ученых и

читателей с творчеством русского поэта, состоявшегося в начале XX в., наблюдался значительный интерес к его художественному миру. Это было обусловлено постоянно возрастающим вниманием к русской культуре и литературе. Буквально с самого начала знакомства с русской литературой стали вырабатывать методологию ее исследования, в том числе подходы к изучению

творческого наследия Пушкина. Причем важным направлением были переводы произведений поэта на китайский язык. Интерес к русской культуре в целом заложил прочную основу для исследований биографии и творчества Пушкина на протяжении всего XX в. [Ван Шубай 1999: 65].

Специфика исторического пути Китая, знавшего и революционный, и эволюционный пути развития, обусловила особый интерес к литературе романтизма. В связи с этим в творчестве Пушкина китайской культурой было воспринято прежде всего романтическое начало. Сказанное относится как к переводам художественных произведений Пушкина, так и к работам исследователей его творчества. Постепенное развитие интереса к фигуре русского поэта стимулировало разработку разнообразных стиливых принципов перевода его произведений на китайский язык, способствовало расширению круга переводимых произведений Пушкина. Объектом изучения для китайских ученых в дальнейшем стал не только романтический, но и реалистический период творчества Пушкина [Гао Сюйдунь 2000: 21].

Следует отметить, что среди множества русских писателей именно Пушкин был переведен на китайский язык наиболее полно. Так, составлена антология его творчества «А. С. Пушкин и Китай» (Чжан Тефу, 2000 г.). Данная антология состоит из нескольких частей. Представленные в ней произведения раскрывают разные стороны творчества поэта, демонстрируют жанрово-стилевое многообразие его поэзии и прозы. Неоднократно издавалось собрание сочинений А. С. Пушкина (в переводе Цю Фэнлинь, 1999 г.), отдельные собрания его произведений («Сборник стихов А. С. Пушкина» (в переводе Фань Юань, 2002 г.), «Сборник стихов А. С. Пушкина» (в переводе Дун Сяо, 2003 г.), «Симфония жизни стихов А. С. Пушкина» (составитель Ван Юйхуань, 2005 г.). Отметим также, что в переводах на китайский язык нашли отражение особенности стиля каждого из переводчиков и в полной мере раскрылась их творческая индивидуальность [Лу Синь 1981: 169].

Признание огромного значения творчества Пушкина для мировой культуры можно увидеть в организации и деятельности научно-исследовательского Фонда Пушкина, образованного в Китае в 1937 г. Именно тогда состоялось первое торжественное мероприятие – празднование столетия со дня смерти Пушкина. В том же году в Шанхае был установлен памятник великому русскому поэту, и там же китайские пушкиноведы провели первую пушкинскую научную конференцию, а также издали целый ряд научных работ, освещавших творчество русского поэта и

обусловивших всплеск интереса к его биографии и художественному миру [Лю Вэньфэй 2012: 42].

Особого упоминания заслуживает тот факт, что в 1937 г. в ознаменование памятной даты, посвященной Пушкину, китайские литературные круги издали две книги: «Сборник Бо Шицзиня: в память столетия смерти поэта»⁵ (под редакцией Вэй Цюэ) и «Изучение Бо Шицзиня». Начиная с 1930-х гг. и по сей день празднование юбилейных дат, связанных с жизнью и творчеством Пушкина, становится важнейшим событием научной и культурной жизни Китая.

В изучении биографии и творчества Пушкина в Китае можно выделить *следующие конкретные этапы*:

Первый этап освоения литературного наследия русского поэта в Китае – 1900–1910-е гг. В этот период начинается знакомство с его биографией. Китайские читатели впервые узнали имя Пушкина из журнала «Вестник российских политических событий», который выпускало Обширное научное общественное издательство в 1900 г., в этом журнале впервые было упомянуто имя Пушкина, дана его краткая биография и оценка места в истории российской литературы [Лу Синь 1981: 32]. В 1903 г. шанхайское издательство «Да Сюань» [大宣] опубликовало первый перевод произведения Пушкина на китайском языке – повести «Капитанская дочка», выполненный Цзи Ихуэем. На серой обложке книги стояло заглавие – «Российская история любви», а на второй странице (титольном листе книги) было указано имя автора – Бо Шицзинь [伯士金] (Пушкин) и был предложен другой, развернутый вариант названия повести – «Думы цветка и мечты бабочки, или Жизнь Ми Ши и Ма Ли». Китайские ученые считают, что именно издание этого перевода ознаменовало начало первого периода изучения творчества Пушкина в Китае. Этот перевод был осуществлен не непосредственно с русского языка, а с японского. Автор перевода Цзи Ихуэй (戢翼翬, 1875–1908) – выдающийся переводчик, издатель, революционер, оказавший огромное влияние на процесс распространения творчества А. С. Пушкина в Китае; и именно он считается основоположником китайского пушкиноведения. В 1896 г. Цзи Ихуэй отправился в Японию на учебу, где и познакомился с творчеством русского поэта. Цзи Ихуэй был восхищен его гением и решил познакомить китайских читателей с романом «Капитанская дочка». Цзи Ихуэй впервые прочел Пушкина на японском языке, поэтому знаменитый роман русского писателя был переведен им на китайский язык именно с японского языка. Заметим, что в

годы обучения в Японии Цзи Ихуэй основал издательство «Ишу Хуэйбянь» и стал активно заниматься переводами. В этом издательстве за три года было осуществлено более 50 переводов на китайский язык произведений европейской культуры. «Ишу Хуэйбянь» стало первым издательством Китая, которое выпускало книги русских и европейских авторов [Цюй Цюбо 2004: 21].

В течение следующих тридцати лет в Китае переводились только прозаические произведения Пушкина, в то время как его поэзия все это время оставалась невостребованной. Возникает естественный вопрос, чем это могло быть обусловлено. Одна из причин связана с особенностями развития национальной литературы Китая на данном этапе. В начале XX в. литературные круги Китая интересовала гораздо в большей степени проза, чем поэзия. Это объяснялось тем, что в конце правления династии Цин среди китайских интеллектуалов появилась группа реформаторов. Одним из ее членов был Лян Цицао, он и его единомышленники существенно продвинулись в области историко-литературоведческих исследований и разработали основные принципы художественного перевода с европейских языков на китайский.

Предисловие к переводу романа Цзи Ихуэя написал Хуан Хэнань⁶, он отмечал, что произведение Пушкина нельзя отнести ни к собственно «историческому описанию», ни к «биографии», поскольку это – настоящая «художественная проза», а художественная проза всегда неразрывно связана с вопросами общественными. Так, например, основная идея всех древних китайских прозаических произведений выражалась в преданности императору, утверждении таких ценностей, как почитание родителей, добродетели женщины.

Перед романистами, согласно воззрениям того времени, стояла основная задача – раскрыть социальные противоречия эпохи и способствовать улучшению общественных нравов. Поэтому считалось, что и переводчики должны активно участвовать в этом процессе.

В этот период особое внимание китайских литературных кругов привлекали в первую очередь реалистические произведения Пушкина. В 1920-е гг. Лу Синь – писатель и критик, оказавший огромное воздействие на развитие литературы и общественно-политической мысли Китая первой половины XX в., писал в своих мемуарах: «Пушкин, Байрон и другие романтические поэты привели меня в трепет, после создания демократического государства я забыл их». Изменение позиции Лу Синя связано с эволюцией его эстетических взглядов под влиянием идей,

распространившихся в китайских литературных кругах после революции 1911 г. Так, Гэн Цзичжи⁷ в своем предисловии к переводу повести «Капитанская дочка» отмечал: «Из произведений зарубежной литературы главным образом необходимо представлять китайскому читателю реалистическую литературу, такую, как «Капитанская дочка». Это произведение насыщено духом реализма и потому получило достаточное признание китайских литературных кругов. Описываемые события происходят в течение нескольких лет (с 1772 по 1775 г.). В этом произведении не только представлены исторически значимые лица, но и само действие имеет документальную основу – приказы, выписки, письма, которые с такой тщательностью Пушкин разыскивал в архивах, – поэтому недаром это произведение называют исторической хроникой» [Ге Ихун, Цзо Лай 1993: 261].

Однако то время китайские литературные круги еще не в полной мере оценили поэзию Пушкина. Это было обусловлено двумя причинами. Во-первых, в Пушкине видели прежде всего «социального поэта» и недостаточно высоко оценивали поэтику и эстетическое совершенство его поэзии. Во-вторых, перевод поэзии требует высокого мастерства и наличия развитой школы перевода, а в начале XX в. такой школы в Китае еще не существовало [Чжен Чженьдо 1924: 174]. Подобное состояние переводческой практики сохранялось почти без изменений до начала 1930-х гг.

Стоит отметить, что в этот исторический период лишь небольшая часть китайского общества владела иностранными языками. Однако благодаря идеям, разработанным в период «ста дней реформ», в обществе получила распространение идея необходимости знакомства с зарубежной культурой. По инициативе ряда представителей литературных кругов Китая в это время начинают переводиться зарубежные книги, содержащие прогрессивные идеи. Проза Пушкина была созвучна настроениям и потребностям китайского общества первой трети XIX в., и поэтому перевод повести «Капитанская дочка» Пушкина сразу же вызвал большой интерес читателей.

Второй этап изучения творчества Пушкина в Китае относится к 1920–1960-м гг. В это время китайские переводчики интерпретировали Пушкина прежде всего как поэта-певца *чистой красоты*, тогда как литературные критики видели в нем прежде всего *революционного поэта*.

Восприятие Пушкина как революционного поэта обусловлено историческими событиями, происходившими в Китае на рубеже 1910–1920-х гг. В этой связи следует упомянуть о

«Движении 4 мая (1919)», поскольку оно знаменовало значительное углубление интереса к западной культуре.

Пушкинская вольнолюбивая лирика оказалась созвучной настроениям китайского общества. В 1930-е г. в Китае усилилось внимание к поэзии Пушкина, в частности, к его ранней лицейской лирике и к романтической лирике 1820-х гг. Так, в статье «Русская литература и революция» Ли Дачжао⁸ отметил, что «стихи поэта были полны революционным пафосом, направляли людей к истине и свободе». Ли Дачжао писал о теме свободы в русской поэзии, обращаясь также к творчеству М. Лермонтова («Смерть поэта»), Н. Огарева («Свобода») и других поэтов. Статья Ли Дачжао выразила основные принципы интерпретации тогдашними китайскими интеллектуалами русской поэзии. Важно подчеркнуть, что эстетические позиции и оценки литературных произведений в работах китайских исследователей в значительной степени были обусловлены их политическими взглядами. В работах Ли Дачжао «Русская литература и революция», «Молодость», «Свет и темнота» литературное наследие Пушкина рассматривалось с точки зрения социальной проблематики, отраженной в его произведениях [Чжен Чженьдо 1998: 417].

В работах китайских публицистов и литературных критиков часто реализовывался сопоставительный подход к исследованию русской и китайской литератур. Так, говоря об актуальности творчества Пушкина для китайской культуры, критики подчеркивали важность социальных вопросов, поставленных русским поэтом, как для российского, так и для китайского общества. Эстетическое в этих работах рассматривалось сквозь призму социального. В частности, отдавая должное поэтическому совершенству творчества Пушкина, Тянь Хань в статье «Мой взгляд на тенденции развития русской литературы» отмечал, что величие Пушкина заключается в том, что писатель выразил тенденции, характерные для социальной жизни России своего времени. Размышляя о значении фигуры Пушкина для русской культуры, Цюй Цюбо⁹ также подчеркивал огромное значение социальной проблематики для творчества поэта [Цюй Цюбо 2004: 92].

В период с 1925 по 1936 г. в связи со сложной политической ситуацией в Китае изучение литературы находилось в состоянии стагнации и работ о творчестве Пушкина и переводах его произведений практически не публиковались. Однако в 1930–1940-х гг. в пушкиноведении Китая наступило оживление. По мере изменения исторической ситуации в Китае, в результате стремительного развития «левых» позиций, которых

придерживались деятели культуры, в изучении творчества Пушкина появились новые тенденции. В течение двенадцати лет было проведено три крупных мероприятия, увековечивающих память о русском поэте в китайской культуре. Так, в 1937 и 1947 гг. были организованы празднования в честь 100-летия и 110-летия со дня смерти А. С. Пушкина соответственно. В 1949 г. было широко отмечено 150-летие со дня рождения русского поэта. Большими тиражами были изданы произведения Пушкина, появилось значительное число монографий и статей, посвященных его биографии и творчеству. Так, именно в это время были изданы «Цыганы» (瞿秋白, Цюй Цюбо, 1949 г.), «Сказка о рыбаке и рыбке» (戈宝权, Гэ Баоцюань, 1949 г.), «Сказка о рыбаке и рыбке» (戈宝权, Гэ Баоцюань, 1949 г.), монография «А. С. Пушкин в Китае» (戈宝权, Гэ Баоцюань, 1949 г.), «Великий русский поэт: биография и творчество. К 100-летию А. С. Пушкина» (戈宝权, Гэ Баоцюань, 1949 г.) и др. В эти годы укрепилось представление о Пушкине как о «революционном поэте». Внимание ученых особенно привлекали вольнолюбивые произведения поэта: «К Чаадаеву», «Вольность» и нек. др. Китайским читателям была особенно близка антидеспотическая интенция этих стихотворений, пафос стремления к свободе. В этом ключе прочитывалась и биография поэта. Так, писатель Мао Дунь считал, что жизненный путь русского поэта можно рассматривать как «воплощение революционного эпоса». Революционное начало усматривали и в литературном наследии Пушкина, в первую очередь в его поэзии. Писатель, поэт, историк, археолог и государственный деятель, первый президент Академии наук КНР Го Можо полагал, что основными достоинствами поэзии Пушкина являются идея служения народу и идеал служения революции. Именно в этом ключе, как утверждали исследователи творчества Пушкина, следует изучать биографию и творчество русского поэта и транслировать эти идеи китайскому читателю [Чэнь Цзяньхуа 1998: 75].

Тема «Пушкин и революция» стала предметом обсуждения в целом ряде литературно-критических и научных исследований. Так, известный ученый Ху Фэн в своей ключевой работе «А. С. Пушкин и Китай» утверждал, что Пушкин являлся великим поэтом, воспевающим вольность, выразившим идею сопротивления старому режиму и выдвинувшим идею революционного движения крестьян. По мнению исследователя, царская власть отправила поэта в ссылку за его эпиграммы на царя и вольнолюбивые стихи [Чжан Тефу 2000: 46].

Третий этап изучения творчества Пушкина в Китае начинается в 1980-е гг. С начала 1980-х гг. по настоящее время в Китае осуществляется всестороннее изучение Пушкина в разных аспектах: жанрово-стилевое своеобразие и поэтика его творчества, сопоставление его произведений с произведениями писателей из других стран (в частности, китайских писателей). Крупнейший русский поэт, драматург и прозаик, заложивший основы русского реализма, критик и теоретик литературы, историк, публицистический деятель первой трети XIX в. – такова интерпретация А. С. Пушкина в современном Китае. Сегодня исследователи творчества Пушкина рассматривают его как основоположника современной русской литературы; появление Пушкина ознаменовало начало «золотого века» русской классической литературы, возникновение нового поколения русских писателей. Ученых и переводчиков на протяжении этого периода интересуют не только анализ тематики его поэзии, но и исследование поэтики, жанрово-стилевого многообразия наследия поэта, принципов сюжетно-композиционной организации художественного текста, сравнительные исследования. Социологическое прочтение произведений поэта сменилось внимательным изучением разнообразных интерпретаций его произведений, историко-культурным прочтением его текстов.

После завершения 1980-х гг. изучение творчества Пушкина осуществлялось преимущественно в рамках компаративистского подхода, а также с точки зрения межкультурного взаимодействия. Назовем такие работы, как «Изучение Пушкина в Китае в последние годы» (авт. 张铁夫, Чжан Тефу, 1988 г.), «Гэ Баоцюань и полное собрание стихотворений Пушкина» (авт. 吴正纲, У Чжэнган, 1993 г.), «Сборник обозрения русской советской литературы» (авт. 张铁夫, Чжан Тефу, 1997 г.), «Гэ Баоцюань – первопроходец изучения Пушкина в Китае» (авт. 李明滨, Ли Минбинь, 1998 г.), «Пушкин и религия» (авт. 任光宣, Жэнь Гуансюань, 1999 г.) и др. Всего в период с начала 1980-х гг. по настоящее время в научных журналах Китая было опубликовано свыше 1809 статей о Пушкине. Авторы упомянутых работ анализируют значение творчества Пушкина для китайской культуры, особенности его стиля, влияние поэзии и прозы на творчество китайских писателей. Многие научные исследования, проводимые в Китае, посвящены сравнительному изучению мировых литератур. Таковы, например, сборник «Творчество Пушкина» (под ред. Фэн Чунь, 1993 г.), статья «Сравнительное литературоведение: изучение Пушкина в США» (авт. Линь

Цзинхуа, 1999 г.), статья «Методы сравнительного литературоведения в изучении Пушкина» (авт. Ван Сяоянь, 1999 г.), статья «Мировое значение А. С. Пушкина» (авт. Чжан Тефу, 2007 г.) и др.

Примечания

¹ Цзи Ихуэя (戢翼翬, 1875–1908) – выдающийся китайский переводчик, издатель, революционер, оказавший огромное влияние на распространение творчества А. С. Пушкина в Китае.

² Лян Цичао (梁启超, 1873–1929) – китайский философ, историк философии, ученый, литератор, государственный и общественный деятель и одновременно один из лидеров либерально-реформаторского движения в Китае конца XIX – начала XX в.

³ Тянь Хань (田汉, 1898–1968) – поэт, китайский драматург, театральный деятель, переводчик и композитор.

⁴ Ху Фэн (胡风, 1902–1985) – китайский известный критик, ученый и поэт.

⁵ Бо Шицзинь (Bo shi jin) – принятое в Китае в начале XX в. именование А. С. Пушкина.

⁶ Хуан Хэнань (黄和南) – выдающийся писатель, литературный критик позднего периода династии Цин.

⁷ Гэн Цзичжи (耿济之, 1898–1947) – писатель и известный переводчик произведений русских и советских авторов.

⁸ Ли Дачжао (李大钊, 1888–1927) – один из основателей Коммунистической партии Китая, публицист, общественный и политический деятель, сделал особый акцент на ранней вольнолюбивой лирике поэта.

⁹ Цюй Цюбо (瞿秋白, 1899–1935) – китайский публицист, прозаик и литературный критик, пропагандист марксизма, общественный деятель.

Список литературы

Ван Шубай. История китайской культуры XX в. Пекин: Изд. Чжунго циннянь, 1999. 320 с. 汪澍白. 20世纪中国文化史论. 北京: 中国青年出版社, 1999. 320 p. (Wang shu bai. 20 shi ji zhong guo wen hua shi lun. bei jing: zhong guo qing nian chu ban she, 1999. 320 p.).

Ге Ихун, Цзо Лай. Становление и развитие современного театра драматического Китая после «Движения 4 мая». Китайская культура 20–40-х годов и современность: сб. ст. / под ред. В. Ф. Сорокина М.: Наука, 1993. С. 261–264.

Гао Сюйдун. Литература «4 мая» и традиции китайской литературы. Цзинань: Изд. Шаньдунского ун-та, 2000. 251 с. 高旭东. 五四文学与中国文学传统. 济南: 山东大学出版社,

2000. 251 p. (Gao Xudong. Wu si wen xue yu zhong guo wen xue chuan tong. Ji nan: Shan dong da xue chu ban she, 2000. 251 p.).

Лю Вэньфэй. Распространение русской литературы и ее сегодняшнее положение в Китае // Русский Харбин. запечатленный в слове, 2012. № 6. С. 41–44.

Лу Синь. Полное собрание сочинений. Пекин: Изд. Жэйминьвэньсюэ чубаньшэ, 1981. Т. 10. 397 с. 鲁迅. 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社, 1981. 第 10 卷. 397 p. (Lu Xun. Lu Xun quan ji. Beijing: Ren min wen xue chu ban she, 1981. Di shi juan. 397 p.).

Лу Синь. Полное собрание сочинений. Пекин: Изд. Жэньминьвэньсюэ чубаньшэ, 1981. Т. 4. 432 с. 鲁迅. 鲁迅全集. 北京: 人民文学出版社, 1981. 第 4 卷. 432 p. (Lu Xun. Lu xun quan ji. Beijing: Ren min wen xue chu ban she, 1981. Di si juan. 432 p.).

Цюй Цюбо. Русская литературная история. Шанхай: Изд. Фуданьского университета, 2004. 221 с.

Чэнь Цзяньхуа. Китайско-русские литературные связи в 20 веке. Шанхай: Изд. Сюэлинь, 1998. 320 с. 陈建华. 20 世纪中俄文学关系. 上海: 学林出版社, 1998. 320 p. (Chen Jianhua. 20 shi ji zhong e wen xue guan xi. Shanghai: Xue lin chu ban she, 1998. 320 p.).

Чжен Чженьдо. Краткая история русской литературы. Шанхай: Изд. Шаньу иньшугуань, 1924. 281 с. 郑振铎. 俄国文学史. 上海: 商务印书馆, 1924. 281 p. (Zheng zhen duo. E guo wen xue shi. Shanghai: Shang wu yin shu guan, 1924. 281 p.).

Чжоу Цзожень. Россия и Китай в литературе // Син циннянь, 1921 (1). С. 350–351. 周作人. 文学中的俄罗斯与中国 // 新青年, 1921 (1). P. 350–351. (Zhou zuo ren. Wen xue zhong de e luo si yu zhong guo // xin qing nian, 1921 (1). P. 350–351.)

Чжен Чженьдо. Полное собрание сочинений. Хэбэй: Изд. Хуашань вэньи, 1998. 531 с. 郑振铎. 郑振铎全集. 河北: 花山文艺出版社, 1998. 531 p. (Zheng Zhenduo. Zheng zhen duo quan ji. Hebei: Hua sha wen yi chu ban she, 1998. 531 p.).

Чжан Тэфу. А. С. Пушкин и Китай. Хунань: Изд. Юелу, 2000. 318 с. 张铁夫. 普希金与中国. 湖南: 岳麓书社, 2000. 318 p. (Zhang Tiefu. Pu xi jin yu zhong guo. Hunan: Yu lu shu she, 2000. 318 p.).

References

Wang Shubai. *Istoriya kitayskoy kul'tury 20 v.* [The history of Chinese culture of the 20th century]. Beijing, China Youth Press, 1999. 320 p. (In Chin.)

Ge Yihong, Zuo Lai. Stanovlenie y razvitie sovremennogo teatra dramaticheskogo Kitaya posle "Dvizheniya 4 maya" [Formation and development of modern theatre of dramatic China after the May Fourth Movement]. *Kitayskaya kul'tura 20–40-kh godov y sovremennost': sb. st.* [Chinese culture of the 20–40s and the present: collection of articles]. Ed. by V. F. Sorokina. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 261–264. (In Russ.)

Gao Xudong. *Literatura «4 maya» i traditsii kitayskoy literatury* [May 4th literature and Chinese literary tradition]. Jinan, Shandong University Press, 2000. 251 p. (In Chin.)

Liu Wenfei. Rasprostranenie russkoy literatury i ee segodnyashnee polozhenie v Kitae [Dissemination of Russian literature and its current status in China]. *Russkiy Kharbin zapechatlennyy v slove* [Russian Harbin captured in the word], 2012, issue 6, pp. 41–46. (In Russ.)

Lu Xun. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Beijing, People's literature Publishing House, 1981, vol. 10. 397 p. (In Chin.)

Lu Xun. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Beijing, People's literature Publishing House, 1981, vol. 4. 432 p. (In Chin.)

Qu Qiubai. *Russkaya literaturnaya istoriya* [Russian literary history]. Shanghai, Fudan University Press, 2004. 221 p. (In Chin.)

Chen Jianhua. *Kitaysko-rossiyskie literaturnye svyazi v 20 v.* [The Sino-Russian literary connections in the 20th century]. Shanghai, Xuelin Publishing House, 1998. 32 p. (In Chin.)

Zheng Zhenduo. *Kratkaya istoriya russkoy literatury. Predislovie* [A Brief History of Russian Literature. Foreword]. Shanghai, The Commercial Press, 1924. 281 p. (In Chin.)

Zhou Zuoren. *Rossiya i Kitay v literature* [Russia and China in the literature]. *Sin tsinnyan'* [New Youth], 1921(1), pp. 350–351. (In Chin.)

Zheng Zhenduo. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Shijiazhuang, Huashan Literature and Art Publishing House, 1998. 531 p. (In Chin.)

Zhang Tiefu. *A. S. Pushkin i Kitay* [A. S. Pushkin and China]. Changsha, Yuelu Publishing House, 2000. 318 p. (In Chin.)

BRIEF LIFE, ETERNAL MEMORY: PUSHKIN STUDIES IN CHINA

Liu Yankun

Postgraduate Student in the Department of Russian Literature

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. 15945607187@163.com

SPIN-code: 6235-8420

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9152-8087>

ResearcherID: E-1994-2018

Submitted 31.03.2018

Pushkin is among the writers whose works remain relevant in many countries for many decades. In China, the interest of readers and researchers in the poet's biography and his artistic world has been steadily increasing since the moment Pushkin's works first appeared there. This article considers three stages in the study of Pushkin's biography and works in China. The research shows how the perception of Pushkin's works depends on the historical and sociocultural situation.

The article covers works by key Chinese researchers. The author analyzes specific features of methodological approaches to studying Pushkin's writings in a wide range of works by Chinese scholars, and shows the main vectors in the development of methodology of literary studies in the 20th century, and especially at the present stage of the humanities development.

The article also shows how the changes in Chinese culture over the last hundred years influenced the formation and functioning of the image of Pushkin, as well as perception of his works in China. The author of the article comes to the conclusion that these changes have been caused by historical and socio-cultural shifts. Special attention is paid to the contemporary stage in the study of Pushkin's works by Chinese researchers of Russian culture and literature.

Key words: Pushkin; Chinese literature; functioning; reception; translation; periodization.

УДК 398: 82-344

doi 10.17072/2037-6681-2018-3-138-148

ПАРОДИИ НА КРИПИПАСТУ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СТРАШНОГО СЕТЕВОГО ФОЛЬКЛОРА

Татьяна Александровна Мирвода

аспирант кафедры русского устного народного творчества

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. tatyanamirvoda@yandex.ru.

SPIN-код: 4042-6340

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-873-1722>

ResearcherID: I-6932-2018

Статья поступила в редакцию 18.05.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мирвода Т. А. Пародии на крипипасту как составляющая страшного сетевого фольклора // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 138–148. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-138-148

Please cite this article in English as:

Mirvoda T. A. Parodii na kripipastu kak sostavlyayushchaya strashnogo setevogo fol'klora [Creepyasta Parodies as a Component of Scary Internet Folklore]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 138–148. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-138-148 (In Russ.)

Крипипаста является заметным феноменом сетевой культуры, относящимся к области и «страшного» сетевого творчества в целом, и собственно сетевого страшного фольклора в частности. В Интернете пародии на крипипасту обыкновенно располагаются рядом с нею на одних и тех же ресурсах, в связи с чем пользователи нередко воспринимают и транслируют их как крипипасту. Представленные в Сети пародии на крипипасту можно распределить как собственно пародии, переделки и пародические произведения. К собственно пародиям на жанр крипипасты относится возникшее в англоязычном сегменте Интернета направление “Such is life in Moscow”, в Рунете известное как «“Советская” крипипаста». Для него характерно привлечение советских реалий с целью создания карикатурных произведений на основе наиболее известных текстов классических крипипаст, в которых шаржируются присущие поэтике данного жанра черты. Еще одной разновидностью собственно пародий являются тексты, высмеивающие узнаваемые мотивы и сюжеты крипипасты, для этого помещенные в другую жанровую оболочку. Пародии-переделки, сохраняя структуру оригинального текста, изменяют его отдельные куски или детали, вместе с чем меняют полнос его восприятия со страшного на смешной. Они никак не маркируются самими пользователями и обыкновенно публикуются в общем потоке с «канонической» крипипастой, что служит комическому дискредитированию не только отдельного текста, но и традиции в целом. Однако самым обширным является корпус пародических произведений, паразитирующих на оригинальных крипипастах. В нем отчетливо выделяется несколько типов, которые коротко можно обозначить как «фанфики», «отклоненные истории», «разоблачения» и «перетекстовки».

Ключевые слова: крипипаста; «советская» крипипаста; страшный сетевой фольклор; интернет-фольклор; пародия.

Говоря о страшном сетевом фольклоре, мы затрагиваем две интерферирующие области «интернетлора» [Алексеевский 2010: 151–166]: сферу «страшного» сетевого творчества в целом и сферу собственно сетевого страшного фольклора.

В первом случае речь идет обо всех представленных в Интернете вербальных и аудиовизуальных формах анонимного коллективного творчества, репрезентирующих «страшное». При этом в данную категорию попадают как произведения, возникшие в недрах Интернета, так и

произведения традиционного устного фольклора, воспроизводимые в Сети.

Собственно сетевой страшный фольклор объединяет анонимные, коллективные, воспроизводимые и варьируемые произведения страшной тематики, возникшие в рамках интернет-коммуникации и использующие специфичные для сетевого общения жанры: крипипасту, смертельные файлы, цепные письма, страшные комиксы, жуткие мемы, скримеры, анонимные странные сайты, пугающие флэш-игры и т. п. [Алещенко 2015: 1–5; Матвеева 2017: 124–125; Blank 2007: 15–26; Wiles 2013; Eflin 2014: 13–14; Schenstead-Harris 2015: 29; Williams 2015; Brzostek 2016]; (FRIDAY13 2011; Крымов 2013; Мракопедия и др.)¹.

Крипипаста представляет собой один из заметных и интенсивно развивающихся феноменов современной сетевой культуры, внутри которого отчетливо выделяются два типа текстов:

1) «Классическая» крипипаста, объединяющая первые страшные истории об интернет-злодеях и смертельных файлах, опубликованные в разных национальных сегментах Сети. Данный тип текстов возник в виртуальном пространстве разных стран в результате переводов и подражаний англоязычным «образцам». С подачи зарубежных ресурсов самими авторами публикаций и читателями они позиционируются как некий «золотой фонд крипипасты».

2) Крипипасты – вторичные по отношению к оригинальным текстам вариации, продолжения и перетекстовки наиболее успешных крипипаст. Данный тип очень близок к группе пародических произведений, связанных с крипипастой. Однако ввиду самой сути явления крипипасты, нашедшей отражение в обозначении этого феномена, происходящем от «копипаста» (copy + paste; подробнее см.: [Wiles 2013; Brzostek 2016: 61]), и зачастую невозможности установления, какой из имеющихся в традиции вариантов первичен / обладает более высоким статусом в парадигме страшных текстов, а также отношения к ним со стороны пользователей как к оригинальным текстам, подобные образования мы пока относим к самому жанру крипипасты, а не к пародиям на него, хотя грань между ними остается довольно зыбкой.

При определении в корпусе сетевого страшного фольклора форм, возникших в результате пародийного переосмысления его жанровых канонов, мы опираемся на существующее в академической традиции широкое понимание термина пародия, включающего не только строго пародийные, но и пародические произведения [Тынянов 1977: 290], а также переделки и перетекстовки исходного текста.

Собственно пародия представляет из себя новое произведение-карикатуру, в котором снижаются жанрово-стилистические особенности оригинала [Морозов 1960: 56]. Главная цель – перевернуть с ног на голову восприятие устоявшейся модели посредством шаржирования ее характерных черт [Лурье 1998: 432; Лурье 2006: 96].

Переделка является «уродливым двойником» оригинала, основная задача которого – сделать смешно, по минимуму исказив «высокий образец», тем самым еще больше его дискредитировав и принизив [Лурье 1998: 434; Лурье 2006: 97]. «Это как бы фальшивое воспроизведение <...> с ошибками, подобное фальшивому пению» [Лихачев 1984: 12]. Для этого используются всевозможные замены-подмены, основанные на игре слов или смыслов, обценная или скатологическая лексика и все остальное, что может подорвать «сакральный» авторитет источника как бы изнутри него самого. Данный пласт страшного сетевого фольклора соотносим с трагедией – древней пародийной традицией, известной еще с Античности и достигшей своего апогея в Средневековье [Бахтин 1975, 2010].

Пародический текст – вторичное по отношению к первоисточнику произведение, не имеющее установки перевернуть восприятие или принизить оригинал с целью посмеяться, но паразитирующее на нем. То есть произведения подобного рода создаются уже не «с нуля», а как бы «на месте» оригинала [Лурье 1998: 431; Лурье 2006: 95].

В качестве примера собственно пародий на жанр крипипасты можно привести распространенное на англоязычных ресурсах явление “Russian creepypasta”, именуемое также “Such is life in Moscow (Russia)”, “Russianpasta”, “Russian style” и “Soviet creepypasta” или, на русскоязычных ресурсах, “Советская” крипипаста и «Псевдо-Советская крипипаста»².

Уже по названиям этого вида пародий можно догадаться, что данный тип текстов представляет собой перекаривание в соответствии с якобы характером советского режима наиболее известных текстов классических крипипаст. Таких как SCP-173, Лестница, Русский эксперимент со сном, Портреты, Белое с красным, Статуя ангела, Статуя клоуна, Суицид Сквидварда, Последний человек, Плохие сны, Письма, Девочка, ходящая за мной, Голоса, Вкус пальцев, а также истории из серии «Хранители» и др.³

При этом в данных текстах шаржируется не только собственно жанр крипипасты, но и само представление об образе среднестатистического русского человека на современном Западе. Об этом свидетельствует, главным образом, соседство и взаимозаменяемость словосочетаний

“Such is life in Moscow” и “Soviet creepypasta”, а также “Russian style” в названии ресурсов или разделов с пародиями данной серии, включающих определения «московский», «русский» и «советский», для большинства зарубежных интернет-пользователей, видимо, абсолютно синонимичных по своему значению. А также – фигурирующие в некоторых пародиях относительно универсальные реалии типа «водка», «цыгане» и «КГБ».

Реалии же, действительно касающиеся советского режима, причем в большинстве случаев и идейных, и трагических его сторон одновременно, преподнесены в предельно утрированной и гротескной форме:

Статуя Ленина

Мать с отцом слегка устали строить коммунизм, и они хотят поехать в Москву и купить там водки. Они звонят няне, которой доверяют больше всего. Когда няня пришла, дети почти заснули в кроватках. Няня просто сидела рядом и смотрела, все ли в порядке с детьми. Позже ночью няня заскукала и захотела почитать Маркса, но в комнате не было света (потому что родители не хотели, чтобы дети читали Маркса допоздна). Няня позвонила родителям и спросила, можно ли ей почитать Маркса в их комнате при свечах. Конечно же, родители согласились, но у няни была еще одна, последняя просьба. Она спросила, можно ли ей накрыть тканью статую Ленина за окном, потому что она ее пугала. Родители секунду молчали, затем отец сказал: «Забирай детей и беги. Мы вызовем милицию. У нас нет никакой статуи Ленина». Милиция нашла всех троих мертвыми – КГБ убили их за попытку накрыть статую Ленина. Затем милиция арестовала родителей за то, что у них не было статуи Ленина. Такова жизнь в Москве⁴.

Как и в оригинальной крипипасте⁵, действие происходит в темное время суток. Однако дальнейшие события, несмотря на то, что уже не представляют собою ничего мистического, подводят читателя даже к более плачевной развязке: не только убиты дети и няня, но еще арестованы родители, которые, вероятнее всего, также будут умерщвлены.

Здесь мы видим иронизирование и над советской идеологией, и над обратной стороной советского режима. Первое проявляется в упоминании коммунизма, который «слегка устали строить», увлеченности Марксом, чтение которого приравнивается к просмотру телевизора – «в комнате не было света (потому что родители не хотели, чтобы дети читали Маркса допоздна)»; и в необходимости иметь персональную статую Ленина. Второе же в том, что в стране дефицит всего и что-либо (даже водку) можно достать только в Москве; в напоминании о высосанных из пальца причинах арестов огромного количества людей и их последующем исчезновении – либо в лагерях, либо сразу же на месте, в

казематах или на ближайших полигонах с помощью сотрудников КГБ.

При этом изначальное направление героев «в Москву» несколько не мешает автору закончить текст фразой «Такова жизнь в Москве».

В продолжение темы абсурда не менее интересен следующий текст, в котором при живом Ленине в поезде уже оказывается бюст Сталина:

To Moscow

Somewhere in West Vladivostok, you will find a frozen pond with a pair of ice skates lying in the middle. Put them on and begin skating. After a while, a small group of Capitalists will approach you and challenge you to a revolution, which you must begin.

After the revolution, you must go home and relay the events to Comrade Lenin. He will then inform you that you have an aunt and uncle living in one of the districts of Moscow, and out of loyalty to his motherland, he will send you to live there for an indefinite period of time.

With no personal possessions because ownership is the capitalist's way, go to the station and await a train. The train that will pull up will bear the word FREEDOM on the side, and upon closer inspection, a bust of Stalin will hang in the window. Although you will suddenly realize that cabs like these are extremely decadent and capitalistic in nature, do not bear any thought to it. At this point you MUST salute the comrade in the front of the train and say 'Yo comrade, to Moscow'. You will stop in front of a mansion, and there will be somewhere between 7 and 8 other families living there, even though it will be a privilege to share your home with fellow comrades. Get off of the train and say 'Yo comrade, smell ya later!', but do NOT turn back to face the conductor. Walk up to the door, salute your motherland once, and then knock on the door three times.

If you follow these instructions, your imperialism will get flip-revolted upside down⁶.

Данная пародия могла быть создана при ориентации как на какой-то конкретный текст, так и на все произведения, относящиеся к серии «Хранители»⁷, сразу. Для нарративов данной серии характерна форма руководства, содержащего перечень странных команд-действий, которые сопровождаются постоянным напоминанием о неотвратимой смерти и страшных непотребствах в случае несоблюдения (или халатного соблюдения) какого-либо из заявленных запретов. При этом выполнение указанных действий должно увенчаться либо обретением не менее странного артефакта, либо наблюдением непонятной и пугающей сцены.

В приведенной пародии, помимо очевидного высмеивания мировоззрения советского, судя по тексту, очень доверчивого и заносчивого человека (капиталисты бросают ему вызов на революцию, и он выполняет квест непонятных действий ради ее достижения), также прослеживается ирония и в отношении тоталитарного режима (герой ходит по струнке; выполняет, что прикажут, да-

же если не ясно для чего; всегда всем салютует, особенно вышепоставленным лицам), и в отношении коммунизма в целом («для настоящего коммуниста привилегия делить жилье минимум еще с 7 или 8 семьями»).

При этом здесь же шаржируется и характерный для прочих текстов в жанре крипипасты прием «выделенного капсом акротекста», в оригинальных историях обычно призывающий «проснуться», «бежать» или предупреждающий об угрозе или смерти; здесь же сообщающий о том, что свободы быть не должно – “FREEDOM MUST NOT”.

А вот еще один пример, интересный тем, что на всех русскоязычных ресурсах, где мы столкнулись с его публикацией, он не был маркирован ни как перевод, ни как «Советская крипипаста». Хотя, очевидно, создавался иностранцем (что ясно уже из заглавия, а также прослеживается в завуалированной критике устройства системы российского метро и нелестной характеристике его угрюмых пассажиров) и с ориентацией на направление «Such is life in Moscow»:

Хранители другой страны

Если ты на правильном пути, то ты непременно найдешь этот город. Он должен быть не большим, но и не поселком. В этом городе обязательно должен быть памятник Ленину. Но потрудись проверить, не сносился ли он, иначе твой путь закончится плачевно, и судьба обезглавленной статуи покажется тебе завидной.

Если ты нашел город – дальнейший путь предрешен, и начало его всегда будет лежать в месте, где толпа людей оставляет свой смрадный след.

Но в этот раз иди к станции метро, купи жетон и иди, никогда не выходя из потока людей. Сам того не заметив, ты окажешься в вагоне, не то номерном, не то буквенном, и все в вагоне тебе будет казаться и знакомым, и чуждым. Но не смей взглянуть в глаза пассажирам, ибо в этот роковой момент ты навсегда утратишь связь с этим миром.

Считай, сколько раз моргнет свет, и на 14 раз зажмурься так, чтобы не увидеть света, который наступит после темноты. Этот свет испепелит твои глаза и отравит мозг, стоит лишь пробиться ему сквозь веки. Состав остановится, и следуй за пассажирами прочь из вагона. Сохраняй спокойствие, несмотря на то, что вместо теплоты рук ты будешь чувствовать гнилую плоть, вместо голосов – страшное хрипение, вместо запахов пота – гнойный смрад.

Но вот ты останешься один. Открой глаза, и смотри.

Ты увидишь схему станций, с неясными названиями и странными связями, не подчиняющимися законам физики.

Забуть это ты не сможешь никогда, и эта схема будет ключом в твоём пути, равно как и ночным кошмаром каждой ночи.

Закрой глаза еще раз и произнеси название станции, где ты сел на поезд. Это будет тяжело, память

подведет тебя, язык будет заплетаться, но это – единственный путь назад, равно как и вперед.

Произнеси название, ты окажешься на станции в этом мире, с горящей перед глазами схемой метро. Это знание и есть первый предмет. Первый по порядку, но не последний по его тяжести. Он, и только он скрепит печатью всех их⁸.

Помимо заявленной критики, здесь присутствует пародия и на все отмеченные выше характерные особенности историй серии «Хранители».

Интересно также, что в Рунете в качестве сырья для «советской» крипипасты могут выступать и детские страшилки, тиражирующиеся по Интернету как крипипаста:

Штатная сотрудница – каннибал

Нелюбимая сослуживцами штатная сотрудница стала мишенью для множества шуток. На следующий день после тяжелой аварии с трактором несколько односельчан пришли ночью к спящей сотруднице и смеясь ради положили ее на постель несколько рук. Они подождали, пока наступит утро, пришли к ней в комнату и застали ее поедающей руки. Это было ужасно – одной руки достаточно, чтобы накормить трех товарищей, а она ни с кем не поделилась!⁹

Для данной пародии материалом мог послужить следующий текст, также встречающийся в Сети под заголовком «Женщина из морга» и заимствованный из книги «Самые страшные ужасы. Жуткие истории»¹⁰ Э. Успенского и А. Усачева, либо история «Рука труппа»¹¹:

Ненормальная женщина

Одна женщина работала в морге. У нее была странная привычка... Когда она ложилась спать, то клала свою руку под подушку. Ее товарищи узнали об этом. И решили над ней подшутить. Однажды они пришли к ней в гости и... Незаметно положили ей под подушку руку мертвеца. На следующий день женщина не пришла на работу. Шутники пришли к ней домой... А она сидит на полу, растрепанная, и грызет эту руку. Женщина сошла с ума¹².

«Советская крипипаста», как и само явление крипипасты, возникла в англоязычном сегменте Интернета около 5 лет назад. Судя по регулярно появляющимся комментариям и новым вариантам, там она явно пользуется спросом, в то время как в Рунете, как ни парадоксально, представлена преимущественно переводами готовых английских текстов-пародий. Даже несмотря на то, что все пародируемые крипипасты давно переведены на русский, а сам Рунет уже располагает собственной, не менее внушительной, базой страшных историй на любой вкус.

И хотя текстов, называемых самими пользователями крипипастой, тысячи, а может, и десятки тысяч, пародированию в данном ключе подвергается лишь ограниченное число сюжетов. Поэтому данная разновидность пародий играет

существенную роль в изучении крипипасты как жанра, так как своими объектами избирает наиболее распространенные ее сюжеты, а также ведущие поэтические приемы и клише, такие как, например, выделенный капсом акротекст, ситуация открытого или ложного финала, недосказанность и нагнетание саспенса.

Если «Советская крипипаста» является пародией на жанровую форму крипипасты, то следующий пример высмеивает присущие ей мотивы.

Moidodir.exe

Один раз Вова искал мультфильмы для младшего брата. Он лазил в интернете и увидел мультик «Moidodir.exe».

Он подумал что это продолжения мультфильма «Мойдодыр», но его смутило, что у Мойдодыра жесткая, даже кровожадная улыбка. Но все таки, он решил показать этот мультфильм братику. Они начали смотреть его, но в начале, вместо «Союз мультфильм представляет» было написано «Если вы хотите жить, не смотрите» и появилось две кнопки, на одной было написано «Не рисковать», а на другой «Рискнуть». Вова нажал «Рискнуть». «Что же мне сделает этот мультик!» – думал Вова. Они начали смотреть мультик. Все началось как в обычном «Мойдодыре», но когда Мойдодыр бросил мальчика в воду и начал мыть его, то он говорил только одно слово «Мойдодыр». Это продолжалось двадцать минут. Мойдодыр вынул мальчика, а точнее его скелет (Так он его мыл). Видео оборвалось, братик Вовы заплакал. Вдруг кто-то позвонил в дверь. Вова пошел открывать, но когда он открыл дверь там никого не было. Вдруг Вова услышал из гостиной, где он и его брат смотрели «Moidodir.exe», плеск воды, крик брата и одно слово «Мойдодыр». Вова вбежал в гостиную и увидел скелет своего брата. Везде валялись его куски кожи и пол был залит алой, еще горячей кровью. Вдруг Вова услышал за спиной громкий и скрипящий голос, он сказал одно слово, это слово «Мойдодыр»... А зря Вова игнорировал приглашения друзей на сайт 4stor.ru!¹³

О том, что это пародия именно на крипипасту, причем в форме даже не страшилки, а антистрашилки, свидетельствуют сам пародируемый сюжет и переворачивающая концовку с ног на голову фраза «А зря Вова игнорировал приглашения друзей на сайт 4stor.ru!». То есть герои погибли даже не потому, что запустили смертельный файл, а потому что не зарегистрировались на 4stor.ru, иначе говоря – по абсолютно абсурдной причине, что как раз свойственно жанру антистрашилки. И благодаря той же черте, характерной и для самой антистрашилки – переворачивание полюса восприятия от страшного к смешному и абсурдному, – мы с уверенностью можем утверждать, что это пародийное произведение.

Но, в отличие от антистрашилки, по сути являющейся переделкой жанра страшилки, здесь объектами пародирования выступают крипипас-

ты о смертельных файлах. И в первую очередь – сами названия смертельных файлов и крипипаст о них. Moidodir.exe сразу отсылает нас к бесконечному ряду из BarelyBreathing.exe, suicide-mouse.avi, Sonic.exe, Barbi.avi, DeadBart.avi, Grifter.avi, Smile.jpg и др.¹⁴ Здесь же пародируются и характерные для крипипаст о смертельных файлах черты. Во-первых, игнорирование предупреждений и целенаправленный поиск неприятностей со стороны героев. Во-вторых – тупое неотрывное досматривание заведомо странного и пугающего или скучного, монотонного и однообразного видеоряда, который присущ большинству смертельных файлов (только в нем обычно, кроме помех, ничего не происходит – здесь же Мойдодыр двадцать минут «мыл» мальчика и повторял «Мойдодыр», а герои на это неотрывно смотрели). В-третьих – предрешенность неприятной развязки для всех столкнувшихся со смертельными файлами, даже если они просто искали мультики¹⁵.

Пародия на содержание историй крипипаст может быть облечена абсолютно в любую устойчивую оболочку, не только в форму детских страшных историй. Ярким примером тому являются материалы форума «Копипасты по мотивам Фонда SCP или “Oh, exploitable”»¹⁶ на сайте самого Фонда SCP¹⁷, где можно встретить пародии на содержание его документов, представленные в виде поста на женском форуме:

Мой муж – Скульптор реальности. Я привыкла к этому и для меня это естественно. Мой покойный отец также был Скульптором. Я привыкла к постоянным пертурбациям и изменениям реальности, а также, конечно, к экспериментам мужа. Сейчас у меня из крана в ванной течет коньяк, холодильник сам производит еду, а с балкона можно попасть в четырехмерное пространство. Я привыкла слушать полицейские сводки и созерцать разрушительные выходы мужа в специальных выпусках новостей.

Вчера ко мне пришла подруга, агент ГОК. Она сказала, что ни за что на свете не вышла бы замуж за Скульптора, планету, вроде как, жалко. Конечно, меня ее подход удивил.

Уважаемые дамы! Могли бы вы выйти замуж за Изменяющего реальность? Вообще – имеет ли для вас значение это хобби вашего мужчины?

Уважаемые мужчины! Есть ли среди Вас Скульпторы реальности? Если да, то как ваши дамы относятся к вашему хобби?

Спасибо!^{18,19}

Что касается пародий-переделок на крипипасту – определить степень их распространенности в Интернете довольно сложно, поскольку самими пользователями они никак не маркируются. Подобные тексты публикуются рядом с текстами собственно крипипасты, умело маскируясь под них, что на контрасте еще больше в итоге дис-

кредитирует «страшный» оригинал. При этом в пародиях-переделках на крипипасту происходит как бы «наложение смешного на смешное»: сама модель восприятия крипипасты поворачивается к смешному как к противоположному полюсу страшного, что характерно для собственно пародии, и это накладывается на цель создания травестирующего текста, принижающего оригинал, что уже характерно для переделки. Например, как в следующем тексте, который вообще представлен на посвященном спорту ресурсе, но при этом в блоге «Разговор с крипипастой. Страшные истории, видео и тому подобные ужасы»²⁰, который в основном заполнен именно каноническими крипипастами:

529. Хранитель Разума

*В любом городе любой страны отправляйся в любую психиатрическую лечебницу или любой реабилитационный центр, в который сможешь попасть. Когда ты подойдешь к регистратуре, попроси встречи с тем, кто называет себя «Хранитель Разума». Если человек на ресепшене пошлет вас *****, бегите, иначе вы рискуете испытать нечеловеческую боль. Если же сотрудник вам хитро подмигнет и кому-то начнет звонить, вы на верном пути.*

Затем появятся два человекоподобных существа – не смотри им в лица, ибо там ты не найдешь разума и понимания, только тоску и злобу. Они поведут тебя по однообразным коридорам, и, молю тебя, не слушай те голоса, что ты будешь слышать. Они будут говорить безумные вещи, но если ты выдержишь, ты встретишься с ним, с Хранителем Разума. Он будет задавать тебе вопросы, и если ты ответишь на них неправильно, ты окажешься за пределами помещения и больше не сможешь вернуться. Если же вопросы Хранителя получили свои ответы от тебя, то ты попадешь в место, обитое мягкой тканью, и получишь рубашку, чьи рукава будут вдвое длиннее твоих рук. Эта рубашка – последний объект, и со временем, он и таблетки излечат тебя от шизофрении»²¹.

Данный текст является очевидной юмористической переделкой самого распространенного текста²² «Хранителей», в результате чего тень иронии падает и на все остальные произведения данной серии (а их более 500). На этот же текст есть и «советская» пародия²³.

В отличие от «советских» пародий, в данной переделке нет ничего мистического или пугающего, а также фатального – благодаря введенным реалиям «психиатрическая лечебница» и «реабилитационный центр» мы сразу понимаем, что исполнителю приведенных инструкций не грозит ничего страшнее, чем быть превратно понятым и оказаться в сумасшедшем доме. Хотя предельно строгое соблюдение формальной структуры оригинальных текстов данной серии и может на какое-то время сбить с толку не очень внимательного читателя. По крайней мере, этим вполне

можно было бы объяснить, каким образом данный текст «затесался» в блог страшных историй наравне с действительно таковыми. Это также напоминает нам и о травестиях – с итальянского “travestire” как раз переводится «маскировать» или «переодевать».

Однако самым распространенным среди страшного сетевого фольклора и крипипасты является корпус пародических произведений, которые можно развести по нескольким типам:

1) Приквелы, сиквелы, дополнения, переработки или перетекстовки уже известных сюжетов – т. е. всевозможные фанфики. В качестве главных героев в них обычно выступают злодеи крипипаст, сохранившие все свои ирреальные / мистические атрибуты, но при этом помещенные в бытовые житейские обстоятельства, прошлое или будущее и пытающиеся жить как обычные люди. Подобные тексты наиболее популярны среди детей и подростков, давно обзавелись собственными площадками (преимущественно в социальных сетях) и теперь часто именуется также как «Фанфики по фэндому “CreepyPasta / Персонажи из Крипипасты”»²⁴. К настоящему моменту наблюдается практически полное отхождение текстов данного типа от категории «страшное» в сторону подростково-любовно-лирических переживаний.

2) Истории, отклоненные модераторами ресурсов страшных историй по причине наличия в них большого количества ошибок, явного плагиата или «нестрашности». Они также имеют собственные площадки²⁵.

3) «Разоблачения» файлов-убийц и известных крипипаст, инструкции по изготовлению смертельных файлов в домашних условиях и т. п. Пожалуй, это самый явно «паразитирующий» тип пародических произведений – когда пользователь, особенно любитель крипипасты, очень хочет сочинить что-то свое, но про все уже написано, поэтому ему не остается ничего другого, как заняться проверкой и выведением на чистую воду творений более успешных на данном поприще анонимов. В результате этого появляются тексты-хроники, передающие результаты наблюдений за смертельным файлом или отчеты о проделанной работе, которые уже носят более персонализированный характер (выкладываются одними и теми же безликими анонимами)²⁶.

Кроме того, некоторые пользователи, устав быть разоблачителями, идут дальше и начинают в открытую (т. е. с характерными пояснениями «я сделал так-то и так-то») изобретать собственные смертельные файлы и делиться инструкциями по их изготовлению²⁷. При этом с вызывания чувства страха ракурс смещается на нейтрально-деловое исследование и описание его стимулов.

4) Перетекстовки крипипаст – «на месте» оригинального произведения создается как бы замещающий его двойник, аналогичный по композиции и художественным приемам, а также целям (пощекотать нервы, вызвать эмоциональный дискомфорт, страх, паранойю), но отличающийся по характерным предметным реалиям. Учитывая, что в Интернете ресурсы со страшными историями и крипипастой обыкновенно копируют контент друг друга, после чего часть из них уходит в небытие, а новички тут же начинают заимствовать контент с еще не исчезнувших старичков, уже на данный момент не для всех перетекстовок можно установить, какая история первична, а какая вторична. Поскольку первоисточник либо потерян, либо неизвестна точная дата его публикации.

Ярким примером такой перетекстовки является крипипаста «Смерть Волка ну погоди (Nu Pogodi Suicide)»²⁸ на первоисточник «Суицид Сквидварда»²⁹ («Squidward's Suicide»³⁰), отличающаяся только измененными именами и реалиями: вместо Америки – Россия, вместо студии «Никелодаон» – «Союзмультфильм», мультфильма «Губка Боб» – «Ну погоди», безликого главного редактора мистера Хилленберга – реальные лица, режиссеры Владимир Тарасов и Вячеслав Котеночкин, стажера-анонима – Арбеков Владимир Григорьевич.

Сюда же можно отнести тексты, представляющие собой «новый» (= параноидально-мистический) взгляд на старые мультики – «Ох уж эти детки»³¹, «Эй, Арнольд!»³², «Южный парк»³³ и другие, в которых центральные персонажи популярных мультфильмов представлены как когда-то реально жившие люди, имевшие психические расстройства или зависимости и умершие неестественной смертью, но воскрешенные большим воображением одного из них.

Таким образом, приведенные примеры наглядно демонстрируют, что крипипаста как жанрово-видовая категория страшного в Сети включает также в свой состав пародии как вербального, так и невербального характера. При этом провести грань между произведениями в жанре крипипасты и пародическими произведениями, основанными на крипипасте, оказывается весьма непросто. Кроме того, в корпусе текстов крипипасты можно встретить пародии на пародии страшных историй³⁴.

Сосуществование в составе крипипасты одновременно и страшного, и смешного в общем коммуникативном и функциональном пространстве Интернета кажется парадоксальным. Однако, как отметил Е. А. Костюхин еще применительно к области классического детского страшного фольклора: «содружество таких текстов –

в духе традиционной культуры <...> не в том дело, что мифологическое мировосприятие в определенном возрасте дает трещину и подвергается критике: здесь изначально комическое следует за серьезным» [Костюхин 1999: 165]. Тем самым симбиоз серьезных и пародийных форм жутких интернет-нарративов, вызываний виртуальных монстров и прочих видов «страшного» сетевого фольклора может рассматриваться как «современная сетевая мифология» – по аналогии с мифологией рассказов традиционной культуры и описанной в монографии М. П. Чередниковой [Чередникова 2002] детской мифологией, сыгравшей заметную роль (как источник готовых сюжетов, персонажей и жанровых конструкций) в формировании отечественной крипипасты и пародий на нее. Крипипаста при этом одновременно выступает в качестве продолжательницы традиции детской мифологии, вместе с детьми переместившейся в Интернет.

Примечания

¹ Более подробный список работ не-исследователей (блогеров, журналистов и простых пользователей), посвященных крипипасте и страшному сетевому фольклору, приведен в списке источников.

² Ссылки на соответствующие ресурсы приведены в списке источников под заголовком «Советская крипипаста».

³ Все упомянутые истории легко обнаружить как на русском, так и на английском, набрав соответствующий запрос в поисковике.

⁴ URL: <https://ficbook.net/readfic/1321733/3842248>.

⁵ URL: <http://www.creepypasta.com/the-angel/>.

⁶ URL: https://www.reddit.com/r/suchislifeinmoscow/comments/1j880x/to_moscow/.

⁷ “The Holders Series”. URL: <http://theholders.org/?Special:Main>.

⁸ Луркморье: URL: http://lurklurk.comКопипаста:Creepу/Хранители_другой_страны;

4STOR.ru: URL: <https://4stor.ru/histori-for-not-life/12144-hranitel-drugoy-strany.html>;

Мракопедия: URL: https://mrakopedia.org/wiki/001.Хранители_другой_страны.

⁹ URL: <https://ficbook.net/readfic/1321733/3842248>.

¹⁰ URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=133005>.

¹¹ URL: <http://stein.0pk.ru/viewtopic.php?id=14>.

¹² URL: <http://www.strashilka.com/hospital/page,1,2,1605-crazy-woman.html>.

¹³ URL: <https://4stor.ru/strashilki/39620-moido-direxe.html>.

¹⁴ Список некоторых наиболее известных смертельных файлов (их намного больше).

URL: http://ru.secret-files.wikia.com/wiki/Список_нахождения?li_source=LI&li_medium=wikia-footer-wiki-rec.

¹⁵ С конкретным примером крипипасты, ясно отразившей сразу все названные черты, можно ознакомиться здесь: URL: <http://kripipasta.com/story/2569-sonic-exe-kak-vsyo-nachinalos.html>.

¹⁶ URL: <http://scpfoundation.ru/forum/t-461491/koripasty-po-motivam-fonda-scp-ili-oh-exploitable>.

¹⁷ The SCP Foundation Russian Branch. URL: <http://scpfoundation.ru/>.

¹⁸ URL: <http://scpfoundation.ru/forum/t-461491/koripasty-po-motivam-fonda-scp-ili-oh-exploitable>.

¹⁹ Пародируется документ URL: <http://scpfoundation.ru/goc:typegreen>.

²⁰ URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/super-megacreepyman/>.

²¹ URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/super-megacreepyman/503181.html>.

²² URL: <http://kripipasta.com/story/1673-001-hranitel-kontsa.html>.

²³ URL: https://ficbook.net/readfic/1321733/4086970#part_content.

²⁴ URL: <https://ficbook.net/fanfiction/other/creepypasta>.

²⁵ Ссылки на соответствующие ресурсы, а также ресурсы с историями первого типа, приведены в списке источников под заголовком «Настолько плохи, что даже хороши».

²⁶ Например, URL: <https://4stor.ru/user/%CC%E0%E3%E8%F1%F2%F0/news/>.

²⁷ Например, URL: <https://4stor.ru/smertelniefaili/40727-gotovim-smertelnye-fayly-vmeste-s-efimom-shifrinym.html>.

²⁸ URL: https://vk.com/publickripipasta?w=wall-68264263_1166.

²⁹ Одна из наиболее ранних публикаций на русском языке. URL: <https://forum.guitarplayer.ru/index.php?topic=159136.0>.

³⁰ Версия на языке оригинала. URL: http://creepypasta.wikia.com/wiki/Squidward%27s_Suicide.

³¹ URL: https://vk.com/publickripipasta?w=wall-68264263_1122.

³² URL: http://geosheas-lost-episodes.wikia.com/wiki/Hey_Arnold_Theory.

³³ URL: <https://4stor.ru/histori-for-not-life/51596-istoriya-yuzhnogo-parka.html>.

³⁴ Например, история «Еврей продает книгу». URL: <https://ficbook.net/readfic/1321733/3842248> является пародией на ставшую сетевым анекдотом пасту «Первая страница» (THE BOY WHO LOVED TO READ, URL: <http://www.creepypasta.com/the-boy-who-loved-to-read/>), которая сама, очевидно, представляет собой пародию на жанр крипипасты. При этом далеко не факт, что и эта публикация является первой.

Список источников

Статьи журналистов, блогеров и простых пользователей

Крымков Арсений. Крипипаста: легенды и ужасы интернета // Мир фантастики. 20.05.2013. URL: <https://www.mirf.ru/worlds/kripipasta-legendy-i-uzhasy-interneta> (дата обращения: 26.04.2018).

FRIDAY13. В черном-черном городе: Что такое крипи и с чем его едят // Хабрахабр. 07.10.11. URL: <https://habrahabr.ru/post/129910/> (дата обращения: 26.04.2018).

Newitz Annalee. Has Creepypasta Reinvented Classic Folklore? // io9.com. 2014, June 1. URL: <http://io9.com/is-creepypasta-a-form-of-folklore-1495902436> (дата обращения: 26.04.2018).

Alfonso III Fernando. 4chan hunts down the origins of an Internet horror legend // dailydot.com. 2013, August 2. URL: <http://www.dailydot.com/lol/4chan-x-origins-jeff-the-killer/> (дата обращения: 26.04.2018).

Levine Gary. Slenderman, Creepypasta and your children: The dangers of Internet Folklore // naplesherald.com. 2015, February 26. URL: <http://naplesherald.com/2015/02/26/slenderman-creepypasta-and-your-children-the-dangers-of-internet-folklore/> (дата обращения: 26.04.2018).

Markert Jennifer. Meet Creepypasta, A Genre of Dark Folklore That Spreads Fast on the Web // curiousmatic.com. 2014, June 12. URL: <http://curiousmatic.com/meet-creepypasta-genre-dark-folklore-spreads-fast-web/> (дата обращения: 26.04.2018).

Roy Jessica. Behind Creepypasta, the Internet Community That Allegedly Spread a Killer Meme // time.com. 2014, June 3. URL: <http://time.com/2818192/creepypasta-corpypasta-slender-man/> (дата обращения: 26.04.2018).

Payne Lisa. Creepypasta: Online Hauntological Folklore // stylus.com. 2014, January 17. URL: <http://www.stylus.com/vkpszsm> (дата обращения: 26.04.2018).

Patrick Dane. Why Slenderman Works: The Internet Meme That Proves Our Need to Believe // whatculture.com. 2012, October 31. URL: <http://whatculture.com/history/why-slenderman-works-the-internet-meme-that-proves-our-need-to-believe.php> (дата обращения: 26.04.2018).

Ross Philip. Who Is Slender Man? 'Creepypasta' Wiki Internet Folklore Inspires Wisconsin 12-Year-Olds in Stabbing // ibtimes.com. 2014, June 3. URL: <http://www.ibtimes.com/who-slender-man-creepypasta-wiki-internet-folklore-inspires-wisconsin-12-year-olds-1593946> (дата обращения: 26.03.2018).

«Советская» крипипаста

Копипаста: Хранители другой страны // Луркморье. URL: <http://lurklurk.com/Копипаста>:

Срееру/Хранители_другой_страны (дата обращения: 26.04.2018).

ПсевдоСоветская крипипаста // Мракопедия. URL: https://mrakopedia.net/wiki/ПсевдоСоветская_крипипаста#.D0.A5.D1.80.D0.B0.D0.BD.D0.B8.D1.82.D0.B5.D0.BB.D1.8C_.D0.9A.D0.BE.D0.BD.D1.86.D0.B0 (дата обращения: 26.04.2018).

«Советская» крипипаста с 4chan'a // Книга Фанфиков. URL: <https://ficbook.net/readfic/1321733/3842248> (дата обращения: 26.04.2018).

Хранитель другой страны // 4STOR.ru. URL: <https://4stor.ru/histori-for-not-life/12144-hranitel-drugoy-strany.html> (дата обращения: 26.04.2018).

001.Хранители другой страны // Мракопедия. URL: https://mrakopedia.org/wiki/001.Хранители_другой_страны (дата обращения: 26.04.2018).

Russianpasta – Creepypasta, Russian style / creepypasta// reddit. URL: https://www.reddit.com/r/creepypasta/comments/471lvo/russianpasta_creepypasta_russian_style/ (дата обращения: 26.04.2018).

SOVIET CREEPYPASTA // tumblr. URL: <https://www.tumblr.com/search/soviet%20creepypasta> (дата обращения: 26.04.2018).

suchislifeinmoscow // reddit. URL: <https://www.reddit.com/r/suchislifeinmoscow/> (дата обращения: 26.04.2018).

«Настолько плохи, что даже хороши»

Категория: Копипаста: Хранители // Луркморье. URL: <http://lurklurk.com/Категория:Копипаста:Хранители> (дата обращения: 26.04.2018).

Категория: НПЧДХ // Мракопедия. URL: <https://mrakopedia.org/wiki/Категория:НПЧДХ> (дата обращения: 26.04.2018).

Копипасты по мотивам Фонда SCP или “Oh, exploitable” // The SCP Foundation Russian Branch. URL: <http://scpfoundation.ru/forum/t-461491/kopipasty-po-motivam-fonda-scp-ili-oh-exploitable> (дата обращения: 26.04.2018).

Фанфики по фэндому «Creepypasta / Персонажи из Крипипасты» // Книга Фанфиков. URL: <https://ficbook.net/fanfiction/other/creepypasta> (дата обращения: 26.04.2018).

Crappypasta. URL: <http://www.crappypasta.com/> (дата обращения: 26.04.18).

Pasty dla PG Wikia. URL: http://pl.pasty-dla-pg.wikia.com/wiki/Pasty_dla_PG_Wikia (дата обращения: 26.04.2018).

Spinpasta Wiki. URL: http://spinpasta.wikia.com/wiki/Spinpasta_Wiki (дата обращения: 26.04.2018).

Trollpasta Wiki. URL: http://trollpasta.wikia.com/wiki/Trollpasta_Wiki (дата обращения: 26.04.2018).

Список прочих задействованных источников

Засекреченные файлы вики. URL: http://ru.secret-files.wikia.com/wiki/Засекреченные_файлы_вики (дата обращения: 26.04.2018).

Крипипаста, легенды, смертельные файлы, мифология. URL: <https://vk.com/publickripipasta> (дата обращения: 26.04.2018).

Мракопедия – энциклопедия ужасов. URL: <https://mrakopedia.org> (дата обращения: 26.04.18).

Не для слабонервных // GuitarPlayer.Ru. URL: <https://forum.guitarplayer.ru/index.php?topic=159136.0> (дата обращения: 26.04.2018).

Разговор с крипипастой. Страшные истории, видео и тому подобные ужасы // sports.ru. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/supermegacreepyman/> (дата обращения: 26.04.2018).

Страшилка. URL: <http://www.strashilka.com/> (дата обращения: 26.04.2018).

УЖАСТИКИ! ДЛЯ АТМОСФЕРЫ ЧИТАТЬ НОЧЬЮ! / Байки // Форум для детей и подростков. URL: <http://stein.opk.ru/viewtopic.php?id=14> (дата обращения: 26.04.2018).

Успенский Э., Усачев А. «Самые страшные ужасы. Жуткие истории» URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=133005> (дата обращения: 26.04.2018).

4STOR.ru. URL: <https://4stor.ru/> (дата обращения: 26.04.2018).

KRIPIPASTA.COM. URL: <http://kripipasta.com/> (дата обращения: 26.04.2018).

The SCP Foundation Russian Branch URL: <http://scpfoundation.ru/> (дата обращения: 26.04.18).

CREEPYPASTA.com. URL: <http://www.creepypasta.com/> (дата обращения: 26.04.2018).

Creepypasta Wiki. URL: http://creepypasta.wikia.com/wiki/Creepypasta_Wiki (дата обращения: 26.04.2018).

Geoshea's Creepypasta Wiki. URL: http://geoshea-lost-episodes.wikia.com/wiki/Geoshea%27s_Creepypasta_Wiki (дата обращения: 26.04.2018).

SCP Foundation Secure, Contain, Protect. URL: <http://www.scp-wiki.net/> (дата обращения: 26.04.2018).

The Holders Series. URL: <http://theholders.org/?Special:Main> (дата обращения: 26.04.2018).

Список литературы

Алексеевский М. Д. Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность) // От Конгресса к Конгрессу. Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов: сб. материалов. М.: ГРЦРФ, 2010. С. 151–166.

Алещенко А. А. Сюжеты «страшного» фольклора в сетевой словесности // Студ. электрон. журн. «СтРИЖ» (Волгоград. гос. соц.-пед. ун-т). Декабрь 2015. № 4(04). С. 1–5. URL: <http://strizhvsru.ru/files/publics/1455284234.pdf> (дата обращения: 26.04.18).

Бахтин М. М. Из предистории романного слова // Вопросы литературы и эстетики. Иссле-

дования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. С. 408–446.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса (1965) // Бахтин М. М. Собрание сочинений. М.: Языки слав. культур, 2010. Т. 4(2). С. 8–508.

Лурье М. Л. Очерки современного детского фольклора // Экология культуры: Информ. бюллетень / гл. ред. Л. Е. Востряков. Архангельск: Комитет по культуре Арх. обл., 2006. № 2(39). С. 92–104.

Лурье М. Л. Пародийная поэзия школьников // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А. Ф. Белоусов. М.: Ладомир, ООО «Издательство АСТ–ЛТД», 1998. С. 430–517.

Матвеева Э. Г. Когда душа в пятках, а глаза на лбу: маркеры страха и режимы вовлечения в детских страшных историях // Вестник РГГУ. 2017. № 12(33). Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». С. 120–129.

Морозов А. А. Пародия как литературный жанр (К теории пародии) // Русская литература. 1960. № 1. С. 48–77.

Тынянов Ю. Н. О пародии // Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 284–310.

Лихачев Д. С. Смех как мировоззрение // Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Понырков. Л.: Наука, 1984. С. 7–71.

Костюхин Е. А. Репертуар современного школьника // Славянская традиционная культура и современный мир: сб. материалов науч.-практ. конф. Вып. 3. М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 1999. С. 163–168.

Чередникова М. П. «Голос детства из дальней дали...» (Игра, магия, миф в детской культуре). М.: Лабиринт, 2002. 224 с.

Brzostek D. Praktyki grozy i praktyki narracyjne. Creepypasta: niesamowitość (w) sieci // Literatura Ludowa. 2016, nr 3(60). S. 53–61.

Williams C. How has Creepypasta transformed folklore? // Digital humanities. 2015. 2 (February). URL: <http://newprairiepress.org/digitalhumanities/2015/LitPanel/4/> (дата обращения: 26.04.18).

Eflin J. Cultural Incursion into Wendigo Territory // Ball State University's Digital Literature Review: Historical Hauntings and Modern-Day Manifestations. Spring 2014. Vol. 1. P. 9–19.

Schenstead-Harris L. E. About Telling: Ghosts and Hauntings in Contemporary Drama and Poetry // A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree in Doctor of Philosophy. The School of Graduate and Postdoctoral Studies The University of Western Ontario London, Ontario, Canada. August 2015. 360 p.

Blank T. J. Examining the transmission of urban legends: Making the case for folklore fieldwork on

the Internet // Folklore Forum. 2007. Vol. 37, № 1. P. 15–26.

Wiles W. Creepypasta // aeon.co. 2013, 20 December. URL: <http://aeon.co/magazine/culture/creepypasta-is-how-the-internet-learns-our-fears/> (дата обращения: 26.04.18).

References

Alekseevskiy M. D. Internet v fol'klore ili fol'klor v Internetе? (Sovremennaya fol'kloristika i virtual'naya real'nost') [The Internet in folklore or folklore in the Internet? (Contemporary folklore and virtual reality)]. *Ot Kongressa k Kongressu. Navstrechu Vtoromu Vserossiyskomu kongressu fol'kloristov: sb. materialov* [From Congress to Congress. Towards the Second All-Russian Congress of Folklorists. Proceedings]. Moscow, State Republican Center of Russian Folklore Publ., 2010, pp. 151–166. (In Russ.)

Aleshchenko A. A. Syuzhety «strashnogo» fol'klora v setevoy slovesnosti [Topics of the “Terrible” Folklore Literature Network]. *Studencheskiy elektronnyy zhurnal «StRIZH»* [Student Electronic Journal “StRIZH”], 2015, issue 4(04), pp. 1–5. Available at: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1455284234.pdf> (accessed 26.04.18). (In Russ.)

Bakhtin M. M. Iz predystorii romannogo slova [From the prehistory of the novel's word]. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Issues of literature and aesthetics. Studies of different years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975, pp. 408–446. (In Russ.)

Bakhtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa (1965) [Francois Rabelais' writings and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance (1965)]. *M. M. Bakhtin. Sobraniye sochineniy* [M. M. Bakhtin. Collected Works]. Moscow, LRC Publishing House Publ., 2010, vol. 4(2), pp. 8–508. (In Russ.)

Lurie M. L. Ocherki sovremennogo detskogo fol'klora [Essays on modern children's folklore]. *Ekologiya kul'tury: Inform. byulleten'* [The Ecology of Culture: Information Bulletin]. Ed. by L. E. Vostryakov. Arkhangelsk, Arkhangelsk Regional Cultural Committee Publ., 2006, issue 2(39), pp. 92–104. (In Russ.)

Lurie M. L. Parodiynaya poeziya shkol'nikov [Parody poetry of schoolchildren]. *Russkiy shkol'nyy fol'klor. Ot «vyzyvaniy» Pikovoy damy do semeynykh rasskazov* [Russian school folklore. From the “summoning” of the Queen of Spades to family stories]. Comp. by A. F. Belousov. Moscow, Ladimir Publ., AST-LTD Publ., 1998, pp. 430–517. (In Russ.)

Matveeva E. G. Kogda dusha v pyatkakh, a glaza na lbu: markery strakha i rezhimy vovlecheniya v detskikh strashnykh istoriyakh [When the heart sinks into the boots and the eyes are out on stalks. Markers of fear and modes of involvement in children's horror stories]. *Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya.*

Kul'turologiya. Vostokovedeniye [RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series], 2017, issue 12(33), pp. 120–129. (In Russ.)

Morozov A. A. Parodiya kak literaturnyy zhanr (K teorii parodii) [Parody as a Literary Genre (on the Theory of Parody)]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1960, issue 1, pp. 48–77. (In Russ.)

Tynyanov Yu. N. O parodii [About parody]. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 284–310. (In Russ.)

Likhachev D. S. Smekh kak mirovozzrenie [Laughter as a worldview]. *Smekh v Drevney Rusi* [Laughter in Ancient Russia]. Ed. by D. S. Likhachev, A. M. Panchenko, N. V. Ponyrko. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 7–71. (In Russ.)

Kostyukhin E. A. Repertuar sovremennogo shkol'nika [The repertoire of a modern schoolchild]. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir: Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Slavic Traditional Culture and the Modern World: Proceedings of the scientific-practical conference]. Moscow, State Republican Center of Russian Folklore Publ., 1999, issue 3, pp. 163–168. (In Russ.)

Cherednikova M. P. «Golos detstva iz dal'ney dali...» (Igra, magiya, mif v detskoy kul'ture) ["The voice of childhood from far away" (The game, magic, myth in children's culture)]. Moscow, Labirint Publ., 2002, 224 p. (In Russ.)

Dariusz Brzostek. Praktyki grozy i praktyki narzacyjne. Creepypasta: niesamowitość (w) sieci [Practices of the gothic and narrative practice. Creepypasta: the otherworldliness on the Net]. *Literatura Ludowa* [People's Literature], 2016, issue 3(60), pp. 53–61. (In Pol.)

Christi Williams. How has Creepypasta transformed folklore? *Digital Humanities*, 2015, February 2. Available at: <http://newprairiepress.org/digital-humanities/2015/LitPanel/4/> (accessed 26.04.2018). (In Eng.)

Jackson Eflin. Cultural Incursion into Wendigo Territory. *Ball State University's Digital Literature Review: Historical Hauntings and Modern-Day Manifestations*, Spring 2014, vol. 1, pp. 9–19. (In Eng.)

Leif Erik Schenstead-Harris. About Telling: Ghosts and Hauntings in Contemporary Drama and Poetry. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree in Doctor of Philosophy. The School of Graduate and Postdoctoral Studies, University of Western Ontario, London, Ontario, Canada, August 2015. 360 p. (In Eng.)

Trevor J. Blank. Examining the transmission of urban legends: Making the case for folklore fieldwork on the Internet. *Folklore Forum*, 2007, vol. 37, issue 1, pp. 15–26. (In Eng.)

Will Wiles. Creepypasta. *aeon.co*. December 20, 2013. Available at: <http://aeon.co/magazine/culture/creepypasta-is-how-the-internet-learns-our-fears/> (accessed 26.04.2018). (In Eng.)

CREEPYPASTA PARODIES AS A COMPONENT OF SCARY INTERNET FOLKLORE

Tatyana A. Mirvoda

Postgraduate Student in the Department of Russian Verbal Folklore

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. tatyanamirvoda@yandex.ru.

SPIN-code: 4042-6340

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-873-1722>

ResearcherID: I-6932-2018

Submitted 18.05.2018

Creepypasta is a notable phenomenon of the Internet culture, relating both to the field of "scary" web creativity in general and to the scary Internet folklore in particular. Parodies of creepypasta are usually published next to it on the same web resources, so users often perceive and transmit these texts as creepypasta itself. Web creepypasta parodies can be divided into actual parodies, recasts and parodic works. An example of actual parodies is the trend "Such is life in Moscow", originated in the English-speaking segment of the Internet and known in the Runet as «"Soviet" creepypasta». It is characterized by the use of Soviet realities for the creation of caricature works. These are based on the most famous texts of classical creepypasta and make fun of the features inherent in the poetics of this genre. Another kind of actual parodies are texts deriding the recognizable motifs and plots of creepypasta but presented in another genre. Parodies-recasts, while preserving the structure of the original text, change its individual pieces or details, thus changing the perception of this text from scary to funny. They are not labeled by users and usually published in the general stream next to the "canonical" creepypasta, which leads to comic discrediting of not only a single text but the tradition as a whole. The layer of parodic works that piggyback on the original creepypasta is the most extensive. There are some types clearly distinguished in it, which can be denoted as "fanfics", "rejected stories", "disclosures" and "new texts in place of old ones".

Key words: creepypasta; "Soviet" creepypasta; scary web folklore; Internet folklore; parody.

УДК 821.111: 821.161.1

doi 10.17072/2037-6681-2018-3-149-161

«АДАМ БИД» ДЖ. ЭЛИОТ И «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» И. С. ТУРГЕНЕВА: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЭТОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРЕКЛИЧКИ¹

Борис Михайлович Проскурнин

д. филол. н., профессор, зав. кафедрой мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. bproskurnin@yandex.ru

SPIN-код: 5554-1732

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

ResearcherID: M-4794-2017

*Статья поступила в редакцию 16.05.2018***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Проскурнин Б. М. «Адам Бид» Дж. Элиот и «Записки охотника» И. С. Тургенева: идеологические и поэтологические переключки // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 149–161. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-149-161***Please cite this article in English as:***Proskurnin B. M. «Adam Bede» Dzh. Eliot i «Zapiski okhotnika» I. S. Turgeneva: ideologicheskie i poetologicheskie pereklichki [“Adam Bede” by George Eliot and “Notes of a Hunter” by Ivan Turgenev: Ideological and Artistic Convergences]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 149–161. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-149-161 (In Russ.)*

Рассматриваются идейно-эстетические совпадения и переключки в творчестве двух ведущих писателей второй половины XIX в. Прослеживается, как демократизм мышления, синтез либерализма и гуманизма, свойственные обоим писателям, отражаются на идейно-концептуальном уровне двух анализируемых произведений, оригинально и новаторски вводящих в литературу нового героя из простонародья. Подчеркивается, что основой типологического сближения двух писателей и переключки двух произведений становятся реалистический и аналитический подход к воспроизведению человека и судьбы в динамически меняющемся мире, а также новаторский взгляд на провинцию как социокультурное целое. Демонстрируется, что оба писателя изображают человека в ситуации его нравственной и духовной самостоятельности по отношению к окружающей реальности, в связи с чем Дж. Элиот и И. С. Тургенев возлагают первейшие надежды на человека и на его готовность взять на себя бремя свободы выбора, а значит – на уровень его нравственности, ответственного осознания последствий выбора для себя и мира. Анализируется нравственно-этическое пространство художественных миров двух рассматриваемых произведений, в котором весьма заметны тяготения писателей к либерально-гуманистическим концепциям, что также определяет идеологические и поэтологические совпадения и пересечения при всех национальных, гендерных и социокультурных различиях художников. В статье показывается, что параметры и составляющие этого нравственно-этического пространства анализируемых произведений «поверяются» Элиот и Тургеневым прежде всего образами людей из народа с их природной нравственной целостностью и естественной нравственной красотой. Акцентируется в связи с этим, что важное место в художественной системе произведений занимают пейзажные зарисовки, антропологизированные и нередко этико-философски заостренные. Доказывается, что романтизация образов протагонистов – одна из сближающих авторов художественных позиций. Сопоставительное изучение двух произведений помогает открыть в них некоторые смыслы, которые вне сопоставления не обнаруживались бы столь ярко и значимо.

Ключевые слова: Тургенев; Джордж Элиот; Англия; Россия; роман; цикл рассказов; крестьянство; сравнительное изучение литератур; литературный герой.

Известный английский литературный критик и писатель середины XX в. Уолтер Аллен в книге о Джордж Элиот (*George Eliot*, 1819–1880), считающейся сейчас классическим исследованием творчества писательницы, утверждает: «Джордж Элиот называют первым современным английским романистом. Верность этого утверждения связана с тем углом зрения, с которого вы к этому вопросу подходите. Определенный свет на этот вопрос может быть пролит, когда вы перечислите произведения, появившиеся в Европе в пределах примерно четырех или пяти лет с момента публикации «Сцен из клерикальной жизни» (1858) и «Адама Бида» (1859). Тургеневские «Записки охотника» появились в 1852 г., а его «Рудин» в 1856 г., «Севастопольские рассказы» Толстого и «Госпожа Бовари» Флобера в 1855 г., «Записки из мертвого дома» Достоевского в 1861 г., а «Отцы и дети» Тургенева в 1863 г. Ни одно из этих произведений не имело ни малейшего воздействия на ее творчество; в действительности, можно сказать, что Тургенев – единственный писатель среди выше названных, чьи произведения она читала. Тем не менее, как раз в контексте европейского романа ее времени мы читаем романы Элиот и размышляем о ней, а не в контексте творчества ее чисто английских современников – Диккенса, Теккерея и Треллопа» [Allen 1964: 82].

Джордж Элиот и Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883) связывала многолетняя дружба, о чем писали отечественные и зарубежные авторы: математик С. В. Ковалевская [Ковалевская 1986: 314–315] и юрист М. М. Ковалевский [Тургенев в воспоминаниях современников 1983: 144–145], русский писатель и критик П. Д. Боборыкин [Боборыкин 1911: 211–212], англо-американский писатель Г. Джеймс [Тургенев в воспоминаниях современников 1983: 309–321], второй муж Дж. Элиот Дж. У. Кросс [Cross 1885: 290], писатель и критик О. Браунинг [Browning 1890: 128–130] и др. История отношений Элиот и Тургенева сохранила сведения о том, что писатели не раз встречались во время пребывания И. С. Тургенева в Англии в 1872 и 1878 гг. О первой тепло вспоминает сам И. С. Тургенев, когда в письме от 30 ноября 1872 г. к переводчику и издателю русской литературы в Англии У. Рольстону просит его передать приветы Дж. Элиот и Г. Дж. Льюису (см.: [Тургенев 1965: 367–368]). А. Г. Джеймс и особенно О. Браунинг весьма подробно освещают встречу Элиот с Тургеневым в имении Беллока Холла, мужа сестры тогда еще личного секретаря писательницы и Дж. Г. Льюиса Дж. У. Кросса [Browning 1911: 128 – 130].

Как бы ни был любопытен сам факт личного знакомства двух великих писателей мировой ли-

тературы второй половины XIX в. и как бы он ни притягивал внимание, гораздо важнее другой вопрос: почему же так сблизилась Дж. Элиот и И. С. Тургенев? Каковы социокультурные, литературные и прочие причины их дружбы и – главное – какие основания для такого глубокого взаимопонимания есть в творчестве обоих писателей? Какие художественные переключки есть в их творческих практиках? Как они проявляются в идейно-художественном целом двух произведений, обозначенных в заглавии статьи? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Начинать, вероятно, надо с совершенно очевидной общности подходов к действительности и ее отражению в литературе, с острого понимания обоими мастерами того, как стремительно меняется жизнь и какие важные процессы происходят в структуре общества, как российского, так и британского. Например, демократизация жизни, обретение «социального голоса» новыми слоями общества, появление нового героя в жизни и литературе. Так, Элиот и Тургенев были едва ли не первыми в своих национальных литературах, кто сделал полновесных литературных героев из крестьян: имеются в виду «Записки охотника» (1847–1852) и «Адам Бид» (*Adam Bede*). Крестьяне в их произведениях представлены не как фон и «колорит», не как объект добродушно-снихождительного изображения и т. п., а как героическое, страдательное, но одновременно оптимистическое сословие. Наверное, и этим тоже объясняется особая популярность романа Дж. Элиот «Адам Бид» в дореволюционной России с ее крестьянством как главной социальной силой: девять переводов и изданий в разных форматах и под разными названиями за полвека – с 1859 по 1909 г. (об этом и о рецепции творчества Элиот в России позапрошлого века см.: [Proskurnin 2016: 261–274]).

В дневниках и письмах Дж. Элиот, нами просмотренных (хотя, несомненно, здесь требуется более тщательная работа, нежели мы провели), не обнаружено прямых свидетельств того, что она читала тургеневские «Записки охотника», но мы вполне можем предположить, что английская писательница могла прочитать некоторые рассказы и очерки из книги Тургенева, так как история переводов произведений этого цикла начинается уже в 1854 г., когда в журнале «Фрезерс мэгэзин», весьма авторитетном в те времена, не только впервые упоминается цикл, но и даются в переводе весьма развернутые отрывки из книги, и в 1855 г., когда в журнале Ч. Диккенса «Вседневные слова» (*Household Words*), в четырех его выпусках, были опубликованы полные переводы четырех рассказов цикла (о рецепции «Записок охотника» в Англии подробно писал М. П. Алек-

сеев в работе «Мировое значение "Записок охотника"» [Алексеев 1959]). О необычайно высокой популярности Тургенева, его личности и его произведений в Англии писал М. Б. Фёклин в книге «Тургенев в Англии» (см.: [Фёклин 2005]), отмечая мощное воздействие русского писателя на интеллектуальную часть английского общества, что увенчалось присвоением ему в 1878 г. звания Почетного доктора Оксфордского университета.

Итак, истории русской и английской литературы показывают, что оба писателя вошли в анналы мировой литературы как зачинатели социо-аналитического и психолого-аналитического подходов к крестьянской (деревенской) теме, как новаторы с точки зрения воспроизведения жизни провинции, представляемой как единый социум, той жизни, которая, по У. Аллену, по крайней мере в английской литературе, долгое время была «весьма маргинальной с точки зрения большого мира» («quite marginal to the great world») [Allen 1964: 91]. Думается, что это справедливо и в отношении Тургенева; неслучайно в одной из лучших отечественных биографий Тургенева Ю. В. Лебедев полагает, что писатель совершил «коперниковский переворот в художественном решении темы народа» [Лебедев 1990: 96]. Думается, однако, не только пионерство в новом прочтении деревенской жизни и крестьянских образов позволяет поставить имена Элиот и Тургенева рядом, в особенности – сравнивать «Адам Бид» и «Записки охотника». Основой типологического сближения двух писателей (а значит, и этих двух произведений) становится особый взгляд на человека и его роль в динамически меняющемся мире. Об этом хорошо писал В. А. Недзвецкий, имея в виду И. С. Тургенева, но мы вправе отнести его мысль и к Дж. Элиот с ее сосредоточенностью на проблемах жизненного призвания своих героев и их драматического вписывания в эту динамику. Исследователь считает, что Тургенев, выстраивая художественный мир своих произведений, исходил из «естественности автономизации человека и его духовно-нравственных представлений (исканий, идеалов) (в особенности – от патриархальных и патерналистских социумов) [Недзвецкий 2011:12]. По его мнению, это «общейсторическая закономерность, присущая в определенные эпохи всем народам», когда на социальную авансцену выдвигаются новые силы, а значит, и новый герой, самостоятельный, деятельный, с «развитым личным сознанием» [там же]. В подтверждение этих размышлений литературовед цитирует письмо И. С. Тургенева Полине Виардо: «Пусть я всего лишь атом, но все-таки я сам себе господин» [цит. по: Недзвецкий 2011: 23].

И. С. Тургенева называют одним из ярчайших либералов среди русских писателей, а либерализм, как известно, основывается на провозглашении высшими ценностями права и свободы каждого отдельно взятого человека, полагая их социальной, политической, моральной и правовой основой общественного и экономического порядка. Свобода человеческого духа становится мерилom истинной человечности индивида в системе либеральных построений, синтезируя либерализм и гуманизм. И в этом отношении мысль Тургенева, сформулированная в процитированном письме к Виардо, как нельзя лучше укладываются в доминанту либерализма. Произведения Дж. Элиот, по верному замечанию современного исследователя ее творчества Тима Долина, по сути «воплощают средневикторианский либеральный гуманизм». Более того, он полагает, что «ее реализм... отчетливо либерален по своей эстетической форме» [Dolin 2005: 110]. У. Аллен называет господствующим методом у Дж. Элиот в воспроизведении человека в мире «нравственную реалистическую модель» (the moral realist model) [Allen 1964: 33]. Исследователи справедливо видят специфику либерализма Элиот в целом ряде позиций писательницы, в особенности – в ее понимании того, что такое «хорошее (т. е. по-настоящему либеральное. – Б. П.) общество». Для Дж. Элиот такое общество – не только «то, которое очевидным образом обращено к социальной справедливости, равенству, свободе и прогрессу», но и общество, в котором «индивидуальная свобода испытывается [институтом] ответственности» [Dolin 2005: 111], а также свободой других (окружающих) (по Дж. С. Миллю), равно как и отношением к традициям и прошлому. Это особенно важно для Элиот, и об этом она писала в эссе 1856 г. «Естественная история немецкой жизни». Анализируя книгу историка Вильгельма фон Рейла об истории немецкой культуры, Элиот соглашается с ее автором, который рассматривает европейскую культуру (а под ней он понимает жизнь во всех – социальных, духовных и материальных – ее проявлениях) как «инкарнацию истории» и полагает, что «любая попытка отделить ее от исторических элементов будет просто деструктивной для ее социальной жизнестойкости (vitality). То, что сложилось исторически, может умереть только исторически» [Eliot 1999: 281]. Можно определенно утверждать, что Элиот – противник каких-либо радикальных социальных, не говоря уже об аспекте нравственности, движений и изменений; будучи, как и большинство викторианских мыслителей, прогрессисткой, тем не менее, она опирается на столь свойственную английской либеральной мысли идею постепенности (*gradualism*),

прагматичности и мелиоризма. Сюда необходимо добавить мысль Элиот о том, что человечество (особенно в сфере нравственности) развивается медленно, хотя и поступательно, а потому человек нередко опережает мир и общество (и эта скоростная разноразличность человека и мира в движении по координате прогресса тоже неизбежна и столь же неизбежно порождает конфликты). Вот почему Элиот нередко смотрела на свое время сквозь призму «беспристрастного порядка вещей, который более чем часто разрушает человеческие намерения и желания» [Paris 1970: 12], а то и сквозь призму неизбежного драматического (и даже трагического) противостояния динамичного и статичного, внутреннего и внешнего, между страстными импульсами и нуждами стремящегося вперед человека и этим бесстрастным порядком вещей [ibid]. Подчеркнем: всякий раз необходимо добавлять в «коктейль» сложных мировоззренческих установок Элиот витальность (*vitality*), почерпнутую ею из работ современников-позитивистов (в том числе и гражданского мужа Дж. Г. Люиса). Как известно, и И. С. Тургенев не чурался идеи некоей надвременной «жизненной силы», которая в числе прочих управляет человеческим существованием, о чем любопытно рассуждают В. Д. Давыдов (см.: [Давыдов 2015]), в известной степени Г. Б. Курляндская (см.: [Курляндская 2004]), Е. М. Коньшев (см.: [Коньшев 2013]) и некоторые другие отечественные тургенеvedы. А американский руссизм Томас Ньюлин вообще озглавливает одну из своих статей «Термодинамика желания в “Записках охотника” Тургенева», обыгрывая русское слово «охота», имеющее также и коннотацию хотения, желания, и английское *desire* (желание). Исследователь видит в связующем рассказы и очерки цикла многозначном понятии «охота» некий витальный смысл, полагая, что страсть к Полине Виардо в момент написания книги способствовала этой самой термодинамике, определяющей не только динамику сборника, но и динамику жизни как таковой (см.: [Newlin 2013]).

Заметим также, что И. С. Тургенев рассматривал свободу человека не как некую чистую и абсолютную данность, а как нечто, неизбежно связанное с определенными необходимостями, прежде всего – с необходимостью свободного выбора (свободой воли, по Тургеневу) в ситуации нравственного и духовного неслияния человека с миром, т. е. его самостоятельности по отношению к окружающей реальности, едва ли не экзистенциальной по своей сути. (Об известном предугадывании экзистенциализма в творчестве писателя пишет, например, Г. Б. Курляндская в статье «Всемирная гармония в творчестве Турге-

нева» (см.: [Курляндская 2004].) О сложной трактовке центрального для парадигмы либерализма понятия «свобода» в творчестве Тургенева (на примере стихотворений в прозе) весьма полемично рассуждает В. М. Головкин в одной из статей (см.: [Головкин 2014]). Так, исследователь подчеркивает, что диалектика свободы и необходимости у Тургенева «была ориентирована на обоснование нравственных ценностей, активности человека, на утверждение гуманистических идеалов» [Головкин 2014: 45]. Опираясь на метафорические образы, почерпнутые у Тургенева, В. М. Головкин пишет далее: «В концепции свободы и необходимости Тургенева нельзя отрицать и трагическое начало: осознание необходимости уже потому невозможно, что с «человеческой» точки зрения в определяемых ею закономерностях трудно уловить, куда и во имя чего «высокая и костлявая старуха» и «женщина... могучая... с мышцами, как у Геркулеса, «толкают» вперед «небольшую худенькую девочку» – Свободу» (Головкин 2014: 46).

В этом смысле оба писателя – и англичанка Элиот, и русский Тургенев – возлагают первейшие надежды на человека, на его готовность взять на себя бремя свободы выбора, а также – на уровень его нравственности как таковой, насколько человек ответственно осознает последствия своего выбора, причем не только для себя, но и для окружающих. Вот почему так важно понимать то, что можно было бы назвать нравственно-этическим пространством творческих практик обоих писателей, вернее – художественных миров двух рассматриваемых произведений, где весьма заметны точки идеологических и поэтологических совпадений и пересечений.

Начнем с того, что эти пространства характеризуются прежде всего *общечеловеческим* измерением, именно оно, а не социально-критическое начало, преобладает; более эксплицированно – у Дж. Элиот (неслучайно, повторим, ее реализм традиционно называют «моральным» [Williamson 2017: 33]), поскольку в «Адаме Биде» она рисует английскую деревню и поместье сквайра как нравственно единый организм (*organic body* – в терминологии самой Элиот, вслед за Г. Спенсером, идеи которого в значительной степени были близки писательнице), если вспомнить ее рассуждения о деревне, крестьянах, помещиках, климате и географии Германии и ее разных частей в уже упоминавшейся рецензии на «Естественную историю немецкой жизни» Рейла (см.: [Eliot 1999]); менее эксплицированно – у Тургенева, в силу его художественно воплощенного остро неприязненного отношения к крепостничеству. У Дж. Элиот это пространство определено ее евангелическим прошлым (где

изначально акцент делался на прагматических морально-нравственных составляющих христианства), либерализмом, а также возникшей после знакомства с трудами Д. Штрауса и Л. Фейербаха так называемой «религией гуманности» как проявлением новой этики, ее обретенной, секулярной по содержанию, но облеченной в некие религиозные одежды. (При всем том, что уже в 1842 г. Элиот открыто заявила о том, что отказывается посещать церковь, и с тех пор стояла на внецерковных позициях, но никогда не осуждала верящих в Бога, к какой бы конфессии они ни принадлежали.)

У И. С. Тургенева, по крайней мере на раннем этапе творчества, этико-нравственное пространство определено не только общегуманистическими ценностями, но и дворянско-либеральными взглядами, а также его своеобразным христианством, преломленным в идее всемирной гармонии (по Г. Б. Курляндской), с которой должна сопрягаться и сопрягается жизнь каждого человека независимо от социального положения.

Причем важно, что параметры и составляющие этого нравственно-этического пространства «поверяются» у Элиот и Тургенева – в анализируемых произведениях совершенно точно – прежде всего образами людей из народа. У Джордж Элиот мысль о художественном сопряжении самых высоких нравственных понятий с жизнью тех, кого по-английски называют «humble people», идет от великого английского романтика У. Вордсворта. Он полагал, что нравственная целостность человека в условиях все более усложняющегося мира еще сохраняется как раз у простых людей, близких, если не тождественных, природе; именно благодаря им возможно восхождение «к общей Правде» (по: [Gill 1998: 148]). Не случайно, например, в романе Элиот противопоставляется нравственно целостный, духовно монолитный сельский столяр Адам Бид и помещик Артур Доннинтхорн, показанный в ситуации раздвоенности, внутреннего борения между нравственным сознанием и природными (в т. ч. половыми) влечениями. Трудно не обратить внимание на говорящее имя титульного героя романа Элиот – Адам: первочеловек был целостен (во всяком случае, до «яблока» Евы); любопытно, что целостный Адам в романе Элиот, как и Адам в великой поэме Дж. Милтона «Потерянный рай» (*Paradise Lost*, 1667), терзается (испытывается) любовью к «согрешившей» женщине, в случае с героем Элиот – к Гетти Сорель, детоубийце поневоле.

Оба – и Тургенев, и Элиот – делают акцент на том, что природная нравственная целостность людей из народа проистекает в значительной степени от их погружения в труд как способ

облагораживающего слияния с природой и ее естественным протеканием во времени и пространстве. Чтобы понять, почему это так важно для Элиот, надо вспомнить, что в викторианской Англии в целом воспринимали труд как религию, видели в работе «витальную энергию жизни» («vital energies of life»), как пишет один из лучших исследователей викторианских ценностей У. Хоутон [Houghton 1985: 253]. У. Аллен пишет о романе «Адам Бид»: «Именно в этом контексте сообщества тружеников Джордж Элиот драматизирует нравственные проблемы своих характеров» [Allen 1964: 93 – 94].

У Элиот акцент на природной нравственности людей из народа, пожалуй, более на поверхности повествования, поскольку, в отличие от Тургенева, ее рассказчик, из перспективы которого организовано повествование, социально не определен в той степени, в какой это сделано у Тургенева: в «Записках охотника» повествование ведет не просто охотник, но барин и Петр Петрович. В начале романа «Адам Бид» появляется некий «путешественник» (*a traveller*), впервые попавший в деревню Хейслоуп, где происходит действие романа, и затем как будто бы «исчезающий», хотя мы по-прежнему именно его глазами смотрим на происходящее. Мы в любом случае понимаем, что это человек «со стороны», а потому его взгляд, скорее, общечеловеческий, социально не ангажированный. С точки зрения общечеловеческих, природоу установленных нравственных границ, принципиально важно, что роман Элиот начинается со сцены в столярной мастерской («Музыка инструментов...») («The concert of the tools...») [Eliot 1911: 3] и заканчивается едва ли не подобным же образом, во всяком случае, кульминационная часть сюжета завершается, когда Адам и Артур примиряются после высылки Гетти из страны. Адам говорит: «Все, о чем я должен думать сейчас, – делать хорошо свое дело» («It's all I've got to think of now – to do my work well») [ibid.: 672]). А в эпилоге мы видим, что спустя девять лет с начала событий Адам не только счастливый отец и муж, но и успешный столяр и плотник, выкупивший у своего бывшего хозяина мастерскую.

Да и «Записки охотника», как мы все знаем, начинаются с рассказа «Хорь и Калиныч» (1847), где идея «естественной нравственности» и «нравственная красота» (определения Р. М. Данилевского (см.: [Данилевский 2012: 6]) двух весьма разных, казалось бы, но чрезвычайно близких, до степени взаимного дополнения, мужиков, становится центральной. Примечательны следующие слова рассказчика: «Легкий порыв ветерка разбудил меня... Я открыл глаза и увидел Калиныча: он сидел на пороге полураскры-

той двери и ножом вырезал ложку. Я долго любовался его лицом, кротким и ясным, как вечернее небо» [Тургенев 1968: 9]. Совершенно очевидно переключка Элиот и Тургенева в поэтизации портрета трудящегося человека: тот самый концерт инструментов, о котором пишет английская писательница, и любование исполнителями этой музыки.

Не будем распространяться о некоторой повторяемости таких образов, как Калиныч, – с намеками на чудачество, юродивость, некую приближенность к «Иисусовому облику», тем более что на эту тему есть любопытная статья уже упоминавшегося здесь В. М. Головки (см.: [Головки 1994]).

«Калиныч стоял ближе к природе; Хорь же – к людям, к обществу...» [Тургенев 1968: 13], – читаем мы у Тургенева, понимая, что оба они черпают нравственные силы из жизни здесь и сейчас. В. В. Давыдов прав, когда пишет о «Записках охотника» как о произведении, где «происходит встреча человека с чувством жизни» [Давыдов 2015: 20]. Полнота чувства жизни доминирует и в романе Элиот «Адам Бид» и становится триумфатором в конце романа, в его эпилоге; более того, романная форма открывает большие возможности для создания этого чувства: и в картинах труда столяров Адама и его брата Сета, и в сценах фермерского труда на хуторе Пойзеров, и в пейзажных зарисовках графства Лоамшир, где протекает основное действие романа. В значительно меньшей мере это очевидно, когда действие на короткое время, при рассказе о скитаниях беременной Гетти в поисках Артура и суда над нею, перемещается в соседнее графство Стоунишир. Это промышленное графство с обезличенными и однообразными шахтами и фабричными поселками. Нельзя не отметить неслучайность того, что почти пасторально-идиллическое графство Элиот наделяет именем от английского слова *loam* – плодородная земля, а лишенное душевной гармонии графство носит название, взятое от слова *stony* – каменный.

По мнению отечественных тургенеvedов (В. В. Давыдова, Г. Б. Курляндской, Д. В. Лебедева и др.), духовный опыт рассказчика «Записок охотника» (а именно он, как уже отмечалось, главный «сшивающий» в единое целое, казалось бы, разрозненные очерки герой; ровно так же объединяет картины жизни героев романа Элиот «взгляд со стороны» некоего *traveller*) по мере повествования становится опытом жизни в целом. Это своеобразное сентиментальное путешествие, обогащающее путешественника не столько внешними впечатлениями (хотя и они важны в силу новизны субъекта изображения – нового изображения сельской жизни), сколько внутрен-

ними переживаниями, причем не только своими, но и героев разного социального уровня, в том числе и крестьян. Когда В. Г. Белинский писал о том, что Тургенев зашел к народу с такой стороны, «с какой до него никто не заходил» [Белинский 1982: 400], он имел в виду прежде всего именно это обстоятельство: писатель заглянул в душу народную и обнаружил там глубину, какую раньше не особо замечали. То же самое можно сказать и о психологизме романа Дж. Элиот: писательница одной из первых в английской литературе заглянула в глубины внутреннего мира героев из крестьян и ремесленников, наделив их способностью переживать мощные нравственные потрясения и психологические драмы. Это особенно очевидно в терзаниях Адама, когда ведется следствие по делу Гетти, обвиненной в убийстве своего новорожденного ребенка, и накануне, и сразу после суда над ней, приговоренной к повешению (главы XLI – XLIII). «В час дня на завтра Адам был один в унылой верхней комнате; его часы лежали на столе перед ним, а он отсчитывал долгие минуты», – читаем у Элиот в начале главы XLII, в которой блестяще воспроизводится состояние Адама, ожидающего в снятой комнате города Стоунит решения суда по делу Гетти. Глава погружает нас в мощные терзания Адама, берущего на себя вину за то, что не смог уберечь Гетти от такого страшного поступка [Eliot 1911: 606]. «Этот храбрый и деятельный человек, который поспешил бы спасти Гетти от любой опасности или взял бы на себя любой тяжкий труд, лишь бы уберечь ее от любой ошибки или несчастья, чувствовал себя бессильным, когда пришлось столкнуться с непоправимым злом и неотвратимым страданием» [ibid.: 607]. Элиот подчеркивает, что эти глубокие, буквально сотрясающие душу Адама страдания, «вполне можно было бы назвать крещением, возрождением, инициацией в новое нравственное состояние» [ibid.]. Здесь еще раз напрашивается параллель с милтоновским Адамом в момент осознания им падения Евы, готовым разделить с ней удел изгнанника из Рая, потому что беззаветно любит ее и одновременно корит себя за то, что не был с нею рядом в момент искушения, чтобы спасти ее.

Очевидно, что терзания Адама – это не терзания джентри (т. е. мелкопоместного дворянина) Артура, воплощающие знаменитый кантовский антагонизм нравственного сознания и природного влечения (затем подхваченный и развитый З. Фрейдом). Особенно это проявляется в начале его отношений с Гетти, когда легкая увлеченность красивой фермерской девушкой вроде бы ни к чему не обязывает и веселит кровь. Однако уже на этом этапе его интрижка с Гетти вызыва-

ет у него самого внутренние сомнения, хорошо ли это и как далеко можно зайти в этих отношениях. Отметим, что Дж. Элиот по хорошей английской традиции использует здесь несобственно-прямую речь, которая позволяет ей сочетать глубину психолого-аналитического погружения и ироническую отстраненность от героя [Eliot 1911: 193]. Правда, после того как Гетти родила и в полубессознательном состоянии, сама не ведая, что делает, оставила ребенка умирать в лесу, слегка прикрыв его щепками и кусочками торфа, за что впоследствии была приговорена к смерти, а Артур узнал обо всех злоключениях соблазненной им девушки только когда вернулся в Англию из Ирландии, где находился со своим полком, его переживания приобретают драматико-трагический оттенок, поскольку он человек не дурной, совестливый, понимающий, что своей бездумностью и неумением обуздать плоть он привёл ситуацию к трагическому финалу (см. финал главы XLIV). Здесь вновь «работает» знаменитая идея Элиот о роли последствий поступков в жизни человека и о сети (web), которая неизбежно опутывает человека по ходу его жизни, когда способность выстоять в этой ситуации – одна из главных нравственных скреп человека как самостоятельной личности. Как не вспомнить здесь наблюдения Г. Б. Курляндской о том, что «пессимистические суждения о мире как бессознательно движущейся материи были сквозными в творчестве Тургенева» [Курляндская 2004: 11].

Терзания же Адама – это терзания человека, который видит свою вину в том, что не уберет Гетти от преступления, что не спас ее; это терзания, наполненные мощным, из глубины души идущим состраданием к человеку, за которого он несет ответственность как за самого себя, потому что им движет любовь, т. е. это терзания высшего нравственного порядка. Любовь – еще один немаловажный «измеритель» этико-нравственного пространства произведения Дж. Элиот, да и Тургенева тоже, если вспомнить его мощно испытываемых любовью героев – Чертопханова («Чертопханов и Недопюскин», «Конец Чертопханова»), Радилова («Мой сосед Радилов»), Каратаева («Петр Петрович Каратаев»).

Тот факт, что оба писателя в конечном счете выходят на общечеловеческое, вечное, на *Жизнь* с большой буквы, что оба восхищаются жизненной силой человека (в особенности – простого человека) и видят в этом источник морально-нравственной силы и стойкости, чрезвычайно важен, поскольку оба обращались к переходным периодам в истории своих стран, когда в России и Англии, как бы далеко они ни стояли друг от друга в экономическом и политическом отноше-

нии, вызревал и утверждался новый миропорядок, складывались новые, противоположные патерналистской и патриархальной, парадигмы. Этим объясняется глубина обеих книг, в особенности – тургеневской, в которой за внешней простотой не сразу можно разглядеть этико-философскую глубину; все же подчеркнем еще раз: книга Элиот более обытовлена, более сосредоточена на прагматике человеческого поведения, как и «положено» английской, замешанной на пуританстве, системе социально-этических измерений, что ни в коем случае не умаляет достоинства всего произведения, а в особенности – целого ряда блестящих примеров глубокого психолого-аналитического характера. Прежде всего имеются в виду страницы, рассказывающие о мучительных скитаниях (как в прямом, так и переносном смысле) беременной Гетти, потерявшей себя и никак не могущей найти внутреннюю опору, будучи лишенной поддержки внешней (в лице Артура или Адама; первый далеко и иного социального положения, второй – не допускаем Гетти в ее внутренний мир, хотя и объявлен с ее согласия ее женихом). Несмотря на это, пафос и образа Гетти, и образов Адама и Артура перекликается с тургеневским пафосом, о котором пишут Е. М. Коньшев и В. В. Давыдов, отмечая внимание Тургенева к таким характерам и ситуациям, «когда в человеке проявляется его естественное, природное начало» [Коньшев 2013: 205], причем независимо от социального положения.

Иначе говоря, необходимо видеть мастерство И. С. Тургенева не только в воссоздании крестьянских или помещичьих типов, о чем много рассуждали в предыдущие времена, а мастерство в создании чувства живой, не стоящей на месте Жизни. При этом, и тут трудно не согласиться с Е. М. Коньшевым: писателю скорее интересны «понятия иного, более высокого порядка, такие как жизнь, смерть, любовь» [там же], чем социальная структура провинциального общества. Но ведь и Джордж Элиот финальным торжеством любви, семейного счастья, человеческой доброты и сострадания выходит за рамки обыденной прагматики жизни, а криминальная история детубийцы превращается в трагическую историю заблуждений и внутренних борений человека, включенного в некую большую жизнь, в которой не так легко найти свое место и свою траекторию (или, по крайней мере, не сбиться с той, что жизнь тебе определила). Об всем этом свидетельствует и то, что Дж. Элиот рисует английскую деревню, как уже говорилось, единым цельным организмом, а потому конфликт между Адамом и Артуром носит не социальный характер (хотя один – сквайр, а другой – всего лишь столяр), а общечеловеческий, нравственный:

Адам обвиняет Артура в том, что, соблазнив Гетти, тот воспользовался не социальным преимуществом (хотя, безусловно, простушке Гетти льстило, что ею увлекся сквайр), а незрелостью и наивностью девушки, что во много крат безнравственнее. И примиряется Адам с Артуром только тогда, когда понимает, насколько основательно нравственно «вычистила» Артура трагедия Гетти, виновником которой он стал.

В связи с этим уместно вспомнить размышления Г. Н. Пospelова о том, что в «Записках охотника» противостояние крестьян и барина «основано не на конфликтах между крепостными и помещиками, а на глубоких различиях их нравственных свойств» [Пospelов 1972: 285], равно как и рассуждения Р. Ю. Данилевского о доминировании в рассказах цикла открытости и честности отношений между людьми [Данилевский 2012: 9]. И здесь тоже очевидна явная переключка между Элиот и Тургеневым – в противопоставлении социальным связям естественных; достаточно обратиться к рассказам «Конец Чертопханова», «Живые мощи», «Смерть» из книги Тургенева, а также вспомнить всегдашнее, идущее из детства восхищение и любовь Артура к Адаму, восприятие им Адама как идеала мужского отношения к миру, самому себе и людям: Артур рос у деда, без матери и отца, а потому тянулся в детстве и подростковом к Адаму – сильному и целостному человеку. Нежелание потерять доверие и уважение Адама добавляет немало горечи терзаниям Артура, когда он узнает, что его кумир давно и беззаветно любит Гетти и что его связь с девушкой причиняет страдания столь уважаемому им человеку. Ситуации с Гетти, Артуром, Адамом – это как раз то, что крупнейший знаток литературы XIX в., по сути, заново открывший творчество Дж. Элиот английскому читателю XX в., Д. Сесил, называл «самым отличительным триумфом» писательницы – воспроизведение «поля нравственной битвы» («the moral battle field») [Cecil 1964: 236].

Обратим внимание на то, как идея *community* (общины, общинности) в романе Элиот переключается с тургеневской поэтизацией естественного влечения людей к содружеству, взаимопомощи, союзу (преодоление сословности). Оно очевидно во взаимоотношениях рассказчика-охотника, дворянина-помещика, с другими: крестьянами – Ермолаем, его проводником, Лукерьей («Живые мощи»), Филофеем из рассказа «Стучит», в его, барина, попадании под обаяние мощных голосов из рассказа «Певцы» и т. д. М. О. Гершензон, один из лучших отечественных тургеноведов, видел единство «Записок охотника» в природной, от жизни идущей гармонии всех и всего наличествующего в Природе. Он писал: «Запис-

ки охотника» – словно прекрасный зоологический сад: какие очаровательные звери, каждый в другом роде, но все – особенные, занятные, самобытные личные – Хорь, Калиныч, бурмистр Софрон, Бирюк, Чертопханов, Радилов, и сколько, сколько еще! ... Это все – одно; вот Степушка, а вот ночная птица пугливо нырнула в сторону; вот Дикий Барин, а вот огромная лиловая туча медленно поднимается из-за леса. Всюду разнообразие форм, но одинаковое бытие, во всех и один общий закон» [цит. по: Давыдов 2015: 23]. Человек и природа суть одна стихия, и это так, если вспомнить «Бежин луг», «Живые мощи», «Лес и степь». Конгруэнтность Человека и Природы – база всех идейно-нравственных построений в «Записках охотника»; она же определяет поэтологические способы воплощения этой конгруэнтности: образ рассказчика, поэтизация, лиризация, романтическая рефлексия (по Г. Н. Пospelову), когда рассказчик «доискивается до сути виденного и слышанного» [Пospelов 1972: 284], возрастающая обобщенность авторского голоса, в том числе и на уровне философизации повествования, что выливается в мощный аккорд в финальном очерке «Лес и степь».

Естественная связь между людьми и между людьми и природой поэтизируется (и даже романтизируется) у обоих писателей, особенно у Тургенева: достаточно обратиться к таким разным по пафосу рассказам цикла, как «Лес и степь» и «Свидание». Кстати оба писателя весьма внимательны и точны в воспроизведении смены времен года и изменений природы в связи с этим. У Тургенева это «запрограммировано» образом рассказчика, охотника, и тенденцией показать особенности национальной охоты в разные времена года (за исключением зимы). У Элиот это объясняется сосредоточенностью на картинах сельского, фермерского, или помещичьего, быта с его размеренной подчиненностью смене времен года. Не случайно кульминационной картиной, венчающей изображение упорядоченности сельской жизни, становится глава LIII, рассказывающая о торжественном обеде по поводу окончания сбора урожая на ферме Пойзеров, на котором собрались едва ли не все жители деревни Хейслоуп. Здесь возникает замечательный собирательный образ фермеров, арендаторов, батраков, ставящий искусство Элиот в особый ряд художников, живописующих сельских жителей без ретуши и комикования предшествующих литературных эпох. Именно эту традицию социоэтнографического заострения подхватит, например, чуть позже Т. Гарди в романах «Под деревом зеленым» (*Under the Greenwood Tree*, 1872), «Возвращение на Родину» (*The Return of the Native*, 1878) и некоторых других.

Природа у обоих писателей не подается абстрактно, вне времени, а наполняется конкретным-социальным смыслом. Дж. Элиот, например, указывает точное время начала действия романа – 18 июня 1799 г., скрупулезно отмечает временные (из-за нагнетания трагического по мере повествования нарочито «привязанные» к временам года) отрезки протекания его событий (пик, трагическая развязка происходит зимою); финал романа столь же точно датирован – конец июня 1807 г. Отметим, что Элиот рисует английскую деревню в ее состоянии до второй волны индустриализации, начавшейся после наполеоновских войн. Для нее (вслед за Вордсвортом) это едва ли не самый благостный и гармоничный период существования английской деревни, которая войдет в полосу кризиса в 1820-е гг., закончившегося исчезновением класса крестьян практически уже к 1860-м гг. Этот процесс особенно ярко в английской литературе покажет Т. Гарди в романах уже упоминавшегося цикла «Характера и среды» («Уэссекского цикла»), одной из вершин которого является «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (*Tess of the d'Urbervilles*, 1891).

Тургенев же, чаще всего любясь русской природой, сопрягает ее красоты с душевной красотой русского крестьянина, как, например, в случае с образами детей из «Бежина луга», Калиныча из «Хоря и Калиныча», Касьяна из рассказа «Касьян с Красивой Мечи»: «Да и что! много, что ли дома-то высидишь? А вот как пойдешь, как пойдешь, – подхватил он, возвысив голос, – и полегчит, право. И солнышко на тебя светит, и богу-то видней и поется-то ладнее. Тут смотришь, трава какая растет; ну заметишь – сорвешь. Вода тут бежит, например, ключевая, родник, святая вода; ну и напьешься – заметишь тоже. Птицы поют небесные... А то за Курском пойдут степи, этакie степные места, вот удивление, вот удовольствие человеку, вот раздолье-то, вот божия-то благодать!» [Тургенев 1968: 118].

Но нередко пейзажная зарисовка усугубляет ощущение кризиса, в котором находится русская деревня в условиях крепостничества, в том числе контрастируя с внутренней красотой и талантом народа, вынужденного жить в подобных отнюдь не соответствующих его величии обстоятельствах. В этом отношении примечательно начало рассказа «Певцы», одного из самых потрясающих гимнов таланту русского мужика в отечественной литературе. Деревня, где происходит состязание деревенских певцов, наделена весьма говорящим названием – Колотовка; она рисуется лежащей «на скате голого холма, сверху донизу рассеченного страшным оврагом, который, зияя как бездна, вьётся, разрытый и размытый, по самой середине улицы», где лишь «несколько то-

щих ракушек боязливо спускаются по песчаным бокам» этого оврага. «Невеселый вид, нечего сказать», – заключает рассказчик [там же: 210]. Но не случайно пораженный великолепным пением Яшки-Турка рассказчик, спускаясь с этого «голового холма», уже не замечает его убогости, более того, он уже видит «у подошвы этого холма» расстилающуюся широкую равнину: «затопленная мглистыми волнами вечернего тумана, она казалась еще необъятней и как будто сливалась с потемневшим небом» [там же: 227]. Метафора вечности и безграничности таланта русского народа очевидна.

Иначе говоря, с одной стороны, социально-конкретное изображение состояния деревни и провинции, изменений в них, а с другой – тяготение к изображению надсоциального, природно-вечного и непреходящего (более определенно – у Тургенева). Не случайно начальным (и инициальным с точки зрения главных идей цикла) рассказом / очерком у Тургенева становится «Хорь и Калиныч», где обе эти тенденции очевидны и повествовательно переплетены, а в романе Элиот заглавный герой носит имя «Адам», несущее общемировое значение, обозначающее человека вообще. Столь же говорящая его фамилия – Бид, в оригинале *Bede*; Беда Досточтимый (*Bede the Venerable*) – известный в Англии святой, один из основоположников английской истории, создавший первую книгу об англах, почитаемый как непререкаемый авторитет в вопросах веры, нравственности и морали. Главная же героиня-страдальца в романе Элиот носит имя Гетти, Гестер, или Эстер, Эсфирь, тоже несущее библейское (и даже добиблейское) значение света, звезды. Правда, здесь не обошлось без традиционной элиотовской иронии, в данном случае траги-иронии: Гетти, она же Эстер («путеводная звезда»), оказывается преступницей, хотя и во многом поневоле, и погибает, как мы узнаем, после нескольких лет каторги где-то в заморской колонии.

Отметим, что в романе Элиот действительно присутствует религиозный аспект, но весьма любопытный: оба главных носителя религиозности – англиканский священник, окормляющий духовно Хейслоуп и близлежащие поселения, Адольфус Ирвин, равно как и Дина Моррис, методистка-проповедница в начале романа, а в его эпилоге счастливая жена Адама Бида и мать его детей, менее всего чисто религиозны в своих речах и помыслах, они скорее акцентируют общегуманистические ценности и святость (чистоту), так сказать, мирской жизни. Это очевидно, когда Дина Моррис проповедует в начале романа на общинном лугу деревни, а в конце романа духовно помогает Гетти выйти из греховного со-

стояния преступницы перед Богом и людьми, покаяться, чтобы облегчить свою душу перед казнью (замененной в последний момент ссылкой в заморские края). Дина, совершенно в соответствии с идеологией методизма, проповедовала братство и взаимопомощь людей как проявление не только божественного разума, но и изначальной человеческой сути [см. главы II и XLV]. То же происходит и в случае с Ирвином, например, почувствовавшим, как и должно чуткому духовнику, что в душе Артура идет некая борьба, когда тот неожиданно появился в его доме ранним утром. Артур ехал к Ирвину с намерением исповедоваться в том, что флиртует с Гетти, понимая, насколько это нравственно плохо, но в последний момент струсил признаться священнику в своей интрижке, Ирвин как раз в этот момент заговорил о неизбежности столкновения человека с последствиями своих поступков, особенно – несправедливых [Eliot 1911: 242–245]. Оба – и Дина Моррис, и Адольфус Ирвин – «измеряют» людей и жизнь более общечеловеческими, нежели религиозными мерками. Именно таковые торжествуют в романе Элиот, как торжествуют они и у Тургенева, в том числе и в рассказах, которые, казалось бы, должны нести в себе совершенно ясный религиозный пафос – «Смерть» и «Живые мощи». Примечательно, что в тургеневском цикле не находится даже равного образам Дины и Ирвина места священникам, если не считать явно иронично поданного священника в самом духовном рассказе «Записок охотника» «Живые мощи». Об этом, как и обо всем рассказе, одном из самых концептуальных в «Записках охотника», интересно рассуждает Г. М. Ребель, и центральной в суждениях исследователя становится идея о том, что в этом рассказе (а мы можем экстраполировать эту мысль на весь цикл) «тема национального единства поверх социальных различий расширяется до темы единства барина и крестьянки во человечестве...» [Ребель 2008: 281; выделено мною. – Б. П.].

Равенство людей перед лицом суровых испытаний Жизнью и Природой, их духовная и нравственная стойкость, не ожесточение, не оскудение, а обогащение внутреннего мира за счет таких испытаний – вот что утверждают оба писателя, вот к чему они призывают читателя, весьма активно с ним «работая», напрямую к нему, читателю, обращаясь и приобщая к вечным ценностям и нравственным высотам.

Примечание

¹ Статья написана на основе доклада, прочитанного на Всероссийской научной конференции «Тургенев и либеральная идея в России», состоявшейся 19–21 апреля 2018 г. в Пермском госу-

дарственном гуманитарно-педагогическом университете и посвященной 200-летию И. С. Тургенева.

Список литературы

Алексеев М. П. Мировое значение «Записок охотника» // Творчество И. С. Тургенева: сб. ст. / под ред. С. М. Петрова. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1959. URL: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/tvorchestvo-turgeneva-sbornik/index.htm> (дата обращения: 12.05.2018).

Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 8. С. 337–414.

Боборыкин П. Д. Столицы мира (Тридцать лет воспоминаний). М.: Сфинкс, 1911. 516 с.

Головкин В. М. Черты национального архетипа в мифологеме Христа произведений И. С. Тургенева // Проблемы исторической поэтики. 1994. Т. 3. С. 231–248.

Головкин В. М. Художественно-философская интерпретация свободы и необходимости И. С. Тургенева в парадигматическом контексте аксиологического онтологизма // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 40–48.

Давыдов В. В. Жизнь как ценность: личность и витальное начало в «Записках охотника» И. С. Тургенева // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2015. № 2(26). С. 20–25.

Данилевский Р. Ю. Об одной особенности нравственной идеи «Записок охотника» // Спасский вестник. 2012. № 20. С. 4–12.

Ковалевская С. В. Воспоминания о Джордж Элиот // Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М.: Правда, 1986. С. 311–331.

Коньшев Е. М. Тема народа в «Записках охотника» Тургенева: ее философские и литературные основы // Вестник Брянского университета. 2013. № 2. С. 204–210.

Кузнецкая Г. Б. Всемирная гармония в творчестве Тургенева // Спасский вестник. 2004. № 11. С. 10–18.

Лебедев Ю. В. Тургенев. М.: Молодая гвардия, 1990. 608 с.

Недзвецкий В. А. Тургенев: логика творчества и менталитет героя. Курс лекций для магистрантов. М.: Изд-во МГУ, 2011. 208 с.

Поспелов Г. Н. История русской литературы XIX века (1840–1860 гг.). М.: Высш. шк., 1972. 472 с.

Ребель Г. М. Голос из темноты. Рассказ И. С. Тургенева «Живые мощи» // Вопросы литературы. 2008. № 6. С. 265–281.

Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и подгот. текстов С. М. Петров и Г. М. Фридлянд. Изд. 2-е. М.: Худож. лит., 1983. Т. 2. 557 с.

Тургенев И. С. Записки охотника // Тургенев И. С. Собр. соч.: в 6 т. М.: Правда, 1968. Т. 1. С. 3–362.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. X, 1872–1874. М.; Л.: Худож. лит., 1965. 542 с.

Феклин М. Б. Тургенев в Англии: первые полвека. Оксфорд; Нижний Новгород: Perspective Publications, 2005. 240 с.

Allen W. George Eliot. New York; London: The Macmillan Company, 1964. 192 p.

Browning O. Life and Writings of George Eliot. London and Felling-on-Tyne: The Walter Scott Publishing Co., LTD, 1890. 174 p.; i-xiv.

Cecil D. George Eliot // Cecil D. Early Victorian Novelists. Essays in revaluation. London and Glasgow: Collins. The Fontana Library, 1964. P. 215–250.

Cross J. W. George Eliot's Life as Related in Her Letters and Journals. New York: Harper and Brothers, Franklin Square, 1885. Vol. 3. 443 p.

Dolin T. Authors in Context. George Eliot. Oxford: Oxford University Press, 2005. 284 p.

Eliot G. Adam Bede. London and New York: John Lane, 1911. 768 p.

Eliot G. The Natural History of German Life // Eliot G. Selected Critical Writings / edited and with Introduction and Notes by Rosemary Ashton. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 260–295.

Gill St. Wordsworth and the Victorians. Oxford: Clarendon Press, 1998. 346 p.

Houghton W. E. The Victorian Frame of Mind, 1830–1870. New Haven and London: Yale University Press, 1985. 467 p.

Newlin T. The Thermodynamics of Desire in Turgenev's *Notes of a Hunter* // The Russian Review. 2013. July. Vol. 72. Issue 3. P. 365–389.

Paris B. George Eliot's Religion of Humanity // George Eliot: A Collection of Critical Essays / ed. by George R. Creeger. New Jersey: Prentice Hall Inc; Englewood Cliffs, 1970. P. 11–36.

Proskurnin B. The Reception of George Eliot in Russia: The Start that Determined the Paradigm // The Reception of George Eliot in Europe / ed. by Elinor Shaffer and Catherine Brown. L.: Bloomsbury Academic, 2016. P. 261–274.

Williamson A. Against Egology: Ethics and Style in George Eliot and Emmanuel Levinas // The George Eliot Review. Journal of the George Eliot Fellowship. 2017. No. 48. P. 33–47.

References

Alekseev M. P. Mirovoe znachenie «Zapisok Okhotnika» [World significance of "Notes of a Hunter"]. *Tvorchestvo I. S. Turgeneva. Sbornik sta-*

tey [Turgenev's works. Collection of essays]. Ed. by S. M. Petrov. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatelstvo Ministerstva Prosvescheniya RSFSR, 1959. <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/tvorchestvo-turgeneva-sbornik/index.htm> (accessed 17.03.2018) (In Russ.)

Belinsky V. G. Vzgl'yad na russkuyu literaturu 1847 goda [A view on Russian literature of 1847]. Belinsky V. G. *Sobr. soch. v 9 t.* [Collected works in 9 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982, vol. 8, pp. 337–414. (In Russ.)

Boborykin P. D. *Stolitsy mira (Tritsats' let vospominaniy)* [Capitals of the world (Thirty years of remembering)]. Moscow, Sfinks Publ., 1911. 516 p. (In Russ.)

Golovko V. M. Cherty natsional'nogo arkhetaipa v mifologeme Khrista proizvedeniy I. S. Turgeneva [Characteristics of the national archetype of the Christ mythologeme in Ivan Turgenev's literary works]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 1994, vol. 3, pp. 231–248. (In Russ.)

Golovko V. M. Khudozhestvenno-filosofskaya interpretatsiya svobody i neobkhodimosti I. S. Turgeneva v paradigmicheskom kontekste akseologicheskogo ontologizma [Ivan S. Turgenev's artistic and philosophical interpretation of freedom and necessity in the paradigmatic context of the 20th century axiological ontologism]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2014, vol. 4, pp. 40–48. (In Russ.)

Davydov V. V. Zhiz'n kak tsennost': lichnost' i vital'noe nachalo v "Zapiskakh okhotnika" I. S. Turgeneva [Life as a value: personality and vital grounds in I. S. Turgenev's 'A Sportsman's Sketches']. *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki* [Journal Collection of Scientific Works of KRASEC. The Humanities], 2015, issue 2(26), pp. 20–25. (In Russ.)

Danilevskiy R. Yu. Ob odnoy osobennosti nra-stvennoy idei «Zapisok Okhotnika» [On one peculiarity of the moral idea of "Notes of a Hunter"]. *Spasskiy vestnik* [Spassky Herald], 2012, issue 20, pp. 4–12. (In Russ.)

Kovalevskaya S. V. Vospominaniya o Dzhordzh Eliot [Remembering George Eliot]. Kovalevskaya S. V. *Vospominaniya. Povesti* [Memoirs. Stories]. Moscow, Pravda Publ., 1986, pp. 311–331. (In Russ.)

Konyshev E. M. Tema naroda v «Zapiskakh okhotnika» Turgeneva: ee filosofskie i literaturnye osnovy [Theme of the folk in "Notes of a Hunter" by Turgenev]. *Vestnik Bryanskogo Universiteta* [The Bryansk State University Herald], 2013, issue 2, pp. 204–210. (In Russ.)

Kurlyandskaya G. B. Vsemirnaya garmoniya v tvorchestve Turgeneva [World harmony in Turgenev's works]. *Spasskiy vestnik* [Spassky Herald], 2004, issue 11, pp. 10–18. (In Russ.)

Lebedev Yu. V. *Turgenev* [Turgenev]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1990. 608 p. (In Russ.)

Nedzvetskiy V. A. *Turgenev: logika tvorchestva i mentalitet geroya. Kurs lektsiy dlya magistrantov* [Turgenev: the logic of creative work and mentality of a hero. The course of lectures for Master's students]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2011. 208 p. (In Russ.)

Pospelov G. N. *Istoriya russkoy literatury 19 veka* [The History of the Russian literature of the 19th century]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 472 p. (In Russ.)

Rebel G. M. Golos iz temnoty. Rasskaz I. S. Turgeneva «Zhivye moshchi» [The voice from the darkness. I. S. Turgenev's story "A living relic"], *Voprosy literatury* [Issues of Literature], 2008, issue 6, pp. 265–281. (In Russ.)

Turgenev v vospominaniyakh sovremennikov. V 2 t. [Turgenev in memoirs of contemporaries. In 2 vols.]. Second Edition. Comp. by S. M. Petrov, G. M. Fridlyand. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983, vol. 2. 557 p. (In Russ.)

Turgenev I. S. *Zapiski okhotnika* [Notes of a Hunter]. Turgenev I. S. *Sobr. soch. v 6 t.* [Collected works in 6 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1968, vol. 1, pp. 3–362. (In Russ.)

Turgenev I. S. *Poln. sobr. soch. i pisem. Pis'ma*. [Complete collection of works and letters. Letters]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965, vol. 10 (1872–1874). 542 p. (In Russ.)

Feklin M. B. *Turgenev v Anglii: pervye polveka* [Turgenev in England: the first half of the century]. Oxford, Nizniy Novgorod, Perspective Publications, 2005. 240 p. (In Russ.)

Allen W. *George Eliot*. New York, London, The Macmillan Company, 1964. 192 p. (In Eng.)

Browning O. *Life and Writings of George Eliot*. London and Felling-on-Tyne, The Walter Scott Publishing Co., LTD, 1890. 174 p.; i-xiv. (In Eng.)

Cecil D. George Eliot. Cecil D. *Early Victorian Novelists. Essays in revaluation*. London and Glasgow, Collins. The Fontana Library, 1964, pp. 215–250. (In Eng.)

Cross J. W. *George Eliot's Life as Related in Her Letters and Journals*. New York, Harper and Brothers, Franklin Square, 1885, vol. 3. 443 p. (In Eng.)

Dolin T. *Authors in Context. George Eliot*. Oxford, Oxford University Press, 2005. 284 p. (In Eng.)

Eliot G. *Adam Bede*. London and New York, John Lane, 1911. 768 p. (In Eng.)

Eliot G. The Natural History of German Life. Eliot G. *Selected Critical Writings*. Ed. and with Introduction and notes by Rosemary Ashton. Oxford, Oxford University Press, 1999, pp. 260–295. (In Eng.)

Gill St. *Wordsworth and the Victorians*. Oxford, Clarendon Press, 1998. 346 p. (In Eng.)

Houghton W. E. *The Victorian Frame of Mind, 1830–1870*. New Haven and London, Yale University Press, 1985. 467 p. (In Eng.)

Newlin T. The Thermodynamics of Desire in Turgenev's Notes of a Hunter. *The Russian Review*, 2013, July, vol. 72, issue 3, pp. 365–389. (In Eng.)

Paris B. George Eliot's Religion of Humanity. *George Eliot: A Collection of Critical Essays*. Ed. by George R. Creeger. New Jersey, Prentice Hall Inc, Englewood Cliffs, 1970, pp. 11–36. (In Eng.)

Proskurnin B. The Reception of George Eliot In Russia: The Start that Determined the Paradigm. *The Reception of George Eliot in Europe*. Ed. by Elinor Shaffer and Catherine Brown. London, Bloomsbury Academic, 2016, pp. 261–274. (In Eng.)

Williamson A. Against Egology: Ethics and Style in George Eliot and Emmanuel Levinas. *The George Eliot Review. Journal of the George Eliot Fellowship*, 2017, issue 48, pp. 33–47. (In Eng.)

**“ADAM BEDE” BY GEORGE ELIOT
AND “NOTES OF A HUNTER” BY IVAN TURGENEV:
IDEOLOGICAL AND ARTISTIC CONVERGENCES**

Boris M. Proskurnin

**Professor, Head of the Department of World Literature and Culture
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. bproskurnin@yandex.ru

SPIN-code: 5554-1732

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

ResearcherID: M-4794-2017

Submitted 16.05.2018

The essay deals with ideological and aesthetic typological convergences and congruencies in the works of the two great European writers of the second half of the 19th century. It is shown that democratic thinking, synthesis of liberalism and humanism, which is a peculiar feature of both Turgenev and Eliot, are very much reflected in the system of concepts of the two works under analysis; both Eliot's and Turgenev's works are famous in the literary histories of their countries due to the masterful and original introduction into literature of a new type of a literary hero – the one from peasantry. It is stressed in the essay that the grounds for typological generalizations of these two works are the writers' realistic and analytical approach to the artistic ways of depicting a human being's fate under swiftly changing social, cultural and moral circumstances. The essay shows that Turgenev and Eliot depict province as socio-cultural wholeness. One of the main ideas of the essay is to show that both writers appeal to a human being who is an autonomous creature in terms of social, moral and spiritual existence, who thinks of himself as a unique and independent being and thus draws a border between himself and the world around and tries to establish his social independence and self-sufficiency. It is the reason why George Eliot and Ivan Turgenev set so many hopes on a human being's high level of morality, his conscientious behavior in the situation of free choice, the concentration of which is higher, the more democratic and less patriarchal and paternalistic the contemporary world becomes. The author of the essay analyses what is called moral and ethical spaces of the writers' works, where liberal and humanistic inclinations of Turgenev and Eliot are a sort of keystones; this fact determines ideological and artistic convergences of the writers even if we take into account their national, social, cultural and gender differences. It is shown in the essay that the parameters of these spaces are checked first of all by the images of the heroes taken from the humble people, who are, by both writers' confidences, morally and ethically pure and solid because of their closeness to Nature. The author of the article shows how much important for Eliot and Turgenev as moral realists are pictures of the countryside landscapes, very much anthropological in the ways of their existence in the plots of the works, and, what is more, these pictures are philosophically and ethically sharpened by the authors, which once again makes them so close to one another. It is proved in the essay that romantic features in the images of the authors' protagonists is a serious ground to think of these writers in terms of poetical convergences. It is also demonstrated that the comparative method of studying *Adam Bede* and *Notes of a Hunter* gives a good chance to reveal some points more vividly should we look at these works separately.

Key words: Turgenev; George Eliot; England; Russia; novel; series of short stories; peasantry in literature; comparative literature studies; literary hero.

УДК 81.161.1(09)-1

doi 10.17072/2037-6681-2018-3-162-170

ЭТАПЫ И ВАРИАНТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОБРАЗА СКАЛЬДА В РУССКОЙ ЛИРИКЕ

Ольга Сергеевна Туманова

аспирант кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. tumanova_os@mail.ru

SPIN-код: 3235-9461

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3741-080X>

ResearcherID: E-6738-2017

Статья поступила в редакцию 01.03.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:*Туманова О. С. Этапы и варианты становления образа скальда в русской лирике // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 162–170. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-162-170***Please cite this article in English as:***Tumanova O. S. Etapy i varianty stanovleniya obraza skal'da v russkoy lirike [The Image of Skald in Russian Lyric: Stages of Formation and Versions]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 162–170. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-162-170 (In Russ.)*

Статья посвящена изучению основных этапов становления образа скальда в русской лирике XVIII–XXI вв. Проводится анализ художественной семантики данного образа и связанных с ним сюжетов, мотивов и контекстов. Особую роль в формировании образа скальда в русской лирике сыграли историко-культурные аллюзии на древнеисландскую поэзию. В обращении к образу скальда на протяжении XVIII–XXI вв. прослеживается три этапа. Первый этап становления образа обусловлен рецепцией оссианизма русской литературой и культурой в конце XVIII – первой четверти XIX в. (Г. Р. Державин, К. Н. Батюшков, Е. А. Баратынский) и последующим развитием и изменением оссианического канона. Второй этап захватывает последнюю треть XIX в. и Серебряный век русской литературы и связан с осмыслением лирическим героем себя самого в пространстве мировой культуры. Образ скальда структурно усложняется, а индивидуальное мифотворчество накладывается на сложную систему образов богов скандинавского пантеона. Третий этап, который приходится на последнее десятилетие XX в., сопряжен с поиском и обновлением культурной идентичности и новых художественных форм через возвращение к древним канонам скальдической и эддической песни. Особое внимание уделяется процессу адаптации заимствованного образа к русской поэтической традиции. Выбранный ракурс изучения позволяет сделать заключение о том, что скандинавские образы периодически актуализировались в российском культурном сознании XVIII–XXI столетий, и о том, что образ скальда закономерно включен в широкий контекст «скандинавского текста» русской литературы.

Ключевые слова: Оссиан; скандинавский север; поэзия Серебряного века; современная поэзия; мифология; мифотворчество; ролевая лирика.

Образ скандинавского севера прочно вошел в русскую литературу. Большую роль в этом сыграла популярность «Песен Оссиана» Дж. Макферсона, изданных в Эдинбурге в 1765 г. Переводы Оссиана на русский язык появились в конце XVIII в.: в 1788 г. были изданы «Поэмы древних бардов» в переводе А. И. Дмитриева, в 1792 г. – вольный перевод с французского «Ос-

сиан, сын Фингалов, бард третьего века: гальские (иначе Эрсские, или Ирландские) стихотворения», выполненный Е. И. Костровым. С переводами Оссиана в русский язык пришли понятия «скальд» и «бард», которые стали использоваться в качестве синонимов без учета того, что они принадлежат разным традициям (скандинавской и «эрсской», ирландской). К. Н. Батюшков в ста-

ть «Нечто о поэте и поэзии» (1816) не проводит четкой границы между «бардом» и «скальдом»: «Мы видим в песнях северных скальдов и эрских бардов нечто суровое, мрачное, дикое и всегда мечтательное, напоминающее и пасмурное небо севера, и туманы морские, и всю природу, скудную дарами жизни, но всегда величественную, прелестную и в ужасах» [Батюшков 1989: 44]. А. С. Пушкин в замечаниях на «Опыты в стихах и прозе» (1830) Батюшкова прямо заявляет: «Скальд и бард – одно и то же, по крайней мере, для нашего воображения» [Пушкин 1937: 285].

Ф. И. Буслаев в статье «Древнесеверная жизнь» (1856), которая является отзывом на одноименную книгу Карла Вейнгольда, отдельно говорит о поэзии скальдов и значительной роли «северных поэтов» в общественной жизни древней Скандинавии [Буслаев 1990: 122]. Через размышления Ф.И. Буслаева проходит мысль о необыкновенном родстве русской и скандинавской культур. Скандинавия в видении Ф.И. Буслаева – образ, связанный с русской культурой, а не с определенными точками на карте, абстрактный «север», связанный с идеями общины и гармоничного сосуществования поэта и государства: «Северные властители уважали скальдов, произведения которых были лучшим украшением их двора» [там же: 123].

Изучение «русификации» оссианических образов в русском литературоведении вновь стало актуальным в конце XX столетия. Ю.Э. Левин говорил о недостаточной изученности русского оссианизма – явления, весьма существенного для истории русской литературы на рубеже XVIII и XIX вв. Исследователь отмечал важный факт слияния оссианизма и скандинавизма в европейских литературах [Левин 1980: 97]. Смешению «оссианического, скандинавского и древнерусского колорита» в литературе рубежа XVIII–XIX вв. и самому феномену «северного стиля» посвящена статья Т. В. Федосеевой [Федосеева 2008]. Оссианические и скандинавские мотивы в поэме повлиявшего на А. С. Пушкина Эвариста Парни «Иснель и Аслега» анализирует З. Ф. Кабаченко [Кабаченко 2009: 190]. Д. В. Абашева отмечает контаминацию образов Барда и Бояна в лирике Н. Языкова [Абашева 2014]. «Северному тексту» современной контркультурной лирики посвящено исследование О. А. Маркеловой [Маркелова 2014]. М. Ю. Елепова [Елепова 2017] анализирует обширную рецепцию оссианизма русской поэзией первой трети XIX в., исследуя синкретичное пространство Севера, представленного Ирландией, Финляндией и Скандинавией. М. Ю. Елепова особенно подчеркивает кон-

таминацию кельтской древности и картин жизни древних скандинавов. На наш взгляд, наличие подобных исследований говорит о новом этапе жизни рассматриваемой нами литературной традиции. Однако несмотря на существование работ, посвященных «северному тексту», важнейший для понимания русского оссианизма и скандинавского текста русской культуры образ скальда никем из исследователей специально не рассматривался.

Целью нашей статьи является диахроническое изучение образа скальда – одного из наиболее интересных образов-репрезентантов Скандинавии в русской лирике. Скальд – поэт и исполнитель произведений, которые он сам создает или же воспроизводит. Этот образ часто встречается как в поэтическом сборнике древнеисландских песен о богах и героях «Старшая Эдда», так и непосредственно в скальдической поэзии (последняя в меньшей степени близка к фольклору и обладает лаконичным содержанием при нарочитой сложности формы). Скальд – это «переводчик» окружающей его жизни на язык разветвленных метафор, «в метафоры оказываются претворены его враги и друзья, его возлюбленная, его оружие, родня, северная природа с ее березами и темнолесьем, и прежде всего море, для описания которого скальд обладал большим запасом сравнений и образов-загадок» [Самарин 1984: 487]. Впрочем, не стоит забывать исторически достоверный факт: скальд – еще и человек, тесно связанный с жизнью скандинавской общины. Он нередко – богатый землевладелец, викинг, служилый человек в дружине знатного скандинава [там же].

О художественной функции образа скальда в исландских сагах размышлял Ф. И. Буслаев в статье «Древнесеверная жизнь». М. И. Стеблин-Каменский в ряде работ, посвященных языку, литературе и культуре Древней Скандинавии («Мир саги», 1984; «Культура Исландии», 1967; «Скальдическая поэзия», 1979 и др.), акцентирует внимание на исторически сложившихся канонах создания образа скальда: в песнях «Старшей Эдды» искусство скальда является дополнением к образу героя-воина; «быть скальдом значило обладать свойством, которое может так же характеризовать человека, как его рост, цвет волос и т. д.» [Стеблин-Каменский 1979: 16]. О. Е. Смирницкая работала над изучением художественной формы скальдической поэзии и творческой индивидуальности автора, при этом исследовательница не оставляет без внимания и изучение истории диалога русской и скандинавской культур [Смирницкая 2005]. А. Я. Гуревич делает важное замечание, которое вполне объясняет, почему фигура

скальд оказалась столь востребована русской лирикой: «Скальд, кроме всего прочего, умудрен знанием рун: в пору расцвета поэзии скальдов в странах Скандинавии другое письмо было либо неизвестно, либо известно лишь немногим. Скальд владеет тайной силой слова, он может творить волшебство или снимать вражьи чары» [Гуревич 1979: 50]. В этих словах можно усмотреть присущее творческому сознанию убеждение в избранности и особой миссии поэта. Е. А. Гуревич отмечает, что скальдическое мастерство высоко ценилось, «ведь прославляя подвиги конунгов, скальды увековечивали их деяния в людской памяти» [Гуревич 2016: 342].

Мотив противостояния вечности посредством творчества является ключевым для раскрытия темы поэта и поэзии, важной для русской литературы. Это во многом объясняет актуальность образа. Скальд принадлежит земному миру и олицетворяет собой земную жизнь, живые человеческие чувства и незащитность, зависимость человека от высшей воли. Сущность скальда амбивалентна: он может быть и воином (разрушителем), и поэтом (создателем и созидателем). В этих двух ипостасях он становится сопричастен божественному миру Вальхаллы: известно, что верховный бог скандинавского пантеона Один – покровитель и войны, и поэзии. Синкретичная фигура поэта-воина очень удачно коррелировала с системой ценностей русской романтической поэзии и представлением о социальной активности художника.

Популярность лирического героя-скальда (и по совместительству воина) в европейской культуре носит объяснимый характер. Немецкий исследователь Рудольф Зимек в статье «Викинги: Миф и эпоха. Средневековая концепция эпохи викингов» рассматривает феномен мифологизации исторически негативного образа викинга: «Переход от крайне негативного (и с точки зрения жертв викингов, по-видимому, вполне реалистичного) представления о викингах как о пиратах, варварах, грабителях, убийцах и поджигателях, отраженного в англо-саксонских и франкских хрониках и анналах, к распространенному в XVIII и XIX вв. образу благородного воина и бесстрашного первооткрывателя и поселенца» [Зимек 1999]. Зимек видит источники мифологизации образа в «книгах и экспозициях, которые, как правило, представляют викингов в качестве носителей развитой культуры раннесредневековой Скандинавии» [там же]. Исследователь также полагает, что в настоящее время эпоха викингов играет все более существенную роль как средство самоидентификации [там же].

Действительно, по сей день существует большое количество почитателей норманнской теории происхождения древнерусского государства; многие русские люди, увлекающиеся культурой Скандинавии, считают свое увлечение «неслучайным», а Скандинавию воспринимают как прародину, как «потерянный рай». Сегодня к наиболее ярким формам подобного самоотождествления с эпохой викингов относится быстрый численный рост всевозможных викингских фестивалей (традиционно проводимых в окрестностях Санкт-Петербурга), реконструкций боев и ярмарок, устраиваемых ежегодно. Носитель ролевой культуры, сочиняющий стихи, песни или мифологическую прозу, вне зависимости от гендерной самоидентификации мыслит себя воином-скальдом [Бреева 2012].

Рассмотрев историю изменений образа скальда и его места в культуре, мы можем выделить три этапа его становления. Первый этап становления образа приходится на первую четверть XIX в. и связан с рецепцией оссианизма. Примеры обращений к Оссиану можно найти в лирике Г. Р. Державина. Державин переводил Оссиана (так, в 1794 г. им была переведена поэма «Карикатура»), а также использовал в своем творчестве образность его поэм. Ю. Д. Левин отмечает влияние Оссиана в одах «На взятие Варшавы», «На взятие Измаила», «На победу в Италии», «На переход Альпийских гор», стихотворении «На кончину Ольги Павловны», но более всего – в оде «Водопад» [Левин 1980: 509–511]. Нам представляется весьма показательным стихотворение «Жилище богини Фригги» (1812), сюжет которого посвящен становлению поэта-скальда. Стихотворение построено в форме оратории, в нем расписаны партитуры для хора и певца. Хор прославляет богов, любящих добродетель, в то время как певец рассказывает историю перерождения человека в поэта и собеседника богов-асов, причем перерождение происходит при помощи бога Браге («Брагге») – древнескандинавского покровителя красноречия и мудрости, и Фригг («Фригга») – «скандинавской богини премудрости, царицы неба и матери всех богов» [Державин 1864: 113]. Несмотря на неоспоримое влияние оссианизма на образность данного стихотворения, ясно видна и другая тенденция – попытка индивидуального мифотворчества в отношении пантеона скандинавских богов.

Образ скальда, появляющийся в лирике К. Н. Батюшкова, хотя и соответствует эддическому первоисточнику, уже несет в себе черты индивидуального поэтического мифотворчества. Скальд из одноименного стихотворения, напи-

санного между 1809 и 1811 гг., – дwoящийся образ, балансирующий на границе героического прошлого и несформированного настоящего. Лирический герой воспринимается окружением как «свидетель древних лет», однако сам он осознает собственное бессилие в современном ему мире: «*Ах, мне ли петь? Мой глас исчез, / Как бури усыпленный ропот...*» [Батюшков 1964: 48]. Прошлое для лирического героя живет настоящего, поскольку сам он является его хранителем: «*Но славны подвиги отцов / Живут в моем воспоминанье*». Скальд обеспечивает и трансмиссию исторической памяти («*А вы, о юноши-герои, / Внемлите повести моей*»), а его песни «спасут от алчной Гель» – тема творчества противопоставлена минорным темам забвения и смерти. В тексте в виде парентезы упоминается имя Эгиля (у Батюшкова транслитерированное в «Егила») – легендарного скальда IX–X вв., героя исландской «Саги об Эгиле». Тлену препятствует созидание, алчной богине нижнего мира Геле (Хель) противостоит поэт.

В другом стихотворении К. Н. Батюшкова, «Мечта» (1806), Скальд (в данном случае это имя собственное) является певцом в Вальхалле, т. е. полноправным обитателем Асгарда, собеседником богов: «*Там снова с арфой золотою / В восторге Скальд поет / О славе древних лет...*» [Батюшков 1977: 253]. Миссия скальда – сплести мечту: «*Завидное Поэтов свойство: / Блаженство находить в убожестве Мечтой!*». Отчетливо видна параллель между лирическим героем-поэтом и древним скальдом: оба счастливы, погружаясь в «сладки думы», поэтические грезы, которые позволяют игнорировать убогую и безрадостную действительность. В стихотворении «На развалинах замка в Швеции» (1814) развивается тенденция ассоциативного приобщения образа Скальда к высшему миру: Скальд появляется в окружении скандинавских мифонимов (Оден, Гела, Валкала), ему сопутствуют косвенные указания на символы Вальхаллы («Валкалы»): «*Уж Скальды пиршество готовят на холмах, / Уж дубы в пламени, в сосудах мед сверкает*» [там же: 202]. Пир и мед символизируют Вальхаллу, палаты Одина, куда приходят после смерти павшие герои и проводят дни в нескончаемом бое и пиршестве; дуб может быть ложной ассоциацией с Иггдрасилем, мировым древом, которое было ясенем. И здесь также повторяется оппозиция прошлого и настоящего: если в прошлом «Скальды пели брань, и персты их летали / По пламенным струнам», «Скальд гремел на арфе золотой», то в настоящем «ветер свищет лишь уныло». Несмотря на это, стихотворение завер-

шается сценой передачи исторической памяти: старик показывает путешественнику руины и просит помнить былое: «*Смотри, о, сын иноплеменный. / Здесь тлеют праотцев останки драгоценны: / Почти их гроб святой!*» [там же]. Герой стихотворения, «странник», читает «руны тайные», что, возможно, является знаком его преемственности относительно древних героев. Прошлое оказывается органично включенным в настоящее, запечатленным в нем, и этому, по К.Н. Батюшкову, во многом способствует древнее искусство поэзии.

Созвучные упомянутым стихотворениям К.Н. Батюшкова идеи мы найдем в стихотворении Е.А. Баратынского «Финляндия» (1820): «*Умолк призывный щит, не слышен Скальда глас, / Воспламененный дуб угас...*» [Баратынский 1987: 28]. Взору лирического героя, забывшего свое прошлое, также предстают пустынные пейзажи севера. Но поэтическое зрение позволяет преодолеть время, превозмочь «один закон, закон уничтоженья»: прошлое живо для лирического героя («*Во всем мне слышится таинственный привет / Обетованного забвенья!*») [там же: 29]. Лирический герой, прикасаясь к героическому прошлому, становится наследником поэтов севера.

Начало второго этапа становления образа скальда приходится на 1870–1880 гг. XIX в. – период смены господствующей поэтической проблематики и возникновения других типов образов. Можно было бы сказать, что в этот временной отрезок образ скальда уходит на периферию литературного процесса. Исключением оказываются «скандинавские поэмы» А.Н. Майкова, «Бальдур, или Песнь о солнце, по сказаниям Скандинавской Эдды» (1870) и «Брингильда» (1888). Упомянутые произведения вследствие своей сложности и самобытности заслуживают, на наш взгляд, отдельного исследования. А. Г. Гидони объясняет факт обращения А. Н. Майкова к «скандинавской теме» не «маскарадом» или спонтанным творческим порывом, а непосредственными впечатлениями поэта от контактов со шведами и норвежцами во время его посещения Норвегии и города Арендал в частности [Гидони 1972: 117]. Таким образом, скандинавский диптих Майкова, с одной стороны, может считаться своеобразным вариантом поэтического травелога, с другой стороны, является уникальной и не имеющей аналогов комбинацией сразу нескольких песен «Старшей Эдды» о богах и героях: «Прорицание вельвы», «Речи Гриммира», «Перебранка Локи», «Речи Сигдривы» и «Песнь о Сигруде». Образ скальда в поэме

«Бальдур» организует рекурсивную композицию поэмы: скальд рассказывает конунгу, потерявшему сына, историю об Одине, который так же теряет сына Бальдра. Образ скальда в этом стихотворении создается по древнескандинавскому канону, изображающему поэта как медиатора между мирами, вовремя открывающего смертным общность их судеб с богами-асами.

Второй этап становления образа скальда продолжится в поэзии Серебряного века, которая унаследовала и развила контаминацию скандинавизма и оссианизма. О. Э. Мандельштам в стихотворении «Я не слыхал рассказов Оссиана...» манифестирует практически идентичную К. Н. Батюшкову идею: «*И снова скальд чужую песню сложит / И, как свою, ее произнесет*» [Мандельштам 1990: 63]. Н. В. Барковская приходит к выводу, что «реминисценции из Оссиана выполняют роль аллюзий на русскую романтическую поэзию» [Барковская 1999: 147]. Лирический герой ощущает себя наследником поэтического прошлого («*Я получил блаженное наследство...*»), которому суждено ожить в грядущем, минуя безликое настоящее («*И не одно сокровище, быть может, / Минуя внуков, к правнукам уйдет*») [там же].

Наиболее популярным в лирике XX в. оказался сюжет «любовь смертного героя (воина-скальда) и валькирии», заимствованный непосредственно из «Старшей Эдды» (например, в «Песне о Хельги» валькирия, покровительствующая герою, является его возлюбленной). Этот миф в Серебряном веке актуализирует Н. С. Гумилев в стихотворении «Ольга» (1920). Стихотворение, посвященное княгине Ольге, легко прочитывается сквозь призму конкретных жизненных реалий (истории любви поэта к Ольге Арбениной). Примечательно, что лирический герой позиционирует себя как «*древних ратей воин отсталый*», таящий вражду к «*этой [современной] жизни*». Стихотворение пронизывает мотив ожидания: с одной стороны, в тексте воплощен своего рода «вызов» возлюбленной – ожидание ответной любви, с другой стороны – это и ожидание другого порядка, ожидание вторжения инобытия в «эту жизнь», заурядную и не устраивающую героя, словно рожденного в иное время: «*Сумасшедших сводов Валгаллы, / Славных битв и пиров я жду*». Возлюбленной в этом инобытии также уготовано место: она превращается в спутницу героя-воина: «*И валькирией надо мною, / Ольга, Ольга, кружишь ты*» [Гумилев 2001: 100].

Третий этап в осмыслении образа скальда приходится на последнее десятилетие XX в. Воз-

никает вполне закономерный вопрос: почему же обращения к данному образу отсутствуют на протяжении практически 70 лет? Этот факт можно объяснить тем, что образ скальда является выразителем «духа времени» и ряда проблем, с этим временем связанных, но не принадлежит к числу вечных образов и не отличается универсальностью. Образ скальда в поэзии представителей движения ролевых игр и реконструкторов ассоциирован, во-первых, с любовной линией (в этом нам видится наследие поэзии Серебряного века), во-вторых, с осмыслением собственной идентичности в кризисную эпоху «смены парадигм», с мотивом поиска своего места в мире – вымышленном или реальном.

В конце XX в. возникает новый вариант развития сюжета «любовь воина-скальда и валькирии». Этот сюжет встречается в стихотворении Н. А. О'Шей «Королевна» (2005), впоследствии положенном на музыку и ставшем популярным среди представителей ролевой культуры. Герой, от лица которого ведется повествование, изначально заявляет о себе как о скальде: «*Я пел о богах и пел о героях, о звоне клинков и кровавых битвах*» [О'Шей 2005]. В образе скальда воплощены сакральные представления о поэте как «собеседнике Одина», наделенном даром предвидения и способном пересекать границы между мирами, что находит отражение в тексте: «*Каждую ночь я горы вижу, каждое утро теряю зренья*», «*каждую ночь полет мне снится, холодные фьорды, миля за милей*» [там же]. Возлюбленная героя – «королевна» из загадочной «*чужой, соколиной страны*», находящейся «*не во сне, а где-то около*». Герой осознает, что мир, где живет его возлюбленная, чужд человеку: «*Знаю, что там никогда я не был, а если и был, то себе на горе*». Эддический мотив покровительства валькирии скальду реализуется через уподобление возлюбленной ангелу-хранителю: «*Покуда сокол мой был со мною, мне клетот его заменял молитвы*» [там же].

Наряду с патетической мифологизацией образа воина-скальда, таящей в себе отголоски «Легенды о Тристане и Изольде», имеются примеры иронического осмысления этого образа. Одним из примеров такого рода осмысления можно считать текст Н. В. Некрасовой (Иллет) «Песня о Вечном Воителе». Герой стихотворения – порождение ролевой культуры 1990-х гг., если не сказать, «жертва» этой культуры. Это образ переигравшего «ролевика», в мыслях которого царит хаос. «Вечный Воитель» (первоначально – основной персонаж цикла романов английского фантаста Майкла Муркока) – результат неумно-

го поглощения как фэнтези, так и средневековой литературы, обретшей наряду с первым популяризатором в 1990-е. В его сознании контаминированы героические образы разных эпох и авторов: «*Мне не изменит Нотунга сталь / В смуте кровавых бурь, / Верен хозяину Дюранда, / Ждет сечи Эскалибур*» [Иллет 2000]. Меч «Вечного Воителя» беспрестанно меняет названия, данные своим мечам эпическими героями: Беовульфом, Роландом, королем Артуром. Герой дезориентирован в пространстве: «*Я тот, кто свой потерял Авалон, / Кто ищет Иерусалим, / Я тот, кого вечный ждет Танелорн, / Я тот, кого славит Рим*» [там же]. Отношения героя с реальностью по мере развития поэтического сюжета становятся все более неадекватными. Бой, который воспевала ролевая культура середины 1990-х гг., также подается как событие, балансирующее на грани бреда и абсурда: «*Вновь Олифант на битву зовет – / Эй, воин, седлай коня! / Я в бою прославлю свой древний род, / А барды прославят меня!*» [Иллет 2000]. Между тем героем движут исключительно «души прекрасные порывы»: отвага, благородство, мужество. Однако в сегодняшней действительности воин-скальд оказывается своего рода Дон Кихотом: «*Я – вечный воитель с бензопилой, / Герой грядущего дня! / Я – вечный воитель с бензопилой, / Санитары, держите меня!*» [там же]. Теме сумасшествия героя не сопутствуют трагические мотивы, тем не менее если учитывать социокультурный контекст создания стихотворения, можно предположить, что они могут присутствовать в тексте имплицитно. Многие представители ролевой культуры 1990-х гг. буквально чувствовали себя «рожденными не в то время и не в том месте», сетовали на то, что их героизм растрачивается впустую в «эпоху безвременья», и ощущали это как трагедию поколения.

Образ скальда на протяжении своего существования в русской лирике трансформируется, усложняется, насыщается историко-литературными аллюзиями и реминисценциями. Несмотря на попытки поэтов XVIII – начала XIX в. в их творчестве строго следовать заданному в «Песнях Оссиана» канону изображения скальда-барда (обращение к мотивам одиночества, уныния, тоски по прошлому, однообразные декорации руин замков под северным небом), появляются и черты индивидуального мифотворчества, наиболее ярко проявляющиеся в переработке образов скандинавских богов. Образ скальда удачно попадал в резонанс с важной для русской литературы темой поэта и поэзии: ролевое «я» скальда связывается с позитивными для поэтического

сознания мотивами увековечения, противостояния тлену, сопричастности истории. Образ скальда из категории экзотического органично перешел в русскую культуру и стал выразителем двух важных для культурного сознания идей – преодоления дисгармонии с настоящим и трансмиссии исторической памяти. В начале XX в. поэтическое внимание сконцентрировалось на развитии любовной линии (например, у Н. С. Гумилева) и осмыслении мировой культуры (можно проследить в лирике О. Э. Мандельштама). Образ скальда приблизился к своему древнеисландскому оригиналу – во многом тому причиной стал первый перевод песен «Старшей Эдды» на русский язык, сделанный Софьей Свириденко и получивший высокую оценку А. А. Блока. История и мифология Скандинавии, лишившись романтической абстрактности, приобрела конкретные, достоверные черты (как произошло в поэмах А. Н. Майкова).

Последнее десятилетие XX и начало XXI вв. связано с осмыслением лирическим героем себя и своего места в мире, с поиском идентичности и новых художественных форм через возвращение к древним канонам Старшей Эдды, использованием ролевого «я» культурных героев и творческой обработкой наследия Серебряного века (можно заметить у Н. А. О'Шей и Н. В. Некрасовой). В конце XX в. ролевое «я» скальда часто используется в качестве «рамочной конструкции» для репрезентации женского образа, например, валькирии, и этот факт легко можно связать с общей феминизацией литературы данного периода. Дихотомичные образы валькирии и скальда обретают структурную многофункциональность: они используются современной поэзией в качестве ролевого «мы», канонического образа возлюбленных масштаба Ромео и Джульетты. Любовной линии «валькирия – скальд» всегда соответствуют трагические мотивы – любовь мыслится в контексте испытаний.

Обращение к скандинавской тематике характерно для переломных эпох русской культуры. Мир Древней Скандинавии суров и жесток, он исключает надежду даже на покой после смерти (поскольку и после смерти павшие воины продолжают бой в Вальхалле) и поэтому созвучен жестоким периодам русской истории. Амбивалентный образ скальда, вовлеченного в поток истории поэта-воина, одновременно создателя и разрушителя, принадлежит к числу периодически актуализируемых образов, которые удобны для выражения мыслей в кризисную эпоху. Он является преходящей формой культурного бытия, появляющейся в периоды слома традиции.

Список литературы

- Абашева Д. В. «Я здесь беседую с минувшими веками...»: историческая память в лирике Н. М. Языкова. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ya-zdes-besedyu-s-minuvshimi-vekami-istoricheskaya-pamyat-v-lirike-n-m-yazykova> (дата обращения: 30.01.2018).
- Баратынский Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1987. 482 с.
- Барковская Н. В. Поэзия «серебряного века» / Урал. гос. пед. ин-т. Екатеринбург, 1999. 170 с.
- Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. М.: Сов. писатель, 1964. 353 с.
- Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. 605 с.
- Батюшков К. Н. Соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989. 719 с.
- Бреева Т. Н. Стратегия репрезентации национального мифа в славянском фэнтези. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/strategiya-reprezentatsii-natsionalnogo-mifa-v-slavyanskom-fentezi> (дата обращения: 30.01.2018).
- Буслав Ф. И. О литературе: Исследования; Статьи / сост., вступ. статья, примеч. Э. Афанасьева. М.: Худож. лит., 1990. 512 с.
- Гидони А. Г. Скандинавская тема в творчестве Майкова // Север. 1972. Вып. 2. С. 115–119.
- Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Воскресенье, 2001. Т. 4. 396 с.
- Гуревич А. Я. «Эдда» и сага. М.: Наука, 1979. 192 с.
- Гуревич Е. А. Из скальдической поэзии // *Studia Litterarum*. 2016. № 3–4. С. 340–356.
- Державин Г. Р. Сочинения: в 9 т. / с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. СПб.: изд. Импер. Акад. Наук в тип. Импер. Акад. Наук, 1864. 673 с.
- Державин Г. Р. Сочинения / сост., биогр. очерк и коммент. И. И. Подольской. М.: Правда, 1985. 576 с.
- Елепова М. Ю. Рецепция оссианизма в русской поэзии первой трети XIX века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/retseptsiya-ossianizma-v-russkoj-poezii-pervoy-treti-xix-veka> (дата обращения: 30.01.2018).
- Зимек Р. Викинги: Миф и эпоха. Средневековая концепция эпохи викингов. URL: <http://norse.ulver.com/articles/simek/vikings.html> (дата обращения: 11.09.2017).
- Иллет (Наталья Некрасова). Поэзия. URL: <http://www.kulichki.com/tolkien/kaminzal/poets.html> (дата обращения: 11.01.2018).
- Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. 204 с.
- Мандельштам О. Э. Камень. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. 416 с.
- Маркелова О. А. Северный текст в современной отечественной рок-поэзии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/severnyy-tekst-v-sovremennoy-otechestvennoy-rok-poezii> (дата обращения: 11.02.2018).
- Николай Гумилев. Электронное собрание сочинений. Чужие стихи. URL: <https://gumilev.ru/additional/42/> (дата обращения: 11.02.2018).
- О'Шей Н. А. Стихи и песни. URL: <http://www.melnitsa.net/music/pereval.html> (дата обращения: 11.02.2018).
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л., 1937. Т. 7. 515 с.
- Самарин Р. М. Поэзия скальдов // История всемирной литературы: в 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1984. Т. 2. С. 486–490.
- Смирницкая О. А. Древнегерманская поэзия. Каноны и толкования. М.: Языки слав. культур, 2005. 176 с.
- Стеблин-Каменский М. И. Культура Исландии. Л.: Наука, 1967. 182 с.
- Стеблин-Каменский М. И. Скальдическая поэзия. Л.: Наука, 1979. 183 с.
- Федосеева Т. В. О предромантическом характере исторического мышления в русской литературе XVIII и XIX веков. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-predromanticheskom-kharaktere-istoricheskogo-myshleniya-v-russkoj-literature-rubezha-xviii-i-xix-vekov> (дата обращения: 30.01.2018).

References

- Abasheva D. V. «*Ya zdes' besedyu s minuvshimi vekami...*»: *istoricheskaya pamyat' v lirike N. M. Yazykova* ["I am here talking with past centuries": historical memory in lyrics by N. M. Yazykov]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ya-zdes-besedyu-s-minuvshimi-vekami-istoricheskaya-pamyat-v-lirike-n-m-yazykova> (accessed 30.01.2018). (In Russ.)
- Baratynskiy E. A. *Stikhotvoreniya. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov* [Lyrics. Letters. Memories of contemporaries]. Moscow, Pravda Publ., 1987. 482 p. (In Russ.)
- Barkovskaya N. V. *Poeziya «serebryanogo veka»* [Poetry of the Silver Age]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical Institute Press, 1999. 170 p. (In Russ.)
- Batyushkov K. N. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [The complete collection of lyrics]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1964. 353 p. (In Russ.)

- Batyushkov K. N. *Opyty v stikhakh i proze* [Attempts in poetry and prose]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 605 p. (In Russ.)
- Batyushkov K. N. *Soch.: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1989. 719 p. (In Russ.)
- Breeva T. N. *Strategiya reprezentatsii natsional'nogo mifa v slavyanskom fentezi* [The strategy of representation of the national myth in the Slavic fantasy]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/strategiya-reprezentatsii-natsionalnogo-mifa-v-slavyanskom-fentezi> (accessed 30.01.2018). (In Russ.)
- Buslaev F. I. *O literature: Issledovaniya; Stat'i.* [About literature: Studies; articles]. Comp., preface, notes by E. Afanas'ev. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1990. 512 p. (In Russ.)
- Gidoni A. G. Skandinavskaya tema v tvorchestve Maykova [Scandinavian theme in Maykov's works]. *Sever* [North], 1972, issue 2, pp. 115–119. (In Russ.)
- Gumilev N. S. *Polnoe sobranie sochineniy v desyati tomakh* [The complete collection of works in 10 vols.]. Moscow, Voskresen'e Publ., 2001, vol. 4. 396 p. (In Russ.)
- Gumilev N. *Elektronnoe sobranie sochineniy. Chuzhie stikhi* [The Electronic collection of works. Someone else's lyrics]. Available at: <https://gumilev.ru/additional/42/> (accessed 11.02.2018). (In Russ.)
- Gurevich A. Ya. *«Edda» i saga* [Edda and saga]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 192 p. (In Russ.)
- Gurevich E. A. Iz skal'dicheskoy poezii [A selection of skaldic poems]. *Studia Litterarum* [Studia Litterarum], 2016, issue 3–4, pp. 340–356. (In Russ.)
- Derzhavin G. R. *Sochineniya v 9 t.* [Works in 9 vols.]. *Explicatory* notes, preface by Ya. Grot. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1864. 673 p. (In Russ.)
- Derzhavin G. R. *Sochineniya* [Works]. Comp., biographical sketch, notes by I. I. Podol'skaya. Moscow, Pravda Publ., 1985. 576 p. (In Russ.)
- Elepova M. Yu. *Retseptsiya ossianizma v russkoy poezii pervoy treti 19 veka* [Reception of Ossianism in the Russian romantic lyrics of the 1st third of the 19th century]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/retseptsiya-ossianizma-v-russkoy-poezii-pervoy-treti-xix-veka> (accessed 30.01.2018). (In Russ.)
- Simek R. *Vikingi: Mif i epokha. Srednevekovaya kontseptsiya epokhi vikingov* [Vikings: Myth and age. Medieval conception of the age of Vikings]. Available at: <http://norse.ulver.com/articles/simek/-vikings.html> (accessed 11.01.2018). (In Russ.)
- Illet (Nekrasova Natal'ya). *Poeziya*. [Poetry]. Available at: <http://www.kulichki.com/tolkien/kaminzal/poets.html> (accessed 11.02.2018). (In Russ.)
- Levin Yu. D. *Ossian v russkoy literature* [Ossian in Russian literature]. Leningrad, Nauka, Leningrad Department Publ., 1980. 204 p. (In Russ.)
- Mandelstam O. E. *Kamen'* [The stone]. Leningrad, Nauka, Leningrad Department Publ., 1990. 416 p. (In Russ.)
- Markelova O. A. *Severnnyy tekst v sovremennoy otechestvennoy rok-poezii* [The “northern discourse” in modern Russian rock-poetry]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/severnnyy-tekst-v-sovremennoy-otechestvennoy-rok-poezii> (accessed 11.02.2018). (In Russ.)
- O'Shey N. A. *Stikhi i pesni* [Lyrics and songs]. Available at: <http://www.melnitsa.net/music/prev.html> (accessed 11.02.2018). (In Russ.)
- Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch. v 16 t.* [Complete collection of works in 16 vols.]. Moscow, Academia Nauk Publ., 1937, vol. 7. 515 p. (In Russ.)
- Samarin R. M. *Poeziya skal'dov* [The Poetry of skalds]. *Istoriya vseмирnoy literatury: v 8 t.* [World literature history: in 8 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1984, vol. 2, pp. 486–490. (In Russ.)
- Smirnitskaya O. A. *Drevnegermanskaya poeziya. Kanony i tolkovaniya* [Old Germanic poetry: canons and interpretations]. Moscow, LRC Publishing House, 2005. 176 p. (In Russ.)
- Steblin-Kamenskiy M. I. *Kul'tura Islandii* [Culture of Iceland]. Leningrad, Nauka Publ., 1967. 182 p. (In Russ.)
- Steblin-Kamenskiy M. I. *Skal'dicheskaya poeziya* [Skaldic poetry]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 183 p. (In Russ.)
- Fedoseeva T. V. *O predromanticheskom kharaktere istoricheskogo myshleniya v russkoy literature 18 i 19 vekov* [On pre-romanticism disposition of historic mentality in the Russian literature of the 18th and 19th centuries]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-predromanticheskom-haraktere-istoricheskogo-myshleniya-v-russkoy-literature-rubezha-xviii-i-xix-vekov> (accessed 30.01.2018). (In Russ.)

THE IMAGE OF SKALD IN RUSSIAN LYRIC: STAGES OF FORMATION AND VERSIONS

Olga S. Tumanova

Postgraduate Student in the Department of Russian Literature

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. tumanova_os@mail.ru

SPIN-code: 3235-9461

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3741-080X>

ResearcherID: E-6738-2017

Submitted 01.03.2018

The article considers the formation of the image of skald in Russian poetry of the 18th–21st centuries. The author analyzes the artistic semantics of this image, as well as plots, motifs and contexts connected with it. Cultural and historical allusions to Old Icelandic poetry play a special role in Russian poetic tradition and particularly in the formation of the image of skald. During the 18th–21st centuries, it evolves through three stages. The first stage in this process is associated with the reception of Ossian's poetry by Russian literature and culture at the end of the 18th – the first quarter of the 19th century (in the works by G. R. Derzhavin, K. N. Batyushkov, E. A. Baratynsky). The poetic canon created by Ossian and his followers was developed and modified. The second stage refers to the last third of the 19th century and the Silver Age of Russian poetry. This stage involves the lyric hero's introspection and comprehension of his role in the world culture. The image of skald became more complicated; individual myth-making was superimposed on the complex system of Norse mythology. The third stage, which began in the last decade of the 20th century, is characterized by the search and renovation of the cultural identity and new artistic forms through return to the old canons of Old Norse poetry (Poetic Edda and songs of skalds). Special attention is given in the paper to the process of adaptation of the borrowed image to Russian poetic tradition. The chosen research perspective allows us to conclude that Scandinavian images periodically arose in Russian cultural consciousness of the three centuries under study. We deem it right that the image of skald is included into the broad context of the "Scandinavian text" of Russian literature.

Key words: Ossian; Scandinavian North; Silver Age of Russian poetry; modern lyric; mythology; myth-making; role lyric.

УДК 821.162.3(09)

doi 10.17072/2037-6681-2018-3-171-176

МЕТАСЮЖЕТНЫЕ МИНИАТЮРЫ Ф. КАФКИ

Ольга Наумовна Турышева

д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, Россия, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51. oltur3@yandex.ru

SPIN-код: 6060-4082

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3014-6153>

ResearcherID: P-3283-2017

Статья поступила в редакцию 24.03.2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Турышева О. Н. Метасюжетные миниатюры Ф. Кафки // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 171–176. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-171-176

Please cite this article in English as:

Turyшева O. N. Metasyuzhetnye miniatyury F. Kafki [Franz Kafka's Metaplot Miniatures]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 171–176. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-171-176 (In Russ.)

Предметом анализа являются малые произведения Франца Кафки, содержание которых составляет рефлексия о прецедентных сюжетах – мифологических и литературных. Предлагается жанровая номинация таких произведений – «метасюжетные миниатюры». С помощью этого термина объединяются такие произведения малой прозы Кафки, как «Правда о Санчо Пансе», «Молчание сирен», «Прометей», «Посейдон». Доказывается, что прецедентный сюжет в малой прозе Кафки становится предметом иронического абсурдирования. Целью статьи является сопоставление этого приема с характером опоры на чужой сюжет в крупной прозе Кафки. Выявляются различия в работе автора с готовым сюжетом в миниатюрах, романах и новелле «Превращение». Отмечается, что в крупных произведениях прием травестирования не становится тотальным принципом миромоделирования, но способствует оформлению авторской интенции. Второе отличие состоит в том, что в романной и новеллистической прозе этот прием – прием переиначивания прецедентного мотива и сюжета – формирует иную модальную направленность – трагическую. Данное наблюдение позволяет актуализировать ряд важных вопросов: о принципах кафковского письма, о характере смеховой тональности в художественном мире Кафки и ее разножанровых проявлениях. Также ставится проблема соотношения металитературности кафковского творчества с практикой интерпретации его произведений. Предлагается рефлексия относительно известного мнения о неправомочности аллегорического толкования текстов Кафки. Выдвигается гипотеза о том, что метасюжетные миниатюры Кафки проявляют важные особенности кафковского письма, в крупной прозе затемненные трагическим масштабом миромоделирования.

Ключевые слова: малая проза; Франц Кафка; прием травесирования; готовый сюжет; металитературность.

В малой прозе Ф. Кафки есть миниатюры, содержание которых составляет рефлексия о прецедентных сюжетах – как литературных, так и мифологических. Мы предлагаем назвать их метасюжетными, т. к. они представляют собой авторское фантазирование по мотивам известнейших литературных и предлитературных фабул. Среди них, например, миниатюра «Правда о Санчо Пансе» (1917), в которой выдвигается фантазийная гипотеза о том, что Дон Кихот есть эманация сознания Санчо Пансы. В версии Каф-

ки, именно он, а не Дон Кихот, является истовым читателем рыцарских романов, но читателем, преодолевшим рыцарскую одержимость, изгнав из себя беса и присвоив ему имя Дон Кихот. Такой самоэксорцизм, в свою очередь, позволил Санчо Пансе освободиться от книжного наваждения и получать удовольствие, сопровождая свое порождение в его рыцарских походах.

В миниатюре «Молчание сирен» (написанной спустя два дня после «Правды о Санчо Панче» – 23 октября 1917 г.) разворачивается допущение,

имеющее в своей основе подобную логику переименования: здесь Кафка выстраивает ситуацию, в основе которой самое губительное действие присваивается не столько пению сирен, сколько их молчанию. Кафка рефлексировал относительно сюжетотворческого потенциала такого фантазийного допущения: возможно, сирены выбрали молчание, так как увидели в Одиссее небывало сильного противника, а возможно, перед лицом его решимости они в потрясении позабыли свои соблазняющие песни. Такого же рода предположения делаются и в отношении самого Одиссея: быть может, он действительно «не слышал их молчания», залепив воском уши, а может, он заметил, что сирены молчат, но разыграл веру в их пение.

Подобным же образом Кафка пробует потенциал мифологической фабулы о Прометее («Прометей» написан спустя три месяца после миниатюры о сиренах – 17 января 1918 г.). Здесь представлено размышление о возможности разных вариантов завершения легенды о наказании Прометея. Кафка отказывается от традиционного мотива освобождения героя и предлагает четыре оригинальных версии. Согласно первой версии, наказание длилось бесконечно; в рамках второй – Прометей слился со скалой, в которую вжимался от боли; третья версия развивает тему забвения: спустя тысячи лет о его предательстве все забыли (боги, орлы и он сам); четвертый вариант акцентирует всеобщую усталость (устали все: боги, орлы, и «устало закрылась рана» [Кафка 2001: 225–226]).

Во всех рассмотренных случаях мы наблюдаем один и тот же способ работы с прецедентным сюжетом: это выворачивание его наизнанку – вплоть до присвоения персонажам прямо противоположных функций. Уточним: это не развитие скрытых возможностей сюжета, а его принципиальное переименование, мотивированное только интенцией авторского эксперимента, – но не интенциональными возможностями первоисточника.

Отчасти тот же принцип работы с мифологическим прецедентом находим и в миниатюре «Посейдон» (сентябрь 1920 г.). Правда, в данном случае предметом переосмысления является не мифологический сюжет, а мифологический образ: бог морей представлен здесь в образе чиновника, вынужденного вести бесконечный и мучительный учет водным ресурсам – в соответствии с теми бюрократическими требованиями, которые предъявляет к нему Олимп. Здесь работает та же логика перекраивания мифа: заваленный бумажной работой, Посейдон не имеет никакой возможности на те действия, которые приписывает ему миф, и потому ожидает конца света,

чтобы «быстро произвести маленький круговой объезд» [там же: 229].

Во всех миниатюрах готовый сюжет является предметом принципиального и, что очевидно, иронического перестраивания, логика которого вовсе не обусловлена внутренними возможностями прецедента, а является исключительно результатом авторского эксперимента. Везде мы встречаем пробу варианта, противоположного развитию и завершению классического сюжета, его ироническое абсурдирование. Примечательно, что все приведенные миниатюры не были включены Кафкой в сборник малой прозы «Сельский врач», а были приговорены им к уничтожению вместе с другими неизданными рукописями. Впервые они были опубликованы только в 1931 («Правда о Санчо Панче», «Молчание сирен», «Прометей») и 1936 («Посейдон») гг. – благодаря М. Броду. Возможно, Кафка и рассматривал их в качестве иронических экспериментов пера, а не законченных произведений.

Важно, что тот же прием переименования готового сюжета Кафка использует и в крупных произведениях. И как элемент повествовательной структуры романной прозы Кафки он давно стал предметом научной рефлексии, хотя и дискуссионной. Уже классическим является исследовательское утверждение о том, что в основе «Процесса» лежит переосмысление мифа об Иове, а в основе «Замка» – легенды о Парцифале. О библейской аллюзивности «Процесса» одним из первых заговорил Г. Шолем, который в письме к В. Беньямину от 1 августа 1931 г. советует «любое исследование о Кафке выводить из Книги Иова или по меньшей мере из рассуждения о возможности существования божественного приговора» [Беньямин 2000: 144]. Привлечение этого контекста к осмыслению Кафки считал необходимым М. Брод, который в биографии своего друга непосредственно сопоставляет творчество писателя с библейским мифом об Иове [Brod 1963] (анализ библейских интерпретаций Кафки в критическом творчестве современников писателя см.: [Данилкова 2007]). На книге Иова как необходимом первоисточнике кафковского творчества позднее особенно настаивал Д. Картиганер, концепция которого стала предметом известной полемики со стороны Е. М. Мелеинского [Kartiganer 1962]. «Парцифаличность» героев Кафки также является не менее распространенной аллюзией в кафковедении (см.: [Frye 1973; Weinberg 1963; Slochover 1966]).

В рамках этих генетических гипотез давно было замечено и то, что в обоих случаях «готовому» сюжету (об испытательном страдании – в легенде об Иове – или об осуществлении намерения – в сюжете Парцифала) Кафка присваивает

прямо противоположный финал и прямо противоположное развитие: Йозеф К., в отличие от примирившегося с Богом Иова, гибнет «как собака»; землемер К., как о том свидетельствует незавершенная рукопись, ожидает милости от замка и, как позволяет заключить свидетельство Макса Брода, в состоянии ожидания умирает (в отличие от Парцифала, искупившего свою вину перед Мунсальвешем). Также в завязке и первых главах романа «Пропавший без вести» исследователи давно обнаружили диккенсовские мотивы, правда, о характере их реализации судить невозможно по причине отказа Кафки от завершения рукописи.

Сошлемся и на наше предыдущее исследование, в рамках которого была выдвинута мысль, что событие новеллы «Превращение» не в последнюю очередь обусловлено авторским переосмыслением мотива, намеченного Достоевским в «Братьях Карамазовых» [Турьшева 2003]. Это мотив превращения, присутствующий в исповеди Мити Карамазова, который свое карамазовское начало отождествляет со сладострастием злого насекомого. Этот же мотив разворачивается и в монологе подпольного, который высказывает желание «статься насекомым», сетуя в то же время на то, что даже и этого не сумел. Осуществив в истории Грегора Замзы мотив идентификации с насекомым, Кафка, внимательный читатель Достоевского, наоборот, акцентирует человеческое содержание его внутренней жизни («Был ли он животным, если музыка так волновала его!») – вторую часть этой фразы вполне можно дополнить – в полном соответствии с очевидным пафосом новеллы: «если он так любил свою семью, что простил ей предательство и умер с чувством любви и нежности к ней, решив освободить ее от ужасов, связанных с его метаморфозой»).

Итак, и малая, и крупная проза Кафки имеет прецедентную литературную основу. Но в крупных произведениях этот прием не становится тотальным принципом миромоделирования, видимо, лишь способствуя оформлению авторской интенции. И, главное, он имеет другую модальную направленность, что и позволяет увидеть совместное рассмотрение большой и малой (а из малой – именно метасюжетной) прозы Кафки.

Но, прежде чем развивать мысль об этом отличии, напомним, что в кафковедении настойчиво выдвигалась идея, в соответствии с которой подобное переименование прецедентного сюжета у Кафки имеет трагический, иронически-трансформирующий характер. Эту интерпретационную стратегию подробно анализирует Е. М. Мелетинский (особенно – в отношении работ Д. Картиганера и К. Вайнберга [Мелетинский

2000: 342–343]), при этом подвергая ее критической оценке – в связи с тем, что, во-первых, она, по мнению исследователя, санкционирует преимущественно аллегорическое толкование Кафки, очевидно редуцирующее смысловую полноту его произведений. А во-вторых, с точки зрения Е. М. Мелетинского, эта идея препятствует пониманию истинной сути кафковского мифологизма: «Кафка почти не прибегает к прямым мифологическим параллелям и не делает их инструментом организации повествования. Кафка – писатель глубоко интеллектуальный, но ведущим началом у него является художественная интуиция, и ему чужда рационалистическая экспериментаторская игра с традиционными мифами <...> как это имеет место у Джойса и Элиота. Тем более он не делает древние мифы объектом художественного, а отчасти и «научного» анализа, как Т. Манн. <...> Но фантастическое преобразование обыденного мира в его произведениях само имеет черты некоего стихийного мифотворчества или чего-то аналогичного мифотворчеству. <...> Мифотворческий характер художественной фантазии Кафки проявляется в ее символичности (т. е. это не прямая аллегория – религиозная, философская, политическая или иная), в том, что конструирование сюжета у него является непосредственным и достаточно целеустремленным конструированием символической модели мира, которая и выражает общий смысл произведений Кафки. <...> Именно в силу того, что мифотворческая фантазия Кафки имеет в основном стихийный, интуитивный характер и не концептирует окружающий мир с помощью традиционных мифологических мотивов и образов, она более точно и адекватно выражает «модернистское» состояние сознания» [там же: 344–345].

Но в то же время сам Е. М. Мелетинский в «Поэтике мифа» охарактеризовал «Превращение» как антими́ф (ввиду вывернутой наизнанку в нем логики тотемного мифа), а в романах Кафки обнаружил стратегию разрушения традиционной схемы археосюжета – сюжета об инициации героя. То есть сама идея переименования готового сюжета (или готовой сюжетной схемы) как специфической стратегии кафковского письма (конечно, вне интенции его аллегорической трактовки и вне присвоения Кафке сознательной установки на экспериментирование с мифологическим повествованием) не вызвала у Мелетинского отторжения, а, наоборот, нашла свое аргументированное подтверждение.

И вместе с тем малые произведения Кафки, которые мы назвали метасюжетными, свидетельствуют о тех особенностях художественного мышления Кафки, которые Мелетинский отвер-

гал в размышлениях о его крупной прозе. В метасюжетных миниатюрах мы как раз и видим «рационалистическую экспериментаторскую игру с традиционными мифами» [Мелетинский 2000: 344] и, добавим, с традиционными литературными сюжетами (вернее, одним – сервантесовским). Во всех вышеприведенных случаях это не что иное, как сознательный эксперимент, в основе которого – лукавое представление поющих сирен – молчащими, безграмотного Санчо Пансо – истовым читателем, верховного морского бога – мелким клерком, сидящим за столом и подсчитывающим ресурсы, Прометея – каким угодно, но только не освобожденным. В этом плане не высвечивают ли метасюжетные миниатюры Кафки важные интенциональные особенности его письма, в крупной прозе затемненные масштабом символического миромоделирования?

Представляется вполне оправданным усилить это предположение собственным металитературным высказыванием Кафки из дневника за 1912 г. (год создания «Превращения»): «Дупло, которое прожигает гениальная книга в нашем окружении, очень удобно для того, чтобы поместить там свою маленькую свечу» [Кафка 1999: 201]. Думается, что малая метасюжетная проза Кафки как бы вводит нас в его лабораторию и укрупняет для исследовательского взгляда этот прием: прием возжигания собственной свечи внутри чужого замысла, прием его перелицовки, принципиального выворачивания прецедентного образа и сюжета. Причем этот прием становится зримым для исследовательского взгляда даже в отношении тех произведений, где он так глубоко погребен под стихией авторской фантазии, что его реконструкция вызывает понятное сопротивление.

Еще одно наблюдение: малая проза Кафки обостряет наше зрение в отношении той модальности, которая отличает воплощение перелицованного сюжета. В метасюжетных миниатюрах мы наблюдаем ироническую, травестийную и даже саркастическую трансформацию литературного прецедента. Во всех четырех вышеупомянутых миниатюрах эта тональность представляется очевидной. Она сопровождает авторскую игру с известным сюжетом, и эта игра отмечена нескрываемым авторским удовлетворением. Подобно своему Санчо, который невозмутимо следует за Дон Кихотом – порождением своего книжного сознания, «извлекая из этого большое удовольствие и пользу до конца своих дней» [Кафка 2001: 223], Кафка следует в своем творчестве за своим читательским опытом, также извлекая из этого пользу для собственной писательской мысли.

Акцентирование этой особенности метасюжетных миниатюр Кафки представляется нема-

ловажным, и особенно в контексте постановки проблемы о характере смеха в творчестве писателя. Смеховой аспект кафковского письма, обоснованный в ряде исследований (см.: [Sokol 1976; Gray 1975; Seaver 1997; Pascal 1982]), выявлялся, как правило, на материале анализа отдельных эпизодов его новеллистики и романистики, но не материале исследования сюжетной целостности произведения. И действительно, в крупной прозе, перелицовывающей готовые мотивы, происходит не ироническая проба прецедентного образа, а обострение его трагического содержания. Недаром Кафка представляется писателем глубоко трагической тональности, что традиционно связывается с отчуждением личности как главной темой его творчества (см.: [Зусман 1996; Манн 1999]). Е. М. Мелетинский протестовал против идеи травестирования мифологического сюжета в крупной прозе Кафки. Но в отношении метасюжетных миниатюр Кафки эта идея представляется вполне оправданной: их ироническая, игровая – в отношении «легитимного», освещенного авторитетом традиции сюжета – направленность представляется очевидной, что позволяет делать обоснованные заключения о характере сюжетомоделирования в разножанровых произведениях Кафки.

Список литературы

- Беньямин В. Франц Кафка / пер. с нем. М. Рудницкого. М.: Ad Marginem, 2000. 318 с.
- Брод М. Франц Кафка. Биография / пер. с нем. В. Молота. СПб.: Борей Арт, 2012. 304 с.
- Данилкова Ю. Ю. Ф. Кафка в еврейской религиозно-философской эссеистике XX века // Вестник РГГУ. Серия: История, философия, культурология, востоковедение. 2007. № 7. С. 121–129.
- Зусман В. Г. Художественный мир Ф. Кафки: малая проза. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1996. 182 с.
- Кафка Ф. Малая проза. Драма / пер. с нем. Г. Ноткина. СПб.: Амфора, 2001. 445 с.
- Манн Ю. В. Встреча в лабиринте (Франц Кафка и Николай Гоголь) // Вопросы литературы. 1999. № 2. С. 162–186.
- Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с.
- Турьшева О. Н. Образ превращения в творчестве Достоевского и Кафки // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. 2003. Вып. 6, № 28. С. 113–132.
- Brod M. Franz Kafka. Eine Biographie. Frankfurt a. M.; Hamburg: Fischer, 1963. 312 S.
- Frye N. Anatomy of Criticism. Princeton: Princeton University Press, 1973. 383 p.
- Gray R. Franz Kafka. L.: Cambridge University Press, 1975. 220 p.

Kartiganer D. Job and Joseph K. Myth in Kafka's Trial // *Modern Fiction Studies*, Spring. 1962. Vol. 8. P. 31–43.

Pascal R. Kafka's Narrators: A Study of His Stories and Sketches. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 251 p.

Seaver M. Franz Kafka: The Irony of Laughter. URL: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.pitt.edu%2F~kafka%2Fseaver.html&tld=ru&lang=en&la=1525267072&tm=1525789650&text=Ironie%20Kafka&l10n=ru&mime=html&sign=61dae0e74d766860ca3f4329a1b871d7&keyno=0> (дата обращения: 15.05.2018).

Slochover H. Myth in Th. Mann and Kafka // *Myth and Literature*. Lincoln, Univ. of Nebraska Press, 1966. P. 349–355.

Sokel W. Franz Kafka. Tragik und Ironie. Zur Struktur seiner Kunst. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1976. 638 S.

Weinberg K. Kafkas Dichtungen. Die Travestien des Mythos. München: Francke, 1963. 509 S.

References

Benjamin W. *Frants Kafka* [Franz Kafka]. Transl. from German by M. Rudnitskiy. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000. 318 p. (In Russ.)

Brod M. *Frants Kafka. Biografija* [Franz Kafka: a biography]. Transl. from German by V. Molot. St. Petersburg, Borey Art Publ., 2012. 304 p. (In Russ.)

Danilkova Yu. Yu. F. Kafka v evreyskoy religiozno-filosofskoy esseistike 20 veka [Franz Kafka in the Jewish and Philosophical Essay Writing of the Twentieth Century]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya, filosofiya, kul'turologiya, vostokovedenie* [RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series], 2007, issue 7, pp. 121–129. (In Russ.)

Zusman V. G. *Khudozhestvennyy mir F. Kafki: malaya proza*. [F. Kafka's artistic world: flash fiction]. Nizhny Novgorod, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod Press, 1996. 182 p. (In Russ.)

Kafka F. *Malaya proza. Drama* [Flash Fiction. Drama]. Transl. by from German G. Notkin. St. Petersburg, Amfora Publ., 2001. 445 p. (In Russ.)

Mann Yu. V. Vstrecha v labirinte (Frants Kafka i Nikolay Gogol') [Meeting in the labyrinth (Franz Kafka and Nikolai Gogol)]. *Voprosy literatury* [Russian Studies in Literature], 1999, issue 2, pp. 162–186. (In Russ.)

Meletinskiy E. M. *Poetika mifa* [The poetics of myth]. Moscow, Vostochnaya literatura RAS Publ., 2000. 407 p. (In Russ.)

Turyшева O. N. Obraz prevrashcheniya v tvorchestve Dostoevskogo i Kafki [The image of transformation in the works of Dostoevsky and Kafka]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [IZVESTIA Ural Federal University Journal. Series 2. The Humanities and Arts], 2003, vol. 6, issue 28, pp. 113–132. (In Russ.)

Brod M. *Franz Kafka. Eine Biographie*. Frankfurt am Main, Hamburg, Fischer, 1963. 312 p. (In Germ.)

Frye N. *Anatomy of Criticism*. Princeton, Princeton University Press, 1973. 383 p. (In Eng.)

Gray R. *Franz Kafka*. London, Cambridge University Press, 1975. 220 p. (In Eng.)

Kartiganer D. Job and Joseph K. Myth in Kafka's Trial. *Modern Fiction Studies*, Spring, 1962, vol. 8, pp. 31–43. (In Eng.)

Pascal R. *Kafka's Narrators: A Study of His Stories and Sketches*. Cambridge, Cambridge University Press, 1982. 251 p. (In Eng.)

Seaver M. *Franz Kafka: The Irony of Laughter*. Available at: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http%3A%2F%2Fwww.pitt.edu%2F~kafka%2Fseaver.html&tld=ru&lang=en&la=1525267072&tm=1525789650&text=Ironie%20Kafka&l10n=ru&mime=html&sign=61dae0e74d766860ca3f4329a1b871d7&keyno=0> (accessed 15.05.2018). (In Eng.)

Slochover H. Myth in Th. Mann and Kafka. *Myth and Literature*. Lincoln, University of Nebraska Press, 1966, pp. 349–355. (In Eng.)

Sokel W. *Franz Kafka. Tragik und Ironie. Zur Struktur seiner Kunst*. Frankfurt am Main, S. Fischer Verlag, 1976. 638 p. (In Germ.)

Weinberg K. *Kafkas Dichtungen*. Die Travestien des Mythos, Munich, Francke, 1963. 509 p. (In Germ.)

FRANZ KAFKA'S METAPLOT MINIATURES

Olga N. Turysheva

Professor in the Department of Russian and Foreign Literature

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

51, Lenina st., Ekaterinburg, 620000, Russian Federation. oltur3@yandex.ru

SPIN-code: 6060-4082

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3014-6153>

ResearcherID: P-3283-2017

Submitted 24.03.2018

The paper focuses on Franz Kafka's short fiction which imparts a certain reflection on precedent plots, both mythological and literary. In relation to these texts, a genre nomination "metaplot miniatures" is proposed. It brings together such Kafka's works as *The Truth about Sancho Panza*, *The Silence of the Sirens*, *Prometheus*, *Poseidon*. It is proved that a precedent plot in Kafka's short fiction becomes the subject of ironic absurdity. The purpose of the article is to compare this technique with how Kafka treats ready-made plots in his big prose. Some differences have been revealed in the way Kafka worked with a ready-made story in miniatures, novels, and the novella *Metamorphosis*. It is noted that in major works this technique does not become the total principle of the world-modeling, but contributes to the design of the author's intention. Another difference is that in novels and novellas this technique – the adaptation of the precedent motif and plot – forms a different modal orientation, a tragic one. This observation allows us to raise a number of important questions: about the principles of Kafka's writing, about the character of the laughing tonality in the artistic world of Kafka and its different genre manifestations. In the metaplot miniatures we see an ironic and even sarcastic transformation of the literary precedent. In the big prose, changing the ready-made motifs, there is not an ironic recast of the precedent image but aggravation of its tragic content. The paper also raises a question of the relationship between the metaliterature of Kafka's works and the practice of interpreting his writings. Some reflections are given on the well-known opinion that Kafka's texts cannot be interpreted in terms of allegory. The author hypothesizes that metaplot miniatures reflect the most characteristic features of Kafka's writing, which in the works of a bigger size are overshadowed by the tragic plaintiveness of the writer's worldview.

Key words: short fiction; Franz Kafka; travesty; ready-made plot; metaliterature.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

В журнале отражаются результаты научной деятельности российских и зарубежных филологов. Кроме научных статей, материалов конференций, симпозиумов и семинаров, журнал печатает рецензии на монографии, сборники научных трудов и т. п., опубликованные в России и за рубежом, тематические обзоры и развернутую информацию о событиях научной жизни по профилю издания.

Полнотекстовая версия выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/philology> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

С 19.02.2010 журнал включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Каждая рукопись сопровождается внешней рецензией специалиста в исследуемой области, имеющего степень кандидата или доктора наук и не являющегося сотрудником вуза автора. Подпись рецензента заверяется в отделе кадров по месту работы. Авторы, не имеющие ученой степени, представляют, кроме внешней рецензии, отзыв научного руководителя, подписанный и заверенный по месту его работы. В рецензии и отзыве должны быть указаны полностью ФИО, ученая степень, должность, место работы и электронный адрес рецензента. Аспиранты дополнительно представляют официальную справку о сроках обучения в аспирантуре с указанием контактного телефона зав. отделом аспирантуры, подписавшим его документ.

Все три документа с печатями могут присылаться по почте или в сканированном виде отправляться на электронный адрес редакции вместе со статьей. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться следующим текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. **Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника” <http://press.psu.ru/index.php/philology/index>. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов**» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1–6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлегией и главным редактором. Члены международного редакционного совета или редколлегии даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи. В этом случае назначаются три эксперта из состава редколлегии или совета для подготовки обоснованного заключения. В случае отрицательного решения автору рукописи направляется мотивированный отказ от имени редколлегии. Рукопись, сопровождаемая внутренней рецензией, может быть отправлена автору на доработку для устранения замечаний. Срок доработки не ограничен. Статья, не соответствующая требованиям, предъявляемым к публикациям, вторично на доработку не отправляется. Статьи аспирантов, одобренные редколлегией, публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ и со всеми указанными выше документами по электронному адресу langlit2009@mail.ru. Чтобы убедиться в том, что Ваши материалы получены, попросите отправить подтверждение.

Основной текст может быть написан на русском или английском языках.

Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных.

Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 28 (Лаборатория региональной лексикологии и лексикографии, тел. (342)2396795), ауд. 111 (Лаборатория сравнительно-исторических исследований и культурных инноваций, тел. (342)2396290).

Зам. гл. редактора – *Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутимова*, администратор сайта – *Алексей Васильевич Пустовалов*, контент-редактор англоязычной версии сайта – *Екатерина Владимировна Исаева*.

Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Том 10. Выпуск 3 / 2018

Редакторы *Л. А. Богданова, О. И. Кирьянова*
Корректоры *Л. А. Семицетова, Е. В. Шумилова*
Компьютерная верстка: *Л. С. Нечаева*
Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 20.09.2018. Дата выхода в свет 28.09.2018
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 20,69. Тираж 500 экз. Заказ 196



Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в общероссийском каталоге «Пресса России» – 41008

Распространяется бесплатно и по подписке